

## МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

---

Старики любятъ вспоминать былое. Приводя себя на память свое дѣтство, молодость и разные обстоятельства жизни въ зрѣломъ возрастѣ, они могутъ сказать вмѣстѣ съ Пименомъ Пушкина:

„На старости я сѣзнова живу,  
Прошедшее проходить предо мною“...

Но въ этихъ воспоминаніяхъ часто встрѣчается препятствіе: память измѣняетъ старикамъ. Несмотря на то, что я въ молодости одаренъ былъ отличною памятью, теперь, подлѣ 70 лѣтъ, многое изъ бываго начинаетъ исчезать изъ моихъ воспоминаній. Желая сохранить по крайней мѣрѣ то, что еще не успѣло изгладиться, я принимаюсь записывать все, что помню изъ моей жизни, для моихъ потомковъ. Пусть они видятъ, что я, если не успѣлъ ознаменовать жизнь свою чѣмъ нибудь достопамятнымъ, то, по крайней мѣрѣ, не занятнаго безчестіемъ ни могилы моихъ родителей, ни колыбели дѣтей моихъ.

Постараюсь описать въ хронологическомъ порядкѣ: сначала семью, изъ которой происхожу (I), затѣмъ мое дѣтство (II), счастливое отрочество при порогѣ Московской Духовной Академіи (III), юность въ Московскомъ университетѣ (IV), холостую жизнь (V) и, наконецъ, жизнь въ бракѣ до настоящаго времени (VI).

### I.

Прежде нежели говорить о самомъ себѣ, я долженъ познакомить читателей съ семействомъ, изъ котораго я произошелъ, съ тѣми ближайшими родными, которые окружали меня во время моего младенчества.

Дѣдъ мой, отставной бригадиръ графъ Степанъ Ѳеодоровичъ Толстой (род. 6 Апрѣля 1756) былъ человекъ образованный по своему времени: говорилъ на Французскомъ, Нѣмецкомъ и Голландскомъ язы-

кахъ (на послѣднемъ. потому, что былъ когда-то посланъ курьеромъ къ Нидерландскимъ генеральнымъ штатамъ и пробылъ около года въ Гагъ). Послѣ отца своего, графа Ѳеодора Ивановича роднаго внука первому графу Толстому, Петру Андреевичу, онъ получилъ незначительное состояніе, но разбогатѣлъ женитьбою и разными хозяйственными оборотами, въ особенности винокурениими заводами, которыхъ имѣлъ нѣсколько въ Орловской и Симбирской губерніяхъ. Дѣтямъ своимъ онъ старался дать самое лучшее воспитаніе, какое было тогда возможно,—при помощи эмигрантовъ, набѣжавшихъ цѣлыми ордами въ Россію отъ ужасовъ первой Французской революціи. Дѣда, умершаго за нѣсколько лѣтъ до моего рожденія, я, конечно, не могъ знать; но хорошо помню жену его, а мою бабу, графиню Александру Николаевну, рожденную княжну Щербатову. Какъ теперь вижу её—полную, опухлую старушку, въ большомъ бѣломъ чепцѣ и пестрой шали, сидящую въ широкомъ Вольтеровскомъ креслѣ. Передъ ней на столикѣ, окаймленномъ бронзою, Кіевскій молитвенникъ, карты въ футлярѣ для пасьянса и нѣсколько стклянокъ съ лѣкарствами. Подлѣ нея на стулѣ, на мягкой подушкѣ, неподвижно лежала толстѣйшая старая моська «Князь» и съ утра до вечера грызла сахаръ. Бабушка не пользовалась репутаціей умной и образованной женщины, никогда не занималась чтеніемъ и съ трудомъ подписывала свое имя. Она была добродушна и нескупа, но безпечна въ дѣлахъ, отчего богатство дѣда значительно уменьшилось по кончинѣ его, еще прежде раздѣла между сыновьями и дочерьми. А этихъ наслѣдниковъ было немало: кромѣ дѣтей, умершихъ въ младенчествѣ, достигли совершеннолѣтія девять сыновей: Владимиръ, Степанъ, Ѳеодоръ, Михаилъ, Николай, Александръ, Андрей, Всеволодъ и Петръ, и три дочери: Елисавета, Аграфена и Марья. О каждомъ изъ этихъ лицъ надѣюсь упомянуть въ своемъ мѣстѣ, не затрудняя теперь читателей чтеніемъ длинной генеалогіи.

Отецъ мой, графъ Владимиръ Степановичъ, былъ старшимъ въ этой семьѣ. Онъ родился въ Кіевѣ, куда родители его пріѣзжали на богомолье, 28 Марта 1778 года. Дѣдъ ничего не щадилъ для воспитанія своего первенца: главнымъ наставникомъ его съ семилѣтняго возраста былъ ученый аббатъ Эперне (*abbé d'Epernay, docteur en Sorbonne, ci-devant chanoine de Saint Denis*), а по смерти этого старика другой аббатъ—эмигрантъ Вернонъ, изъ числа послѣдователей школы энциклопедистовъ. Насколько первый изъ нихъ могъ быть полезнымъ своему питомцу глубокою ученостью, соединенною съ искреннимъ благочестіемъ, настолько послѣдній былъ вреденъ безбожіемъ и безнравственностью. И то, и другое вліяніе въпослѣдствіи отразилось на отцѣ моемъ. При отличныхъ способностяхъ и необыкновенной любознатель-

ности, онъ учился очень быстро и удивлялъ своихъ сверстниковъ множествомъ свѣдѣній изъ разныхъ наукъ и знаніемъ языковъ: Французскаго, Итальянскаго, Англійскаго, даже Латинскаго и Греческаго. Двухъ послѣднихъ языковъ не зналъ тогда никто, кромѣ семинаристовъ. Замѣчательно, что, обладая классическимъ образованіемъ и эстетическимъ вкусомъ, отецъ мой плохо учился математикѣ и терпѣть не могъ Нѣмецкаго языка. Записанный въ дѣтствѣ, по тогдашнему обычаю, въ Преображенскій полкъ, онъ былъ произведенъ изъ сержантовъ въ прапорщики л. гв. Преображенскаго полка въ концѣ 1796 года, при вступленіи на престолъ Павла 1-го; а во время коронаціи этого государя былъ прикомандированъ, въ числѣ немногихъ офицеровъ гвардіи, знакомыхъ съ нѣсколькими иностранными языками, къ приему иностранныхъ посольствъ, за что награжденъ чиномъ подпоручика. Вскорѣ послѣ того онъ вышелъ въ отставку, когда второй братъ его Степанъ Степановичъ былъ разжалованъ въ солдаты за какую-то дерзость во фронтѣ. Съ того времени началась для отца моего праздная свѣтская жизнь. Красивый, ловкій, умный, онъ имѣлъ большой успѣхъ въ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что слылъ любимымъ сыномъ богача, у котораго каждое Воскресенье былъ вечеръ съ танцами и ужиномъ, иногда на сто чело-вѣкъ и болѣе. Въ 1807 году онъ женился по любви на Прасковѣ Николаевнѣ Сумароковой.

Перехожу теперь къ роднымъ моей матери. Родной дѣдъ ея, капитанъ Андрей Васильевичъ Сумароковъ, очень небогатый помѣщикъ Нерехотскаго уѣзда, былъ женатъ на дочери весьма извѣстнаго въ свое время, Ивана Семеновича Шокурова, и получилъ за нею въ приданое въ томъ же уѣздѣ село Красное-Шокурово съ нѣсколькими деревнями, гдѣ провелъ остатокъ своей жизни, умеръ и погребенъ въ построенной имъ каменной церкви. Объ этомъ селѣ, до сихъ поръ остающемся во владѣніи прямыхъ потомковъ его, мнѣ придется еще нѣсколько разъ говорить въ моихъ воспоминаніяхъ. Прабабка моя, Прасковья Ивановна, была женщина стараго покроя, носила душегрѣйки, повязывала голову платкомъ и не знала грамотъ; въ фамильныхъ бумагахъ сохранился документъ, подписанный, за неумѣніемъ ея грамотъ, земскимъ, крѣпостнымъ ея чело-вѣкомъ.

Послѣ Андрея Васильевича Сумарокова остались дѣти: сыновья Николай и Алексѣй и дочери—Александра, Анна, Елисавета и Аграфена. Родной дядя моей матери, Алексѣй Андреевичъ Сумароковъ, дослужившись въ Семеновскомъ полку до чина гвардіи поручика, вышелъ въ отставку и поселился въ селѣ Луневѣ на красивомъ берегу Волги, въ 10 верстахъ отъ имѣнія брата. Тамъ прожилъ онъ весь вѣкъ старымъ холостякомъ, построивъ себѣ прекрасный домъ и занимаясь

постоянно рыбною ловлею въ Волгѣ, для чего имѣлъ нѣсколько лодокъ, много рыболовныхъ снастей и болѣе 20 рыбаковъ изъ обширной его дворни. Почти всѣ эти рыбаки и многіе другіе изъ числа дворовыхъ были его крестники и звались Алешками № 1, 2 и т. д. Только одинъ камердинеръ удостоенъ былъ имени Алексѣя. Алексѣй Андреевичъ нигда почти не выѣзжалъ, но къ нему ѣздило много сосѣдей. У него былъ отличный столъ, повара выученные въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ и всегда много стерлядей и бѣлорыбицы въ обширныхъ его заводяхъ (искусственныхъ запертыхъ заливахъ). Онъ скончался въ глубокой старости въ Февралѣ 1841 года.

Изъ сестеръ его три: Анна, Елисавета и Аграфена Андреевны дожили вѣкъ свой дѣвцами; только одна старшая Александра Андреевна была замужемъ за майоромъ Аѳанасіемъ Ѳедоровичемъ Тухачевскимъ. Я не засталъ въ живыхъ ни ея, ни ея мужа, но хорошо зналъ трехъ дочерей ихъ, а моихъ двоюродныхъ тетокъ; изъ нихъ старшая Варвара Аѳанасьевна вступила въ бракъ съ капитанъ-лейтенантомъ Степаномъ (отчества не помню) Завязкинымъ, съ которымъ впрочемъ прожила недолго. Плодомъ этого брака были двѣ дочери, о которыхъ буду говорить въ своемъ мѣстѣ. Овдовѣвъ, она вышла замужъ вторично за статскаго совѣтника Василя Алексѣевича Коптева, бывшаго Нерехотскаго городничаго. Дѣтей у нихъ не было. Сестры ея, Марья и Елисавета Аѳанасьевны, умерли дѣвцами. Первая изъ нихъ провела жизнь въ Ростовскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ и скончалась, а вторая оставалась у замужней сестры до конца своей жизни.

Варвара Аѳанасьевна была очень умная и дѣльная женщина; она любила подавать совѣты роднымъ. И хотя нѣкоторые изъ нихъ тяготились этою ея привычкою, но послѣ, навѣрное, должны были жалѣть, что не послушались благонамѣренныхъ и разумныхъ внушеній.

Семейство Сумароковыхъ отличалось необыкновеннымъ согласіемъ и родственною любовью во всѣхъ его членахъ. Младшій братъ и сестры чтили старшаго брата какъ отца и никогда не называли его иначе какъ «батюшка братецъ», а онъ звалъ ихъ по имени и отчеству и говорилъ имъ «ты». Всѣ они были извѣстны благородствомъ души, честными правилами жизни и самою неистощимою благотворительностью. Невозможно перечислить всѣхъ бѣдныхъ дворянъ и дворянокъ, которыхъ они воспитали, опредѣлили на службу или выдали замужъ.

Образцомъ всѣхъ этихъ добродѣтелей былъ глава семьи, родной дѣдъ мой, отставной бригадиръ Николай Андреевичъ Сумароковъ. Честность и прямота его были такъ извѣстны, что къ нему пріѣзжали судиться третейскимъ судомъ не только ближайшіе сосѣди, но и помѣщики отда-

ленныхъ уѣздовъ Костромской губерніи; рѣшенія его въ такихъ случаяхъ исполнялись безпрекословно. Когда, по смерти матери, ему пришлось дѣлить имѣніе съ братомъ и сестрами, они прямо сказали ему: «что вы, батюшка братецъ, намъ пожалуете, тѣмъ и будемъ довольны».

Впослѣдствіи мнѣ случалось слышать отъ нихъ самихъ, что онъ «пожаловалъ» имъ больше, чѣмъ слѣдовало. Состояніе свое онъ увеличилъ женитьбою и неожиданнымъ наслѣдствомъ отъ дальняго родственника. Дѣдушка былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Сергѣевнѣ Долгоруковой, получившей въ приданое около тысячи душъ. Троюродный братъ отца его, оберъ-штабмейстеръ и Андреевскій кавалеръ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ завѣщалъ Николаю Андреевичу, помимо ближайшихъ наслѣдниковъ, жалованное ему имѣніе въ Псковской губерніи. Этотъ Петръ Спиридоновичъ замѣчателенъ по необыкновенному приключенію въ его жизни. Онъ былъ генеральсъ-адъютантомъ при графѣ Павлѣ Ивановичѣ Ягужинскомъ въ то время, когда императоръ Петръ Второй скончался въ Москвѣ, и члены Верховнаго Совѣта рѣшились пригласить Курляндскую герцогиню Анну Іоанновну, съ условіями, ограничивающими ея самодержавіе. Съ этими условіями поѣхали къ ней въ Митаву нѣкоторые изъ верховниковъ, строго запретивъ всѣмъ подъ смертною казнію какія-либо сношенія съ избранной ими новой императрицей, покуда они сами не увидятся съ нею. Но Ягужинскій, желая выслужиться предъ новой государыней, отправилъ къ ней курьеромъ Сумарокова съ письмомъ, въ которомъ совѣтовалъ согласиться на всѣ условія, а послѣ уничтожить ихъ царскою властью. Сумароковъ успѣлъ подать письмо до пріѣзда депутаціи, но, къ несчастію, на обратномъ пути попался на встрѣчу верховникамъ, которые нещадно высѣкли его кнутомъ, еле живаго заковали въ цѣпи и отправили въ Москву, гдѣ въ тоже время былъ арестованъ и покровитель его Ягужинскій. Вскорѣ рушились всѣ замыслы верховниковъ. Императрица Анна осыпала своими милостями Сумарокова, который умѣлъ понравиться и фавориту ея Бирону. Петръ Спиридоновичъ продолжалъ службу въ слѣдующія царствованія: при Екатеринѣ II онъ былъ сенаторомъ, оберъ-штабмейстеромъ и Андреевскимъ кавалеромъ, но осрамилъ свою старость грязнымъ процессомъ съ своей любовницей Анной Гарезиной, у которой хотѣлъ отнять подаренное имъ же самимъ имѣніе и движимость. Гарезина принесла жалобу императрицѣ, и Екатерина II писала въ 1774 году Московскому главнокомандующему князю М. Н. Волконскому: «Желая всякому, не смотря на лицо, доставить правосудіе, поручаю вамъ, напередъ позвавъ къ себѣ Петра Спиридоновича, ему сказать, что если оное дѣло подлинно такъ, какъ Гарезина въ своемъ прошеніи пишетъ, то я удивляюсь, что онъ, въ такомъ

чинѣ и въ такихъ лѣтахъ, не старается паче прекратить сего дѣла, но допустилъ его къ своему безславію до судебныхъ мѣстъ<sup>1)</sup>. Конецъ этого дѣла остался неизвѣстнымъ. П. С. Сумароковъ умеръ 12 Декабря 1780 года.

Слыхалъ я и о другомъ, также дальнемъ родственникѣ моего дѣда, сенаторѣ Павлѣ Ивановичѣ Сумароковѣ, который началъ службу въ одномъ полку съ братомъ дѣдушки, Алексѣемъ Андреевичемъ и, будучи старше его чиномъ, оказывалъ ему покровительство. Впослѣдствіи (кажется около 1820 года) Ал. Андр. имѣлъ случай отблагодарить своего прежняго сослуживца и родственника: онъ ссудилъ Павлу Ивановичу довольно крупную сумму денегъ, когда тотъ находился въ нуждѣ, по увольненіи отъ губернаторской должности въ Новгородѣ. Павелъ Ивановичъ не забылъ этой услуги и когда Ал. Андр. прислалъ въ Петербургъ осиротѣвшаго своего внука Николая (сына дяди Петра Николаевича), для помѣщенія его въ артиллерійское училище, престарѣлый сенаторъ и достойная дочь его дѣвица Марья Павловна, приняли и обласкали мальчика, какъ бы близкаго родственника. Онъ пользовался самымъ радушнымъ вниманіемъ ихъ во время своего ученія въ Петербургѣ.

Брачная жизнь Николая Андреевича Сумарокова продолжалась недолго; супруга его Александра Сергѣевна скончалась отъ чахотки 5 Апрѣля 1797 года, въ самый день Пасхи и коронаціи императора Павла. Кончина ея, по рассказамъ очевидцевъ, была очень трогательна. Вполнѣ чувствуя свое положеніе, она готовилась къ смерти какъ добрая христіанка: наканунѣ причастилась Св. Тайнъ, благословила дѣтей съ твердостію духа, старалась утѣшить мужа, горячо ее любившаго, и сестеръ его, плакавшихъ у ея постели. Раздался первый звонъ пасхальной утрени; осынивъ себя крестнымъ знаменіемъ и сказавъ: «Христосъ воскресъ», она мирно предала духъ свой Богу. У овдовѣвшаго мужа ея осталось пятеро малолѣтнихъ дѣтей: старшей изъ всѣхъ дочери, Прасковья, было девять лѣтъ; сыновья: Сергѣй, Александръ, Андрей и Петръ были еще моложе; послѣдній даже былъ у кормилицы.

Мать моя, Прасковья Николаевна Сумарокова, росла дома подъ надзоромъ тѣтокъ; въ особенности одна изъ нихъ, Елисавета Андреевна вполнѣ замѣняла ей мать и послѣ, по кончинѣ старшаго своего брата, перешла на житіе въ домъ моихъ родителей. Отецъ ея, а мой дѣдушка, не получившій почти никакого образованія, сознавалъ однако необходимость дать возможно лучшее воспитаніе дочери: ее учили Фран-

---

<sup>1)</sup> Памятники новой Русской исторіи, изд. Каширевымъ, т. I, стр. 357.

цузскому, Нѣмецкому и Англійскому языкамъ, Закону Божію; какой-то извѣстный въ то время піанистъ, чуть-ли не Фильдъ, училъ ее музыкѣ, а Йогель—танцамъ. Рано развилась она, и въ 17 лѣтъ слыла одной изъ первыхъ красавицъ въ Москвѣ. Особенно восхищался ея красотой престарѣлый оберъ-камергеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ; онъ увѣрялъ всѣхъ, что такой красавицы, какъ Сумарокова, онъ сроду не видывалъ. Семейства обоихъ моихъ дѣдовъ были въ родствѣ между собою: отецъ моей бабушки, графини Александры Николаевны, князь Николай Осиповичъ Щербатовъ былъ родной братъ княгини Варвары Осиповны Долгоруковой, матери другой моей бабки—Сумароковой. Такимъ образомъ обѣ бабки мои были двоюродными сестрами, а дѣти ихъ находились въ троюродномъ или внучатномъ родствѣ. Когда отецъ мой былъ помолвленъ на моей матери, это родство, въ настоящее время легко разрѣшаемое архіерейскою резолюціей, составляло почти неодолимое препятствіе. Митрополитъ Платонъ, на поданномъ ему прошеніи надписалъ: «не дерзаю разрѣшить столь не позволительнаго и незаконнаго брака». И родная бабушка матери моей, княгиня Варвара Осиповна Долгорукова, не хотѣла благословить внучку, несмотря на всѣ просьбы отца ея. «Съ ума ты сошелъ, батюшка! И невѣста мнѣ внучка, и женихъ внукъ: стану я благословлять такую беззаконную свадьбу!». Несмотря на всѣ эти препятствія, бракъ состоялся; вѣнчаніе происходило въ церкви Тихвинской Богородицы, въ Сущевѣ, 5 Іюля 1807 года. Говорятъ, будто священникъ-старикъ, собиравшійся уже на покой, получилъ тысячу рублей. И во время вѣнчанія не обошлось безъ скандала: какія-то барыни кричали въ церкви, что вѣнчаютъ двоюродныхъ, и другъ моего дѣда, Сумарокова, сенаторъ Василій Ѳеодоровичъ Козловъ, долженъ былъ унимать ихъ и, наконецъ, попросту велѣлъ выгнать изъ церкви. Бракъ, совершившійся при такихъ обстоятельствахъ, не обѣщалъ особеннаго счастья, и дѣйствительно оно было непродолжительно. Новобрачные поселились въ домъ графа Степана Ѳеодоровича, въ третьемъ этажѣ, въ комнатахъ, великолѣпно отдѣланныхъ въ долгъ. Доходовъ было очень мало: отецъ мой получалъ отъ своего отца по тысячѣ рублей въ годъ, а мать моя имѣла только сто душъ съ весьма небольшимъ количествомъ земли въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи и еще 40 душъ въ селѣ Каменкахъ, въ Александровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, съ маленькимъ флигелемъ, въ которомъ и жить было нельзя. Къ сожалѣнію, покойный отецъ мой не умѣлъ отказывать себѣ въ своихъ прихотяхъ: каждый вечеръ игралъ въ клубѣ и любилъ пить Шампанское съ пріятелями. Долги росли ежедневно. Менѣе нежели черезъ годъ послѣ свадьбы, мать моя прежде времени родила мертваго младенца. За этимъ

выкидышемъ послѣдовали еще три сряду, несмотря на попеченіе знаменитыхъ въ то время врачей, Вильгельма Михайловича Рихтера и доктора моей бабушки, Пфеллера. Бѣдная молодая родильница нѣсколько разъ была при смерти. При тяжкихъ болѣзняхъ ей суждено было испытать сильное горе и притомъ еще не одинъ разъ.

Въ Февралѣ 1809 года скончался дѣдъ мой, графъ Степанъ Ѳеодоровичъ и, по завѣщанію его, погребенъ въ Задонскѣ, возлѣ могилы преосв. Тихона, чтимаго нынѣ въ ликѣ святыхъ. Дѣдушка зналъ великаго святителя при жизни его, пользовался его наставленіями и глубоко чтилъ его память. Похоронныя хлопоты, въ Москвѣ, поручены были другому моему дѣду, Сумарокову. Бабушка, отдавая ему ключи отъ сундука, сказала: «Отецъ ты мой, Николай Андреевичъ, похлопочи Бога ради, денегъ не жалѣй, возьми сколько надобно, только чтобы все было прилично». Послѣ я слышалъ, что похороны дѣда, вмѣстѣ съ доставленіемъ тѣла его въ Задонскъ, стоили не болѣе трехъ тысячъ рублей. Мать моя лежала тогда въ постелѣ послѣ перваго выкидыша, но слышала все надгробное пѣніе, потому что тѣло ея свекра лежало въ залѣ подъ ея спальнею. Когда она нѣсколько поправилась, то съ отцомъ моимъ переѣхала на Прѣсню, въ деревянный домъ, подаренный имъ отцемъ моей матери, и вскорѣ послѣ того они поѣхали на лѣто въ село Красное, о которомъ упоминалъ я прежде.

Здѣсь случилось страшное несчастіе. Братья моей матери были въ гостяхъ за нѣсколько верстъ отъ Краснаго, у дяди своего Алексѣя Андреевича, и во время отдыха его послѣ обѣда поѣхали кататься на лодкѣ по Волгѣ. Отъ какой-то неосторожности лодка опрокинулась, и трое юношей потонули. Едва успѣли спасти младшаго изъ нихъ, Петра Николаевича, 14-лѣтняго мальчика. Двое старшихъ—Сергѣй 21 года и Александръ 19 лѣтъ были уже на службѣ въ Московскомъ Архивѣ Иностранной Коллегіи; третьему, Андрею, было 17 лѣтъ. Тѣла ихъ отысканы на другой день далеко отъ мѣста, гдѣ они погибли, и погребены въ селѣ Блазновѣ, принадлежавшемъ дядѣ ихъ.

Не берусь описывать горести отца, внезапно потерявшаго трехъ взрослыхъ сыновей; но, какъ истинный христіанинъ, онъ перенесъ это несчастіе съ примѣрною твердостью: никто не слыхалъ отъ него ропота; нѣсколько дней и ночей онъ провелъ почти въ непрерывной молитвѣ. Но окружающіе его замѣтили, что послѣ того онъ никогда не произносилъ именъ утонувшихъ сыновей и не бывалъ въ усадьбѣ своего брата, гдѣ совершилась эта ужасная катастрофа.

Не могу умолчать о томъ, что предстоявшее горе было ему предсказано за нѣсколько лѣтъ. Сестры его, постоянно жившія въ домѣ старшаго своего брата, имѣли обыкновеніе ѣздить ежегодно въ Суздаль

для поклоненія св. мощамъ и для посѣщенія одной юродивой, которую онѣ очень почитали. Эта юродивая, по имени Марѳа Яковлевна, имѣла даръ прозорливости, и многія предсказанія ея сбывались. Въ 1804 году дѣдушка вздумалъ поѣхать въ Суздаль вѣстѣ съ бабушками, но не пошелъ съ ними къ Марѣѣ Яковлевнѣ, потому что не любилъ юродивыхъ и боялся всякихъ предсказаній. Увидѣвъ сестеръ его, блаженная тотчасъ же сказала имъ: «Отчего же братецъ вашъ ко мнѣ не пожаловалъ? Грѣшной Марѣушѣ непременно надо его видѣть». По такому усиленному приглашенію Николай Андреевичъ пошелъ къ ней и услышалъ такія рѣчи: «Всякое добро отъ Бога, и всякое горе отъ Бога, намъ на пользу, на очищеніе грѣховъ. И ты, голубчикъ Николай Андреевичъ, въ горѣ не ропщи на Бога, а молись и предавайся въ Его святую волю». Дѣдушка отвѣчалъ ей, что у него, по милости Божіей, нѣтъ горя. «Коли нѣтъ», сказала она, «такъ Бога благодари; а когда придетъ горе, вспомни про слова грѣшной Марѣуши. Скажи тогда: «Богъ далъ, Богъ и взялъ». Думаю, что слова юродивой праведницы припомнились въ свое время несчастному отцу.

Твердая душа старика перенесла горе, но тѣло не выдержало. Онъ ослабѣвалъ съ каждымъ днемъ, и съ наступленіемъ весны легкая повидимому простудная болѣзнь свела его въ могилу. Онъ скончался 4 Мая 1810 года; тѣло его погребено въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ одной могилѣ съ женой его и рядомъ съ могилами родныхъ ея, Долгоруковыхъ. Преосвященный Августинъ, тогда еще викарій Московскій, совершавшій отпѣваніе надъ его тѣломъ, говорилъ послѣ того своимъ знакомымъ: «вчера была память многострадательнаго Іова, и я отпѣвалъ Іова; по имени онъ былъ Николай, а по житію Іовъ».

Послѣ внезапной смерти сыновей своихъ, дѣдушка былъ очень озабоченъ судьбою дочери. Хотя она получила законную часть изъ имѣнія отца и матери, и при четырехъ братьяхъ эта часть казалась достаточною; но теперь, когда остался одинъ только братъ, наслѣдникъ всего имѣнія не только послѣ отца и матери, по и послѣ дяди и тетокъ—отецъ не могъ не чувствовать, что любимая дочь его награждена очень мало. Онъ часто говорилъ объ этомъ съ сестрами и внушалъ сыну, чтобы онъ, когда вступить въ совершеннолѣтіе, отдалъ сестрѣ не менѣе 200 душъ изъ Ярославскаго материнскаго имѣнія. Это и было исполнено тотчасъ же по кончинѣ дѣдушки: мать моя получила 240 душъ въ Мышкинскомъ уѣздѣ и съ того времени постоянно пользовалась доходами; но купчая на это имѣніе выдана гораздо позднѣе, частью потому, что братъ ея еще не былъ совершеннолѣтнимъ, а частью по неимѣнію денегъ на совершеніе акта. Мать моя, какъ вполне отдѣленная дочь, не имѣла никакого права на полученіе новаго наслѣд-

ства; оно было для нея подаркомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ наслѣдственнаго благородства и безкорыстія Сумароковыхъ, въ лицѣ 15-лѣтняго отрока Петра Николаевича. Впрочемъ, она лежала тогда въ постели при смерти послѣ выкидыша, нравственно убитая смертью братьевъ и особенно отца. Мало-по-малу она выздоровѣла, а доходы съ новаго имѣнія дали возможность раздѣлаться съ частію долговъ.

Прошло два года; родители мои продолжали жить зимою въ Москвѣ въ своемъ Прѣсенскомъ домѣ, а лѣтомъ въ принадлежавшей дядѣ Петру Николаевичу деревнѣ Подвязновѣ, близъ села Рахманова, по Троицкой дорогѣ. Въ то же время понемногу отстраивали они свою усадьбу въ Каменкахъ.

Въ концѣ лѣта 1811 года мать моя сдѣлалась беременною; по счастію былъ приглашенъ къ ней опытный и внимательный докторъ, профессоръ акушерства въ медико-хирургической академіи, Гавріилъ Петровичъ Поповъ. Несмотря на крайнюю слабость, она 23 Мая 1812 года благополучно родила сына, живущаго до сихъ поръ и пишущаго эти строки. По обѣщанію родителей дать младенцу имя того святаго, въ день памяти котораго онъ явится на свѣтъ, я былъ названъ Михайломъ. Восприемниками при крещеніи были: дядя Сумароковъ съ моею бабушкой, графиней Александрой Николаевной, и другой дядя, также несовершеннолѣтній, графъ Петръ Степановичъ съ теткой моей матери, Елисаветой Андреевной Сумароковой. Въ дѣтствѣ я слыхалъ, что бабушка пріѣзжала на крестины въ золоченой каретѣ цугомъ въ шесть лошадей съ двумя лакеями и арапомъ на запяткахъ; родильницѣ она положила подъ подушку двѣ тысячи рублей полуимперіалами.

## II.

Мое рожденіе было первою радостью для моей матери послѣ многихъ горестей, слѣдовавшихъ одна за другой; но не долго пришлось ей радоваться: новая бѣда была впереди. Въ Іюлѣ родители мои поѣхали и повезли съ собою новорожденнаго младенца съ кормилицей (взятой изъ той же деревни Подвязнова) въ село Красное къ Сумароковымъ. Война съ Наполеономъ уже началась, но никто не воображалъ тогда, что Французы могли завладѣть Москвою. Все имущество моихъ родителей, даже серебро и шубы, оставалось въ городѣ, подъ надзоромъ надежнаго человѣка, и все это было расхищено. На мѣстѣ дома осталась только груда пепла.

Въ Костромской губерніи, какъ и въ другихъ, составилось ополченіе, въ которомъ отецъ мой принялъ должность адъютанта. Но оно

образовалось такъ поздно и такъ медленно, что успѣло дойти только до Ярославля и тамъ, за ненадобностью, было распущено по домамъ.

Всю эту зиму мы прожили въ Красномъ, а весною 1813 года поселились на жительство въ Каменкахъ, гдѣ продолжали необходимыя постройки. Бабушка прислала «на погорѣлое мѣсто», какъ писала она, еще двѣ тысячи рублей. Кстати о бабушкѣ. Она за нѣсколько дней до входа Французовъ въ Москву успѣла уѣхать въ Симбирское имѣніе и тамъ прожила до зимы. У нея сгорѣлъ большой каменный домъ на Солянкѣ, оставшійся послѣ дѣда, и все бывшее въ немъ имущество; въ томъ числѣ пропали груды мѣдныхъ денегъ въ погребахъ—остатки прежнихъ откупныхъ доходовъ. Къ этому времени относится одно замѣчательное происшествіе въ семействѣ бабушки. По слабости характера она была постоянно подъ вліяніемъ второй своей дочери, графини Аграфены Степановны, оставшейся на всю жизнь дѣвицею по уродливости тѣлосложенія (у ней было два большихъ горба спереди и сзади), но очень умной и еще болѣе хитрой; она имѣла необыкновенное искусство подводить подъ гнѣвъ матери братьевъ и сестеръ, если сама была ими недовольна. На этотъ разъ, по ея же милости, былъ выгнанъ изъ дому и даже проклятъ матерью одинъ изъ ея сыновей, графъ Ѳеодоръ Степановичъ, отставной гвардіи поручикъ. При началѣ войны онъ снова опредѣлился на службу и пріѣзжалъ передъ походомъ просить прощенія у матери, но мать не пустила его на глаза и не хотѣла благословить. Въ одинъ зимній вечеръ, когда бабушка жила въ Симбирской своей деревнѣ, Аграфена Степановна вдругъ страшно вскрикнула и упала безъ памяти. Когда привели ее въ чувство, узнали, что передъ нею наяву показался братъ ея Ѳеодоръ и погрозилъ ей пальцемъ. Впослѣдствіи получено извѣстіе, что онъ умеръ отъ горячки на походѣ, въ Могилевской губерніи, въ тотъ самый день и часъ, когда явился сестрѣ. Впечатлѣніе ужаса было въ ней такъ сильно, что послѣ того во всю жизнь свою она не могла спать одна въ комнатѣ и часто вскрикивала во снѣ.

Три года безвыѣздно прожили мы въ Каменкахъ; только отецъ мой ѣздилъ иногда въ Москву на нѣсколько дней. Случалось ли въ это время что-либо замѣчательное съ моими родителями или нѣтъ, я, конечно, не могъ помнить; но о слѣдующемъ случаѣ такъ много рассказывали въ моемъ дѣтствѣ, что онъ живо сохранился въ моей памяти. У матери моей было приготовлено 1000 рубл. асс. для уплаты процентовъ за имѣніе въ Сохранную Казну; срокъ платежа уже наступилъ, и отецъ собирался ѣхать съ этими деньгами въ Москву. Вдругъ деньги пропали. Первое подозрѣніе пало на горничную моей матери дѣвушку Дарью, потому что шкатулка съ деньгами стояла въ спальнѣ подъ кро-

вату. Приводили всѣхъ людей къ присягѣ; виновный не оказался. Тогда люди, служившіе въ домѣ, стали просить позволенія идти въ ближнее село Опарино къ кузнецу-колдуну, по прозванію Вахрулѣ. Отправилось шесть человѣкъ; изъ нихъ одинъ, дворецкій Петръ Львовъ, пошелъ прямо къ колдуну и просилъ указать вора, а прочіе остались на лужкѣ, не доходя до Опарина. Колдунъ сказалъ ему: «укралъ деньги человѣкъ бѣлокурый, кудрявый; онъ теперь курить трубку и хохочетъ». По этимъ признакамъ заподозрѣнъ камердинеръ отца, крѣпостной человѣкъ бабушки, по имени Илья; но отецъ не хотѣлъ вѣрить, считая его честнымъ и усерднымъ. Однако нужно было какъ нибудь достать денегъ, и мать моя рѣшилась ѣхать въ с. Богородское, въ 12 вер. отъ Каменокъ, къ своему родному дядѣ по матери, князю Никитѣ Сергѣевичу Долгорукову и просить у него 1000 рубл. взаймы. Онъ далъ охотно, и отецъ мой собрался ѣхать въ Москву, а накануне отъѣзда рѣшился допросить Илью. «Завтра я ѣду въ Москву», сказалъ онъ, «и беру тебя съ собою, чтобы оставить у матушки. Всѣ тебя подозрѣваютъ, и колдунъ указалъ на тебя слишкомъ ясно. Лучше признайся. Если ты признаешься, даю тебѣ честное слово, что матушка ничего не узнаетъ; а если не признаешься, то все расскажу ей, и она навѣрное прикажетъ отдать тебя въ солдаты». Илья упалъ въ ноги, признался и возвратилъ 1000 рубл., спрятанные имъ на чердакѣ. На другой день отецъ поѣхалъ въ Москву, оставилъ Илью у бабушки, но ни слова не сказалъ о кражѣ. Воръ скоро попался въ другой кражѣ, въ Москвѣ, и отданъ въ солдаты. Мать моя, между тѣмъ, повезла деньги обратно къ дядѣ, но онъ не взялъ ихъ и подарилъ ей, сказавъ: «не люблю давать денегъ взаймы, но если далъ, назадъ не беру».

Замѣчаю, что до сихъ поръ я ни слова не сказалъ о семействѣ Долгоруковыхъ, родственномъ моей матери. Родной дѣдъ ея, Сергѣй Никитичъ Долгоруковъ былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Осиповнѣ Щербатовой. Онъ былъ очень богатъ, едва ли не богаче всѣхъ современныхъ ему Долгоруковыхъ; потому что имѣнія, доставшіяся ему отъ отца, не подверглись конфискаціи при императрицѣ Аннѣ: Онъ умеръ около 1796 года. У него былъ одинъ только сынъ, князь Никита, и четыре дочери. Изъ нихъ княжна Александра была женою моего дѣда—Сумарокова; Марья вышла замужъ за Московскаго оберъ-полицеймейстера, впоследствии Костромскаго губернатора Бориса Петровича Островскаго; княжна Елисавета была за генераль-маіоромъ Текутьевымъ, и княжна Анна—за полковникомъ Желябужскимъ. Каждая изъ нихъ получила по 1.000 душъ и оставила по себѣ многочисленное потомство. Затѣмъ у брата ихъ осталось еще болѣе 6000 душъ въ разныхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ около 1.500 въ Александровскомъ уѣздѣ, съ

двумя селами—Опаринымъ и Богородскимъ. Въ послѣднемъ онъ жилъ всегда лѣтомъ съ своей семьей, состоявшей изъ жены, княгини Екатерины Гавриловны, дочери извѣстнаго князя Гавріила Петровича Гагарина, и двумя дѣтьми: кн. Сергіемъ (род. въ 1810 г.) и княжной Варварой (род. 16 Іюня 1812). Мать его жила вмѣстѣ съ сыномъ и держала его въ строгой подчиненности. Подарокъ его моей матери былъ неслыханной рѣдкостью; при-этомъ онъ сказалъ ей: «Бога ради, не говори магушкѣ; боюсь, что она изволитъ прогнѣваться». Вообще князь Никита Сергѣевичъ, человекъ очень ограниченаго ума, робкій и застѣнчивый, не любилъ помогать роднымъ, въ числѣ которыхъ было не мало бѣдныхъ; но охотно строилъ церкви въ своихъ имѣніяхъ, снабжалъ ихъ капиталами, не жалѣлъ денегъ для монастырей и богадѣленъ.

Село Опарино, съ великолѣпнымъ храмомъ, въ которомъ погребены храмоздатели—дѣдъ и бабка моей матери—Долгоруковы, стоитъ напротивъ нашего Каменскаго дома и очень хорошо видно изъ оконъ. Въ дѣтствѣ моемъ тамошняя церковь казалась мнѣ чудомъ искусства.

Нужно кстати сказать нѣсколько словъ объ Опаринскомъ колдунѣ Вахрулѣ. Онъ выкупился на волю, поступилъ въ Троицкую Лавру, тамъ постриженъ съ именемъ Варлаама и умеръ около 1830 года. Монахи рассказывали, что онъ страшно мучился въ послѣдніе часы и видѣлъ будто-бы діаволовъ, окружавшихъ его постелю. Живя въ Посадѣ, я пыталъ спрашивать его, какъ могъ онъ разгадать покражу, но онъ не сказалъ мнѣ ни слова.

Въ концѣ 1815 года новая беременность моей матери заставила насъ переселиться въ Москву. Нанятъ былъ домъ Римскаго-Корсакова, рядомъ съ которымъ стоитъ теперь Земледѣльческая школа, на Смоленскомъ бульварѣ. Здѣсь 24 Января 1816 года родилась сестра моя Александра. Мнѣ кажется, что я какъ будто помню это время, хотя мнѣ не было еще 4-хъ лѣтъ. Помню, что тогда игралъ я карикатурами на «Бонапарта, изверга челоуѣчества, Корсиканскаго кровопійцу» и пр.: такова была ненависть къ Наполеону, послѣ недавняго нашествія его на Россію. Были у меня азбучныя карточки съ карикатурами на каждую букву: такъ подъ буквою *В* Французскіе солдаты ѣли и похваливали воронье мясо; а подъ буквою *З* былъ представленъ Наполеонъ, ведущій на помочахъ сына, а впереди бѣгущій заяцъ. Подписъ подъ карточкой:

„Гуляй, мой милый сынъ, будь истый Корсиканецъ:

Будь золь, какъ чортъ; будь подлъ, какъ я, и трусь какъ заяцъ.“

На другихъ карточкахъ были портреты сподвижниковъ Наполеона въ такомъ порядкѣ: Сулъть, Талейранъ, Даву, Ожеро, Савари, Викторъ,

*Ней.* При складкѣ ихъ, выходила надпись: Стадо Свиней.—Были и другія складныя карточки, въ которыхъ къ туловищу Наполеона прикладывались разныя головы: тигра, осла, бѣса и т. д. Еще помню деревянные куклы, изображавшія «злѣдѣя Бонапарта» въ такомъ же безобразно-смѣшномъ видѣ. Немного позднѣе, я рассказывалъ наизусть цѣлую повѣсть въ стихахъ о 1812 годѣ (кажется сочиненную Грамматинымъ и ходившую по рукамъ въ рукописи). И теперь еще помню нѣсколько отрывковъ. Вотъ напр. донесеніе Кутузова Государю о сдачѣ Москвы:

„Охъ ты гой еси, славный Русскій Царь,  
Отворить вели храмы Божіи,  
Храмы свѣтлыя, златоглавыя;  
Совершать вели въ нихъ моленія  
Ко Царю царей, Вседержителю,  
Чтобъ помиловалъ Онъ твой столичный градъ,  
До конца на насъ не прогнѣвался.  
Нечестивый врагъ, Бонапартъ-злѣдѣй  
Овладевае Москвою, нашей матушкой;  
Овладевае, злѣдѣй, и зоритъ въ конецъ:  
Ограбляетъ онъ храмы Божіи  
И ругается надъ святынею.  
Ровно на сто веретъ ало зарево  
Разстилается по синю небу....

А вотъ еще о пребываніи непріятельскихъ войскъ въ Москвѣ:

„И спалилъ злѣдѣй каменну Москву,  
И взалкалъ, злѣдѣй, какъ голодный волкъ,  
Что попался онъ въ сѣть разставленну.  
Тошно стало жить въ Каменной ему.  
Помянулъ Парижъ, добрый городъ свой:  
Тамъ онъ кушалъ все яствы сахарны,  
Здѣсь онъ кушаетъ сухари сухи,  
Да и тѣ гнилы, размоча въ водѣ,  
Да и тѣ съ бою доставать пришлось,  
Да и тѣхъ кусать ему нечего.  
На разбой кого ни пошлетъ злѣдѣй,  
Никולי никто не воротится:  
Въ землю всѣ кладутъ буйны головы.  
Мрѣтъ, разбойникъ онъ, смертью гладною.  
Всѣхъ воронъ, собакъ переѣлъ въ Москвѣ,  
Падаль всякую принялся онъ жрать.  
Не похожъ совсѣмъ на живаго сталь,  
Блѣдень, тощъ, какъ стѣнь, чуть шатается.“

Вотъ понятія объ отечественной войнѣ, съ какими росло наше поколѣніе!

Весною 1818 года мы опять изъ Каменокъ пріѣхали въ Москву въ началѣ Марта, а 17 Апрѣля пушечныя выстрѣлы возвѣстили рож-

деніе царственнаго младенца. Москва ликовала, и вслѣдъ за нею вся Россія. Казалось, что Россія предчувствовала въ немъ свою славу и счастье, предчувствовала Освободителя своего народа и Заступника угнетенныхъ единовѣрныхъ намъ племенъ. А у меня, кромѣ общей радости, была своя особенная: двоюродный дядя отца моего, графъ Ѳеодоръ Андреевичъ Толстой, чрезъ зятя своего, Арсенія Андреевича Закревскаго (впослѣдствіи графа и Московскаго военнаго генералъ-губернатора) выхлопоталъ мнѣ производство въ пажи. Вся мундирная форма для меня поспѣла ко времени крещенія новорожденнаго Великаго Князя Александра Николаевича, и я въ новомъ нарядѣ стоялъ въ этотъ день, вмѣстѣ съ моимъ пріятелемъ и ровесникомъ Николаемъ Линдфорсомъ (сыномъ генерала, убитаго въ Бородинской битвѣ) у дверей залы изъ Николаевскаго дворца въ церковь Чудова монастыря. Мимо насъ прошла императрица Марія Ѳеодоровна,

Скиптродержавныхъ Мать Сыновъ,  
Благая Мать сиротъ и вдовъ;

а вслѣдъ за нею статсъ-дама (если не ошибаюсь, княгиня Ливенъ) пронесла на подушкѣ Августѣйшаго младенца. Величественная фигура вдовствующей государыни и привѣтливая, милостивая улыбка ея при взглядѣ на насъ, двухъ малютокъ-пажей, сохранились навсегда въ моей памяти.

Въ этотъ пріѣздъ мы нанимали домъ Протопопова въ Толстовскомъ переулкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома бабушки, купленнаго ею за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ и давашаго свое имя переулку. Здѣсь родился братъ мой Николай. Онъ прожилъ только 3 года. Это время мнѣ очень памятно; я часто бывалъ у бабушки. Она очень ласкала и баловала меня. Съ нею жилъ тогда младшій ея сынъ, графъ Петръ Степановичъ и двѣ дочери: графиня Елисавета Степановна, уже овдовѣвшая послѣ брака съ графомъ Григоріемъ Сергѣевичемъ Салтыковымъ, и описанная выше графиня Аграфена Степановна. Младшая изъ тетокъ моихъ Марья Степановна незадолго передъ тѣмъ вышла замужъ за отставнаго полковника, Василья Алексѣевича Толстаго и жила въ Калужской губерніи.

Остальные члены семьи Толстыхъ по смерти отца разбрелись въ разныя стороны: гр. Степанъ Степановичъ, разжалованный при Павлѣ и прослужившій нѣсколько лѣтъ солдатомъ, сошелъ съ ума и отвезенъ на жительство въ деревню; Ѳеодоръ и Всеволодъ Степановичи умерли во время войны; Александръ Степановичъ, женатый на Марьѣ Ивановнѣ Головиной, имѣлъ уже двоихъ дѣтей и служилъ въ Петербургѣ въ Сенатѣ; Николай Степановичъ былъ женатъ на Екатериинѣ Алексѣевнѣ

Спиридовой, дочери извѣстнаго адмирала, и жилъ у тестя въ Ревелѣ; Михаилъ Степановичъ женился на дѣвушкѣ простаго званія, противъ воли матери, и былъ у нея подъ гнѣвомъ; Андрей Степановичъ служилъ въ гусарахъ. Нѣкоторые изъ дядей моихъ (кто именно, не помню) были тогда въ Москвѣ. Всѣмъ имъ, начиная съ отца моего, очень хотѣлось приступить къ раздѣлу имѣнія, оставшагося послѣ отца ихъ и находившагося въ завѣдываніи матери или, лучше сказать, сестрицы ихъ Аграфены Степановны, а ей этого вовсе не хотѣлось. По ея внушеніямъ, бабушка долго не соглашалась, ссылаясь на несовершеннолѣтіе младшаго сына и на сумасшествіе Степана Степановича. Сверхъ того и сами наслѣдники, вовсе недружные между собою, ни въ чемъ не могли согласиться. Не ранѣе какъ къ концу 1818 года состоялся полюбовный, ко при посредствѣ повѣренныхъ, раздѣлъ, по которому отецъ мой получилъ половину очень хорошаго имѣнія въ Малоархангельскомъ уѣздѣ; другая половина того же самага имѣнія досталась брату его Александру.

Пріятное извѣстіе объ окончаніи раздѣла отецъ мой получилъ, живя по прежнему въ Каменкахъ, въ домѣ только что оконченномъ постройкою. Этотъ домъ въ своемъ родѣ былъ замѣчателенъ; теперь едва ли можно найти такой, гдѣ бы то ни было. Онъ весь состоялъ изъ разныхъ пристроекъ, какъ будто прилѣпленныхъ къ небольшому старому дому съ разныхъ сторонъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ былъ въ два этажа, а въ другихъ—въ одинъ. Комнаты были большія, но невысокія; окна маленькія, въ шесть стеколъ. На одномъ концѣ дома были двѣ дѣтскія; на другомъ концѣ очень большая комната—библіотека во всю ширину дома съ Итальянскими окнами и стеклянными дверями и балконами на обѣ стороны; одинъ изъ нихъ выходилъ въ садъ, а другой—на дворъ. За библіотекою, наполненною множествомъ книгъ въ четырехъ огромныхъ шкафахъ, была цвѣточная оранжерея. Изъ двухъ мезониновъ, каждый по четыре комнаты; въ одномъ жилъ отецъ мой, а въ другомъ бабушка Елисавета Андреевна и при ней я, пока не перешелъ еще съ женскихъ рукъ на мужскія.

По страстной любви покойнаго отца моего къ ботаникѣ и садоводству, въ саду нашемъ и оранжереѣ было множество прекрасныхъ цвѣтовъ. Кромѣ того были еще двѣ оранжереи—виноградная и ананасная. Расходы на этотъ предметъ были довольно велики, и долги снова начали возрастать съ каждымъ годомъ.

За садомъ стояла небольшая деревянная, очень ветхая церковь, освященная по благословенію патріарха Іоакима въ 1691 году, въ честь явленія Казанской иконы Божіей Матери. Храмовая икона читается какъ чудотворная, и въ то время богомольцы, по пути къ Троицѣ, заходили

толпами въ Каменки служить молебны, несмотря на то, что часто не могли добиться входа въ церковь отъ неисправнаго священника, Павла Абрамова. Не стану исчислять здѣсь всѣхъ неприличныхъ его поступковъ; скажу только, что во всю жизнь мою не видалъ священника менѣе достойнаго своего сана. Послѣ неоднократныхъ жалобъ отъ прихожанъ спархiальное начальство перевело его въ другой уѣздъ, а на мѣсто его поступилъ зять его изъ окончившихъ курсъ во Владимирской семинаріи, о. Назарій Добронравовъ, весьма кроткій, трезвый и безкорыстный. Впрочемъ онъ пробылъ у насъ недолго, тяготился земледѣльческими работами и перешелъ въ полковые священники. Послѣ него, въ 1827 году, поступилъ въ Каменки изъ села Кучекъ священникъ Алексѣй Ивановичъ Минервинъ. О немъ буду я говорить послѣ.

Возвращаясь къ счастливому моему дѣтству. Прелестный нашъ садъ, укромный, гдѣ я игралъ въ лѣтнее время, подъ густыми липами, и еще бабушкины канарейки были первымъ моимъ наслажденіемъ, лучше всякихъ игрушекъ. Чтò можетъ быть краше и милѣе золотого дѣтскаго возраста, не стѣсненнаго никакими заботами, ни даже заботою объ урокахъ! Впрочемъ и въ это время я кой-что уже зналъ и кой-чему учился, только не испытывалъ еще труда и безпокойства отъ срочныхъ уроковъ. Когда выучился я читать и писать—не помню; этому научила меня мать моя очень рано; она же выучила меня читать и говорить по-французски. А отецъ, страстно меня любившій, часто по вечерамъ рассказывалъ мнѣ цѣлыя повѣсти изъ Русской исторіи, изъ міѳологіи, изъ исторіи Троянской войны. Память была у меня отличная; все слышанное сохранялось въ ней слово въ слово. Онъ читалъ мнѣ стихи, и я, прослушавши ихъ два или три раза, зналъ ихъ наизусть. Такъ выучилъ я балладу «Людмила» Жуковского; «Прощаніе Гектора съ Андромахой» Карамзина и много другихъ Русскихъ пьесъ; а на Французскомъ нѣсколько сценъ изъ «Геоогіи и Федры» Расина. Такъ продолжалось года два, пока не наняли мнѣ учителя.

Въ томъ же 1818 году, если не ошибаюсь, а можетъ быть еще ранѣе, ѣздили мы всей семьей въ с. Красное къ Сумароковымъ. Мы ночевали въ Ростовѣ, и въ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ случилось мнѣ видѣть отца Амфилохія. Я былъ еще очень малъ, а блаженный старецъ стоялъ уже на порогѣ вѣчности (+1824.) Онъ родился въ 1740 году въ Ростовѣ, гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ, а дѣдъ, священникъ с. Порѣчья, принялъ рукоположеніе отъ св. митрополита Димитрія: благословеніе святителя дѣду излилось и на внука его. Въ званіи причетника, а позднѣе діакона, онъ отличался кротостью, искреннимъ благочестіемъ и строгостію жизни. Какъ искусный иконописецъ, онъ находился въ числѣ художниковъ, возобновлявшихъ стѣно-

писаніе Московскихъ соборовъ въ 1770 году, по волѣ Екатерины II. Вскорѣ послѣ того, овдовѣвъ, онъ принялъ монашество и удостоенъ священства. Съ 1780 года началось 40-лѣтнее служеніе о. Амфилохія въ должности гробоваго старца при ракъ св. Димитрія. Слава, слѣдующая за смиреніемъ, подобно тѣни, вскорѣ сдѣлала его извѣстнымъ не только жителямъ Ростова и окружныхъ мѣстъ, но и богомольцамъ изъ всѣхъ краевъ Россіи, и многія знатныя особы считали себѣ за счастье быть духовными дѣтьми его. Въ числѣ ихъ была и графиня А. А. Орлова Чесменская. Самъ императоръ Александръ I обратилъ вниманіе на смиреннаго старца, украсилъ грудь его драгоценнымъ наперснымъ крестомъ и удостоилъ своимъ посѣщеніемъ его келью.

Подведя меня къ старцу, стоявшему у раки св. Димитрія, мать моя просила его дать мнѣ наставленіе; старецъ позвалъ всю нашу семью къ себѣ въ келью. Здѣсь онъ довольно долго говорилъ съ моими родителями, но я не вполне понялъ слова его и позабылъ ихъ; замѣтилъ только, что мать моя плакала, слушая о. Амфилохія. Потомъ онъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ: «умѣешь ли читать, знаешь ли заповѣди?» Читать я умѣлъ, но заповѣди зналъ не твердо. «Помни пока первую и пятую заповѣди: молись Богу усердно и почитай родителей. Читай чаще житія святыхъ: много добраго узнаешь, а чего не поймешь, проси, чтобы тебѣ объяснили». Эти слова неученаго, но богоугоднаго и прозорливаго старца глубоко врѣзались въ моей памяти. Съ того времени я сталъ охотно читать сначала небольшіе рассказы изъ книги Мансветова: «Училище благочестія», а потомъ и самую «Четь-Минею». Любовь къ чтенію житій святыхъ, особенно Русскихъ, осталась во мнѣ навсегда.

Слѣдующій 1819 годъ ознаменованъ былъ въ нашемъ родствѣ свадьбами двухъ моихъ дядей: Петръ Николаевичъ Сумароковъ женился на княжнѣ Прасковѣ Дмитріевнѣ Черкасской, дочери своего сосѣда по имѣнію, князя Дмитрія Александровича, а графъ Петръ Степановичъ Толстой—на Елисаветѣ Васильевнѣ Ильиной. На первую изъ этихъ свадебъ ѣздили въ Костромскую губернію отецъ мой и бабушка Елисавета Андреевна. За свадебнымъ годомъ слѣдовалъ годъ похоронный: на Свѣтлой недѣлѣ скончалась моя прабабка, княгиня Варвара Осиповна Долгорукова, на 88 году отъ роду, а 10 Мая—бабушка моя, графиня Александра Николаевна. Тѣло первой изъ нихъ привезено для погребенія въ село Опарино; а послѣдняя погребена подлѣ родныхъ своихъ Щербатовыхъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ. О прабабкѣ я не жалѣлъ, потому что никогда не видалъ ни ласки, ни гостинца отъ этой скупой и холодной старухи. А бабушки мнѣ было очень жалъ, и я горько объ ней плакалъ.

Въ этомъ же 1820 году настало для меня время настоящаго ученя, но нѣсколько лѣтъ сряду мнѣ не было счастья въ учителяхъ. Первымъ отъ нихъ былъ кандидатъ Московскаго университета, бывшій учитель Костромской гимназіи, Петръ Ивановичъ Красильниковъ. Родные мои Сумароковы знали его съ 1812 года, когда онъ, еще будучи студентомъ, пріютился у нихъ въ селѣ Красномъ въ числѣ многихъ бѣглецовъ изъ Москвы. Одна изъ моихъ бабушекъ, Сумароковыхъ, Анна Андреевна, очень строгая и рѣзкая на языкъ, пожилая дѣвица, называла его въ то время «дрянь-человѣкъ». Послѣ, сдѣлавшись учителемъ въ Костромѣ, онъ бывалъ у нихъ довольно часто и даже училъ математикѣ дядю Петра Николаевича. Нельзя было назвать его дурнымъ или злымъ человѣкомъ; но онъ былъ всегда мраченъ, недовѣрчивъ и суровъ. Меня онъ очень полюбилъ, но, при малѣйшей разсѣянности, дралъ за уши и за волосы и колотилъ линейкой по рукамъ. Несмотря на то, я очень къ нему привязался и учился прилежно.

Познаній у него было очень мало и, сверхъ того, къ несчастію, онъ пилъ запоемъ. До сихъ поръ не могу понять, какимъ способомъ онъ пріобрѣлъ довѣренность моей матери и имѣлъ на нее сильное вліяніе; она совѣтовалась съ нимъ обо всемъ и во всемъ ему вѣрила. Подъ личиною благочестія и, притомъ, не простаго, а мистическаго, или, лучше сказать, масонскаго, онъ безпрестанно проповѣдывалъ и давалъ ей для чтенія разныя мистическія книги. Онъ принадлежалъ къ одной изъ масонскихъ ложъ (какъ узналъ я позднѣе, къ ложѣ Ищущихъ Манны, *Chercheurs de la Manne*). Ложи еще не были тогда закрыты; впрочемъ и по закрытіи ихъ неразрывная связь между такъ называемыми братьями не прекращалась, и они постоянно старались поддерживать другъ друга. Чтѣ касается моего ученія, то, сколько могу припомнить, оно ограничивалось преподаваніемъ Закона Божія, ариѳметики, Русской и Французской грамматикъ. Первые три предмета учитель мой зналъ отлично, а о послѣднемъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, даже не умѣлъ правильно читать по-французски, ограничиваясь только тѣмъ, что задавалъ уроки изъ грамматики Перелогова отъ такой-то страницы до такой-то. Но одно, за что я остался ему навсегда благодарнымъ,—это было преподаваніе Закона Божія. Онъ преподавалъ его очень подробно, по катихизису митрополита Платона, со множествомъ объясненій и, сверхъ того, задавалъ на каждый день учить наизусть по главѣ изъ Евангелія и посланій Апостольскихъ. Помню и теперь, что я въ одинъ урокъ выучилъ первую главу изъ Евангелія отъ Луки, въ которой слишкомъ 80 стиховъ. Только при обширной памяти, которою я тогда обладалъ, можно выучивать такіе уроки.

Въ то же время, какъ началось мое ученіе съ Краси́льниковымъ, меня передали съ женскихъ рукъ на мужскія. Я переселился изъ бабушкинаго мезонина въ нижній этажъ, въ комнату напротивъ той дѣтской, въ которой жила сестра моя съ гувернанткой. Ко мнѣ приставленъ былъ дядька, вольноотпущенный человѣкъ моей бабушки, по имени Иванъ Львовичъ, человѣкъ трезвый, честный и до мелочности точный въ исполненіи своихъ обязанностей. Учившись кондитерскому мастерству, онъ очень искусно клеилъ всякаго рода картонажи и тѣмъ занималъ меня въ свободное время. Ему я обязанъ, между прочимъ, за то, что онъ любилъ читать по вечерамъ Четь-Минею и Прологъ и меня приохотилъ къ этому чтенію, которое, вмѣстѣ съ уроками изъ Новаго Заветъа, поддерживало во мнѣ христіанскія чувства и знакомило съ церковно-славянскимъ языкомъ.

Однажды отецъ мой поѣхалъ въ Посадъ за какими-то покупками и въ лавкѣ Тарбинскаго (тогда главнаго посадскаго негоціанта) встрѣтилъ молодаго академическаго бакалавра, ознакомился съ нимъ и зазвалъ къ себѣ въ гости. Это былъ экстраординарный профессоръ философіи Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій. Онъ протостилъ у насъ въ Каменкахъ, сколько помню, дня два или три и почти все это время провелъ въ библіотекѣ, бесѣдуя съ отцемъ моимъ о разныхъ ученыхъ предметахъ и литературѣ. Конечно, я, какъ ребенокъ, мало понималъ ихъ разговоры, однакожь замѣтилъ одно: когда батюшка приводилъ въ разговорѣ кощунственные остроты Вольтера и другихъ Французскихъ вольнодумцевъ, Ѳ. А. не отвѣчалъ ему ни слова, но принималъ на себя такой печальный и разстроенный видъ, что собесѣдникъ его скоро прекращалъ непріятный ему разговоръ. Еще помню, что я съ перваго взгляда полюбилъ новаго гостя, хотя наружность его вовсе не была привлекательна для ребенка: близорукій, нескрасивый лицомъ, неловкій въ тѣлодвиженіяхъ, онъ сидѣлъ потупившись и не обращалъ на меня никакого вниманія. Говорятъ, что у дѣтей бываютъ предчувствія будущаго добра, какими не одарены взрослые люди; можетъ быть, и меня привлекало такое же предчувствіе къ будущему моему наставнику и благодѣтелю. И это предчувствіе не обмануло меня.

Предъ отъѣздомъ изъ Каменокъ, Ѳ. А. говорилъ со мною, и я попросилъ его написать мнѣ что нибудь на память въ мой маленькій альбомъ. Онъ написалъ слѣдующіе стихи, которые у меня и теперь цѣлы:

Что мнѣ желать, чтобы ты меня помнилъ, любезный?  
 Помни и крѣпко въ сердцѣ держи Отца человѣковъ.  
 Помни и тѣхъ, кого, какъ ангеловъ добрыхъ,  
 Мирныхъ хранителей юности, окрестъ тебя Онъ поставилъ.  
 Вышій, во славѣ Своей, не сходитъ предъ взоры младенцевъ:  
 Въ образѣ добрыхъ родителей Онъ имъ себя открываетъ.  
 Ихъ научившись любить, научись Бога любить.

Забылъ я сказать, что, прежде поступленія подъ надзоръ дядьки, я былъ около года на попеченіи гувернантки, молодой Нѣмки изъ города Пернау, Каролины Ивановны Лунгрентъ, очень умной и ловкой, высокой ростомъ и крайне безобразной; она была ревностной почитательницей моего учителя и по его внушенію приняла православную вѣру, съ именемъ Александры, съ разрѣшенія архіепископа Филарета. Чтобы получить это разрѣшеніе, мать моя, въ Іюнѣ 1822 года, поѣхала съ Королиной Ивановной и со мною къ Троицѣ. Мы почевали на постояломъ дворѣ; рано поутру пришелъ къ намъ Ѳ. А. Голубинскій и рассказалъ, что въ Академіи сегодня частный экзаменъ изъ церковной исторіи. Я присталъ къ нему съ просьбой, чтобы онъ взялъ меня съ собою на экзаменъ, и онъ по добротѣ своей согласился, хотя зналъ, что входъ на частный экзаменъ постороннимъ не дозволенъ, и послѣ получилъ за это выговоръ отъ ректора, архимандрита Кирилла.

Мы вошли заднею дверью въ обширную академическую залу. Ѳ. А. отдалъ меня на первую парту (скамейку) подъ надзоръ одного изъ студентовъ, а самъ сѣлъ между профессорами. Экзаменъ въ это время уже начался; за столомъ, вмѣстѣ съ молодымъ, только за годъ до того поступившимъ на Московскую кафедру архіепископомъ Филаретомъ, сидѣли еще два архіерея: Симеонъ Ярославскій, бывшій прежде первымъ ректоромъ Академіи, при открытіи ея въ Лаврѣ, и Парѣеній Владимірскій. Испытаніе было по предмету библейской исторіи; часто слышались мнѣ знакомыя имена, но мало было для меня понятнаго. Когда экзаменъ кончился, ректоръ и наставники стали принимать благословеніе отъ своего владыки, и я, выскочивъ изъ-за парты, подбѣжалъ туда же. Увидѣвъ меня, преосвящ. Филаретъ съ улыбкою спросилъ: «Это кто большой человѣкъ?» (а я былъ очень малъ ростомъ и казался моложе своихъ лѣтъ). Потомъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Понялъ ли что нибудь?» Я сконфузился, но отвѣчалъ, что понялъ исторію о Моисеѣ и Фараонѣ и еще объ Іонѣ пророкѣ, котораго рыба проглотила. Преосв. Симеонъ съ улыбкою замѣтилъ: «и этого довольно для его лѣтъ».

Полная довѣренность моей матери къ Красильникову, суровое обращеніе его со мною и безконечные толки его о разныхъ религіозныхъ предметахъ сильно возмущали отца моего. Онъ возненавидѣлъ этого человѣка и при всякомъ случаѣ старался опровергать его сужденія и безъ церемоній доказывалъ, что онъ ничего не знаетъ и ничего неспособенъ понимать. Къ несчастію, отецъ мой въ это время былъ тяжело боленъ. Прежняя привычка къ разгульной жизни, служившая ему для увеселенія въ Москвѣ, теперь, при деревенской скукѣ, обратилась въ пагубную страсть и довела его до опасной болѣзни, отъ которой

онъ чуть не умеръ. Чувствуя себя при смерти, онъ сдѣлалъ, въ Ноябрь 1821 года, духовное завѣщаніе, въ которомъ опеку надъ дѣтьми поручалъ дядѣ моему Сумарокову и въ тоже время захотѣлъ примириться съ тѣми братьями и сестрами, съ которыми былъ въ ссорѣ по оконченному незадолго предъ тѣмъ раздѣлу имѣнія послѣ матери. Письма къ нимъ писалъ я подъ диктовку отца.

Спустя три недѣли, двѣ мои тетки, графини Елисавета Степановна Салтыкова и Аграфена Степановна, желая доказать искренность своего примиренія, пріѣхали въ Каменки, а первая изъ нихъ привезла съ собою единственную дочь свою, 17-лѣтнюю Сашу, которая считалась первою красавицей и самою завидною невѣстою въ Москвѣ. Объ ней придется мнѣ говорить подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Тогда отецъ мой, чувствуя себя лучше, еще не сходилъ съ постели. Когда онъ совершенно выздоровѣлъ, прежнсе озлобленіе его на моего учителя возобновилось еще съ большею силою. Кстати, Красильниковъ въ это время пилъ запоемъ; отецъ отправился во флигель, гдѣ онъ жилъ, разругалъ его, грозилъ ему своей вязовой палкой и въ тотъ же день выгналъ его изъ Каменокъ. Начались непрерывныя неудовольствія между моими родителями; я былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ потрясающихъ сценъ. Кончилось тѣмъ, что отецъ въ темную декабрьскую ночь внезапно уѣхалъ въ Москву и поселился у своихъ сестеръ.

Вскорѣ и мы, т.-е. маменька, бабушка Елисавета Андреевна, я и сестра отправились вслѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ родители мои скоро примирились, и отецъ сдѣлался здоровѣе. Никогда еще до тѣхъ поръ не видалъ я его такимъ покойнымъ, безъ всякихъ припадковъ вспыльчивости. Мы прожили въ Москвѣ года полтора. У меня не было постоянного учителя, но приходилъ учить меня по урокамъ нѣкто Константинъ Михайловичъ Китовичъ, студентъ медицинскаго факультета, лѣтъ 50-ти, сѣдой какъ лунь, бывшій учитель Могилевской семинаріи, находившійся при тамовинемъ архіереѣ въ то время, когда Наполеонъ занялъ Могилевъ. Онъ подробно рассказывалъ о томъ, какъ Варлаамъ Шишацкій, прежде бывшій епископъ Волынской, а тогда архіепископъ Могилевскій, не выѣхалъ, по примѣру другихъ архіереевъ, изъ своего епархіальнаго города при приближеніи Французскихъ войскъ, потому что старался собрать свои капиталы, ввѣренныя для торговли жидамъ. Когда непріятельская армія вступила въ городъ, маршалъ Даву потребовалъ отъ архіепископа присяги на вѣрность Наполеону и возношенія имени его съ супругою на эктенияхъ. Варлаамъ исполнилъ требованіе и приказалъ присягнуть всему духовенству. Съ 13 Іюля во всѣхъ церквахъ Могилевскихъ поминали при богослуженіи «великодержавнаго

государя императора Французовъ и короля Италіи, великаго Наполеона и супругу его, императрицу и королеву Марію-Луизу».

Варлаамъ, удержанный отъ выѣзда сребролюбіемъ, впалъ въ государственное преступленіе изъ страха и изъ побужденій честолюбія: онъ льстилъ себя надеждою, что будетъ, по присоединеніи Бѣлоруссіи къ новому Польскому королевству (возстановленіе котораго ожидалось Поляками) главнымъ архипастыремъ православной церкви въ Польшѣ. Какъ бы то ни было, но онъ тяжело обманулся въ своихъ расчетахъ. По изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи, императоръ Александръ I, въ Декабрѣ того же года, повелѣлъ Св. Синоду удалить архіепископа Варлаама отъ управленія епархіей, а синодальному члену, архіепископу Рязанскому Теофилактѣ произвести на мѣстѣ слѣдствіе о поступкахъ Варлаама во время вражескаго нашествія. Когда преосв. Теофилактъ представилъ подробно-произведенное имъ изслѣдованіе, Св. Синодъ присудилъ: «архіепископа Варлаама, оказавшагося явнымъ клятвопреступникомъ и измѣнникомъ, лишивъ архіерейства и священства и отобравъ знаки ордена св. Анны 1-й степени, оставить въ монашескомъ чинѣ, а пребываніе имѣть ему въ Черниговской епархіи въ Новгородсѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ». По утвержденіи приговора Государемъ, архіепископу Черниговскому Михаилу поручено было произвести «деградацию» архіепископа Варлаама. 29 Іюня 1813 года, въ Черниговскомъ кафедральномъ соборѣ, при многочисленномъ собраніи духовенства и народа, несчастный старецъ Варлаамъ, въ полиомъ архіерейскомъ облаченіи и въ Анненской лентѣ, былъ поставленъ на амвонъ. Секретарь консисторіи прочелъ высочайше конфирмованное опредѣленіе Синода и, вслѣдъ за тѣмъ, ключарь и протодіаконъ стали снимать постепенно съ бывшаго архіепископа все архіерейское облаченіе, при пѣніи духовенства: «анаксіосъ» (педостойнъ). Такъ слышалъ я о «деградаци» Варлаама Шишацкаго отъ Китовича. Недавно случилось мнѣ вычитать еще слѣдующія подробности въ Волинскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1879 года: Варлаамъ провелъ остатокъ жизни въ Спасскомъ монастырѣ простымъ монахомъ, въ тѣсной кельѣ, подъ колокольнею, въ качествѣ будто бы привратника и звонаря. Тамъ онъ горько оплакивалъ свою несчастную долю и отъ слезъ ослѣпъ. Послѣ его смерти (1821) никто изъ монастырской братіи не хотѣлъ жить въ этой кельѣ, считая ее какъ будто проклятой.

Былъ у меня и другой учитель или, лучше сказать, забавникъ, Василій Васильевичъ Бобличъ-Боблицкій, Волинскій уроженецъ, бывшій прежде пѣвчимъ при дворѣ Екатерины II, а потомъ, неизвѣстно какимъ образомъ, директоромъ народныхъ училищъ въ Симферополѣ. Тамъ онъ занялся разрѣшеніемъ невозможнаго вопроса—квadrатуры

круга, помѣшался на этомъ предметѣ, бросилъ службу и скитался изъ мѣста въ мѣсто, разсылая во всѣ университеты и академіи свое мнѣніе рѣшеніе вопроса. Онъ разрѣшалъ его вырѣзками изъ бумаги и картона, то складываньемъ этихъ лоскутковъ, то взвѣшиваньемъ ихъ на вѣскахъ. Каждое утро приходилъ онъ къ намъ и оставался до вечера; часто приносилъ съ собою разныя занимательныя для меня вещи: то микроскопъ, то электрофоръ, то компасъ съ магнитной стрѣлкой, то калейдоскопъ, и занимался со мною разговоромъ и чтеніемъ на Французскомъ языкѣ, который онъ зналъ отлично. Отецъ мой очень любилъ обоихъ этихъ учителей, не подозрѣвая, что они были рекомендованы Красильниковымъ, который служилъ тогда корректоромъ при университетской типографіи, получивъ это мѣсто чрезъ своихъ братьевъ-масоновъ. Самъ же Красильниковъ не смѣлъ казаться на глаза моему отцу.

Въ 1823 году любимая кузина моя Саша Салтыкова вышла замужъ за Павла Ивановича Колошина. Много было у нея знатныхъ и богатыхъ жениховъ, но она всѣмъ имъ предпочла Колошина, красиваго, умнаго, образованнаго молодаго человѣка, состоявшаго подъ особымъ покровительствомъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына. Веселясь на пышной свадьбѣ, никто не могъ подумать о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя вблизи ожидали новобрачныхъ.

Послѣднимъ путемъ, въ Мартѣ мѣсяцѣ, возвратился отецъ мой съ бабушкой и со мною въ Каменки. Съ нами пріѣхалъ новый учитель, магистръ словесныхъ наукъ Московскаго университета, Иванъ Алексѣевичъ Кобрановъ, человѣкъ очень ученый. А мать моя осталась въ Москвѣ съ сестрой, у которой открылась корь. На страстной недѣлѣ отецъ, нѣсколько лѣтъ не приступавшій къ причащенію св. Таинъ, вздумалъ говѣть; для меня было поразительно видѣть, какія искушенія пришлось выносить ему во время богослуженія: онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, обнаруживалъ нетерпѣніе и послѣ рассказывалъ, что ему во время молитвы непрестанно вспоминаются разныя нечестивыя и богохульныя мысли, вычитанныя имъ прежде въ сочиненіяхъ Вольтера и другихъ Французскихъ вольнодумцевъ, величавшихъ себя философами. По окончаніи говѣнья, эти искушенія отъ него отстали. На святой недѣлѣ посѣтилъ насъ христіанскій философъ, Θεодоръ Александровичъ Голубинскій. Узнавъ отъ отца моего о томъ, что вытерпѣлъ онъ за чтеніе безбожныхъ книгъ, онъ совѣтовалъ не только не заглядывать въ нихъ, но и не держать ихъ при себѣ. Тутъ же при немъ отецъ рѣшился сжечь все нечестивое и неблагопристойное, что было въ его библіотекѣ. Большой костеръ съ книгами пылалъ на дворѣ. Бабушка совѣтовала лучше продать книги, нежели сжечь ихъ; но отецъ отвѣ-

чалъ ей: «Не хочу никому продавать яда; по себѣ знаю, какъ онъ пагубенъ».

Въ Маѣ воротилась къ намъ матушка съ сестрой и гувернанткой. Лѣто провели мы очень пріятно; отецъ былъ постоянно въ веселомъ расположеніи духа, часто сижизалъ въ классной комнатѣ, когда я учился и особенно интересовался преподаваніемъ Латинскаго языка, которое шло очень успѣшно. Однажды, сидя въ классѣ, отецъ сталъ разговаривать съ Кобрановымъ о томъ, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ приниматься за чтеніе Латинскихъ писателей и тутъ же прибавилъ: а послѣ нужно учить Мишиньку и по-гречески. Послѣ этихъ словъ онъ вышелъ изъ комнаты и скоро возвратился съ Греческой библіей и Киропедіей Ксенофонта, сталъ читать одно мѣсто изъ этой послѣдней книги и удивилъ Кобранова своими познаніями въ древнихъ языкахъ. Онъ какъ будто совершенно переродился, пользовался довольно хорошимъ здоровьемъ, гулялъ вмѣстѣ съ нами, иногда ѣзжалъ къ ближайшимъ нашимъ сосѣдямъ, Кванчехадзевымъ. Это доброе и почтенное семейство жило тогда въ своей деревнѣ Сырневѣ, въ 2 верстахъ отъ Каменокъ. Оно состояло изъ матери, Натальи Сергіевны, рожденной Вепрейской, двухъ очень молодыхъ дѣвицъ, дочерей ея, и маленькой дѣвочки-внучки Наташи. Старшей дочери Сырневской помѣщицы, Глафиры Николаевны Деревницкой, тогда уже, кажется, не было въ живыхъ, а потому малютка дочь ея воспитывалась у бабушки. О двухъ барышняхъ Кванчехадзевыхъ, особенно же о младшей изъ нихъ Натальѣ Николаевнѣ, мнѣ придется говорить подробнѣе: въ то время она была живою, веселою и очень красивою дѣвицею. Братъ ея я тогда еще не зналъ.

Такъ продолжалось до осени. Въ началѣ Ноября учитель мой запылъ, тяжело заболѣлъ и отправился лѣчиться въ Москву. Нужно было найти другаго. Обратились къ Ө. А. Голубинскому съ просьбой, нельзя ли пріискать кого-нибудь изъ учениковъ его по Академіи. Оказалось, что всѣ при своихъ мѣстахъ. Почтенный профессоръ предложилъ мнѣ въ наставники самого себя; родители мои охотно приняли его предложеніе, особенно отецъ радовался какъ ребенокъ, что будетъ жить въ Сергіевскомъ Посадѣ и вести знакомство съ учеными людьми. Отсутствіе общества видимо его тяготило. Уже нанятъ былъ въ Посадѣ, на Впѣанской улицѣ, домъ Зубкова, и почти всѣ наши пожитки перевезены туда. Оставалось только переѣхать намъ самимъ на новую квартиру.

Здѣсь нужно мнѣ остановиться, чтобы вспомнить лицъ, которыя встрѣчались на пути моей дѣтской жизни и въ Москвѣ и въ Каменкахъ.

Начну съ родныхъ. Помню, что нѣсколько разъ посѣщали насъ въ деревнѣ два родныхъ брата отца моего, графы Андрей и Петръ Степановичи. Первый изъ нихъ, послуживъ съ честью въ войнѣ 1812—1815 годовъ и получивъ много отличій за храбрость, вышелъ въ отставку и проводилъ совершенно праздную жизнь. Единственнымъ его занятіемъ были забавы, шалости и проказы, на изобрѣтеніе которыхъ онъ былъ большой мастеръ. Такъ, однажды онъ отыскалъ въ Каменкахъ заржавѣлую желѣзную пушку и вздумалъ тѣшиться стрѣльбою. Сколько ни совѣтовали ему воздержаться отъ этой потѣхи, довольно опасной по ветхости пушки, онъ никого не хотѣлъ слушать; досталъ пороху, накаталъ глиняныхъ ядеръ и стрѣлялъ въ цѣль. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ онъ вздумалъ чистить пушку, позвалъ шедшаго мимо ключника Федора Лукина и велѣлъ ему поковырять палкой вмѣсто банника внутри пушки. Тамъ была трещина, въ которой засѣла часть заряда; раздался выстрѣлъ, и бѣднякъ остался навсегда съ изувѣченной рукой.

Другой дядя мой, Петръ Степановичъ, самый младшій братъ и крестникъ отца моего, не имѣлъ такихъ воинственныхъ наклонностей; не одаренный особенно блестящими способностями, онъ былъ человѣкъ скромный, добрый и безукоризненно-честный. Женившись очень рано на дочери генерала Ильина, любимца всемогущаго тогда Аракчеева, онъ передъ свадьбою получилъ званіе камеръ-юнкера, потомъ служилъ въ Крѣмлевской Экспедиціи и былъ камергеромъ. Послѣ придется мнѣ упомянуть о немъ довольно часто.

Дядя мой по матери, Петръ Николаевичъ Сумароковъ, съ женою и двумя своими тетушками, жилъ въ Москвѣ въ 1820 году, и тамъ родился у него первый сынъ Николай. На слѣдующій годъ зимою они все вмѣстѣ заѣхали къ намъ въ Каменки, по дорогѣ въ Москву, куда отправлялись они для вторыхъ родовъ тетушки Прасковьи Дмитріевны. Но до Москвы они не доѣхали: 2 Февраля 1821 года тетушка въ Каменкахъ родила дочь Варвару, причемъ повивальною бабкою была Каменская старуха-крестьянка. Къ крестинамъ пріѣхалъ дѣдъ новорожденной, князь Дмитрій Александровичъ Черкасскій, котораго тутъ я въ первый разъ видѣлъ. Это былъ старикъ въ своемъ родѣ замѣчательный, всегда говорилъ по-французски отборными фразами, держалъ себя какъ маркизъ стараго покроя, всегда въ короткихъ штанахъ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. Любимымъ занятіемъ его было сочиненіе писемъ и мемуаровъ на Французскомъ языкѣ; въ рукахъ у него всегда были карты, если не для игры въ бостонъ, то для пасьянса. Впрочемъ во время пребыванія его въ Каменкахъ бостонъ продолжался съ утра и до ночи.

Когда мы жили нѣсколько времени въ Москвѣ въ 1820 году, отецъ мой однажды взялъ меня съ собою къ своему родному дядѣ, графу Николаю Ѳеодоровичу Толстому. Только одинъ разъ въ жизни видѣлъ я этого дѣдушку; онъ показался мнѣ хворымъ, слабымъ и весьма древнимъ, хотя ему едва ли было 60 лѣтъ. Его окружала большая семья, въ которой я замѣтилъ очень красиваго мальчика Митеньку (какъ тогда его звали) лѣтъ на шесть постарше меня. Спустя нѣсколько дней съ старымъ дѣдушкой сдѣлался ударъ; отецъ мой поѣхалъ навѣстить роднаго дядю и привезъ съ собою Митеньку, горько плакавшаго о болѣзни отца. Я выложилъ предъ нимъ всѣ свои игрушки, но онъ не обратилъ на нихъ вниманія и продолжалъ плакать; наконецъ и я расплакался вмѣстѣ съ нимъ. Таково было первое знакомство мое съ моимъ двоюроднымъ дядей графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Толстымъ, которому впослѣдствіи я былъ много обязанъ. Но объ немъ рѣчь впереди.

По возвращеніи въ Каменки, мы вскорѣ узнали о кончинѣ дѣдушки, графа Николая Ѳеодоровича.

Въ тоже время пріѣхала къ намъ тетушка Варвара Аѳанасьевна, тогда еще вдова Завязкина, оставила у насъ двухъ своихъ дочерей, а сама поѣхала въ Петербургъ, гдѣ вышла замужъ за В. А. Коптева. Милыя ея дѣвочки прогостили у насъ все лѣто, и я очень съ ними подружился. Впослѣдствіи, младшая изъ нихъ, Лиза, вышла замужъ очень рано, за двоюроднаго брата своего вотчима, Николая Николаевича Коптева и умерла въ молодости; а старшая, моя ровесница, Александра Степановна, здравствуетъ доселѣ дѣвицею. Она живетъ въ деревнѣ, близъ г. Нерехты, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ за свой зрѣлый умъ, честныя правила жизни и весьма доброе сердце.

Очень часто бывала у насъ въ Каменкахъ и въ Москвѣ пріятельница моей матери, выросшая съ нею, Александра Станиславовна Коризна. Исторія этой женщины очень оригинальна. Отецъ ея, жившій въ Каменецъ-Подольскѣ, штабъ-лекаръ Пихельштейнъ, имѣлъ большое семейство. Одну изъ дочерей его, едва отнятую отъ груди, вздумала взять къ себѣ знаменитая въ то время красавица и богачка, графиня Потоцкая. Дѣвочка пробыла у нея не болѣе года; въ это время Потоцкая бросила мужа, а съ тѣмъ вмѣстѣ забыла и дѣвочку въ своемъ имѣніи. Случилось такъ, что въ это время была въ Подольской губерніи тетка моей матери, Елисавета Сергѣевна Текутьева, которой мужъ командовалъ тамъ бригадой; она взяла къ себѣ дѣвочку, но на слѣдующій годъ, часто переѣзжая съ мужемъ изъ одного мѣста въ другое, передала ее на воспитаніе сестрѣ своей, а моей родной бабушкѣ Александрѣ Сергѣевнѣ Сумароковой. Никто не зналъ, чья дочь была эта малютка; не знали также, крещена ли она и въ какомъ вѣро-

исповѣданіи. Съ разрѣшенія митрополита Платона, она крещена съ прибавленіемъ словъ: «крещается, аще не крещена», и названа Александрю. Такимъ образомъ дѣвочка выросла и получила воспитаніе вмѣстѣ съ моею матерью. Незадолго до кончины дѣдушки Николая Андреевича, явился къ нему въ домъ молодой артиллерійскій офицеръ Иванъ Станиславовичъ Пихельштейнъ, который отыскивалъ и здѣсь нашелъ сестру свою. Онъ увезъ ее на Югъ къ отцу, и тамъ она вышла замужъ за офицера Ивана Ивановича Коризну. Черезъ нѣсколько лѣтъ воротились они въ Москву, и онъ управлялъ имѣніями графа Ѳедора Андреевича Толстаго и зятя его Закревскаго. Между Александрю Станиславовной и моею матерью во всю жизнь продолжалась самая тѣсная дружба, какъ бы между родными сестрами.

Въ шестилѣтнемъ возрастѣ я видалъ иногда въ домѣ бабушки моей, графини Александры Николаевны, родственницу ея, графиню Анну Павловну Каменскую. Въ какой степени они были родня, я не знаю; но обѣ были изъ рода князей Щербатовыхъ и звали другъ друга кузинами. Графиня Каменская была тогда уже вдовою извѣстнаго въ свое время полководца, генералъ-фельдмаршала, графа Михаила Ѳедотовича, убитаго въ деревнѣ дворовыми людьми, съ которыми онъ очень жестоко обращался. Вообще старикъ, какъ говорятъ, былъ очень золъ и позволялъ себѣ всякое самоуправство съ кѣмъ бы то ни было. Дѣда моего, служившаго нѣкогда подъ его начальствомъ, онъ очень любилъ, и когда дѣдушка, на пути изъ Москвы въ деревню, проѣзжалъ чрезъ село Куракино, принадлежавшее Каменскому, старый фельдмаршалъ требовалъ, чтобы вся семья Толстыхъ во многихъ экипажахъ, со множествомъ собственныхъ лошадей и прислуги, непременно заѣзжала къ нему; въ случаѣ же отказа, приказывалъ насильно отпрягать лошадей и бралъ всѣхъ въ плѣнъ на нѣсколько дней. Объ этомъ я часто слышалъ въ моемъ дѣтствѣ. Когда я видалъ графиню Анну Павловну, она лишилась уже знаменитаго своего сына, графа Николая Михайловича, главнокомандующаго въ Финляндіи и потомъ въ Турціи, гдѣ онъ и скончался. Императоръ Александръ I посѣтилъ скорѣ послѣ кончины его огорченную мать, чтобы изъяснить ей свое сожалѣніе о потерѣ сына. Графиня вздумала сказать ему: «У васъ, Государь, остался братъ его». При этихъ словахъ Государь всталъ и, не простясь ушелъ. Говорили при мнѣ, что этого старшаго сына графини, Сергѣя Михайловича, императоръ терпѣть не могъ, не знаю за что. Въ 1812 году графиня уѣхала отъ Французовъ въ Кострому, гдѣ былъ тогда губернаторомъ Пасынковъ, впослѣдствіи умершій подъ судомъ за взятки. Въ одинъ праздничный день, въ соборѣ, графиня стала на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно стояла губернаторша, а эта послѣдняя стала настоятельно тре-

бовать своего мѣста. Тогда графиня, раскрывши шаль, показала ей портретъ двухъ императрицъ, который она носила по званію статсъ-дамы и спокойно сказала: «Не беспокойте меня, а мужа вашего спросите, какъ смѣлъ онъ не явиться ко мнѣ». Въ тотъ же день Пасынковъ явился къ графинѣ и получилъ безцеремонный выговоръ. Послѣ отставки и смерти его, имѣніе бывшей губернаторши было взято въ опеку за жестокое обращеніе съ крестьянами. Послѣ 1812 года графиня переселилась въ Орелъ къ любимому старшему своему сыну, который, вышедши въ отставку, завелъ тамъ театръ и разныя публичныя увеселенія, отъ которыхъ послѣ совершенно раззорился; впрочемъ иногда жила она по нѣскольку мѣсяцевъ въ Москвѣ, въ домѣ своемъ, напротивъ Петровскаго монастыря. Въ 1826 году, не задолго до коронаціи императора Николая I, графиня Анна Павловна подверглась гнѣву государя: управитель ся излишнею строгостію взбунтовалъ крестьянъ, за что графинѣ запрещенъ былъ пріѣздъ ко двору. Это такъ сразило старуху, что она скоро умерла.

Гораздо ближе зналъ я другую знатную даму стараго времени, графиню Варвару Николаевну Ягужинскую. Она была изъ рода Салтыковыхъ и приходилась племянницей (родной или двоюродной—не знаю) фельдмаршалу графу Петру Семеновичу Салтыкову, командовавшему въ Семилѣтнюю войну Русскими войсками. Послѣ побѣды при Кунерсдорфѣ въ 1759 году, императрица Елисавета Петровна, въ видѣ милости къ своему полководцу, пожаловала племянницу его фрейлиною, и 12-лѣтнюю дѣвочку, украшенную шифромъ, привезли на придворный балъ. Въ царствованіе Екатерины II она вышла замужъ. Мужъ ея, генералъ поручикъ, графъ Сергѣй Павловичъ Ягужинскій, былъ сынъ знаменитаго графа Павла Ивановича, любимца Петра Великаго и перваго генералъ-прокурора при учрежденіи Сената. Брачная жизнь графини продолжалась недолго; дѣтей у нея не было, и съ кончиной мужа ея угасъ родъ Ягужинскихъ. Молодая вдова оставила дворъ, поселилась въ доставшемся ей послѣ мужа селѣ Сафаринѣ (въ двухъ верстахъ отъ Рахманова, близъ Троицкой дороги) и прожила тамъ около 70 лѣтъ, до самой смерти. Это село, нѣкогда царское, было пожаловано Петромъ I ея свекру. Тамъ стоялъ уже въ развалинахъ двухъ-этажный каменный домъ, носившій названіе дворца и подлѣ него весьма красивая церковь, въ прежнее время дворцовая, весьма похожая на церковь Троицы въ Филяхъ, близъ Москвы, построенную дѣдомъ Петра, Кирилломъ Поліевктовичемъ Нарышкинымъ. Подлѣ этого небольшого храма графиня построила для себя деревянный домъ, окруженный прекраснымъ стариннымъ садомъ и провела здѣсь большую часть своей продолжительной жизни.

Въ дѣтствѣ моемъ мнѣ случалось нѣсколько разъ жить подолгу вмѣстѣ съ родителями въ деревнѣ Подвязномѣ, верстахъ въ 3 или 4 отъ Сафарина. Покойная графиня была хорошо знакома съ моими бабушками Сумароковыми и меня очень ласкала и жаловала съ самаго ранняго дѣтства. У нея воспитывалась дѣвочка—дочь Троицкаго штаб-лѣкаря Витовскаго; графинѣ хотѣлось помѣстить ее въ Екатерининскій институтъ, но ея не принимали по недостатку какихъ-то документовъ. Старуха хотѣла непременно поставить на своемъ; она, въ Сентябрь 1826 года, поѣхала въ Москву, когда дворъ еще оставался тамъ послѣ коронаціи, пригласила къ себѣ старика князя Юсупова и просила его доставить ей случай представиться императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. При этомъ случаѣ Юсуповъ, состарѣвшійся въ придворной службѣ, вздумалъ совѣтовать ей, какъ нужно одѣться для представленія. Старуха обидѣлась. «Безъ тебя, батюшка, знаю, какъ мнѣ одѣться», сказала она: «молодъ ты меня учить; я тебя еще нажемъ помню» (а этому бывшему пажу было тогда подъ 80 лѣтъ). Въ назначенный день старуха поѣхала во дворецъ въ томъ самомъ нарядѣ, въ какомъ являлась на балы при дворѣ Елисаветы Петровны—въ парчевой робѣ на фижмахъ, съ мушками на лицѣ, съ напудренными волосами. Императрица Александра Ѳеодоровна была поражена появленіемъ такой необыкновенной личности, пригласила Государя и дѣтей, чтобы показать имъ замѣчательный остатокъ старины. Графиню обласкали; дѣвочка Витовская была принята въ институтъ пансіонеркою Государя. Выходя изъ дворца, графиня встрѣтила Юсупова и сказала ему: «вотъ, батюшка, какъ бы я тебя послушала, никто бы на меня и не посмотрѣлъ; а теперь меня приласкали и все по-моему сдѣлали». Это была послѣдняя поѣздка графини Варвары Николаевны въ Москву. Остатокъ жизни она провела въ своемъ Сафаринѣ, сохранивъ до самой смерти крѣпость силъ, память и разсудокъ. Я бывалъ у нея почти каждый годъ и не могъ вдоволь наслушаться разсказовъ ея о старинѣ. Она хорошо помнила послѣдніе годы Елисаветы, смерть Петра III, восшествіе на престолъ Екатерины II и много разсказывала о замѣчательныхъ лицахъ того времени. Она скончалась въ 1840 году, при жизни своей уволивъ Сафаринскихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы и передавъ значительную массу сохранявшихся у нея бумагъ въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. По всей вѣроятности, она прожила около ста лѣтъ.

Во время пребыванія моего въ Москвѣ въ 1823—24 гг., когда мы жили въ Грузинахъ въ домѣ Журюлова, часто бывалъ у насъ князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій, родной братъ тетки моей, Сумароковой, молодой человѣкъ, очень образованный, служившій тогда въ Мо-

сковской Гражданской Палатѣ совѣтникомъ. Помню, что однажды, заставъ меня за чтеніемъ I тома Исторіи Карамзина, онъ спросилъ меня, шутя: «разумѣши ли, еже чтеши?» Я признался, что плохо понимаю начало книги, въ которомъ говорится о Славянахъ до Рюрика, и онъ былъ такъ обязателенъ, что прочелъ со мною эти главы и объяснилъ ихъ такъ, что онѣ сдѣлались для меня вполне понятными. Впоследствии онъ былъ гражданскимъ губернаторомъ въ Симбирскѣ.

Въ томъ же домѣ и почти въ тоже время я первый разъ видѣлъ архіерея въ гостяхъ у моихъ родителей. Это былъ преосв. Досиѣей, архіепископъ Грузинскій, покровитель нашего домохозяина Журюлова, весьма неотесаннаго и неразумнаго Грузинца, племянника и келейника незадолго предъ тѣмъ умершаго Грузинскаго же епископа Пафнутія. Послѣдній по времени изъ бывшихъ Грузинскихъ архипастырей, доживавшихъ свой вѣкъ въ Москвѣ, преосв. Досиѣей былъ чело-вѣкъ умный и довольно образованный. По отзыву митрополита Филарета, слышанному мною гораздо позднѣе, онъ былъ полезенъ въ своемъ краѣ при управленіи послѣдняго католикаса, царевича Антонія, которому онъ былъ лучшимъ помощникомъ. Помню одинъ разсказъ его о Грузинскомъ царѣ (кажется Георгіи XIII). „Къ этому царю пришелъ одинъ бѣдный ремесленникъ съ жалобою на богатаго князя, который не хотѣлъ платить ему долга въ десять золотыхъ. Царь призвалъ князя, и тотъ подтвердилъ, что дѣйствительно долженъ. «Зачѣмъ же ты не платишь, если долженъ?»—«Я великій грѣшникъ, грѣховъ у меня безчисленное множество».—«Не о грѣхахъ рѣчь, а о томъ, что слѣдуетъ тебѣ заплатить долгъ».—«Не могу, государь, ибо въ писаніи сказано: грѣшникъ беретъ въ займы и не платитъ, а праведникъ даритъ и раздаетъ» (Псал. XXXVI, 21). «Вотъ если ты, государь, праведникъ, заплати ему за меня». Царь усмѣхнулся и заплатилъ. Преосвященный Теофилактъ Русановъ, первый экзархъ святѣйшаго Синода въ Грузіи, не взлюбилъ Досиѣея и поспѣшилъ удалить его. «Досиѣей былъ полезенъ и въ Петербургѣ (прибавилъ митрополитъ Филаретъ) многими объясненіями о состояніи церкви въ Грузіи и о злоупотребленіяхъ Теофилакта».

Отъ архіерея перехожу къ священнику. Еще при жизни покойнаго дѣда моего, графа Степана Ѳедоровича, хаживалъ къ нему по вечерамъ одинъ приходскій діаконъ читать Четь-Минею и другія духовныя книги. Незадолго до 1812 года, этотъ діаконъ С. І. С—въ сдѣлался священникомъ при одной изъ Московскихъ церквей. Благочестивою жизнію, даромъ слова и умѣніемъ вліять на совѣсть другихъ, онъ приобрѣлъ большую извѣстность въ Москвѣ и имѣлъ много духовныхъ дѣтей. Не знаю, принадлежалъ ли онъ къ обществу Московскихъ ма-

соновъ; но достовѣрно, что они питали къ нему необыкновенное уваженіе и въ день именинъ его, 3 Февраля, собирались къ нему поголовно. Мать моя познакомилась съ нѣмъ, по совѣту Красильникова, тайно исповѣдывалась у него и исполнила всѣ его наставленія, но скрывала это отъ мужа, который терпѣть не могъ масонства и масоновъ. Уѣзжая въ деревню лѣтомъ 1824 года, она упросила о. С. пріѣхать въ Каменки изъ Лавры, куда онъ ѣздилъ ежегодно на публичные экзамены въ академіи, по званію «внѣшняго члена» академической конференціи. Отецъ мой принялъ учтиво гостя, пріѣхавшаго будто бы напомнить ему старое знакомство, даже подарилъ ему одну довольно рѣдкую книгу Іосифа Флавія, на Латинскомъ, въ листъ, со множествомъ рисунковъ; но по отъѣздѣ его сказалъ мнѣ: «берегись масоновъ». — «А что это за люди?» спросилъ я съ дѣтскимъ простодушіемъ. «Послѣ расскажу тебѣ; еще будетъ время», отвѣчалъ онъ.

Но увы! для отца моего оставалось уже слишкомъ мало времени: его ожидала вѣчность. Когда мы собирались переѣзжать изъ деревни въ Посадъ, онъ тяжело заболѣлъ тою болѣзнію, которою страдалъ нѣсколько разъ прежде—воспаленіемъ въ желудкѣ и кишкахъ. Заботы лѣкаря, удачно помогавшаго ему въ прежнее время, на этотъ разъ оказались тщетными. Послѣ пятидневныхъ страданій больной скончался, напутствованный причащеніемъ св. Тайнъ и съ молитвою на устахъ. Последнее слово его было изъ любимаго имъ акаѳиста: «Іисусе сладчайшій, спаси мя!» (19 Февраля 1825 года).

Не могу рассказать впечатлѣнія, какое произвела на меня смерть отца. Это было для меня первое сильное горе, потому что въ послѣдній годъ его жизни я привязался къ нему всею душою. Какое-то необъяснимое предчувствіе твердило мнѣ, что я понесу невознаградимую утрату, и это предчувствіе сбылось на дѣлѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ.

При отпѣваніи тѣла будущій наставникъ мой Ѳ. А. Голубинскій произнесъ трогательное и глубокомысленное слово изъ текста: «еще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюсь зла». Оно было напечатано уже по кончинѣ его, въ духовномъ журналѣ: «Странникъ», въ 1865 году.

Тѣло отца моего было погребено за жертвенникомъ Каменской деревянной церкви. На другой день послѣ похоронъ мы выѣхали изъ деревни.

### III.

Сергіевъ Посадъ, куда мы переселились 24 Февраля 1825 года, составилъ изъ слободъ, окружающихъ одну изъ знаменитѣйшихъ обителей иноческихъ въ Россіи, Святотроицкую Сергіеву Лавру. Говорить

объ ней считаю излишнимъ: кому же изъ православныхъ Русскихъ не извѣстна, хотя по слуху, лавра преп. Сергія Радонежскаго? Но я долженъ сказать нѣсколько словъ о помѣщающейся въ Лавръ Московской Духовной Академіи, въ то время еще мало извѣстной, такъ что нѣкоторые, даже изъ образованнаго класса людей, не умѣли различать ее отъ духовныхъ семинарій.

Открытіе этого высшаго училища духовныхъ наукъ совпадало съ окончаніемъ перваго курса преобразованной по новому уставу С.-Петербургской Духовной Академіи. Академія Московская была открыта 1 Октября 1814 года и помѣщена въ зданіяхъ, занимаемыхъ прежде Лаврской Семинаріей; къ нимъ присоединенъ былъ корпусъ, называемый царскими чертогами, и вновь пристроенъ былъ такъ называемый инспекторскій корпусъ. Въ то время, когда мы переѣхали въ Посадъ, въ Академіи продолжался 5-й курсъ воспитанниковъ. Но сначала я не имѣлъ ничего общаго съ Академіей; единственное знакомое мнѣ лице въ академическомъ кругѣ былъ мой почтенный наставникъ.

Теперь, достигнувъ старости, могу сказать искренно, что не встрѣчалъ въ жизни моей ни одного лица, болѣе достойнаго уваженія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе привлекательнаго, болѣе симпатичнаго, какъ *Θ. А. Голубинскій*. Уроженецъ г. Костромы, сынъ псаломщика (впослѣдствіи священника), *Θ. А.* поступилъ въ Академію, при самомъ открытіи ея, изъ Костромской Семинаріи, на 17 году отъ роду, и кончилъ курсъ по списку 3-мъ магистромъ. Въ то время профессоромъ философіи въ Академіи былъ *В. И. Кутневичъ*, который оставилъ по себѣ воспоминаніе какъ о весьма даровитомъ и трудолюбивомъ наставникѣ. *Θ. А.* былъ любимымъ его ученикомъ и первымъ его адъюнктомъ. Съ 1818 по Сентябрь 1822 года Голубинскій преподавалъ исторію системъ философскихъ, а позднѣе—метафизику и нравственную философію. По выходѣ изъ Академіи Кутневича, онъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ философіи и съ тѣхъ поръ открывалъ каждый курсъ, состоявшій тогда изъ двухъ лѣтъ, въ такъ называемомъ «нисшемъ отдѣленіи», чтеніемъ введенія въ философію; затѣмъ преподавалъ на первомъ году метафизику, а на второмъ исторію древней философіи.

Въ изслѣдованіяхъ о Богѣ, мірѣ и душѣ человѣческой Голубинскій держался системы Канта, хотя и предпочиталъ ему Якобія; этотъ послѣдній, Баадеръ и Зайлеръ нравились ему особенно по религіозному направленію. Пробнымъ камнемъ мудрости человѣческой было для Голубинскаго Божественное Откровеніе. Первую лекцію онъ начиналъ чтеніемъ изъ книгъ Соломоновыхъ. Развивая вачала древней мудрости, онъ признавалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми отцами и учителями Церкви, что все лучшее въ ученіи древнихъ философовъ не могло истекать изъ са-

мостоятельной дѣятельности разума, но было заимствовано отъ Іудеевъ, получившихъ Божественное Откровеніе. Съ этой именно стороны замѣчательна особенная привязанность его къ философін древнихъ Китайцевъ, Индусовъ и Зороастра. Эти трактаты были обработаны у него съ особенной тщательностью; при изученіи ихъ оказывались въ ученіи древнихъ Азіатскихъ мудрецовъ такіе проблески идей и нравственныхъ понятій, на которыхъ позднѣйшая философія основала свои выводы и нравоученія. При такомъ взглядѣ на науку Голубинскій не могъ питать исключительнаго довѣрія къ авторитету позднѣйшихъ основателей разныхъ философскихъ ученій и открывалъ вліяніе философіи Востока на многія новѣйшія системы. Слѣдя за современнымъ ходомъ науки, онъ обличалъ недостатки новыхъ Германскихъ умствованій, облеченныхъ туманомъ отвлеченности. Такъ о Шеллингѣ говорилъ онъ, что этотъ философъ отъ одного берега отсталъ, а къ другому не присталъ. Когда система Гегеля надѣлала такъ много шума въ Европѣ, и у насъ появилось немало поклонниковъ ея, Э. А. увлекательно говорилъ съ кафедръ, поражая новое ученіе оружіемъ слова, укрѣпленнаго зрѣлымъ знаніемъ мудрости всѣхъ временъ и силою Слова Божія. Гегель, по его мнѣнію, хотя признавалъ развитіе, но не могъ разрѣшить вопросовъ: какъ изъ предыдущаго развивается послѣдующее, откуда берется новое въ жизни и гдѣ источникъ этому истеченію? Отвѣтъ можетъ быть данъ только тогда, когда въ основу развитія полагается полнота бытія; а у Гегеля бытіе равно небытію, и даже самое бытіе, по его же собственному выраженію, составляетъ плохую неоконченность (*ist eine schlechte Unendlichkeit*).

Любимымъ предметомъ умственной психологіи для христіанскаго мыслителя было ученіе о безплотныхъ духахъ и о состояніи души чело-вѣческой по разрѣшеніи отъ тѣла. Онъ собиралъ древнія преданія, разсѣянные у послѣдователей Талмуда и Кабалы, разсказы о ясно-видящихъ, о явленіяхъ изъ духовнаго міра, сочиненіяхъ Мейера и Кёрнера. Книгу послѣдняго: «*Die Seherin von Prevest*» онъ всю перевелъ на Русскій языкъ. Но и въ этихъ изслѣдованіяхъ онъ ставилъ мѣриломъ истины ученіе православной церкви: въ домашнихъ его выпискахъ первое мѣсто между проявленіями загробной жизни занимаютъ видѣнія блаженной Теодоры и отроковицы Музы.

Философскія изслѣдованія Голубинскаго отличались направленіемъ еологическимъ; но это направленіе не имѣло ничего общаго съ созерцаніями Бёма и Шведенборга, которымъ онъ никогда не сочувствовалъ, несмотря на то, что любознательность сблизила его съ современными ему масонами, почитавшими Бёма однимъ изъ лучшихъ своихъ учителей. Ученіе Голубинскаго ближе подходитъ къ духу Баадера,

за исключеніемъ того, что нашъ мыслитель предоставлялъ разуму болѣе правъ на изслѣдованіе истины и не превращалъ философскаго ученія въ богословское: какъ религіозныя его убѣжденія никогда не встрѣчали противорѣчій со стороны изложенія предметовъ выше-опытныхъ, такъ и умственные изслѣдованія не были стѣсняемы богословскимъ догматизмомъ.

Таковъ былъ знаменитый мой наставникъ въ ту лучшую эпоху моей жизни, когда я началъ пользоваться его уроками, хотя онъ еще не обладалъ тою извѣстностью, которую невольно пріобрѣлъ позднѣе не только въ Россіи, но и въ Европѣ; тогда еще не зналъ его Шеллингъ, который впослѣдствіи спрашивалъ каждаго Русскаго, приходившаго къ нему: «знакомы ли вы съ ученіемъ философа Голубинскаго?»

Конечно, при началѣ моего ученія, я не могъ постигать всѣхъ достоинствъ моего учителя; многія изъ ихъ открылись мнѣ позднѣе. Но уваженіе и любовь къ нему услаждали для меня и самое ученіе. Онъ приходилъ ко мнѣ ежедневно, хотя и въ неопредѣленные часы, и каждый урокъ его продолжался не менѣе двухъ часовъ. Иногда, въ свободное, послѣобѣденное время, онъ гулялъ со мною на Корбухъ (гдѣ теперь Геосиманскій скитъ) или по монастырской оградѣ; въ такихъ прогулкахъ назидательная бесѣда его съ избыткомъ дополняла классное ученіе.

Предметы моего ученія были очень разнообразны: въ первый годъ Русская словесность или, по тогдашнему, риторика, Латинскій языкъ, всеобщая и Русская исторія, переводы съ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ и грамматика послѣдняго изъ нихъ. Наставникъ мой зналъ хорошо Французскій языкъ, но не могъ говорить на немъ; Нѣмецкій языкъ онъ зналъ еще лучше, преподавалъ его въ академіи и совершенно свободно объяснялся на немъ съ иностранцами. Со втораго года и далѣе прибавились еще: всеобщая и церковная исторія, Греческій языкъ, геометрія и алгебра, логика и психологія, наконецъ Еврейскій языкъ. Послѣднему я учился такъ мало, что только умѣлъ читать и кое-какъ переводить, не выпуская изъ рукъ лексикона. Науки математическія мнѣ давались туго и плохо; во всѣхъ прочихъ предметахъ я шелъ очень бойко, по милости богатой памяти, которою одарила меня природа. Закона Божія я уже не училъ, а только передъ поступленіемъ въ университетъ прочиталъ нѣсколько разъ катихизисъ Филарета, чтобы не сконфузиться на экзаменѣ. Также не учился я и священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, оставшись при тѣхъ знаніяхъ, которыя пріобрѣлъ еще въ младенчествѣ по картинкамъ. Не учился я географіи политической, а самъ изъ любопытства знакомился съ ландкартой Евро-

пы передъ экзаменомъ. Географію математическую я проходилъ прежде съ Краси́льниковымъ.

Первое время по переселеніи въ Посадъ, не столько Академія, сколько Лавра произвела на меня сильное впечатлѣніе. Съ самаго дѣтства я любилъ торжественность въ церковной службѣ и старался изучить церковный уставъ; съ восхищеніемъ раза два или три видѣлъ архіерейское служеніе. Стройная, неспѣшная служба и превосходное пѣніе монаховъ въ Троицкомъ соборѣ привлекали меня до такой степени, что я радовался, какъ какому нибудь удовольствію, когда отправлялся съ маменькой и бабушкой къ обѣднѣ. Мало-по-малу успѣли мы ознакомиться съ главными лицами Лавры.

Тогдашній намѣстникъ Лавры и настоятель Виѣанскаго монастыря архимандритъ Аѳанасій, старецъ доброй жизни, весьма кроткій, радушный и снисходительный ко всѣмъ, очень скоро сблизился съ моею матерью и бывалъ у насъ довольно часто. Онъ былъ изъ неученыхъ ремесломъ иконописецъ, долго завѣдывалъ иконописною школой при митрополитѣ Платонѣ и образовалъ нѣсколько искусныхъ учениковъ, между которыми лучшимъ былъ художникъ Малышевъ, заступившій мѣсто Аѳанасія въ завѣдываніи школою. Прежде намѣстники Лавры назначались изъ префектовъ Лаврской Семинаріи, или изъ числа другихъ ученыхъ монаховъ. Когда архимандритъ Никаноръ Клементьевскій (окончившій жизнь въ санѣ митрополита Новгородскаго и Петербургскаго) изъ намѣстниковъ Лавры поступилъ въ должность ректора Виѣанской Семинаріи и получилъ въ управленіе Петровскій монастырь, архіепископъ Московскій Августинъ, по совѣту пріѣзжавшаго тогда въ Лавру ревизора, доктора богословія, архимандрита Филарета (впоследствии знаменитаго митрополита Московскаго) назначилъ намѣстникомъ Лавры Аѳанасія, въ 1818 году. Отъ о. Аѳанасія мнѣ случалось слышать анекдоты о митрополитѣ Платонѣ и его управленіи; иногда онъ показывалъ мнѣ рисунки прежней своей работы, въ числѣ прочихъ рисунокъ митры, заказанный ему Платономъ, съ тѣмъ, чтобы на митрѣ изображенъ былъ «весь рай». Иконописецъ не могъ разрѣшить такой мудреной задачи, но посоветовался съ учителемъ Лаврской Семинаріи, Василиемъ Михайловичемъ Дроздовымъ (тѣмъ же Филаретомъ впоследствии), и Дроздовъ научилъ его сдѣлать такъ: на верху митры поставить образъ Троицы, окруженный ангельскими ликами; спереди изобразить распятаго Спасителя съ Богородицей и Предтечею по сторонамъ, а прочее пространство митры занять образами пророковъ, апостоловъ, святителей, мучениковъ и другихъ святыхъ. Эта митра и теперь хранится въ Виѣанской ризницѣ. Въ управленіи Лаврой добрый

старецъ былъ слишкомъ снисходителенъ; когда говорили ему, что нужно держать монаховъ построже, онъ отвѣчалъ: «Охъ окаянные, окаянные, измучили они меня! А взыскивать не могу: самъ я всѣхъ грѣшнѣй». Онъ скончался уже по переѣздѣ нашемъ въ Москву, 23-го Февраля 1831 года. Послѣдняя болѣзнь о. АѦанасія продолжалась недолго и не казалась опасною; но онъ имѣлъ какое-то предвѣщаніе о приближающейся кончинѣ. Въ послѣдній день его жизни, когда ректоръ Академіи архимандритъ Поликарпъ (рѣчь о немъ будетъ впереди) зашелъ къ больному и шутя звалъ его къ себѣ на именины, о. АѦанасій съ веселымъ лицомъ отвѣчалъ ему: «сегодня же я званъ на другой праздникъ; отсюда уже не ворочусь сюда». И дѣйствительно, во время обѣда у ректора-имянинника, удары въ царь-колоколъ возвѣстили о смерти намѣстника. Тѣло о. АѦанасія погребено за алтаремъ Сошествіенской церкви.

По слабости характера о. АѦанасія и неопытности его въ хозяйственной части, все хозяйство Лавры, а особенно строительное дѣло, были переданы въ полное распоряженіе казначея Арсенія, къ которому митрополитъ Филаретъ имѣлъ полное довѣріе. Онъ построилъ большую каменную гостиницу, которая тогда называлась новой, а теперь зовется старой, и нѣсколько другихъ строеній. Въ награду за полезную дѣятельность онъ получилъ санъ архимандрита и званіе настоятеля Коломенскаго Голутвина монастыря, не оставляя должности казначея Лавры до 1828 года, когда былъ переведенъ въ первоклассный Иверскій монастырь; тамъ вскорѣ онъ умеръ, оставивъ своимъ роднымъ очень много денегъ, нажитыхъ имъ въ Лаврѣ.

Преемникомъ Арсенія въ должности казначея былъ ризничій іеромонахъ Теофилъ, котораго о. намѣстникъ АѦанасій очень любилъ и почти всегда привозилъ съ собою къ своей матери. Онъ былъ чело-вѣкъ тихій и скромный, но безъ всякаго образованія, что было особенно замѣтно, когда онъ показывалъ ризницу посѣтителямъ. Такъ, на-примѣръ, показывая крестъ, присланный преп. Сергію отъ патріарха Филофея, онъ всегда прибавлялъ, что этотъ крестъ сдѣланъ изъ жезла, которымъ Моисей разсѣкъ Чермное море. Онъ былъ послѣ архимандритомъ Тверскаго Отроча монастыря и умеръ на покой въ Лаврѣ.

Между лаврскими старцами былъ особенно замѣчателенъ гробовой іеромонахъ Іона, прежде бывший протоіерей университетской церкви въ Москвѣ. Онъ окончилъ курсъ въ прежней Лаврской Семинаріи, порядочно зналъ по-латыни и страстно любилъ писать стихи, которые впрочемъ выходили всегда очень неудачны.

Свои вирши онъ полагалъ на музыку, заставлялъ пѣть вмѣстѣ съ собою своихъ многочисленныхъ духовныхъ дочерей, пріѣзжавшихъ

къ нему изъ Москвы, и любилъ раздавать свои произведенія всѣмъ, кто посѣщалъ его. Чтобы имѣть всегда достаточное количество экземпляровъ для раздачи, онъ очень часто обращался къ инспектору Виѣанской Семинаріи Θεодотію съ просьбой, заставить семинаристовъ переписать 10, 20 листковъ «моей поэзіи», какъ онъ говорилъ. Θεодотію надѣло наконецъ это порученіе и онъ прибавилъ на смѣхъ къ одному канту такой послѣдній куплетъ:

Сіи стихи сложилъ многими трудами,  
Но не слишкомъ вѣрными приемами  
Строгій блюститель лаврска закона,  
Старецъ Іона.

Этотъ эпилогъ огорчилъ старца, и онъ пересталъ обращаться къ Θεодотію. Впрочемъ, не смотря на эту странность, о. Іона пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свою доброту, сострадательность и безкорыстіе, а въ особенности за необыкновенный подвигъ, незадолго передъ тѣмъ имъ совершенный. Говорятъ, что преосв. Августинъ обѣщалъ сдѣлать его намѣстникомъ Лавры, но по совѣту Филарета, предпочелъ ему Аѳанасія. Обманутый въ ожиданіи почетнаго положенія и обиженный тѣмъ, что неученый іеромонахъ сдѣлался его начальникомъ, Іона не надѣялся вытерпѣть свое неудовольствіе безъ ропота, а потому наложилъ на себя безусловное молчаніе. Этотъ подвигъ онъ выдержалъ въ теченіи 7 лѣтъ и только наканунѣ Рождества Христова въ 1824 году, въ первый разъ далъ разрѣшеніе своему языку, запѣвъ громогласно кондакъ: «Дѣва днесь Пресущественнаго рождаетъ». Послѣ того онъ сдѣлался необыкновенно разговорчивъ, такъ что о. намѣстникъ говорилъ о немъ: «теперь о. Іона хочетъ наговориться вдоволь за всѣ тѣ годы, когда молчалъ». Отецъ Іона былъ духовникомъ всей братіи; у него же исповѣдывались моя мать, бабушка и сестра. Онъ скончался въ глубокой старости около 1835 года и погребенъ въ Лаврѣ, недалеко отъ могилы о. Аѳанасія.

Въ тоже время были въ Лаврѣ другіе старцы, достойные уваженія. У меня въ памяти сохранились: Леонтій, Игнатій, схимники Матѳей и Харитонъ.

Леонтій, родомъ изъ Болгаръ, постриженникъ монастыря Хпландаря на Аѳонѣ, едва ли не тайный схимникъ, жилъ въ Лаврѣ съ 1810 или 1811 года. Объ немъ я слышалъ любопытный разсказъ отъ преосвященнаго Самуила, епископа Костромскаго, бывшаго намѣстникомъ Лавры при митрополитѣ Платонѣ. «Весною 1812 года (такъ говорилъ при мнѣ Θεодору Александровичу преосв. Самуилъ) я поѣхалъ въ Виѣанію къ владыкѣ съ докладомъ, кого прикажетъ онъ поставить въ ча-

совню Божіей Матери <sup>1)</sup> на мѣсто умершаго монаха? Митрополитъ отвѣчалъ мнѣ непонятными рѣчами о какомъ-то монахѣ, который идетъ къ намъ съ Аѳонской горы. Черезъ нѣсколько времени я опять доложилъ владыкѣ о томъ же, и получилъ тотъ же отвѣтъ. Признаюсь, я подумалъ, что владыка нашъ отъ старости забывается и не помнитъ что говорить, тѣмъ болѣе, что тогда у насъ была война съ Турками, и всѣ пути сообщенія были прерваны. Но что же вышло? Вдругъ является ко мнѣ монахъ-болгаринъ, по имени Леонтій, съ паспортомъ генерала Кутузова (впослѣдствіи князя Смоленскаго). Оказалось, что этотъ монахъ отправился изъ Аѳонской Лавры въ нашу, по особому откровенію во снѣ, и сверхъ всякаго чаянія благополучно прошелъ мимо Турецкой арміи въ нашу главную квартиру къ главнокомандующему. Когда я доложилъ о томъ владыкѣ, онъ сказалъ: «помнишь, я говорилъ тебѣ объ Аѳонскомъ монахѣ?» Тогда только я понялъ, что слова нашего великаго архипастыря были не безсознательны, а пророчественны, и постановилъ Леонтія въ часовню». Такъ рассказывалъ при мнѣ преосв. Самуилъ, въ своемъ Ипатьевскомъ монастырѣ, въ Іюль 1825 года. Отъ Леонтія прослужилъ въ часовнѣ до глубокой старости. Иногда видали его по ночамъ молящимся подъ окномъ запертой часовни снаружи, при свѣтѣ лампы, которая неугасимо теплится предъ чудотворною иконою. По глубокому смиренію, онъ жилъ и умеръ простымъ монахомъ.

Игнатій, также простой монахъ (въ мірѣ Иванъ Ермолаевъ, штатный служитель Лавры, ремесломъ маляръ) зажигалъ стаканчики на позолоченной верхней чанѣ огромной Лаврской колокольни во время пріѣзда императора Павла I, въ Маѣ 1797 года. По неосторожности, онъ упалъ оттуда, но не долетѣвъ до земли, повисъ, зацѣпившись спиной за острые желѣзные украшенія втораго яруса. Его сняли безъ чувствъ, но безъ всякаго поврежденія; только на спинѣ сохранился навсегда рубецъ отъ разодранной кожи. Послѣ того онъ поступилъ въ число Лаврской братіи. Въ мое время онъ жилъ въ Лаврской больницѣ и служилъ пономаремъ при церкви Зосимы и Савватія. Онъ едва зналъ грамотѣ, но любилъ читать отеческія писанія и особенно книгу «Добротолюбіе». Изъ этихъ источниковъ старецъ очень удачно дѣлалъ выписки, располагая ихъ на отдѣльных листахъ, смотря по содержанію; такъ, на одномъ листѣ говорилось о смиреніи, на другомъ о терпѣннѣи и т. д. Эти листы смиренный монахъ подносилъ иногда Ѳ. А.

---

<sup>1)</sup> Часовня подлѣ Троицкаго Собора, гдѣ находится икона явленія Богоматери чудотворцу Сергію и почиваютъ подъ спудомъ мощи святителей Іоасафа и Серапіона и преподобнаго Діонисія.

Голубинскому, и не менѣ смиранный философъ принималъ ихъ съ уваженіемъ и благодарностью, потому что дорожилъ каждою доброю мыслію, гдѣ бы она ни попалась.

Схимонахи Матѳеи и Харитонъ сдѣлались болѣе извѣстными уже по смерти. Я засталъ ихъ еще при жизни: первый изъ нихъ, іеромонахъ Михаилъ, бывшій прежде духовникомъ Лаврской братіи, отличался глубокимъ смиреніемъ и строгимъ постничествомъ. Избѣгая почтенія отъ людей, онъ иногда притворялся юродивымъ, за что и былъ смѣненъ изъ духовниковъ. Иногда онъ какъ будто предсказывалъ, и предсказанія его нерѣдко сбывались. Такъ и мнѣ, еще мальчику, онъ сказалъ однажды, что у меня будетъ жена Елисавета Петровна. Я вообразилъ тогда, что это предсказаніе относится къ одной хорошенькой барышнѣ, которая мнѣ очень нравилась, хотя и была лѣтъ на десять старше меня; но это предсказаніе сбылось гораздо позднѣе, а именно въ 1850 году, когда я женился на княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ Волконской.

Другой подвижникъ, Харлампій, также простой монахъ, и также изъ полуграмотныхъ, до конца жизни находился при часовнѣ, стоящей на мѣстѣ кельи преподобнаго Сергія. Онъ былъ тамъ сначала помощникомъ о. Леонтія, а потомъ заступилъ его мѣсто, когда послѣдній, ослабѣвъ отъ старости и почти лишившись ногъ, перешелъ на жителство въ больницу. О. Харлампій особенно заботился объ украшеніи ввѣренной ему часовни; богатая риза на огромной иконѣ Явленія Божіей Матери преп. Сергію и много другихъ окладовъ остались памятниками усердія о. Харлампія. Когда устроенъ былъ Геосиманскій скитъ, Михаилъ и Харлампій поступили туда изъ первыхъ. Тамъ они приняли схиму: Михаилъ съ именемъ Матѳея, а Харлампій съ именемъ Харитона. Тамъ же оба кончили жизнь почти въ одно время и погребены у подножія большаго креста на скитскомъ холмѣ.

Лѣтомъ 1825 года, послѣ праздника преп. Сергія, мы поѣхали всей семьей къ дядѣ Сумарокову въ село Красное. Съ нами поѣхалъ и почтенный мой наставникъ, желая повидаться съ своими родителями, жившими тогда при церкви Ипатьевской слободы въ Костромѣ. Изъ Краснаго я пріѣзжалъ съ матерью въ Кострому для поклоненія Θεодоровской иконѣ Божіей Матери, былъ въ гостяхъ у родителей Θ. А. и ходилъ съ нимъ въ Ипатьевскій монастырь. Это лѣтнее путешествіе было для меня очень пріятно и сохранилось въ моей памяти, какъ послѣдній образчикъ продолжительныхъ странствій на старинный ладъ, т.-е. въ нѣсколькихъ экипажахъ на своихъ лошадяхъ. Мы ѣхали въ двухъ экипажахъ: матушка съ сестрой моей, гувернанткой и двумя горничными въ большой четверомѣстной каретѣ, а бабушка съ Θ. А.,

со мной и еще съ одной горничной, — въ коляскѣ съ фордекомъ. Каждый экипажъ заложенъ былъ въ шесть лошадей. Ызда продолжалась слѣдующимъ порядкомъ: мы выѣхали послѣ обѣда, на другой день обѣдали въ Переяславлѣ, на третій въ Ростовѣ, откуда, своротивъ съ большой дороги, пріѣхали ночевать въ село Бурмакино и уже на четвертый день добрались до Краснаго.

Въ эту поѣздку я могъ короче узнать и оцѣнить нравственный характеръ дяди моего, Петра Николаевича Сумарокова. Доброе сердце его всегда было готово на помощь каждому нуждающемуся. Въ Красномъ нашелъ я двухъ мальчиковъ, почти однихъ со мною лѣтъ, Ивана и Никандра Данковыхъ. Послѣ смерти отца, оставшаго унтеръ-офицера изъ дворянъ, весьма бѣднаго человѣка, мать ихъ ходила съ ними по міру и случайно зашла въ село Красное. Дядя мой взялъ обоихъ мальчиковъ на свое содержаніе и воспитывалъ ихъ сначала въ Нерехотскомъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ Костромской гимназіи до окончанія курса. Вакаціонное время они проводили у него въ Красномъ. Позднѣе я слышалъ, что младшій изъ нихъ учился въ Академіи Художествъ и вышелъ порядочнымъ живописцемъ. О старшемъ Иванѣ буду говорить послѣ.

Воспитаніе Данковыхъ было однимъ изъ многихъ добрыхъ дѣлъ дяди. Другой опытъ его щедрости я видѣлъ тогда же. Ѳеодоръ Александровичъ разсказалъ за обѣдомъ о горестномъ положеніи жены сельскаго священника, недавно овдовѣвшей и обремененной многочисленнымъ семействомъ. Дядя не вытерпѣлъ до конца обѣда: тотчасъ же всталъ, пошелъ въ кабинетъ и вынесъ оттуда сто рублей ассигнаціями для бѣдной вдовы.

При неистощимой щедрости къ другимъ, онъ не жалѣлъ денегъ и для своихъ удовольствій: псарня въ 400 собакъ, при множествѣ лошадей и охотниковъ, стоила ему очень дорого и вмѣстѣ съ тѣмъ разстроивала его здоровье, отъ природы очень крѣпкое. Долги росли съ каждымъ годомъ. Барскій домъ въ селѣ Красномъ былъ полной чапшей: за обѣдъ никогда не садилось менѣе двадцати человѣкъ; гости гасили по недѣлямъ съ прислугою и лошадьми. Въ числѣ постоянныхъ жителей Краснаго особенно замѣтны были мужъ и жена Шигорины. Начнемъ съ жены.

Наталя Матвѣевна Сытина принадлежала къ семейству, состоявшему въ какомъ-то дальнемъ родствѣ съ моей прабабкой, Прасковьей Ивановной Сумароковой, урожденной Шѣкуровой и почти половину своей жизни провела у Сумароковыхъ. Семейство Сытиныхъ вообще было бѣдно; но одинъ изъ братьевъ Натальи Матвѣевны, Викторъ, дослужился до чина полковника и былъ убитъ подъ Бородинымъ, ко-

мандуя какимъ-то егерскимъ полкомъ. Смерть любимаго брата сильно подѣйствовала на сестру. Нѣсколько времени она была какъ помѣшанная, во всю жизнь свою ненавидѣла Наполеона и, если попадался ей портретъ его, тотчасъ же на него плевала. «Этотъ злодѣй Бонапартъ» увѣряла она, «пришелъ прямо къ полку и своею шпагою заколотъ брата Виктора Матвѣевича». Никто не могъ разувѣрить ее въ несбыточности такого предположенія. Мужъ ея, отставной штабсъ-капитанъ Иванъ Александровичъ Шигоринъ, храбрый служака стараго времени, человѣкъ безъ образованія, но съ крѣпкимъ природнымъ умомъ и твердой волей, два раза прогулялся пѣшкомъ вмѣстѣ съ полкомъ, въ которомъ служилъ, отъ Костромы до Парижа (это было въ 1814—1815 гг.). Встрѣтивъ гдѣ-то Наталью Матвѣевну, тогда уже сорокалѣтнюю, весьма некрасивую дѣвицу, онъ вздумалъ къ ней присвататься. Она не дала ему опредѣленнаго отвѣта; но, посмотрѣвъ на образъ Божіей Матери (списокъ съ чудотворной Θεодоровской иконы) сказала: «Не знаю; вотъ, какъ Царица Небесная благословить». Нѣсколько разъ женихъ дѣлалъ предложеніе, и всегда получалъ тотъ же отвѣтъ. «Да, вѣдь, Божія Матерь вамъ ничего не скажетъ», возразилъ онъ, «вы сами скажите: да, или нѣтъ?» Тогда невѣста положила за образъ двѣ записочки; на одной изъ нихъ было написано: «иду», а на другой «неиду». Вынула первая, и вскорѣ состоялась свадьба, при щедромъ пособіи отъ Сумароковыхъ. Наталью Матвѣевну я зналъ съ самаго моего дѣтства, но мужа ея увидѣлъ первый разъ въ эту поѣздку. Онъ управлялъ тогда имѣніями дяди очень усердно и честно.

По возвращеніи въ Посадъ, въ концѣ Августа, каждый изъ насъ возвратился къ обычнымъ своимъ занятіямъ. Когда наступила осень и сдѣлалось холодно и сыро, мать моя, много натерпѣвшаяся отъ мороза, при слабомъ своемъ здоровьѣ, въ холодномъ Троицкомъ соборѣ (тогда еще не было въ немъ печей) рѣшилась ѣздить къ обѣднѣ въ трапезную церковь, предоставленную на праздничные дни академическому братству; а на всенощныя, совершавшіяся съ вечера,—въ академическую залу. По этому случаю, она должна была познакомиться съ ректоромъ Академіи; и съ того времени, я началъ присматриваться къ академическому быту.

Во главѣ судебъ и дѣйствій Академіи стоялъ въ то время знаменитый архіепископъ Филаретъ. Съ нимъ матушка познакомилась еще прежде и была принята имъ очень внимательно; и я бывалъ нерѣдко въ кельяхъ владыки вмѣстѣ съ ней. Кому не извѣстны имя и дѣла митроп. Филарета? До сихъ поръ никто изъ ближайшихъ къ нему людей еще не могъ достойно описать его жизнь. Тѣмъ менѣе доступно это мнѣ. Болѣе всего поражалъ онъ меня глубиною, остротою и мѣт-

костью своихъ замѣчаній на публичныхъ академическихъ экзаменахъ, изъ которыхъ я не пропустилъ ни одного во все время жизни моего въ Посадѣ и съ каждымъ годомъ наслаждался ими болѣе и болѣе, по мѣрѣ собственнаго моего развитія. Во время экзаменовъ всѣ трепетали предъ нимъ. Позднѣе, приближаясь уже къ старости, преосв. Филаретъ совершенно переработалъ свой природный характеръ: сдѣлался снисходительнымъ и кроткимъ. Но въ то время, о которомъ я говорю, было еще далеко отъ такой перемѣны; горячность его выходила иногда изъ предѣловъ. По истеченіи почти полулѣта, многое позабылось; но я и теперь еще помню, что на экзаменахъ чаще и сильнѣе доставалось наставникамъ, нежели студентамъ. Особенно на ректора Поликарпа градомъ сыпались замѣчанія и укоры. Инспектору Евлампію, назвавшему полемическое богословіе «воительнымъ», владыка сказалъ: «отчего же не назвать солдатскимъ богословіемъ?» Въ другой разъ замѣтилъ ему же, при слушаніи весьма длиннаго трактата его объ Аріанской ереси: «Какъ ты усердно сражаешься съ тѣнями!» На экзаменѣ изъ всеобщей словесности разбиралась однажды, какъ образцовое произведеніе, надпись Рубана къ памятнику Петра I (колоссъ Родосскій и пр.); владыка разобралъ и мысли, и слова этой надписи, со свойственною ему остротою и точностью, и доказалъ почтенному профессору Доброхотову, что эта надпись вовсе не образцовое произведеніе. Способности студентовъ владыка умѣлъ оцѣнять почти съ перваго взгляда; объ одномъ изъ нихъ онъ отзывался: «Этотъ весь плотъ». Слово оказалось мѣткимъ и вѣрнымъ.

Ректоръ Академіи архимандритъ Поликарпъ не былъ любимъ владыкою, хотя принадлежалъ къ числу лучшихъ учениковъ его въ первомъ курсѣ Петербургской Академіи, когда Филаретъ былъ тамъ ректоромъ, и въ 1822 году при его же содѣйствіи получилъ степень доктора богословія. Но въ Академіи его уважали какъ наставники, такъ и студенты, за исправность въ исполненіи обязанностей, за откровенное прямотушіе и безпристрастіе, и всѣ любили его за доброе сердце и ласковое обращеніе. Какъ настоятель ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря, онъ пользовался хорошими доходами, но никогда не копилъ денегъ, употребляя ихъ не только на свои нужды и удовольствія, но и на помощь всѣмъ нуждающимся. Были и свои недостатки у о. Поликарпа: при веселомъ общительномъ нравѣ, онъ любилъ провести время съ пріятелями, выпить съ ними пуншу и поиграть въ карты, что впрочемъ, нисколько не отвлекало его отъ исправнаго прохожденія должности. Но эти недостатки вполнѣ выкупались двумя драгоценными качествами: онъ никого не осуждалъ и всегда готовъ былъ помочь всякому всѣмъ, что отъ него зависѣло. Въ 1835 году, во время лѣтней вакаціи,

от. Поликарпъ лишился должности ректора Академіи по слѣдующему случаю: въ Лавру пріѣхалъ въ первый разъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ, не задолго предъ тѣмъ опредѣленный на службу при Св. Синодѣ. Намѣстникъ Лавры, о. Антоній, показывая гостю все достойное вниманія въ Лаврѣ и окрестностяхъ, привезъ его въ Виѣанскія рощи. Тамъ встрѣтили они о. Поликарпа съ нѣсколькими профессорами, занимавшихся рыбною ловлею. Почтенные рыболовы предъ этимъ напились чаю, конечно не безъ рому, и были довольно веселы. Познакомившись съ Муравьевымъ, о. Поликарпъ завелъ шутливый разговоръ, причемъ пріѣзжій сказалъ не впадѣ какой-то текстъ, приписывая его апостолу. «А какой апостолъ это сказалъ?» со смѣхомъ спросилъ о. Поликарпъ. «Апостолъ Муравьевъ такъ говоритъ», отвѣчалъ Андрей Николаевичъ съ досадою.—«А такихъ апостоловъ недавно вѣшали», возразилъ съ громкимъ хохотомъ о. Поликарпъ, намекая на казнь извѣстнаго декабриста. Возбѣшенный этою шуткою, Муравьевъ отмстилъ за нее клеветою въ Синодѣ, и вскорѣ послѣдовало синодальное распоряженіе объ увольненіи о. Поликарпа отъ должности ректора съ оставленіемъ ему настоятельства въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Преемникомъ его былъ назначенъ инспекторъ Академіи, архимандритъ Филаретъ Гумилевскій (впослѣдствіи знаменитый архіепископъ Черниговскій). Распечатавъ пакетъ съ этимъ распоряженіемъ, о. Поликарпъ подалъ бумагу своему преемнику, сказавъ: «*Tibi gratulor, mihi gaudeo*» (Тебя поздравляю, за себя радуюсь). Въ послѣдующіе за тѣмъ дни, до самаго отъѣзда въ Москву, онъ удивлялъ всѣхъ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, оставаясь такъ же благодушнымъ и веселымъ, какъ и всегда. Въ Москвѣ онъ прожилъ недолго: 10 Января 1837 года онъ скончался отъ чахотки. О послѣднихъ дняхъ его жизни сохранилась у меня слѣдующая собственноручная записка Θ. А. Голубинскаго: «Отецъ Поликарпъ былъ человѣкъ чуждый притворства, открытый, веселый, незлобивый, кроткій. Живши съ нимъ болѣе одиннадцати лѣтъ, во все это время не видали его сердитымъ и не слыхали, чтобы онъ чѣмъ нибудь похвасталъ. Онъ имѣлъ нерѣдко знаменательныя сновидѣнія и предчувствія. Однажды подъ утро, въ тонкомъ снѣ, представилось ему, будто входитъ къ нему одинъ знакомый, жившій въ то время въ другомъ городѣ, за 160 верстъ, и срываетъ съ него одѣяло. Ощущеніе этого такъ было живо, что онъ въ ту же минуту проснулся и смотрѣлъ на дверь, не тутъ ли посѣтитель. Черезъ недѣлю узнали, что этотъ его знакомый въ то самое утро скончался. Въ другой разъ видѣлъ онъ во снѣ, будто съ нимъ сидятъ за столомъ мать его и покойный братъ, и будто послѣдній, наклонясь къ нему говорить: «я беру матушку къ себѣ». Черезъ нѣсколько дней получено извѣстіе, что

мать его, жившая отъ него за 300 верстъ, именно въ эту ночь умерла. Слишкомъ за годъ до своей смерти, находясь въ бодрственномъ состояніи, онъ видѣлъ передъ собою самого себя, испугался и сказалъ: «видно мнѣ недолго жить». Скорби переносилъ кротко, не виня никого, кромѣ самого себя. Имѣлъ столь смиренное чувство о самомъ себѣ, что, прощаясь съ учениками и сослуживцами, въ присутствіи стороннихъ людей, среди церкви, выговорилъ: «много я учился, но въ разумъ истины не пришелъ». Въ послѣдній годъ жизни проводилъ время уединенно въ трудѣ; обязанностію себѣ поставилъ каждадневно читать непременно утреннія и вечернія молитвы; соблюдалъ воздержаніе въ употребленіи пищи и питія. Прежде онъ былъ довольно толстъ, а передъ смертью убыло объема его тѣла на три четверти противъ прежняго, и это было слѣдствіемъ какъ двухмѣсячной болѣзни, такъ и предшествовавшаго болѣзни воздержанія. За день до смерти, послѣ особорованія масломъ, онъ говорилъ окружавшимъ его: «Я видѣлъ нынѣ сонъ. Нѣкто изъ святыхъ явился мнѣ и сказалъ: бѣдный Поликарпъ, ты страдаешь. Иисусъ Христосъ прислалъ меня, чтобы утѣшить тебя. Онъ прощаетъ грѣхи твои и дастъ тебѣ вѣчную жизнь, не потому, чтобы ты былъ того достоинъ, но по Своему милосердію, и потому, что многіе за тебя молятся и просятъ. Се здоровъ еси, къ тому не согрѣшай». Явившагося ему онъ признавалъ за св. Димитрія Мѣроточиваго. А на другой день, не задолго до своей кончины, говорилъ, что въ ту же ночь онъ имѣлъ двѣнадцать особенныхъ сновидѣній, въ которыхъ являлись неизвѣстныя лица и говорили ему: «Ты умрешь.... ты умрешь.... Хочешь-ли умереть?» На сіи вызовы, въ продолженіи одиннадцати явленій, онъ отзывался несогласіемъ; а въ двѣнадцатое явленіе, наконецъ, согласился умереть. Послѣ сего уже являлся къ нему св. Димитрій, чтобы его утѣшить. Скончался мирно, сохранивъ сознаніе до послѣдней минуты». Могила его подъ соборнымъ храмомъ Новоспасскаго монастыря.

Инспекторомъ Академіи въ первый годъ нашего житія въ Посадѣ былъ архимандритъ Платонъ Вerezинъ, магистръ перваго курса Московской Академіи, человекъ скромный и добродушный. Въ началѣ 1826 года онъ перемѣщенъ на должность ректора въ Виѣанскую Семинарію, а оттуда въ 1828 году, переведенъ въ ректоры Кіевской Академіи; но вскорѣ по пріѣздѣ въ Кіевъ скончался.

Кромѣ ректора и инспектора, были еще въ Академіи два духовныхъ лица: бакалавры-іеромонахи Евлампій и Аѳанасій. Первый изъ нихъ, магистръ Московской Академіи втораго курса, могъ служить типомъ самаго строгаго монашескаго житія: строгій до суровости къ самому себѣ, онъ столько же былъ строгъ ко всѣмъ, кто отъ него зависѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ неутомимъ въ церковной службѣ;

чѣмъ долѣе она продолжалась, тѣмъ ему было пріятнѣе. Проповѣди его были безмѣрно-длинны, всегда въ три, четыре и болѣе аргументовъ. Лекціи писалъ онъ самымъ тяжелымъ языкомъ, періодами, растянутыми до того, что на мелко исписанной страницѣ рѣдко встрѣчалось болѣе одной точки. Притомъ эти періоды были испещрены текстами въ скобкахъ, и студентъ на экзаменѣ публичномъ принужденъ былъ вставлять эти тексты въ свой отвѣтъ, который растягивался оттого до безобразія. Это весьма не нравилось митрополиту, и Евлампій всякій разъ получалъ отъ него выговоръ. Даже въ частныхъ письмахъ Евлампій сохранялъ тотъ же слогъ; вотъ для образца записка его къ моей матери: «Благоволите, ваше сіятельство, пожаловать прислать мнѣ пару въ сани запряженныхъ лошадей, дабы я могъ привести въ дѣйствіе мои предположенія касательно исполненія нѣкоторыхъ необходимыхъ посѣщеній». На простомъ языкѣ это значило: хочу пріѣхать къ вамъ пить чай, прошу прислать лошадей. Вотъ образъ мыслей его о поведеніи студентовъ: «Между студентами усматриваются три порока: 1) поведеніе студента бываетъ «несообразное», если онъ заботится о своей наружности, старается уподобиться свѣтскому щеголю, а не будущему служителю церкви. 2) «Безобразное» поведеніе обнаруживается въ излишнемъ употребленіи спиртныхъ напитковъ. 3) Признаки поведенія «злообразнаго»: недостатокъ повинovenія и вообще уваженія къ начальству, дерзость и грубость. Первый изъ этихъ пороковъ наказывается напряженными увѣщаніями и выговорами, второй—постепеннымъ пониженіемъ въ спискѣ, а третій требуетъ изгнанія изъ Академіи. Только отецъ ректоръ много мѣшаетъ», прибавлялъ онъ, намекая на добродушіе о. Поликарпа. Когда онъ заступилъ мѣсто Платона въ должности инспектора Академіи, студенты тотчасъ же возненавидѣли его за непомѣрную взыскательность, и эта ненависть продолжалась во все пятилѣтнее его инспекторство. Онъ не спускалъ безъ взысканія ни малѣйшей вины и, можетъ быть, многіе изъ воспитанниковъ подверглись бы исключенію изъ Академіи, если бы не защищала ихъ благодѣтельная снисходительность о. Поликарпа. Въ 1831 году онъ сдѣлался ректоромъ Виѣанской Семинаріи, въ 1834 году посвященъ въ санъ епископа Екатеринбургскаго, викарія Пермскаго, потомъ былъ епархіальнымъ епископомъ въ Орлѣ, въ Вологдѣ и наконецъ архіепископомъ Тобольскимъ; скончался на покоѣ въ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ въ 1862 году. Тѣло его погребено въ малой монастырской церкви, гдѣ прежде была келья святителя Германа. Тамъ я поклонился праху его въ 1877 году.

Аѳанасій Дроздовъ, іеромонахъ, магистръ 4 курса, отличался очень бойкими способностями и неутомимымъ трудолюбіемъ по классу

герменевтики. При необыкновенно-красивой наружности, онъ постоянно чуждался женщинъ и бѣгалъ отъ нихъ какъ отъ заразы; впрочемъ и вообще не любилъ общества и все время проводилъ надъ книгами. Въ 1828 году получилъ санъ архимандрита и назначенъ ректоромъ Пензенской Семинаріи. Позднѣе былъ ректоромъ Петербургской Академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ епископомъ Винницкимъ, потомъ епископомъ Саратовскимъ и наконецъ архіепископомъ Астраханскимъ. Скончался на покой въ 1876 году. Отъ него слышалъ я въ 1846 году слѣдующій разговоръ: «Когда я пріѣхалъ въ Пензу на должность ректора Семинаріи и явился къ преосвящ. Иринею, давно уже извѣстному своими странностями, онъ встрѣтилъ меня словами: «вотъ какихъ юношей посылаютъ къ намъ управлять Семинаріями» и вообще принялъ меня очень недружелюбно. Спустя нѣсколько времени, мнѣ назначена была проповѣдь на Троицынъ день; я изготовилъ ее и подаль заранѣе преосвященному, но отъ служенія отказался за множествомъ хлопотъ предъ началомъ экзамена. Стоя въ алтарѣ во время литургіи, я замѣтилъ, что архіерей сердится и кидаетъ на меня косые взгляды. Въ надлежащее время я произнесъ проповѣдь о духѣ страха Божія; но каково было мое удивленіе, когда преосвящ. Иринею, вышедъ изъ алтаря по окончаніи обѣдни, чтобы начать вечерню посреди церкви, остановился на амвонѣ и началъ свое слово, въ которомъ увѣрялъ народъ, что я напрасно училъ страху Божію: Бога нужно любить, а не бояться, по слову апостола: «совершенная любовь изгоняетъ страхъ» (1 Іоан. IV, 18). Скандалъ былъ всеобщій. Послѣ обѣдни духовенство и высшее общество города отправились къ архіерею на закуску; я же не зналъ, что мнѣ дѣлать: идти или нѣтъ; но рѣшился пойдти, чтобы не прослыть гордецомъ во мнѣніи владыки. Провода гостей, онъ удержалъ меня на нѣсколько минутъ, принесъ изъ кабинета золотыя Англійскіе часы, которыми весьма дорожилъ и спросилъ меня: «какъ ты думаешь, отецъ ректоръ, что мнѣ дороже, ты или эти часы?» Что мнѣ было отвѣчать? Если скажу, что часы дороже, скажетъ, что я считаю его сребролюбцемъ, а въ противномъ случаѣ будетъ увѣрять, что я слишкомъ много о себѣ думаю. Послѣ минутнаго размышленія я отвѣчалъ: «думаю, что человѣкъ, по образу Божію созданный и кровію Христовою искупленный, дороже всякой неодушевленной вещи». — «Правду ты говоришь, отецъ ректоръ», сказалъ преосвященный; «за это дарю тебѣ часы». Послѣ этого случая онъ былъ ко мнѣ постоянно ласковъ до отъѣзда своего въ Сибирь, куда былъ перемѣщенъ на Иркутскую епархію.

О другихъ наставникахъ Академіи буду говорить позднѣе, по мѣрѣ знакомства съ ними, а теперь перехожу къ продолженію моихъ воспоминаній.

Осенью 1825 года произошла небольшая перемѣна въ нашемъ домашнемъ быту. Матушка, по совѣту тетки графини Аграфены Степановны, любившей всегда мѣшаться въ чужія дѣла, наняла ко мнѣ гувернера Француза, Франца Яковлевича Делюсто, рекомендованнаго Красиильниковымъ. Это былъ старикъ, впрочемъ свѣжій и очень подвижной, знавшій правильно свой языкъ и немного умѣвшій рисовать. Бѣжавъ изъ Франціи во время первой революціи, онъ не принадлежалъ ни къ какой религіи, такъ что отъ него я слышался такихъ нечестивыхъ мыслей, какія до того времени и во снѣ мнѣ не грезились. Онъ не любилъ меня за то, что я всегда съ нимъ спорилъ и называлъ меня: «сумасшедшій фанатикъ». Впрочемъ безбожіе его скоро обнаружилось, и онъ отправленъ обратно въ Москву. Единственная польза, полученная мною отъ него; состояла въ привычкѣ правильно писать по-французски подъ диктовку. Въ концѣ того же года получено извѣстіе о кончинѣ Александра I въ Таганрогѣ, и послѣдовала присяга сперва на имя Цесаревича Константина, а потомъ чрезъ нѣсколько дней на имя Николая I. Тогда же я написалъ пару первыхъ маленькихъ сочиненій на смерть Александра I; они очень понравились моему наставнику и о. Евлампію, у котораго я тогда исповѣдывался.

Зимою 1826 года принцъ Оранскій, супругъ вел. княгини Анны Павловны, послѣ похоронъ Александра I, пріѣзжалъ въ Москву и оттуда въ Лавру, гдѣ принималъ его архіепископъ Филаретъ, но не въ облаченіи, а въ мантии, какъ неправославнаго; всѣ монахи были также въ мантияхъ. Въ этотъ пріѣздъ владыка рассказывалъ моей матери нѣкоторыя подробности о перенесеніи чрезъ Москву тѣла почившаго Императора. «Въ комиссіи печальной церемоніи», говорилъ онъ, «сидѣли князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, графъ Петръ Александровичъ Толстой и я. Князь Юсуповъ предложилъ, чтобы, по тѣснотѣ Архангельскаго собора, постлатъ помость поверхъ всѣхъ гробницъ, тамъ находящихся, и на этомъ помостѣ поставить катафалкъ. Я отвѣчалъ, что князю Николаю Борисовичу, проводшему цѣлую жизнь при дворѣ, лучше меня должно быть извѣстно, прилично ли попираť ногами царскія гробницы. Объ этомъ я спорить не буду, но попираť св. мощей не позволю. Полъ былъ настланъ поверхъ гробницъ, но надъ раками царевича Дмитрія и Черниговскихъ чудотворцевъ прорѣзаны отверстія, окруженныя рѣшетками. Въ другой разъ князь Юсуповъ представилъ въ комиссію рисунокъ балдахина, покрытаго сверху флеромъ; надъ нимъ, почти уже въ куполѣ, должны были горѣть огни, представляющіе вѣнецъ изъ звѣздъ. Я замѣтилъ, что отъ этихъ звѣздъ можетъ произойти пожаръ и, пожалуй; придется приводить въ соборъ команду съ трубами и насосами.

Меня не послушали, но послѣ флеръ дѣйствительно вспыхнулъ и надѣлалъ тревоги. Князь очень гнѣвался на мои замѣчанія, и гнѣвъ его дошелъ до Петербурга, такъ что Государь поручилъ князю Дмитрію Владимировичу примирить князя съ архіепископомъ; я отозвался, что вовсе не желалъ прогнѣвать князя, но только исполнялъ свою обязанность».

Во время коронаціи императора Николая Павловича мнѣ случилось быть въ Москвѣ, и отецъ Поликарпъ, назначенный къ служенію литургіи, какъ настоятель старшаго изъ ставропигіальныхъ монастырей (Новоспасскаго) и ректоръ Духовной Академіи, провелъ меня съ собою въ соборъ. Литургію готовились служить два митрополита: Серафимъ Новгородскій и Евгенийъ Кіевскій и архіепископъ Московскій Филаретъ, которому въ тотъ же день пожалованъ бѣлый клобукъ. Не стану описывать извѣстныхъ всѣмъ обрядовъ коронаціи; скажу только объ одномъ обстоятельстве, которое осталось для меня памятнымъ. Нашъ владыка почему-то опоздалъ и спѣшилъ скорѣе облачиться, стоя передъ жертвенникомъ. Въ ту минуту, когда на обѣ руки его иподіаконы надѣвали поручи, вдругъ поклонился ему въ землю архимандритъ въ облаченіи и богатой брилліантовой митрѣ. «Кто это?» спросилъ владыка.—«Юрьевскій архимандритъ Фотій», отвѣчалъ тотъ вставая. «Теперь не время, и здѣсь не мѣсто». Этими словами Московскій архипастырь далъ замѣтить Фотію, что онъ, проживъ два мѣсяца на дачѣ графини Орловой (въ Нескучномъ), давно уже долженъ былъ явиться за благословеніемъ къ мѣстному владыкѣ, а не беспокоить его въ то время, когда онъ спѣшитъ для встрѣчи Государя.

Между тѣмъ, какъ въ Москвѣ происходили торжества коронаціи, въ Лаврѣ случилось грустное происшествіе. Оконченъ былъ 5-й учебный курсъ въ Академіи; списокъ студентовъ составленъ академическою конференціею, и ученыя степени назначены, но еще не утверждены Коммиссіею Духовныхъ Училищъ. Кончившіе курсъ воспитанники разѣзжались каждый на свою родину, и проводы товарищей сопровождались иногда дружескимъ угощеніемъ. Послѣ одного изъ этихъ проводовъ, студентъ Михаилъ Лаговскій, которому уже назначена была степень кандидата, пришелъ ко всенощной въ Успенскій соборъ (это было подъ 29 Августа) и сталъ пѣть безобразно. Инспекторъ Академіи Евлампій приказывалъ ему замолчать, но онъ не послушался. По окончаніи службы, Лаговскій на выговоръ инспектора отвѣчалъ ему какою-то грубостью, за что былъ запертъ въ карцеръ. Въ ту же ночь послано было къ митрополиту донесеніе о происшествіи. На другой день призвалъ митрополитъ ректора Поликарпа, находившагося въ Москвѣ, и сказалъ ему: «Знаешь ли, что дѣлается у тебя въ Академіи? Вотъ прочти письмо инспектора». Пораженный неожиданной новостью, о.

Поликарпъ старался смягчить гнѣвъ архипастыря и вымолить пощаду виновному. Для этого онъ нѣсколько разъ поклонился въ ноги митрополиту, чего прежде никогда не дѣлалъ. И Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій нарочно поскакалъ въ Москву съ тою же цѣлю, но всѣ просьбы остались тщетными: владыка рѣшилъ, что въ настоящее время нельзя оставить такого поступка безъ наказанія, тѣмъ болѣе, что слухъ объ немъ можетъ дойти до Двора, находившагося въ Москвѣ. Бѣдный Лаговскій выпущенъ былъ изъ Академіи студентомъ съ дурнымъ аттестатомъ и возвратился на родину въ Кострому, гдѣ года черезъ три умеръ отъ чахотки. До конца жизни своей онъ получалъ ежегодное пособіе отъ о. Поликарпа.

Въ числѣ студентовъ 5-го курса у меня были уже знакомые три монаха: Палладій Виноградовъ, Сергій Клировъ и Иннокентій Некрасовъ. Всѣ они вышли изъ Академіи старшими кандидатами и чрезъ два года удостоились степени магистра. Я особенно любилъ Палладія и очень горевалъ, когда онъ отправился на службу въ Казанскую Семинарію. Потомъ онъ былъ ректоромъ Семинаріи въ Перми, гдѣ скончался въ 1835 году. Сергій и Иннокентій вскорѣ оставили ученую службу, и я совершенно потерялъ ихъ изъ виду. Первый изъ нихъ, если не ошибаюсь, умеръ въ Кіевѣ, а послѣдній—въ Нижнемъ-Новгородѣ.

При концѣ 5-го курса я познакомился съ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, вышедшихъ тогда изъ Академіи. Это былъ Александръ Иродіоновичъ Сергіевскій, сынъ родной сестры митрополита Филарета, бывшей въ супружествѣ за Коломенскимъ соборнымъ протоіереемъ. Александръ Иродіоновичъ былъ оставленъ на должности бакалавра Греческаго языка. Онъ бывалъ у насъ каждое Воскресенье, а я у него почти каждый день. Послѣ моего незабвеннаго наставника, онъ болѣе всѣхъ былъ полезенъ мнѣ, какъ образецъ благонравія. Никогда не забуду этого всегда ровнаго, ничѣмъ невозмутимаго, въ высшей степени благодушнаго характера; никогда не случалось мнѣ встрѣчать человека, умѣющаго съ такимъ искусствомъ владѣть собою: никогда не видалъ я, чтобы онъ выпилъ лишнюю рюмку вина, или сказалъ какое либо необдуманное, не совсѣмъ приличное слово. Во всѣхъ своихъ поступкахъ, тѣлодвиженіяхъ, разговорахъ, онъ могъ служить образцомъ порядочности и благоприличія. Все это для меня, какъ мальчика, было въ высшей степени назидательно. По общительности своего характера, онъ часто скучалъ въ одиночествѣ и долго не рѣшался на выборъ поприща для своей жизни, такъ что наконецъ рѣшился просить совѣта у дяди своего митрополита. По зрѣломъ размышленіи онъ рѣшился поступить въ бѣлое духовенство и 18-го Мая 1830 года женился на дочери одного изъ Московскихъ священниковъ. Я былъ на этой свадь-

бѣ и восхищался рѣдкою красотою новобрачной, Анны Ѳедотовны. Къ сожалѣнію онъ прожилъ очень недолго и скончался въ 1834 году, священникомъ церкви Адріана и Наталіи. Послѣ него остались два сына: старшій Филаретъ Александровичъ, магистръ 19 курса, ординарный профессоръ Академіи, а теперь ректоръ Виѳанской Семинаріи. Младшій Николай Александровичъ, магистръ 20 курса, перешелъ изъ бакалавровъ академіи на гражданскую службу; теперь онъ тайный совѣтникъ, попечитель Виленскаго учебнаго округа.

Въ Сентябрѣ Лавра и Академія были обрадованы посѣщеніемъ императора Николая I съ двумя императрицами—супругою и матерью. Къ пріѣзду ихъ были написаны и напечатаны стихотворенія, изъ числа которыхъ два принадлежали студенту шестаго курса В. Знаменскому, и одно небольшое—бакалавру Ѳ. А. Платонову. Но еще два стихотворенія были не напечатаны: Латинское того же Платонова и Русское профессора П. С. Делицына. Изъ этой послѣдней оды сохранились у меня въ памяти два стиха о предкахъ, смотрящихъ съ неба на потомка ихъ, недавно вступившаго на престолъ:

Къ земной въ нихъ родинѣ любовь  
Небесную волнуетъ кровь.

и еще слѣдующая строфа:

Какъ мощный левъ возлежъ у трона,  
Нашъ витязь, дивный Константинъ,  
Престола щитъ и оборона;  
Средь Павловыхъ еще дружинъ,  
На Альпахъ лавры пожиная,  
Онъ Александрову вель рать  
Свободу міра искупать,  
И Николаю сталъ десная.  
Кто тамъ дерзнетъ извѣдать силъ,  
Гдѣ онъ и бодрый Михаилъ?

Въ шестомъ курсѣ, который начался такъ торжественно, у меня было много знакомыхъ: Вас. Пот. Знаменскій, о стихотвореніяхъ котораго сейчасъ сказано, К. А. Неволинъ, о. Іоаннъ Чистяковъ, П. Е. Покровский, К. В. Левицкій, И. И. Богословскій, К. П. Успенскій; всѣ они бывали у насъ въ домѣ по Воскресеньямъ.

Первые два и съ ними товарищъ ихъ Алексѣй Андреевичъ Благовѣщенскій, годъ спустя, поступили, по требованію Собственной Канцеляріи Его Величества, въ Петербургъ; они слушали тамъ лекціи юридическихъ наукъ не только въ университетѣ, но и во второмъ отдѣленіи Канцеляріи Его Величества у Балугьянскаго, Куницына, Плисова и

Клокова. За ходомъ ихъ образованія наблюдалъ самъ Сперанскій. Послѣ экзамена, который произвелъ имъ Сперанскій, вмѣстѣ съ профессорами-юристами, они въ Сентябрь 1829 года отправлены были за границу и въ Берлинѣ отданы въ руководство профессору гражданского права Савиньи. Кромѣ его лекцій, они слушали въ Берлинскомъ университетѣ лекціи Кленце, Гофмана, знаменитыхъ Риттера, Гегеля (недолго), Бенеке и другихъ болѣе чѣмъ 25 профессоровъ. Пробывъ два съ половиною года въ заграничномъ путешествіи, во время котораго два раза посѣщали разные города въ Германіи и Швейцаріи, они въ Сентябрь 1832 года возвратились въ Петербургъ. Савиньи отозвался о нихъ Сперанскому, что изъ числа 500 студентовъ Берлинскаго университета они были первые. Ихъ предназначали къ занятію каѳедры юридическихъ наукъ въ университетахъ или въ предполагавшемся къ открытію Училищѣ Правовѣдѣнія, а до времени ихъ причислили ко 2-му отдѣленію Канцеляріи Его Величества, и Сперанскій поручилъ имъ обработывать Сводъ Законовъ Остзейскихъ губерній. Въ 1833 году имъ дано высочайшее разрѣшеніе держать экзаменъ прямо на степень доктора. Весной 1834 года этотъ экзаменъ былъ ими выдержанъ, и потомъ они представили докторскія диссертациі. Знаменскій написалъ на тему: *De philosophica juris civilis tractandi ratione, per comparationem jurium diversarum gentium instituenda*. Диссертация одобрена и уже печаталась; автору назначена каѳедра законовѣдѣнія въ Киевскомъ Университетѣ, какъ вдругъ онъ сильно занемогъ воспаленіемъ легкихъ и скончался въ Январѣ 1835 года.

Неволинъ, возвратившись вмѣстѣ съ Знаменскимъ изъ-за границы, защищалъ диссертацию на степень доктора правъ: «о философіи законодательства у древнихъ» и былъ профессоромъ энциклопедіи законовѣдѣнія сначала въ Киевскомъ, а потомъ въ Петербургскомъ Университетѣ. Онъ скончался въ 1855 году, оставивъ послѣ себя значительное количество сочиненій; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ и теперь еще важное значеніе въ преподаваніи права.

О. Іоаннъ, въ мѣрѣ Д. Я. Чистяковъ, человѣкъ очень даровитый, но слабый здоровьемъ и страдавшій иппохондріей, прожилъ не долго по окончаніи курса. Онъ скончался отъ холеры въ 1833 году въ должности ректора Тамбовской Семинаріи.

П. Е. Покровскій, послѣ профессорства въ Московской Семинаріи, былъ священникомъ въ Москвѣ, потомъ протоіереемъ каѳедральнаго Архангельскаго собора, а въ 1871 году назначенъ главнымъ священникомъ арміи и флотовъ.

Левицкій и Успенскій были послѣ профессорами въ Виѣнѣ и кончили жизнь приходскими священниками въ Москвѣ.

П. И. Богословскій въ продолженіе курса принялъ постриженіе съ именемъ Іосифа, былъ въ Москвѣ ректоромъ Семинаріи, затѣмъ епископомъ Дмитровскимъ и наконецъ архіепископомъ Воронежскимъ. Въ 1864 году, по крайнему ослабленію зрѣнія, уволенъ на покой и живетъ теперь въ Воронежскомъ Митрофановомъ монастырѣ. Во время службы преосв. Іосифа въ Москвѣ и позднѣе, когда случалось мнѣ бывать въ Воронежѣ, я всегда пользовался милостивымъ расположеніемъ сего добродѣтельнаго архипастыря.

Шестой курсъ по преимуществу назывался монашескимъ, потому что заключалъ въ себѣ десять студентовъ-монаховъ. Но только двое изъ нихъ достигли архіерейства: преосв. Іосифъ и преосвящ. Варлаамъ (Успенскій), архіепископъ Тобольскій, скончавшійся на покой въ Бѣлгородскомъ Троицкомъ монастырѣ.

Прежде нежели перейти къ седьмому академическому курсу, нужно сказать нѣсколько словъ о себѣ. Съ весны 1825 года я страдалъ по временамъ сильными головными болями, которыя иногда препятствовали мнѣ заниматься ученіемъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ нимъ присоединились еще сильные спазматическіе припадки, въ родѣ эпилепсіи. Матушка неоднократно возила меня въ Москву къ профессору терапіи Іустину Евдокимовичу Дядьковскому; но, видя, что совѣты его не помогаютъ, рѣшилась взять въ домъ постоянного медика, доктора медицины Вас. Аѳан. Мичурина, потому что въ Сергіевскомъ Посадѣ не у кого было лѣчиться.

Тогда при Академіи, Лаврѣ и Виѳанской Семинаріи былъ одинъ очень своеобразный врачъ штабъ-лѣкаръ Степ. Григ. Витовскій, произведенный, по волѣ императора Павла, въ медики изъ фельдшеровъ, безъ всякаго экзамена, единственно по рекомендаціи митрополита Платона, что онъ хорошо лѣчитъ Виѳанскихъ семинаристовъ. Познанія его въ медицинѣ были самыя ничтожныя; въ лѣченіи онъ ограничивался хиной, ялаппой и груднымъ чаемъ, но фельдшерскую часть зналъ хорошо: искусно перевязывалъ раны, исправлялъ вывихнутые и переломленные члены. Впрочемъ въ академической больницѣ очень рѣдко бывали больные: если кто изъ студентовъ занемогалъ по-серьезнѣе, его тотчасъ же отправляли въ Москву. Деревянная ветхая больница, въ которой распоряжался Витовскій, большею частію пьяный, стояла въ заднемъ академическомъ саду; въ ней было четыре комнаты для больныхъ и одна для аптеки, съ надписью надъ дверями, сдѣланной еще митроп. Платономъ въ честь Витовскаго: «врачу, исцѣлися самъ».

Въ Февралѣ 1827 года внезапно пораженъ былъ апоплексіей студентъ Русановъ; онъ чрезъ нѣсколько часовъ умеръ, несмотря на то, что къ нему призваны были двое врачей: докторъ Мичуринъ, жившій

у насъ, и лѣкаръ Гойтаниковъ, гостившій у брата своего, о. ректора Поликарпа. Вслѣдъ затѣмъ Витовскій уволенъ по болѣзни отъ службы и вскорѣ умеръ. На мѣсто его просился докторъ Мичуринъ, который успѣлъ къ этому времени совершенно меня вылѣчить. Объ немъ ходатайствовала у митрополита мать моя; но академическое правленіе, желая дать это мѣсто брату ректора, старалось устранить Мичурина будто бы по неопытности, и получило отъ митрополита такую резолюцію: «Сужденіе академическаго правленія о неопытности доктора Мичурина за основательное признать не можно; ибо онъ занимался практикою не два мѣсяца, какъ пишеть правленіе, но по самому аттестату нѣсколько сверхъ того мѣсяцевъ во время самаго производства въ лѣкаря и, потомъ, какъ извѣстно, и прежде и послѣ своей уѣздной службы практику всегда имѣлъ. Производство въ лѣкаря перваго отдѣленія и чрезъ нѣсколько потомъ лѣтъ въ доктора доказываетъ способность и успѣхи, признанные въ немъ судіями, знающими его дѣло, а не такими, какъ члены академическаго правленія. Впрочемъ если правленіе имѣеть въ виду опытнѣйшаго, такового можетъ представить, только не родственника никому изъ членовъ правленія, дабы избраніе было безпристрастнымъ». Мичуринъ былъ опредѣленъ, но прослужилъ недолго: въ Ноябрь того же года онъ былъ уволенъ по прошенію и скоро умеръ отъ чахотки.

Съ Августа 1826 года начался седьмой курсъ, особенно замѣчательный для меня тѣмъ, что я сталъ, по совѣту Голубинскаго, посѣщать лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ Академіи. Особенно интересовали меня лекціи Ѳ. А. Платонова. Онъ преподавалъ всемірную исторію среднихъ вѣковъ, весьма краснорѣчиво и подробно излагалъ основаніе новыхъ западныхъ государствъ на развалинахъ Римской имперіи и еще увлекательнѣе описывалъ крестовые походы. Ни въ одной исторіи не находилъ я такихъ занимательныхъ подробностей и такой живой связи между событіями, какъ въ его запискахъ. Слушатели его, а въ томъ числѣ и я, старательно записывали эти лекціи; рукописный экземпляръ ихъ долго хранился у меня, но въ недавнее время пропалъ. Ѳ. А. Платоновъ не пользовался расположеніемъ митроп. Филарета; несмотря на продолжительную службу, онъ кончилъ жизнь бакалавромъ въ 1833 году.

Платонъ Ивановичъ Доброхотовъ, экстраординарный профессоръ, коллежскій совѣтникъ, преподавалъ эстетику и теорію всеобщей словесности. Я посѣщалъ его лекціи очень внимательно; но первую изъ этихъ наукъ понималъ плохо по необыкновенно-трудному изложенію; впрочемъ и нѣкоторые изъ студентовъ признавались мнѣ, что также не понимаютъ лекцій, хотя и записываютъ ихъ. За то лекціи по теоріи

словесности и особенно разборы разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ были весьма занимательны и отличались глубиной и тонкостью анализа. Самая личность Плат. Ив. была очень замѣчательна; онъ обладалъ необыкновеннымъ остроуміемъ и способенъ былъ отпускать ѣдкия насмѣшки. Ученыхъ монаховъ онъ терпѣть не могъ, впрочемъ и они (кромя ректора Поликарпа) платили ему взаимностью. Онъ увѣрялъ, что главная добродѣтель ихъ состоитъ будто бы въ «смиренно-лукавствіи». При постриженіи одного изъ студентовъ шестаго курса (если не ошибаюсь, Іоанна Чистякова), онъ подошелъ вслѣдъ за другими, чтобы поздравить новопостриженного и сказалъ ему: «поздравляю васъ съ образомъ ангельскимъ». Затѣмъ, обратясь къ студентамъ-пѣвчимъ, прибавилъ: «а васъ, господа, съ сохраненіемъ образа Божія». Инспекторъ Евлампій озлобился на эту остроту и долго не могъ простить Платону Ивановичу такое злое по его словамъ кощунство посреди храма Божія. Съ ѣдкимъ умомъ Пл. Ив. соединялъ нѣжное сердце; онъ былъ страстно влюбленъ въ молодую и весьма красивую вторую жену штабъ-лѣкаря Витовскаго и по смерти его хотѣлъ жениться на ней, несмотря на ея болѣзненное состояніе. Но бѣдная Анна Николаевна, измученная старымъ, пьянымъ и ревнивымъ мужемъ, скоро кончила жизнь отъ чахотки, на 26 году отъ рожденія. Грустно было смотрѣть на Платона Ивановича во время ея похоронъ. Онъ поставилъ памятникъ на ея могилѣ съ надписью: «до свиданія», и дѣйствительно пережилъ ее только шестью годами.

Незадолго до переѣзда въ Москву, я сталъ было посѣщать математическія лекціи ординарнаго профессора Петра Спиридоновича Делицына, магистра перваго курса Академіи. Тогда я мало зналъ его и, признаюсь, мало воспользовался его лекціями, по всегдашней неспособности моей къ математическимъ наукамъ. Этотъ досточтимый профессоръ, впоследствии протоіерей, при обширномъ знаніи своего предмета, имѣлъ большую способность къ поэзіи, что видно по одѣ его, изъ которой я привелъ выше одну строфу, и вообще онъ отлично владѣлъ Русскимъ языкомъ. Онъ постоянно пересматривалъ и поправлялъ переводы Отцевъ Церкви, помѣщавшіеся въ журналѣ, который издавался Академіей. Скончался 30 Ноября, 1863 года, прослуживъ при Академіи 45 лѣтъ.

Чтобы дополнить свои познанія въ Греческомъ языкѣ, я не пропускалъ почти ни одного класса у искренняго моего друга А. И. Сергіевскаго; посѣщалъ также Еврейскій классъ товарища его Ив. Ник. Богоявленскаго, уроженца Долгоруковского села Опарина. Онъ хорошо зналъ свой предметъ и занимался сперва усердно, хотя иногда попивалъ (эта несчастная страсть была наслѣдственной въ его семьѣ),

но, къ несчастію, влюбился въ ту же дѣвушку, къ которой сватался Сергіевскій. Невѣста и родные ея очень благоразумно предпочли послѣдняго. Послѣ этой свадьбы, Богословскій сталъ задумываться и оказывать разстройство ума, къ чему много способствовало и то, что отъ несчастной любви онъ искалъ утѣшенія въ служеніи Бахусу; въ 1833 году онъ долженъ былъ оставить службу при Академіи. Впослѣдствіи мнѣ случалось встрѣчать его въ самомъ жалкомъ видѣ, скитавшагося изъ мѣста въ мѣсто. Но и въ этомъ жалкомъ положеніи онъ еще помнилъ хорошо по-еврейски; умеръ въ Москвѣ около 1850 года.

Однимъ изъ любимыхъ моихъ предметовъ была исторія философіи, которую преподавалъ незабвенный мой наставникъ. Онъ читалъ наизусть на отличномъ Латинскомъ языкѣ и притомъ довольно медленно, такъ что мы слушатели, и въ особенности Александръ Васильевичъ Горскій (позднѣ знаменитый профессоръ и ректоръ Академіи), сидѣвшій почти всегда рядомъ со мной въ аудиторіи, могли записывать слова профессора почти буквально.

Нужно сказать нѣсколько словъ о наружномъ видѣ Академіи. Въ то время аудиторій было только двѣ: богословская для старшихъ студентовъ, т. е. для послѣдняго двухлѣтія, и философская для младшихъ, т. с. для перваго двухлѣтія. Первая изъ нихъ была въ большемъ залѣ, гдѣ нынѣ академическая церковь; а вторая, въ которую я чаще всего ходилъ на лекціи вмѣстѣ съ студентами восьмаго курса, помѣщалась въ передней половинѣ нынѣшняго актовaго зала. Задняя или угловая половина того же зала, украшенная лѣпною работою на потолокъ и узорчатою печью, работы прошедшаго столѣтія, назначалась для засѣданій академической конференціи. Рядомъ съ нею было академическое правленіе въ той комнатѣ, гдѣ теперь архивъ; а въ нынѣшней канцеляріи жили письмоводители изъ студентовъ. Квартира ректора была тамъ же, гдѣ и теперь и также состояла изъ трехъ большихъ комнатъ по главному фасаду; въ послѣдней изъ нихъ (ближайшей къ большой богословской залѣ) отправлялись въ зимнее время всенощныя наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, при пѣніи стройнаго академическаго хора. Сзади этой комнаты была келья для студентовъ-монаховъ; на двери ея, съ наружной стороны, была изображена горящая свѣча, и подъ ней надпись: «in tenebris lucet»<sup>1)</sup>; изъ тѣхъ же сѣней былъ ходъ въ бібліотеку, помѣщавшуюся въ бывшихъ классахъ Лаврской Семинаріи и состоявшую изъ нѣсколькихъ комнатъ, въ числѣ которыхъ первая и самая большая была украшена лѣпнымъ изобра-

<sup>1)</sup> Во мракѣ свѣтитъ.

жепіемъ Моисея на Синайской горѣ. Гора эта была внутри пустая съ небольшими скважинами снаружи; во время семинарскихъ актовъ, при митрополитѣ Платонѣ, ставили туда благовонныя куренья, и Синай дымился предъ глазами посѣтителей. Теперь библіотека перенесена въ новопостроенный корпусъ, а прежнее ея зданіе предполагается перedѣлать для студенческой столовой.

Инспекторъ Академіи, наставники изъ монаховъ, экономъ и профессоръ Доброхотовъ занимали верхній этажъ такъ называемаго инспекторскаго корпуса. Прочіе наставники холостые жили въ длинномъ и узкомъ зданіи, служившемъ въ старинное время переходами изъ чертоговъ на монастырскую стѣну. Квартира каждаго изъ нихъ состояла изъ трехъ комнатъ, очень длинныхъ, узкихъ и неудобныхъ; въ одной изъ нихъ я проводилъ вечера у А. И. Сергіевскаго до женитьбы его. Женатые наставники не могли жить въ Лаврѣ; двое изъ нихъ, профессора Делицынъ и Платоновъ, жили въ старомъ деревянномъ домѣ, въ Ильинской слободѣ, принадлежавшемъ Академіи съ 1815 года. Прочіе нанимали себѣ квартиры въ Посадѣ.

Студенты Академіи занимали нижніе этажи въ чертогахъ и инспекторскомъ корпусѣ; жилия ихъ компаты служили для занятій и назывались нумерами. Подъ нынѣшней актовой залой находились №№ 1 и 2, въ которые я чаще всего ходилъ къ знакомымъ. Въ каждомъ номерѣ былъ старшій, по выбору инспектора, обязанный наблюдать за нравственностью жившихъ въ одной съ нимъ комнатѣ. Вообще помѣщеніе студентовъ было гораздо простѣе и представляло менѣе порядка, нежели теперь, но едва ли не болѣе удобства.

Таковы были зданія. Каковы же были люди? Прошло около пятидесяти лѣтъ съ того счастливаго для меня времени, когда я обращался въ кругу воспитанниковъ Академіи; особенно въ послѣдній годъ я такъ сблизился съ ними, что былъ какъ свой въ ихъ обществѣ, и никто не думалъ отъ меня скрываться. Могу сказать по чистой совѣсти, что ни отъ кого изъ нихъ не видалъ дурнаго примѣра, кромѣ весьма немногихъ, искавшихъ иногда разсѣянія въ хмѣльныхъ напиткахъ. Впрочемъ общихъ попоекъ никогда не бывало, кромѣ прощанія съ товарищами при окончаніи курса. За то какъ много видѣлъ я добрыхъ примѣровъ скромности, уваженія къ старшимъ, трудолюбія и искренняго христіанскаго благочестія. Съ благодарностію вспоминаю я теперь, при концѣ своего поприща, о той нравственной пользѣ, которую я пріобрѣлъ изъ этихъ примѣровъ.

Сближеніе со студентами возбудило во мнѣ желаніе поступить въ число ихъ, и мать моя просила митр. Филарета о допущеніи меня къ экзамену въ 1830 году. Къ сожалѣнію, владыка нашелъ это невоз-

возможнымъ и несогласнымъ съ уставомъ, хотя послѣ было нѣсколько примѣровъ поступленія дворянъ въ Духовныя Академіи. Послѣ этого отказа мнѣ пришлось готовиться не къ академическому, а къ университетскому экзамену.

Лѣто 1829 года было для меня особенно пріятно; мы прожили въ Каменкахъ весь Іюль мѣсяцъ, и у насъ тамъ были гости: двое Виѣанскихъ профессоровъ, К. П. Успенскій и К. В. Левитскій и еще одинъ изъ оканчивавшихъ курсъ студентовъ Академіи, И. В. Платоновъ (незадолго до перехода его въ Петербургъ, по вызову собственной Его Величества Канцеляріи). Мы проводили время очень весело, много гуляли, купались, читали, и Успенскій старался, хотя безуспѣшно, развить во мнѣ разумѣніе математики. Тогда въ послѣдній разъ жили мы въ нашемъ старомъ домѣ и въ послѣдній разъ молились въ нашей деревянной церкви, уже не ветхой, какъ прежде, но прекрасно обновленной священникомъ А. И. Минервинымъ.

Этому, дорогому для меня, храму не долго пришлось существовать: 29 Августа 1829 года въ Каменкахъ произошелъ пожаръ отъ неосторожности одной крестьянки. Село, окружавшее церковь со всѣхъ сторонъ, загорѣлось почти все одновременно. Въ церкви шла литургія; священникъ, не прерывая службы, распоряжался выносомъ и сохраненіемъ церковныхъ вещей. Передъ глазами его пылалъ стоявшій за олтаремъ собственный его домъ, недавно отстроенный, со всѣмъ его имуществомъ; но отецъ Алексѣй не тронулся съ мѣста; и только тогда, когда стѣны храма уже загорѣлись, онъ вынесъ освященные дары изъ объятаго пламенемъ села, поставилъ ихъ на большомъ камнѣ, подставлявъ антиминъ, причастился и докончилъ литургію. Между тѣмъ имущество его сгорѣло до тла, а все церковное сохранилось, кромѣ большаго паникадила и верхнихъ рядовъ иконостаса. Послѣ пожара, священникъ, діаконъ и причетникъ переселились въ нашъ домъ, уцѣлѣвшій отъ пожара; туда же перенесены были иконы и ризница, покуда не было построено особое зданіе, въ видѣ большой часовни, для совершенія всѣхъ службъ кромѣ литургіи. Это строеніе обращено потомъ въ домъ для священника.

Тогда же и нашъ огромный, совершенно обветшавшій домъ былъ сломанъ и обращенъ на разныя хозяйственныя постройки. На мѣстѣ его построенъ другой домъ изъ своего, такого толстаго и прочнаго лѣса, что даже и теперь, по прошествіи 50 лѣтъ, онъ еще кажется совершенно новымъ.

Въ Сентябрѣ 1829 года снова повторилось требованіе студентовъ изъ Академіи въ Канцелярію Его Величества для высшаго юридическаго образованія; но на этотъ разъ отправили желающихъ поступить

туда добровольно, а не принуждали лучшихъ студентовъ, какъ было при первомъ требованіи. Вызвались на это поприще студенты 7-го курса: Иванъ Васильевичъ Платоновъ и два брата Баршевыхъ—Яковъ и Сергѣй Ивановичи. Они вмѣстѣ явились во II Отдѣленіе Канцеляріи Его Величества. Послѣ двухгодичнаго слушанія лекцій по правовѣдѣнію въ томъ же Отдѣленіи и въ Петербургскомъ Университетѣ, они слушали лекціи въ Берлинскомъ университетѣ, при чемъ Платоновъ въ свободное время, по приглашенію, обучалъ двухъ сыновей графа Д. Н. Блудова и преподавалъ Русскій языкъ принцу Прусскому Адальберту. По возвращеніи въ Петербургъ и по выдержаніи экзамена на степень доктора правъ, всѣ трое опредѣлены профессорами университетовъ: Платоновъ—Харьковскаго, Я. И. Баршевъ—Петербургскаго, и С. И. Баршевъ—Московского. Всѣ они, благодаря Бога, живы и теперь, но уже оставили ученую службу: первый изъ нихъ живетъ на покой въ своемъ имѣніи близъ Харькова, второй причисленъ ко II-му Отдѣленію Канцеляріи Его Величества, въ которомъ началъ свое юридическое образованіе, а послѣдній состоитъ почетнымъ опекуномъ Московскаго Опекунскаго Совѣта.

Я былъ близко знакомъ съ ними во время студенчества ихъ въ Академіи; съ Платоновымъ былъ даже въ дружескихъ отношеніяхъ; незадолго до отъѣзда въ Петербургъ онъ, во время вакаціи, гостилъ у насъ въ Каменкахъ. Въ этомъ курсѣ я имѣлъ еще двухъ друзей: Дмитрія Григорьевича Гумилевскаго, постригшагося въ монашество съ именемъ Филарета, и Александра Ѳедоровича Кирьякова. Филаретъ былъ тогда однимъ изъ самыхъ даровитыхъ и трудолюбивыхъ студентовъ и постоянно былъ для меня образцомъ въ учебныхъ занятіяхъ. Оставленный по окончаніи курса на службѣ при Академіи, онъ сохранилъ доброе ко мнѣ расположеніе, будучи не только инспекторомъ и послѣ ректоромъ Академіи, когда я, по желанію его, приводилъ въ порядокъ и описывалъ академическій минеральный кабинетъ, но и позднѣе, во время своего архипастырства въ Харьковѣ и Черниговѣ. Ученые труды преосвящ. Филарета пріобрѣли ему такую всеобщую извѣстность, что нѣтъ надобности перечислять ихъ. Я видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ, на 50-лѣтнемъ юбилеѣ Академіи въ 1864 году, а прежде того, когда я писалъ о древностяхъ Ростова, Новгорода и Пскова, имѣлъ отъ него нѣсколько поучительныхъ писемъ. Онъ скончался отъ холеры, во время объѣзда епархіи, въ г. Конотопѣ, 9 Августа 1866 года.

А. Ѳ. Кирьяковъ, юноша привлекательной наружности, съ тихимъ и скромнымъ характеромъ и весьма ласковымъ обращеніемъ, былъ мнѣ искреннимъ другомъ въ послѣдніе два года своего студенчества. Онъ

окончилъ курсъ магистромъ и получилъ мѣсто преподавателя въ Калужской семинаріи, откуда въ 1833 году переведенъ въ Московскую. Теперь онъ состоитъ на службѣ въ Московской Синодальной типографіи.

Изъ студентовъ восьмага курса, товарищей моихъ по слушанію лекцій, я былъ особенно близокъ съ двумя: Алекс. Вас. Горскимъ и Андреемъ Абрамовичемъ Аѣиновымъ. При записываніи лекцій, при объясненіи непонятныхъ для меня мѣстъ, особенно въ Греческомъ классѣ, Горскій былъ постоянно моимъ руководителемъ и помощникомъ. Онъ былъ болѣе развитъ нежели я, несмотря на то, что мы были ровесниками. И въ послѣдующее время, когда онъ уже былъ знаменитымъ профессоромъ, а я еще только начиналъ заниматься духовно-историческою литературой, онъ много помогалъ мнѣ своими указаніями и наставленіями. Не стану описывать его ученой дѣятельности, извѣстной не только въ Россіи, но и за границей; скажу только, что кончина его, 11 Октября 1875 года, была для меня искренней скорбью.

А. А. Аѣиновъ отличался живымъ, веселымъ характеромъ, острою ума и способностью очень легко писать стихи. Въ обществѣ съ товарищами онъ былъ всегда, какъ говорится, душою бесѣды. Окончивъ курсъ магистромъ, онъ получилъ мѣсто преподавателя Семинаріи на родинѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Я видѣлъ его тамъ въ 1870 году, соборнымъ протоіереемъ, тяжело старадавшимъ отъ паралича и почти недвижимымъ. Вскорѣ послѣ того онъ скончался.

Мнѣ остается еще рассказать нѣсколько воспоминаній моихъ изъ послѣдняго времени пребыванія моего въ Посадѣ.

Въ 1830 году преподавалъ церковную исторію въ Академіи архимандритъ Платонъ, магистръ 2-го курса, потомъ профессоръ Семинаріи и священникъ въ г. Ярославлѣ. Къ публичному экзамену онъ написалъ очень интересный трактатъ объ исторіи Русской Церкви въ XVIII вѣкѣ. Къ несчастію, онъ увлекся въ близкія сношенія съ отставнымъ полковникомъ Дубовицкимъ, принадлежавшимъ къ сектѣ хлыстовъ и ввѣрилъ ему для воспитанія дѣтей своихъ. Когда Дубовицкій, весною 1830 года, пріѣзжалъ въ Посадъ, мой незабвенный наставникъ Ѳ. А. Голубинскій также познакомился съ нимъ у о. Платона и былъ въ восхищеніи отъ христіанскаго направленія этого сектанта и написанныхъ имъ духовныхъ пѣсень. Впрочемъ онъ скорѣ понялъ сущность дѣла и прекратилъ знакомство съ Дубовицкимъ, а Платонъ, напротивъ того, несмотря на строгія предостереженія со стороны митрополита, упорно держался своей связи съ Дубовицкимъ. Это сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ; Платона перемѣстили на должность ректора Нижегородской семинаріи, но почти тотчасъ же онъ былъ арестованъ и ото-

сланъ въ заточеніе на островъ Балаамъ, гдѣ содержался довольно долго; потомъ былъ призванъ въ Петербургъ и занимался переводами съ Греческаго, по назначенію Св. Синода. Умеръ въ Твери архимандритомъ Желтикова монастыря въ 1865 году.

Весною 1830 года вся семья наша была огорчена смертью Ал. Ив. Лунгрень, гувернантки, прожившей у насъ въ домѣ болѣе 10 лѣтъ, сначала при мнѣ, а потомъ при сестрѣ. Она была искреннимъ другомъ матери моей и ревностной почитательницей П. И. Красильникова, за котораго собиралась выйти замужъ. Кажется, что и онъ прежде хотѣлъ жениться на ней, но теперь онъ мѣтилъ уже выше. Она умерла отъ чахотки въ началѣ Апрѣля. На отпѣваніи ея пѣли академическіе пѣвчіе; тѣло ея погребено въ Каменкахъ, подлѣ могилы моего отца и брата.

Разскажу еще одинъ случай, о которомъ много говорили въ то время. На сѣверо-восточномъ углу лаврской ограды стоитъ башня, извѣстная подъ названіемъ Красной; она отличается отъ прочихъ монастырскихъ башенъ сквознымъ верхомъ, похожимъ на бельведеръ, и поставленною на верху ея каменною уткою. Въ 1822 году, въ ночь съ 4 на 5 Іюля, въ верхнемъ этажѣ этой башни, на толстой желѣзной перекладинѣ повѣсился одинъ поврежденный въ умѣ студентъ Академіи (я лично не зналъ его и фамиліи его не помню), и съ того времени посилились слухи, что по вечерамъ и особенно по ночамъ, раздаются въ Красной башнѣ какіе-то необъяснимые страшные стоны. Многіе изъ студентовъ ходили по ночамъ на ограду и увѣряли, что слышали эти стenanія; но никто изъ этихъ смѣльчаковъ не рѣшился войти внутрь башни. Наканунѣ праздника преп. Сергія, 4 Іюля 1830 года, передъ самой всенощной пріѣхалъ къ намъ гость изъ Москвы, дядя мой графъ Андрей Степановичъ. Онъ вмѣстѣ съ нами поѣхалъ въ монастырь, по наскучивъ продолжительностію службы, отправился гулять по оградѣ. Подходя къ Красной башнѣ, онъ услышалъ стонъ и думая, что тамъ кто нибудь занемогъ и просить помощи, вошелъ въ башню и сталъ подниматься по лѣстницѣ. Чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ болѣе усиливался стонъ, и наконецъ на самомъ верху, подъ тою несчастной перекладиной, на которой совершилось, за 8 лѣтъ передъ тѣмъ, самоубійство студента, звуки сдѣлались настолько громки, что навели ужасъ на дядю. Поспѣшно сошелъ онъ съ ограды, и мы, при выходѣ изъ церкви, нашли его блѣднымъ и сильно смущеннымъ. Онъ разсказалъ намъ о томъ, что съ нимъ случилось и тутъ только узналъ отъ моей матери о несчастно-погибшемъ студентѣ. Какъ объяснить этотъ случай? Дѣйствіемъ воображенія объяснить нельзя, потому что дядя прежде ничего не зналъ о таинственныхъ звукахъ въ Красной башнѣ; сверхъ того

онъ былъ человѣкъ смѣлаго характера, отличался храбростью въ отечественной войнѣ и не вѣрилъ никакимъ явленіямъ духовъ. Многіе думали, что душа несчастнаго самоубійцы приходила стеною на то мѣсто, гдѣ насильственно разлучилась съ тѣломъ. Другіе полагали, что звуки зависятъ отъ сквознаго вѣтра, который прорывается, постепенно усиливаясь, съ ограды сквозь отворенную дверь до самаго верха башни. Это послѣднее мнѣніе подтвердилось въ послѣдствіи, когда въ башнѣ устроенъ былъ водоѣмъ, и дверь съ ограды заперта. Съ тѣхъ поръ ни на оградѣ, ни снаружи, подъ стѣнами башни, никакихъ звуковъ не слышно.

Въ послѣднее время пребыванія моего въ Сергіевскомъ посадѣ, передъ переѣздомъ въ Москву, я усиленно занимался повтореніемъ всего, что было мною пройдено, часто вставалъ даже ночью, зажигалъ свѣчу и принимался за книги: такъ пугалъ меня предстоящій университетскій экзаменъ. Однажды я увидѣлъ во снѣ, что экзаменъ начался, и я долженъ рассказывать исторію Тридцатилѣтней войны. Отвѣчая во снѣ на вопросъ, я замялся, забывъ имена нѣсколькихъ Нѣмецкихъ князей, защищавшихъ права протестантовъ. Проснувшись отъ страха, я постарался вытвердить все, что могъ найти объ этомъ предметѣ, не только въ учебникѣ Кайданова, но и въ другихъ историческихъ книгахъ, какія были у меня подъ рукою, и въ слѣдующіе затѣмъ дни прочелъ со вниманіемъ цѣлую книгу знаменитаго Шиллера: Исторія 30-ти лѣтней войны. Сонъ мой оказался знаменательнымъ: на университетскомъ экзаменѣ Погодинъ (тогда еще адъюнктъ по предмету исторіи въ этикополитическомъ факультетѣ) спросилъ меня о подвигахъ Густава Адольфа въ Германіи и о сраженіи при Люценѣ. Я сталъ отвѣчать съ самаго начала, съ возмущенія въ Чешской Прагѣ, подробно рассказывалъ ходъ войны шагъ за шагомъ, говорилъ о Тилли, Валленштейнѣ, Густавѣ Адольфѣ и другихъ замѣчательныхъ лицахъ этой войны. Экзаменаторъ остолбенѣлъ отъ удивленія и спросилъ меня: «Да кто же училъ васъ?»— Я отвѣчалъ «Θ. А. Голубинскій».—«Теперь не удивляюсь», сказалъ Погодинъ.

Приближалось время нашего переѣзда въ Москву. Тяжело мнѣ было разстаться съ незабвеннымъ моимъ наставникомъ; сердце мое было наполнено глубокимъ уваженіемъ, любовью и признательностію къ человѣку, которому я былъ такъ много обязанъ. И можно ли было, при такихъ близкихъ сношеніяхъ съ Θ. А., не чтить и не любить его? Во всю мою жизнь я не встрѣчалъ человѣка равнаго ему по уму и сердцу. Объ ученыхъ трудахъ его я упомянулъ уже выше; но не могу удержаться, чтобы не сказать теперь, хотя нѣсколько словъ о нравственномъ его характерѣ.

Въ числѣ добродѣтелей  $\Theta$ . А. главное мѣсто занимало смиреніе. Окруженный всеобщимъ уваженіемъ, онъ никогда не ставилъ себя выше другихъ, самого себя судилъ строго, но ко всѣмъ былъ всегда снисходителенъ; всегда готовъ былъ выслушать и внимательно обсудить мнѣніе каждаго, не настаивая упорно на своемъ собственномъ мнѣніи. Въ немъ сильно развито было человѣколюбіе и въ особенности уваженіе къ человѣческому достоинству: въ отношеніяхъ своихъ къ людямъ онъ не обращалъ вниманія ни на различіе сословій, ни даже на уровень образованія: для каждаго было у него готово слово назиданія, добрый совѣтъ, сердечное участіе въ скорбяхъ или радостяхъ того, кто приходилъ къ нему. Онъ умѣлъ открыть нѣчто доброе въ каждомъ человѣкѣ, умѣлъ довести каждаго въ бесѣдѣ съ нимъ до поучительной мысли или до назидательнаго разсказа. Ни въ комъ не видѣлъ или не желалъ видѣть зла, никого не осуждалъ и всегда находилъ какія нибудь облегчающія вину обстоятельства. Въ исполненіи своихъ обязанностей онъ былъ необыкновенно добросовѣстенъ: каждую лекцію обдумывалъ и обрабатывалъ по нѣскольку часовъ сряду; каждое студенческое сочиненіе или переводъ исправлялъ со всевозможною тщательностью; при занятіяхъ по цензурѣ духовныхъ книгъ онъ не ограничивался, подобно другимъ цензорамъ, строгимъ наблюденіемъ, чтобы въ рукописи не оказалось чего нибудь недозволительнаго, но исправлялъ въ ней мысли и слогъ, дополнялъ содержаніе и вообще старался придать ей возможно-лучшій видъ. Нѣсколько разъ былъ онъ ревизоромъ семинарій и духовныхъ училищъ, и каждая изъ этихъ ревизій стоила ему огромныхъ трудовъ: послѣ каждой ревизіи онъ представлялъ образцовые отчеты, въ которыхъ выставялъ на видъ, описывая яркими красками, всѣ заслуги начальниковъ и преподавателей обревизованныхъ имъ учебныхъ заведеній; не скрывалъ недостатковъ, по старался извинить виновниковъ этихъ недостатковъ, указывая притомъ на мѣры исправленія. Чувство корысти было чуждо благородной душѣ  $\Theta$ . А.: при самыхъ скромныхъ средствахъ къ содержанію, онъ никогда не заботился о пріобрѣтеніи денегъ. Такъ напр. за ежедневныя занятія со мною (никогда не менѣе двухъ часовъ въ день, а часто и болѣе) онъ самъ назначилъ себѣ жалованье самое скудное—по 25 руб. ассигн. въ мѣсяцъ и никогда, не смотря на просьбы моей матери, не хотѣлъ согласиться на возвышеніе этого ничтожнаго оклада. Онъ любилъ помогать своимъ бѣднымъ роднымъ; охотно давалъ деньги, сколько могъ, приходившимъ къ нему бѣднымъ, знакомымъ и незнакомымъ; нерѣдко давалъ взаймы оканчивающимъ курсъ бѣднымъ студентамъ и большею частію безъ отдачи. Такова была нравственная личность  $\Theta$ . А. Голубинскаго. Но читатели, можетъ быть, скажутъ мнѣ: неужели при всѣхъ

этихъ добродѣтеляхъ не было въ немъ никакихъ недостатковъ? Недостатки конечно были, но они происходили изъ того же источника, изъ тѣхъ же добрыхъ его качествъ. Онъ не подозрѣвалъ ни въ комъ лукавства или обмана, и этою излишнею довѣрчивостію люди неблагонамѣренныя пользовались для того, чтобы обмануть его. Человѣколюбіе не допускало его отказать кому-нибудь изъ приходившихъ къ нему: люди всякаго званія, въ особенности богомольцы и странники, отнимали у него такъ много времени, что онъ принужденъ былъ просиживать ночи за работой. Еще болѣе времени отнимала у него цензура; стараніе обработать какъ можно лучше каждую рукопись, каждый рисунокъ (множество такихъ рукописей и рисунковъ представлялось отъ книгопродавцевъ) затрудняло его до такой степени, при другихъ болѣе важныхъ занятіяхъ, что цензурный матеріалъ накоплялся у него кучами и лежалъ безъ движенія цѣлые мѣсяцы, а иногда и годы. Немало получалъ онъ непріятностей отъ книгопродавцевъ и другихъ издателей за свою медленность. Нѣкоторые, какъ напр. А. Н. Муравьевъ, жаловались митрополиту, который, съ своей стороны, присылалъ выговоры. Отчеты по ревизіямъ также представлялъ онъ очень медленно; такъ по ревизіи двухъ семинарій въ 1832 году Ѳ. А. представилъ отчетъ только въ 1836 году, по настоятельному требованію владыки, и притомъ признавался, что «ничего не можетъ сказать въ извиненіе своей медленности». По этому случаю митр. Филаретъ писалъ къ ректору Академіи: «Признающагося хочется *покрыть*. Непонятно, зачѣмъ такъ долго дремалъ протоіерей на искушеніе себѣ и другимъ». Въ другой разъ, при разсмотрѣніи вѣдомости о нерѣшенныхъ дѣлахъ академическаго правленія, владыка противъ статьи о ревизіи 1832 года написалъ: «Вспомнилъ ли протоіерей Голубинскій свою неисполнительность, и прежде не разъ замѣченную? Думаетъ ли онъ, что не довольно испытывалъ терпѣніе начальства, и что не настало еще время испытывать, имѣетъ ли онъ послушаніе?»

Несмотря на такіе строгіе отзывы, Филаретъ очень хорошо зналъ трудолюбіе и добросовѣстность Голубинскаго и отлично уважалъ его; онъ зналъ, что Голубинскій никогда не пренебрегалъ дѣломъ и несъ огромные труды по преподаванію, по цензурѣ, по перепискѣ съ учеными Русскими и иностранными. Зная все это, онъ хотѣлъ внушить ему, что нужно уметь распоряжаться временемъ, которымъ такъ умно распоряжался Филаретъ. Замѣчательно, что при такомъ, повидимому, гнѣвѣ на знаменитаго профессора, Филаретъ высказалъ теплое и трогательное слово: «признающагося хочется *покрыть*».

Нужно вспомнить еще нѣсколько лицъ до переѣзда въ Москву. Въ продолженіе пяти лѣтъ, проведенныхъ мною съ матерью, бабушкой и

сестрой въ Сергіевомъ посадѣ, бывали у насъ пріѣзжіе гости, которые теперь приходятъ мнѣ на память.

Два раза въ годъ, на праздники преп. Сергія, пріѣзжалъ въ Лавру изъ Ростова архимандритъ Яковлевскаго монастыря Иннокентій, и всякій разъ посѣщалъ мою матушку, иногда съ от. намѣстникомъ Аѳанасіемъ, иногда съ Ѳ. А. Голубинскимъ, котораго онъ очень любилъ. Онъ началъ свое служеніе церкви священникомъ въ селѣ Порѣчьѣ, на берегу озера, напротивъ города Ростова, гдѣ дѣдъ и прадѣдъ его удостоились принять рукоположеніе отъ святителя Димитрія. Овдовѣвъ послѣ двадцатилѣтняго священства, онъ постригся, подвизаясь въ трудахъ духовной жизни, подъ руководствомъ роднаго дяди своего отца Амфилохія, о которомъ говорилъ я выше. Еще при жизни старца, Иннокентій вступилъ въ обязанности архимандрита обители и около 30 лѣтъ несъ бремя настоятельства, назидая и братію, и богомольцевъ всякаго званія—отъ вельможи до простолюдина не столько словами, сколько примѣромъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. Въ особенности отличался онъ терпѣніемъ и любовью ко всѣмъ. Много лѣтъ сряду страдалъ старецъ тяжкими, неизлечимыми недугами: каменною болѣзнію и страшными ранами на ногахъ. При мнѣ случилось однажды, что, послѣ обѣда у намѣстника Лавры, отецъ Иннокентій освободился отъ большаго остраго осколка камня, безъ сомнѣнія съ жестокимъ страданіемъ. Но не только стона или крика жгучей боли не слышали мы изъ устъ его, но онъ даже не прерывалъ веселой дружеской бесѣды. Только замѣтна была перемѣна въ лицѣ: оно то блѣднѣло, то краснѣло. Такъ приучилъ себя старецъ къ терпѣнію выше силъ человѣческихъ! О ранахъ своихъ онъ говорилъ: «Если-бы не эти раны, гдѣ-бы найти мнѣ такихъ будильниковъ? Лѣность влечетъ ко сну, а онѣ напоминаютъ о молитвѣ». Какъ стражъ у гроба святителя, онъ всѣхъ принималъ съ неистощимою любовью и радушіемъ, не разбирая различій житейскихъ; во всякое время дня стекались къ нему богомольцы, и никто не отходилъ безъ благословенія, безъ живаго слова назиданія. На вопросъ одного знатнаго гостя, который дивился такому неутомимому гостепріимству, старецъ отвѣчалъ: «Не смѣю не принять Христа, а въ чьемъ лицѣ прійдетъ Онъ, не вѣдаю». Отецъ Иннокентій скончался въ 1847 году, на 77 году отъ рожденія. Тѣло его погребено на паперти соборной церкви Яковлевскаго монастыря, рядомъ съ могилою отца Амфилохія.

Послѣдніе дни 1825 года и начало 1826-го были для жителей Москвы эпохою безпокойствъ и ужаса: много семействъ поражено было скорбію о внезапно схваченныхъ и увезенныхъ въ Петербургъ родственникахъ, подозрѣваемыхъ въ участіи въ томъ преступномъ заго-

воръ, который разразился бунтомъ 14 Декабря. Въ числѣ прочихъ схваченъ былъ П. И. Колошинъ, о женитьбѣ котораго на двоюродной сестрѣ моей Сашѣ Салтыковой я говорилъ прежде. Его схватили ночью въ постели и тотчасъ же увезли, но къ счастью забыли захватить бумаги, лежавшія у него въ кабинетѣ. Этою оплошностью полиціи воспользовалась моя тетушка Аграфена Степановна, жившая постоянно съ племянницей: она тотчасъ же сожгла большую грудку бумагъ. Поутру нагрянула полиція, но ничего уже не нашла. Послѣ слышалъ я, что въ числѣ сожженныхъ бумагъ были такія, которыя вполне доказывали участіе Колошина въ дѣйствіяхъ тайнаго общества. Сказывали также, что между ними попали въ огонь разные документы по имѣніямъ и пакетъ съ 500 рублей, полученный наканунѣ. Недостатокъ уликъ и молчаніе Пуцина о виновности друга его Колошина послужили въ пользу послѣднему: Колошинъ не былъ сосланъ въ Сибирь, даже не былъ лишенъ правъ состоянія. Его оставили въ сильномъ подозрѣніи и назначили жить безвыѣздно въ деревнѣ. Но каково было бѣдной женѣ его! Двдцатилѣтняя беременная женщина, по красотѣ и образованію служившая украшеніемъ Московскаго общества, обезпамятѣла отъ ужаса въ ту страшную ночь, когда, безъ всякой предосторожности, выхватили изъ объятій ея любимаго мужа. Въ началѣ великаго поста мать и тетка привезли несчастную Сашу въ Троицкую Лавру; она ничего не понимала, никого не узнавала и казалась помѣшанною. Очень грустно было смотрѣть на нее въ это время; но нѣсколько позднѣе она пришла въ себя и была уже въ полномъ разумѣ, когда ѣздила встрѣчать мужа во Владимиръ, въ Іюль 1826 года. Тутъ ожидало ее новое горе: она увидѣла мужа ослѣпшаго въ казематѣ. Сколько ни лечили его послѣ, испросивъ дозволеніе привозить его подъ строгимъ присмотромъ полиціи въ Петербургъ и Москву, онъ остался слѣпымъ до конца жизни. Въ Августѣ 1830 года, незадолго до переѣзда въ Москву, я былъ съ матерью въ селѣ Смольномъ (Владимирской губерніи, Покровскаго уѣзда), родовомъ имѣніи Салтыковыхъ, гдѣ назначено было жить Колошину; я дивился, видя спокойствіе и даже веселое расположеніе духа въ слѣпцѣ, окруженномъ нѣжными заботами милой жены.

Почти одновременно съ пріѣздомъ двухъ тетокъ моихъ и Саши Колошиной появилась въ Посадѣ старуха Елисавета Степановна Текутьева, вдова роднаго брата того генерала Текутьева, женатаго на родной сестрѣ моей бабушки Сумароковой, о которомъ упоминалъ я прежде. Она бѣжала изъ Москвы, напуганная народнымъ слухомъ, будто бы при перевезеніи тѣла императора Александра I будетъ тамъ такой же бунтъ, какой былъ въ Петербургѣ. Старуха находилась въ постоянномъ безпокойствѣ, переходила изъ церкви въ церковь въ сопровожденіи

нѣи двухъ старыхъ горничныхъ, молившихся вмѣстѣ съ нею, и сердилась, когда находила запертою которую-нибудь изъ церквей. «Бога не боятся монахи, не дадутъ мнѣ душу успокоить», говорила она. Поведеніе ея въ церкви, особенно послѣ конца богослуженія, было въ высшей степени забавно. Приложившись ко всѣмъ иконамъ, до которыхъ могла достать устами, она становилась посреди церкви и начинала посылать рукою поцѣлуи къ верхнимъ рядамъ иконостаса, приговаривая: «тебѣ, батюшка; тебѣ, матушка; успокойте мою душу горемычную». Я слѣдилъ за нею неоднократно и очень забавлялся такими ея выходками.

У Е. С. Текутьевой была дочь, Марья Ивановна, въ супружествѣ за генераломъ Петромъ Ефимовичемъ Лопухинымъ. Этотъ Лопухинъ, въ молодости видный и красивый человѣкъ, служилъ при императорѣ Павлѣ поручикомъ въ одномъ изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ. Однажды, на разводѣ, Государь замѣтилъ Лопухина и спросилъ фамилію. «Вы, сударь, не родня ли князю Петру Васильевичу?»—«Племянникъ, Ваше Императорское Величество».—«Жалую васъ штабсъ-капитаномъ». По отъѣздѣ Государя съ развода сослуживцы объяснили недалъновидному Лопухину, что сказанная имъ ложь можетъ обойтись дорого, если онъ заблаговременно не упроситъ князя принять его въ родство. Онъ тотчасъ же кинулся къ князю Лопухину, упалъ ему въ ноги и разсказалъ все, что случилось. «Ну, хорошо, будь племянникомъ», сказалъ, усмѣхнувшись, старикъ. «Поѣзжай скорѣе во дворецъ, свези записочку Анетѣ, чтобы она знала, что ты намъ родня». Въ тотъ же вечеръ Павелъ I сказалъ князю: «А вы, сударь, мнѣ не сказали, что у васъ есть племянникъ въ моей гвардіи».—«Я желалъ, Государь, чтобы онъ самъ заслужилъ ваше вниманіе».—«Я его сегодня отыскалъ и разыскалъ моею милостью». Старикъ, конечно, поблагодарилъ за мнимаго племянника. Съ того дня Петръ Ефимовичъ началъ такъ быстро повышаться по службѣ, что черезъ два года былъ уже генералъ-майоромъ и генералъ-адъютантомъ. При воцареніи Александра I, онъ вышелъ въ отставку и около 1820 года умеръ. Разсказъ объ немъ я слышалъ неоднократно отъ жены его и тещи.

Дядя мой, Сумароковъ, бывалъ при насъ неоднократно въ Посадѣ. Но особенно памятнымъ для меня остался пріѣздъ его въ 1827 году съ молодою женою. Тетушка Прасковья Дмитріевна скончалась въ Декабрѣ 1826 года въ Ярославлѣ, и дядя чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ женился вторично на Софѣ Васильевнѣ Постниковой, дѣвушкѣ бойкой, кокетливой и очень красивой, впрочемъ не безъ помощи искусства. Ее-то привозилъ онъ знакомить съ моею матерью. Этотъ второй бракъ

былъ пагубнымъ для моего добраго дяди, о чемъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Въ слѣдующую затѣмъ зиму, въ одинъ морозный вечеръ, явился къ намъ весьма забавный господинъ. Это былъ Василій Ивановичъ Егорьевскій, кандидатъ Московскаго университета и въ то время одинъ изъ корректоровъ университетской типографіи. Еще при жизни отца моего онъ бывалъ у насъ въ домѣ и разыгрывалъ роль какого-то страннаго шута и бозтолковаго стихотворца. Такъ, когда я былъ произведенъ въ пажи, отецъ мой, ради смѣха, заказалъ ему оду, которую онъ написалъ тутъ же при мнѣ, безпрестанно прихлебывая изъ стакана съ водкой. Въ этомъ нелѣпомъ стихотвореніи описывалось путешествіе курьера, у котораго лошади скачутъ

Съ равнымъ крикомъ мордныхъ дырочекъ  
И носовыхъ похрипѣлочекъ,  
Съ выгибами ногъ гульливыми,  
Сзади, спереди вильливими  
И при случаѣ брыкливыми.

Внезапное появленіе его въ тотъ вечеръ, не совсѣмъ въ трезвомъ видѣ, произвело у насъ всеобщій взрывъ хохота. Онъ много болталъ и наконецъ объявилъ, что у него въ Академіи есть братъ чуть-чуть не магистръ. Мать моя спросила: «Вѣроятно кандидатъ?» — «Нѣтъ, студентъ, но на дняхъ будетъ магистромъ; его зовутъ Михайлъ Егоровичъ В—въ. Онъ тамъ стоитъ за воротами» — «Такъ позовите же его сюда». — «Нѣтъ, не годится; мы съ нимъ изъ Виѳаніи въ Глинково заходили, Бахусу поклонялись. Я сейчасъ съ нимъ уйду». Дѣйствительно онъ ушелъ, но прозябшій родственникъ встрѣтилъ его недружелюбно: они сначала побранились, а потомъ, какъ сказываютъ, и подрались. Послѣ того я не видалъ Егорьевскаго. Года черезъ два онъ умеръ. Упоминаю здѣсь объ немъ, какъ о замѣтной чертѣ того времени. Въ первой четверти нынѣшняго вѣка еще не прекратилась въ Московскомъ обществѣ страсть къ дуракамъ и шутамъ всякаго рода. Этотъ Егорьевскій, пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Университетѣ (по обычаю того времени), не могъ выдержать выпускнаго экзамена, потому что ничего не зналъ, кромѣ двухъ восточныхъ языковъ: Арабскаго и Персидскаго, которымъ очень охотно учился у профессора Болдырева, такъ что могъ держать корректуру Арабской Христоматіи, изданной симъ послѣднимъ. Послѣ неудачнаго экзамена, Болдыревъ посоветовалъ Егорьевскому обратиться съ просьбою къ попечителю университета, П. И. Кутузову. Егорьевскій побѣждалъ (онъ всегда бѣгалъ, а не ходилъ) въ подмосковную Кутузова, верстахъ въ 40 отъ Москвы, и произнесъ предъ нимъ про-

шеніе, изложенное въ нелѣпѣйшихъ стихахъ. Попечитель расхохотался и приказалъ (тогда это было возможно) возвести его на степень кандидата словесныхъ наукъ. Съ того времени новый кандидатъ состоялъ въ должности шута при Кутузовѣ. Однажды прибѣжалъ онъ въ ту же деревню, прихрамывая и жалуясь, что нога очень болитъ; оказалось, что въ сапогъ у него былъ гвоздь, который воткнулся въ ногу и сапогъ былъ налитъ кровью. И въ этомъ-то положеніи онъ бѣжалъ 40 верстъ!

\*

Настало наконецъ для меня время разлуки съ Лаврою. Послѣ напутственнаго молебна, при ракъ мощей преподобнаго Сергія, благотельный наставникъ мой Ѳ. А. передалъ мнѣ на память миниатюрную книжку Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Іисусу Христу», съ слѣдующею надписью: «Conservet te Dominus ab omni malo! Dignetur te Dominus eo pretiosissimo dono, ut regium, quod hic indicatur, iter amore amplectaris et introeas! Largietur tibi Dominus veram humilitatem, et cor purum castumque, quod Illum Ipsum, vitae Fontem, amore plenum, avidè quaerat ac diligat! Alliciat te Dominus ad Se Ipsum, eo modo eoque tempore, quo Ipsi placuerit. Tuus T. G.» («Да сохранить тебя Господь отъ всякаго зла! Да сподобить тебя Господь драгоцѣннѣйшаго дара—возлюбить указанный здѣсь царскій путь и вступить на него! Да даруетъ тебѣ Господь истинное смиреніе и сердце чистое, цѣломудренное, готовое искать и любить Его Самого, Источникъ жизни, любовію преисполненный! Да привлечетъ тебя Господь къ Себѣ, такъ и тогда, какъ Ему будетъ угодно. Твой Ѳ. Г.»)

На другой день, 24 Августа 1830 года, мы оставили Посадъ.

Графъ М. Толстой.

(*Продолженіе будетъ*)

## МОИ ВОСПОМИНАНІЯ <sup>1)</sup>.

---

### IV.

По приѣздѣ въ Москву, мы поселились въ своемъ домѣ, въ Неопалимовскомъ переулкѣ, Хамовнической части. Въ тотъ же вечеръ, 25 Августа (1830), я подалъ ректору университета Двигубскому прошеніе о допущеніи меня къ экзамену. Въ числѣ приложеній къ этому прошенію находилось весьма подробное свидѣтельство объ успѣхахъ ученія, за подписью моего досточтимого наставника, обратившее на себя особенное вниманіе ректора.

На другой день, также вечеромъ, я предсталъ со страхомъ и трепетомъ предъ ареопагомъ университетскихъ мудрецовъ. Первый разъ въ жизни выходилъ я на экзаменъ и потому сильно конфузился. Къ моему счастью, первый экзаменаторъ былъ мнѣ нѣсколько знакомъ: это былъ законоучитель университета, священникъ Петръ Матвѣевичъ Терновскій, бывшій бакалавръ Московской Академіи (впослѣдствіи протоіерей, докторъ богословія и ординарный профессоръ). Желая дать мнѣ время придти въ себя отъ смущенія, онъ предлагалъ мнѣ много вопросовъ: о таинствахъ, объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца, о проповѣди апостола Павла язычникамъ, о седьмомъ Вселенскомъ соборѣ, о крещеніи Руси, о святомъ Алексѣ митрополитѣ и преподобномъ Сергіѣ, о Флорентинскомъ соборѣ и о Лютерѣ на Аугсбургскомъ соборѣ. Я между тѣмъ совершенно успокоился, отвѣчалъ бойко и обратилъ на себя вниманіе профессоровъ.

Затѣмъ Михаилъ Петровичъ Погодинъ, тогда еще молодой адъюнктъ, экзаменовалъ меня изъ Русской и Всеобщей исторіи, о чемъ уже я упоминалъ выше. Древней всеобщей исторіи онъ вовсе не касался; изъ Русской исторіи спрашивалъ о царствованіи Бориса Го-

---

<sup>1)</sup> Первые три главы помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1881 г. книга 1-я, стр. 245.

дунова, о войнахъ Петра Великаго съ Карломъ XII и о 1812 годѣ. Погодинъ остался вполне доволенъ моими отвѣтами.

Послѣ него, въ родѣ отдыха, сталъ меня спрашивать по предмету словесности старый профессоръ П. В. Побѣдоносцовъ. Вопросы его ограничивались тропами, фигурами, хрѣями и примѣрами на разные виды стихотвореній. Съ дѣтства я зналъ много стиховъ наизусть и вполне угодилъ ими почтенному профессору.

Экзаменъ Греческаго языка, у С. М. Ивашковскаго, былъ также не труденъ; онъ заставилъ меня переводить изъ христоматіи Каченовскаго. Затѣмъ, вѣроятно, предполагая во мнѣ обширныя познанія древне-эллинской мудрости, онъ вздумалъ спросить меня о различіи діалектовъ, но къ счастью, не дожидаясь моего отвѣта, самъ принялся объяснять эти различія. Объясненіе его продолжалось до того времени, когда ректоръ замѣтилъ ему, что пора уже спросить кого нибудь другаго. Тогда, оканчивая экзаменъ, онъ похвалилъ и поблагодарилъ меня, не знаю за чтѣ. Вообще профессоръ Ивашковскій пользовался уваженіемъ, какъ ученый эллинистъ, но какъ большой чудакъ слѣжилъ иногда предметомъ забавы для студентовъ, по крайней своей разсѣянности. Такъ напримѣръ случалось, что въ аудиторіи раздается звонокъ, возвѣщающій конецъ лекцій, а онъ, сидя на кафедрѣ, продолжаетъ декламировать стихи изъ Иліады; студенты чрезъ нѣсколько минутъ расходятся, а онъ, не замѣчая того, наслаждается въ одиночествѣ красотами Гомера. И дома бывали съ нимъ подобные случаи: онъ сидитъ въ кабинетѣ надъ Русско-Греческимъ словаремъ (этотъ огромный, добросовѣстный трудъ его до сихъ поръ, кажется, еще не напечатанъ), приходитъ время обѣдать, жена зоветъ нѣсколько разъ, а онъ отвѣчаетъ: сейчасъ приду, и не отстаеетъ отъ своей работы. Наконецъ семейство садится за столъ и обѣдаетъ безъ него. Черезъ нѣсколько часовъ, С. М. выходитъ изъ кабинета и говоритъ: «пора бы обѣдать.» — «Давно ото-бѣдали», отвѣчаетъ жена. — «Удивляюсь, отчего же я голоденъ.»

Объ испытаніи изъ Латинскаго, Французскаго и Нѣмецкаго языковъ вспоминать не буду. Оно сошло мнѣ съ рукъ очень легко.

Самое трудное было впереди -- математика, которая никогда мнѣ не давалась. Экзаменаторъ, бывшій нѣкогда профессоромъ философіи, а въ это время чистой математики, И. И. Давыдовъ, предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ изъ геометріи, на которые я кое-какъ отвѣчалъ, но когда дошло дѣло до алгебры, то на уравненіяхъ съ двумя неизвѣстными я окончательно срѣзался. Ректоръ, постоянно слѣдившій за моими отвѣтами, сказалъ: «non omnia possumus omnes» (не всѣмъ дается все), и Давыдовъ поставилъ мнѣ удовлетворительную отмѣтку.

Послѣ того почтенный Двигубскій былъ постоянно благосклоненъ ко мнѣ, въ продолженіе всего курса, и какъ профессоръ ботаники (которую въ то время преподавалъ за него М. А. Максимовичъ) много помогалъ мнѣ своими совѣтами въ собираніи и опредѣленіи растеній и позволялъ пользоваться университетскимъ батаническимъ садомъ для моего гербарія. Прежде я забылъ упомянуть, что еще въ посадѣ, во время продолжительной болѣзни моей, докторъ Мичуринъ пріохотилъ меня къ ботаникѣ, которая съ того времени сдѣлалась однимъ изъ любимыхъ моихъ занятій.

Послѣ экзамена я былъ принятъ на первый курсъ этико-политическаго (нынѣ юридическаго) факультета. Съ какимъ восхищеніемъ надѣлъ я студенческую форму! Теперь, когда я состарѣлся, никакія отличія не могли бы меня обрадовать столько, сколько радовался я тогда, надѣвая синій сюртукъ со свѣтлыми пуговицами и малиновымъ суконнымъ воротникомъ.

Погода въ началѣ Сентября стояла прекрасная; я ежедневно ходилъ на лекціи, которыя едва начинались послѣ вакаціи. Преподавателей на первомъ курсѣ было немного. Терновскій читалъ введеніе въ догматическое богословіе; Погодинъ—исторію Польши по руководству Бандтке. Этихъ двухъ преподавателей можно было слушать съ пользою и удовольствіемъ; но за то лекціи профессора С. А. Смирнова изъ Русскаго судопроизводства были совершенно нестерпимы. Онъ читалъ свою печатную книгу, вставляя изрѣдка примѣры судебныхъ рѣшеній, говорилъ очень вяло и медленно и, услышавъ звонокъ, заключалъ свое чтеніе словами: «до сихъ поръ прочтено, нужно твердо знать къ слѣдующему разу». Остальные два преподавателя—адъюнкты Василевскій и Маловъ еще вовсе не являлись въ аудиторію; послѣдній, какъ говорятъ, былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Впослѣдствіи студенты выгнали его однажды изъ аудиторіи, послѣ чего онъ долженъ былъ оставить службу. Но въ это время я не принадлежалъ уже къ юридическому факультету.

Едва начатое чтеніе лекцій продолжалось недолго. Давно уже носился слухъ о какой-то странной, никому неизвѣстной, смертоносной болѣзни, которая подвигалась къ намъ отъ Персидской границы. Въ первый разъ эпидемическая холера появилась въ предѣлахъ Россіи и открылась въ Москвѣ. Она считалась тогда заразительною; врачи все не знали ни самой болѣзни, ни способовъ лѣченія. Въ первое время она свирѣпствовала ужасно: ежедневно умирало отъ 1000 до 1200 человекъ. Заботами начальника столицы князя Д. В. Голицына въ каждой части Москвы была открыта больница; лучшіе или болѣе знаменитые врачи начальствовали въ этихъ больницахъ; къ нимъ было при-

командировано множество другихъ врачей. Больныхъ привозили въ театральныхъ каретахъ, мерзкаго и отвратительнаго вида, которыя по прекращеніи болѣзни были уничтожены, потому что актеры и актрисы не хотѣли уже въ нихъ ѣздить.

Сенаторы, заслуженные генералы и другія почетныя лица Московской аристократіи приняли на себя обязанности попечителей въ каждой части города. Объ одномъ изъ нихъ, попечителѣ Тверской части, графѣ А. Н. Панинѣ я слышалъ послѣ слѣдующій анекдотъ отъ М. П. Погодина, который былъ секретаремъ холернаго комитета и издателемъ ежедневныхъ вѣдомостей о состояніи эпидеміи: при ежедневномъ посѣщеніи больницы, графъ замѣтилъ, что больные, боясь заразы, не хотятъ садиться въ ванну; онъ раздѣлся и самъ при нихъ сѣлъ въ ванну. Высокій примѣръ самоотверженія въ то время, когда холера считалась столько же заразительною, какъ самая чума. Въ той же Тверской больницѣ молодой медико-хирургъ Рынскій (послѣ служившій, въ одно время со мною въ Екатерининской больницѣ) первый осмѣлился вскрыть и изслѣдовать трупъ умершаго отъ холеры.

Митрополитъ Филаретъ съ своей стороны назначилъ въ каждую частную больницу по одному архимандриту или протоіерею для наблюденія за исправнымъ исполненіемъ требъ приходскими священниками, которые чередовались ежедневно. Онъ учредилъ 25 Сентября крестный ходъ по всей Москвѣ. За невозможностію обойти кругомъ всего города, этотъ ходъ былъ устроенъ такъ: соборное и монашествующее духовенство, съ архипастыремъ во главѣ, обходило вокругъ Кремлевскихъ стѣнъ, а въ тоже время каждый приходскій священникъ обходилъ свой приходъ, окропляя каждый домъ святою водою. Никогда, ни прежде (на сколько старики могли упомнить), ни послѣ не бывало такого благочестиваго настроенія между Московскими жителями: храмы были полны ежедневно, какъ въ свѣтлый день Пасхи; почти всѣ говѣли, исповѣдывались и причащались Св. Таинъ, какъ бы готовясь къ неизбѣжной смерти.

Страшное было тогда время! Москва была оцѣплена кругомъ и заперта карантинами на всѣхъ дорогахъ; продажа съѣстныхъ припасовъ происходила за заставами; улицы были пусты: никто не ѣздилъ и не ходилъ безъ крайней надобности; въ каждомъ домѣ всякаго проходящаго, какъ будто зараженнаго, окуривали хлоромъ; учебныя заведенія, начиная съ университета, театры и всѣ увеселительныя мѣста были закрыты. Словомъ, Москва казалась вымершимъ городомъ.

Такое безотрадное положеніе продолжалось до начала Декабря. Еще въ концѣ Ноября число заболѣвающихъ и умирающихъ уменьшилось и врачи убѣдились въ бесполезности карантинныхъ мѣръ. Когда

же наступилъ Декабрь, тогда перемѣнилась самая погода, бывшая до тѣхъ поръ постоянно сырою и дождливою, открылся санный путь, и наконецъ 6 Декабря карантинъ снятъ, хотя болѣзнь, постепенно ослабѣвая, продолжалась до Февраля. Мнѣ вспоминаются стихи слѣпца Н. М. Шатрова:

Катитъ Декабрь лазурнымъ сводомъ,  
 Какъ радость сердца и очей;  
 Исчезло вдругъ съ его приходомъ  
 Томленье пасмурныхъ ночей.  
 Еще съ полудня вѣтеръ вѣетъ,  
 Но сводъ небесъ уже яснѣетъ.  
 Лучъ свѣта намъ явился вновь,  
 И въ день святаго Николая  
 Снялася цѣпь сторожевая  
 Съ столбцы Русскихъ городовъ.

Отъ общественнаго бѣдствія—холеры я долженъ перейти къ нашей семейной и моей личной непріятности. Начать приходится изда- лека, съ самаго переѣзда нашего въ Москву. При входѣ въ домъ, мы были встрѣчены П. И. Красильниковымъ, который нѣсколько разъ го- стилъ у насъ въ Сергіевскомъ посадѣ и, по смерти отца моего, управ- лялъ всѣми дѣлами и имѣніями, по неограниченному довѣрію моей ма- тери. На этотъ разъ онъ поселился въ комнатѣ надъ нашею кухнею, безотлучно находился у насъ съ утра до вечера, но чрезъ нѣсколько дней, вдругъ переселился на другой край города, къ своей матери, или, лучше сказать, въ домъ своего дѣда, дьячка при церкви Екатеринин- ской (Матросской) богадѣльни. Отъѣздъ его очень смутилъ мать мою, и она на другой день послала меня къ нему съ запечатаннымъ пись- момъ, на которое я привезъ ей отвѣтъ, также запечатанный. Значе- ніе этой переписки мнѣ объяснилось позднѣе.

Прошло нѣсколько дней. Вдругъ, поздно вечеромъ, мать моя забо- дѣла сильнымъ истерическимъ припадкомъ съ лихорадочными призна- ками. Красильниковъ, незадолго предъ тѣмъ возвратившійся, кинулся искать врача и привезъ какого-то Адама, несчастнаго лѣкаря, сильно напуганнаго эпидеміей. Онъ принялъ истерику за холеру и закатилъ такіе сильные приемы каломеля, безъ всякихъ предосторожностей, что черезъ сутки вся полость рта у больной покрылась ранками, и откры- лось весьма сильное слюнотеченіе. Понявъ свою ошибку, Адама скрылся; мѣсто его вступилъ докторъ И. С. Веселовскій, который лѣчилъ мать мою около двухъ мѣсяцевъ и приглашалъ для совѣщанія знаменитаго тогда въ Москвѣ врача Г. Я. Высотскаго. Только въ концѣ Января мать моя начала вставать съ постели.

Но еще за нѣсколько дней до того, она открылась бабушкѣ Елисаветѣ Андреевнѣ, что намѣрена вступить въ бракъ съ Красильниковымъ. Старушка, конечно, очень разстроилась отъ такого извѣстія и старалась, насколько могла, отвратить племянницу отъ такого пагубнаго, по ея мнѣнію, намѣренія. Обѣ онѣ послѣ того горько плакали. Вечеромъ въ тотъ-же день, я пришелъ посидѣть у постели больной матери и узналъ отъ нея тоже извѣстіе: оно сильно меня поразило, но я не могъ, по любви къ матери и изъ страха разстроить ее въ болѣзненномъ состояніи, или же, по природной слабости характера, высказать ей довольно сильное возраженіе противъ ея намѣренія. Впрочемъ я увѣренъ, что всякія убѣжденія съ моей стороны остались бы совершенно безполезными; я посовѣтовалъ только, чтобы бракъ, если онъ неизбеженъ, оставался тайнымъ, для избѣжанія пересудовъ и стыда передъ обществомъ. Матушка согласилась съ моимъ мнѣніемъ. Потомъ она призвала сестру мою: 14 лѣтняя дѣвочка, съ пылкимъ и вовсе негибкимъ характеромъ, расплакалась и откровенно высказала все отвращеніе, которое чувствовала къ будущему вѣчному, чѣмъ очень разстроила больную мать и навлекла на себя много непріятностей въ послѣдствіи.

Бабушка объявила, что не останется жить въ домѣ, гдѣ хозяиномъ будетъ Красильниковъ, и дѣйствительно въ началѣ великаго поста перѣехала отъ насъ къ Сумароковымъ въ с. Красное, куда усердно звала ее младшая ея сестра Аграфена Андреевна, глубоко огорченная недавнею кончиною старшей ихъ сестры, Анны Андреевны. Отъѣздъ доброй бабушки, прожившей почти весь вѣкъ неразлучно съ моей матерью, сильно огорчилъ послѣднюю. Были и другія огорченія: дядя П. Н. Сумароковъ написалъ сестрѣ, въ отвѣтъ на извѣщеніе, что она намѣрена вступить во второй бракъ: «Съ ужасомъ читалъ твое письмо. Совѣтую поѣхать въ Новоспасскій монастырь и помолиться на могилѣ отца; думаю, что содрогнется даже камень, который прикрываетъ для всѣхъ почтенный, а для насъ священный прахъ». И сестра отца моего, графиня Елисавета Степановна Салтыкова, всегда очень дружная съ моей матерью, въ отвѣтъ на письмо ея о томъ, что она рѣшается выйти замужъ изъ любви къ дѣтямъ, чтобы доставить имъ покровителя, написала ей: «Ты знаешь, что у меня одна дочь, которую я люблю больше всего на свѣтѣ; но и для нея никогда не рѣшилась бы я на такой шагъ». Такіе отзывы приводили мать мою въ задумчивость, а мы съ сестрой по неопытности надѣялись, что мать можетъ-быть раздумаетъ или не найдетъ священника для тайнаго брака, и такимъ образомъ намѣреніе ея не исполнится. Эти надежды оказались тщетными.

Здѣсь долженъ я возвратиться назадъ—къ моимъ университетскимъ занятіямъ. Во время скучнаго бездѣйствія, когда университетъ былъ закрытъ, когда холера свирѣпствовала въ Москвѣ, когда всѣ думали и говорили только объ одномъ предметѣ—объ этой страшной болѣзни и о средствахъ къ ея лѣченію, мнѣ пришла мысль перейти съ юридическаго факультета на медицинскій, тѣмъ болѣе, что въ первомъ изъ нихъ, какъ я уже успѣлъ увидѣть въ нѣсколько дней, было слишкомъ мало хорошихъ профессоровъ, а въ послѣднемъ я надѣялся пріобрѣсти болѣе основательныя познанія въ любимой моей ботаникѣ и другихъ предметахъ естественной исторіи. Это намѣреніе, одобренное моей матерью, приведено въ исполненіе при помощи лѣчившаго ея доктора Веселовскаго; онъ поѣхалъ со мною къ старику профессору Василию Михайловичу Котельницкому, бывшему въ то время деканомъ медицинскаго факультета. Дѣло обдѣлалось очень легко; я былъ переведенъ изъ одного факультета въ другой, при чемъ курсовой годъ не былъ потерянъ.

Послѣ университетскаго праздника, съ 14 Января 1831 года я началъ ходить ежедневно въ университетъ. Первая лекція, на которую я пришелъ, была профессора анатоміи П. П. Эйnbrодта о желудкѣ. На столѣ анатомическаго театра лежалъ желудокъ вынутый изъ трупа и тутъ же стояла тарелка съ желудочнымъ сокомъ. Одинъ изъ моихъ товарищей, сидя у меня за спиною, сказалъ при этомъ:

«Вотъ какой супъ намъ подали!» Эти слова такъ на меня подѣйствовали, что я долго не могъ ѣсть супа безъ отвращенія.

Эйnbrодтъ читалъ лекціи надъ трупами на Латинскомъ языкѣ, очень ясно и отчетливо; но еще лучше и краснорѣчивѣе, преподавалъ остеологію (ученіе о костяхъ) знаменитый анатомъ и въ свое время отличный хирургъ, почетный членъ университета, лейбъ-медикъ Ю. Х. Лодеръ. На первой лекціи, онъ въ отборныхъ Латинскихъ выраженіяхъ описалъ устройство черепа, причемъ мы въ первый разъ услышали отъ него любимую его фразу: «*Natura sapientissima, vel potius Auctor naturae longe sapientissimus ita fecit, ut etc.*» т.-е. «Премудрая природа или лучше сказать, Премудрѣйшій Творецъ природы устроилъ такъ, что и пр».—Вообще было замѣтно, что почтенный старецъ глубоко благоговѣлъ предъ Богомъ, созерцая премудрость Творца въ дѣлахъ творенія. При входѣ въ залу анатомическаго театра, устроеннаго подъ наблюденіемъ Лодера, была надпись: *Gubni seipsum* (познай самаго себя); надъ амфитеатромъ, гдѣ сидѣли студенты во время лекцій—«Руцѣ Твои сотворишѣ мя и создашѣ мя», а надъ каминомъ, гдѣ стояли часы, слова Апостола: «Искупите время».—Говорятъ, что Лодеръ еще до пріѣзда въ Россію, былъ ревностнымъ масономъ. Къ сожалѣнію, лекціи его

были не совсѣмъ понятны для нѣкоторыхъ студентовъ, особенно для вышедшихъ изъ гимназій, по недостаточному знанію въ то время Латинскаго языка въ этихъ заведеніяхъ.

Былъ у насъ еще и третій преподаватель анатоміи—адъюнктъ Алексѣй Григорьевичъ Терновскій, родной братъ знаменитаго въ послѣдствіи проповѣдника протоіерея С. Г. Терновскаго. Онъ три раза въ недѣлю приходилъ въ анатомическій театръ и объяснялъ намъ устройство костей человѣческаго скелета. Студенты любили его за простое и ласковое обращеніе, и многіе уважали по слухамъ о его безкорыстїи и благотворительности. Онъ лѣчилъ почти исключительно бѣдняковъ на чердакахъ и въ подвалахъ, разумѣется безъ всякой платы. Иногда онъ снабжалъ ихъ лѣкарствами на свой счетъ; при большой семьѣ, онъ жилъ бѣдно и всегда приходилъ въ университетъ пѣшкомъ, въ поношенномъ вицъ-мундирѣ.

Скажу нѣсколько словъ о прочихъ преподавателяхъ, которыхъ лекціи слушалъ я на первомъ курсѣ.

Ефремъ Осиповичъ Мухинъ, ординарный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ (этимъ чиномъ онъ очень дорожилъ) преподавалъ намъ физиологію, а студентамъ старшихъ курсовъ судебную медицину и медицинскую полицію. Какъ человѣкъ умный и начитанный, искусный въ свое время операторъ, онъ могъ бы преподавать съ пользою; но съ одной стороны глубокая старость (по собственнымъ его рассказамъ, онъ былъ подлѣкаремъ при взятїи Очакова) и неохота къ тому, чтобы слѣдить за ходомъ науки, заставляли его держаться почти буквально устарѣлой книги Ленгосека. Впрочемъ намъ странно и бесполезно было слушать на первомъ курсѣ физиологію, не изучивъ еще анатоміи; а Мухинъ требовалъ, чтобы на его лекціи были записаны непременно всѣ студента медицинскаго факультета, такъ что въ списокъ его было до 400 слушателей, которымъ онъ часто дѣлалъ перекличку, употребляя на то цѣлые часы. При этомъ нужно замѣтить другую его странность: онъ терпѣть не могъ Нѣмцевъ. Этимъ пользовались студенты при перекличкахъ: когда онъ вызывалъ одного изъ слушателей съ Нѣмецкой фамиліей, ему громогласно отвѣчали: его нѣтъ, его нѣтъ! Тогда старикъ начиналъ обычную свою рѣчь: «вообще, такъ сказать, эти Нѣмцы, иноземцы, чуждыхъ странъ уроженцы, пришельцы, бѣглецы, проходимцы, наукою не занимаются, Латинскаго языка не знаютъ, нашего отечественнаго языка не понимаютъ, не разумѣютъ, знать не хотятъ, лекцій не слушаютъ, профессоровъ не уважаютъ; изъ нихъ выходятъ неучи, лѣшцы, знахари, коновалы, вообще сказать вредные невѣжды и негодяи» и т. д. Такая рѣчь повторялась при каждомъ Нѣмецкомъ имени. Между тѣмъ раздавался

звонокъ, и Мухинъ спѣшилъ садиться въ свою карету, запряженную четвернею и отправлялся на практику. На экзаменахъ лучшій способъ получить хорошую отмѣтку состоялъ въ томъ, чтобы какъ можно чаще повторять «ваше превосходительство» и найти случай упомянуть о «многопитательномъ поростѣ» (такъ прозвалъ Мухинъ Исландскій мохъ въ одной статьѣ, гдѣ-то напечатанной) или объ удачныхъ хирургическихъ операціяхъ, когда-то произведенныхъ Мухинымъ.

Ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ В. М. Котельницкій читалъ на первомъ курсѣ фармацію по маленькой, Латинской, давно устарѣлой книжкѣ: «Фармація доктора Пленка». Старикъ очень добрый и почтенный, но профессоръ крайне плохой, онъ ограничивался буквальныймъ чтеніемъ книжки, которую приносилъ съ собою; она была такъ рѣдка, что трудно было купить ее, и студенты принуждены были списывать, причемъ дѣлали ошибки, доходившія до безсмыслицы. Выше я упомянулъ о томъ, что мнѣ случилось быть у Котельницкаго, чтобы просить о переводѣ меня на медицинскій факультетъ. Съ того времени я сохранилъ знакомство съ этимъ почтеннымъ старикомъ, жившимъ въ своемъ домикѣ близъ Смоленскаго рынка; иногда я бывалъ у него, а иногда встрѣчалъ его на Смоленскомъ рынкѣ, гдѣ я по воскреснымъ днямъ покупалъ книжки, а В. М. ежедневно покупалъ провизію и, садясь съ нею на извозчика, приговаривалъ: «Смотри, поѣзжай осторожно; статскаго совѣтника везешь». Страсть къ чинамъ была тогда почти общаю, и добрейшій Котельницкій увлекался величіемъ своего чина! Другой случай въ томъ же родѣ: В. М. спускался, послѣ акта, съ большаго крыльца стараго университетскаго зданія въ мундиръ и треугольной шляпѣ съ плюмажемъ (тогда чиновники V класса и выше носили плюмажъ на шляпахъ); студенты, собравшіеся на крыльцѣ, закричали ему вслѣдъ: Пѣтухъ идетъ! а онъ переважно отвѣчалъ имъ: «а пѣтухъ-то статскій совѣтникъ»!

Рѣзкую противоположность съ вялымъ чтеніемъ Пленка составляло живое преподаваніе сравнительной анатоміи экстраординарнымъ профессоромъ Петромъ Иларіоновичемъ Страховымъ. Тутъ уже не было чтенія классической книжки: профессоръ, знатокъ своего предмета, говорилъ увлекательно и умѣлъ занять слушателей сравненіемъ анатоміи домашнихъ животныхъ съ устройствомъ человѣческаго организма.

Къ сожалѣнію, тогда не существовалъ еще кабинетъ сравнительной анатоміи при университетѣ; единственныя лошадиныя кости, которыя Страховъ показывалъ студентамъ на лекціяхъ, были собраны мною въ Сокольникахъ, лѣтомъ 1831 г.

Химію преподавалъ намъ Александръ Алексѣевичъ Ювскій, экстраординарный профессоръ. Онъ зналъ хорошо свое дѣло и самъ со-

ставилъ классическую книгу: Руководство къ Химіи; но лекціи его не могли приносить достаточной пользы по отсутствію всякихъ пособій.

Тоже долженъ сказать я и о преподаваніи физики. Адъюнктъ Николай Силычъ Топоровъ не могъ хорошо ознакомить своихъ слушателей съ физикой, которая немыслима безъ опытовъ, а мы не видали даже и электрической машины. О себѣ лично долженъ я признаться, что я особенно мало воспользовался лекціями Топорова, которыя были наполнены математическими выкладками; а математика мнѣ никогда не давалась.

Естественную исторію, зоологію, ботанику и минералогію, читалъ весьма ученый профессоръ Александръ Григорьевичъ Фишеръ, сынъ знаменитаго натуралиста Григорія Ивановича Фишера фонъ-Вальдгейма. И здѣсь также не было ни малѣйшихъ пособій. Для преподаванія зоологіи Фишеръ пользовался книгою профессора Ловецкаго; ботанику и минералогію излагалъ по своимъ собственнымъ запискамъ, очень искусно составленнымъ; но все это было слишкомъ кратко, по необходимости ознакомить слушателей съ тремя науками въ теченіи одного учебнаго года. Впрочемъ я находилъ время ходить на математическій факультетъ на лекціи М. А. Максимовича, который преподавалъ ботанику подробнѣе, нежели Фишеръ и часто приносилъ съ собою живыя растенія изъ университетскаго сада или превосходные рисунки изъ лучшихъ ботаническихъ изданій.

Попечителемъ университета и его округа былъ извѣстный вельможа, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ. Говорятъ, что онъ очень неохотно принялъ на себя это званіе, предложенное ему императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который предоставилъ князю выборъ помощника. Князя мы никогда не видали въ университетѣ; за то выбранный имъ помощникъ почти ежедневно ходилъ по аудиторіямъ и особенно занимался исправностью въ одеждѣ и причeskъ студентовъ. Своекоштнымъ дозволялось приходить на лекціи въ партикулярномъ платьѣ, а казенные студенты, жившіе въ то время въ самомъ университетѣ, носили казенную мундирную форму. Необыкновенно высокій ростомъ, Г. П. глядя съ верху внизъ, очень внимательно осматривалъ головы казенныхъ студентовъ, и если замѣчалъ длинные или мало остриженные волосы, тотчасъ же приказывалъ остричь по солдатскому образцу, для чего постоянно имѣлся въ готовности цирюльникъ. Также внимательно слѣдилъ онъ за исправностью формы: ни одна разстегнутая или оторванная пуговица не ускользала отъ проницательнаго его взгляда. Насъ своекоштныхъ не удостоивалъ онъ своего вниманія. Вспоминаю, по поводу этой стрижки, забавный случай. Одинъ изъ старшихъ своекоштныхъ студентовъ Г—въ, занимающій теперь важное мѣсто на Югѣ

Россіи, вздумалъ смѣяться надъ казенными студентами, говоря, что начальство остригло ихъ какъ барановъ. Тѣ разсердились и отмстили насмѣшнику: его повалили, остригли безобразнѣйшимъ образомъ и нанесли ему нѣсколько царапинъ, потому что Г—въ отчаянно сопротивлялся и рвался. Завитые, шелковистые волосы посыпались на землю, къ крайнему прискорбію красиваго щеголя.

Въ половинѣ Мая окончились лекціи; переходныхъ экзаменовъ не было, потому что на медицинскомъ факультетѣ учебный годъ былъ слишкомъ непродолжителенъ (не болѣе пяти мѣсяцевъ), а въ другихъ факультетахъ былъ вовсе потерянъ для студентовъ, по милости холеры: они должны были слушать лекціи четыре года, вмѣсто трехъ, наравнѣ съ медиками.

Описаніе моихъ учебныхъ занятій отвлекло меня отъ рѣчи о родныхъ и знакомыхъ, которыхъ я видалъ въ это время. Теперь постараюсь разсказать объ нихъ, насколько припомню.

Вскорѣ по переѣздѣ нашемъ изъ Посада въ Москву, я въ первый разъ увидалъ бабушку, родную сестру покойнаго моего дѣда графа Степана Ѳедоровича, Варвару Ѳедоровну Дохтурову; она пріѣхала къ моей матери вмѣстѣ съ дочерью своей Варварой Аѳанасьевной. Умная, живая, бойкая на отвѣтъ старушка была, къ сожалѣнію, совершенно глуха, такъ что разговаривать съ нею было очень трудно. У нея было довольно многочисленное семейство: три сына, которыхъ я очень мало зналъ, и три дочери. Изъ числа послѣднихъ только одна Надежда Аѳанасьевна была замужемъ (кажется за г. Барановскимъ); Марья Аѳанасьевна имѣла большой талантъ въ рисованіи; о старшей изъ нихъ Варварѣ Аѳанасьевнѣ буду говорить послѣ. Всѣ онѣ были очень бѣдны, потому что мужъ бабушки промоталъ все ея имѣніе. Она сама и по временамъ дѣти ея находили всегда готовый пріютъ у брата ея графа Николая Ѳедоровича, а по кончинѣ его у его супруги, графини Натальи Андреевны, рожденной княжны Львовой, въ родовомъ селѣ Знаменскомъ; тамъ жилали они по цѣлымъ годамъ, какъ будто у себя дома.

Почти въ то же время узналъ я другую почтенную старушку, Елисавету Петровну Янкову. Она приходилась двоюродной сестрой покойному отцу моему, потому что мать ея, Аграфена Николаевна Римская-Корсакова, была родная сестра моей бабушки графинѣ Александрѣ Николаевнѣ. Добрѣйшая мать семейства и ласковая ко всѣмъ роднымъ, Янкова пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. У ней было три дочери: старшая Анна Дмитриевна была въ супружествѣ за Постниковымъ; а вторая, дѣвица Клеопатра Дмитриевна и младшая, Аграфена Дмитриевна Благово, тогда уже вдова, съ маленькимъ сыномъ Митей жили у матери.

Недалеко отъ насъ, въ Штатномъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ, жилъ младшій изъ родныхъ моихъ дядей и мой крестный отецъ, графъ Петръ Степановичъ Толстой, женатый на Елисаветѣ Васильевнѣ Ильиной. Онъ былъ уже камергеромъ и членомъ Московской Кремлевской экспедиціи и помѣщался въ прекрасномъ домѣ, имъ самимъ построеномъ. При немъ были дѣти: сыновья Василій, Николай, Павелъ и маленькая дочь Пашенька. Еще одинъ изъ сыновей его Александръ былъ уже, кажется, въ кадетскомъ корпусѣ.

Другой дядя мой, графъ Александръ Степановичъ съ женою своею графиней Марьей Ивановной, жилъ въ зимнее время въ своемъ домѣ, на Сивцевомъ Вражкѣ, а на лѣто уѣзжалъ въ село Кузнечики, принадлежавшее ему пополамъ съ покойнымъ отцемъ моимъ. Какъ батюшка, по болѣзни своей, никогда не ѣздилъ въ это имѣніе, а дядя нѣсколько лѣтъ сряду управлялъ обѣими половинами, и раздѣлъ земли между двумя братьями оказался очень неравнымъ: то между ними возникли недоразумѣнія, что въпрочемъ не нарушало родственнаго согласія. Семейство дяди состояло изъ трехъ сыновей: Александра (который былъ годомъ старше меня и служилъ тогда въ гвардейскомъ Измайловскомъ полку), Дмитрія, скудоумнаго отъ рождения и Владимира, прекраснаго и даровитаго мальчика приготавливавшегося къ университету, куда и поступилъ онъ въ слѣдующемъ году. Двѣ дочери: Варенька—первая въ Москвѣ красавица и Ольга, жили при родителяхъ, а маленькая Маша училась въ пансіонѣ Жарни.

Еще жива была престарѣлая тетка моей матери, Марья Сергѣевна Островская, рожденная княжна Долгорукова, вдова бывшаго нѣкогда въ Москвѣ оберъ-полицмейстера, а потомъ Костромскаго гражданскаго губернатора. Ветхая, сгорбленная, маленькая старушка жила въ своемъ домѣ, на концѣ города, близъ тюремнаго замка, и жила довольно скудно, потому что раздала большую часть имѣнія, полученнаго ею въ приданное (около 1000 душъ) сыновьямъ и дочерямъ. Сыновей тогда уже не было на свѣтѣ, но отъ нихъ оставалось потомство. Изъ числа дочерей ея старшая Варвара Борисовна была въ то время вдовою стат. совѣтника Павла Петровича Наумова и была очень дружна съ моей матерью и сестрою моего отца графиней Е. С. Салтыковой, у которой воспитывалась дочь ея Екатерина Павловна вмѣстѣ съ кузиной моей Сашей. Остальныя дочери Наумовой—Марья, Анна, Елисавета и Наталья, были при матери, которая постоянно жаловалась на бѣдность. Въ зиму 1831 г. Марья Павловна Наумова вышла замужъ за чиновника Давида Никифоровича Палажченко, служившаго при Московскомъ гражданскомъ губернаторѣ. Я былъ на этой свадьбѣ и видѣлся тамъ съ моей любимой кузиной Колошиной, которая нарочно

пріѣхала изъ деревни, чтобы быть посаженной матерью у певѣсты. Новобрачная, очень хорошенькая, умная и образованная дѣвушка, прожила не болѣе двухъ лѣтъ послѣ брака, а мужъ ея Д. Н. остался навсегда для насъ самымъ добрымъ, преданнымъ и усерднымъ родственникомъ.

Говоря о послѣднемъ годѣ нашего пребыванія въ посадѣ, я забылъ упомянуть объ одномъ очень миломъ юношѣ, моемъ сверстникѣ. Это былъ Юлій Кольрейфъ, сынъ почтеннаго лютеранскаго пастора Павла Ивановича Кольрейфа. *Θ. А. Голубинскій* былъ близко знакомъ съ отцемъ Юлія и взялъ, по просьбѣ старика, сына его къ себѣ на вакаціонное время, чтобы заняться съ нимъ Русскою словесностью. Въ это время я всякій день видѣлся съ Юліемъ, читалъ и гулялъ вмѣстѣ съ нимъ. Мы очень сошлись между собою, въ одинъ день держали вступительный экзаменъ въ университетъ и вмѣстѣ посѣщали лекціи до наступленія холеры. По переходѣ на медицинскій факультетъ, я уже не встрѣчался съ намъ; по пылкости характера, онъ былъ увлеченъ въ какой-то заговоръ, который называли Сунгуровскимъ, и былъ отданъ въ солдаты на Оренбургскую линію. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ дослужился до офицерскаго чина, возвратился въ Москву и вскорѣ умеръ отъ чахотки.

Весною пріѣзжалъ въ Москву изъ посады добрый мой другъ А. И. Сергіевскій и просилъ мать мою быть воспріемницею его первенца, родившагося 1 Мая. Воспріемникомъ былъ родной дядя его, митрополитъ, въ честь котораго новорожденный названъ Филаретомъ. Оба воспріемника были замѣнены при крещеніи другими лицами, а я съ большимъ удовольствіемъ пировалъ на крестинахъ.

Здоровье моей матери плохо поправлялось; доктора присовѣтывали ей провести лѣто въ Сокольникахъ. Уже нанята была дача, принадлежавшая купцамъ Шевелкинымъ, и мы уже хотѣли переѣхать туда въ половинѣ Мая, какъ вдругъ получили извѣстіе отъ дяди Сумарокова, что онъ собирается въ Москву съ своей молодой женою, чтобы лѣчить ее отъ послѣдствій несчастныхъ родовъ. Мы дождались ихъ пріѣзда, но какъ поразилъ меня видъ дяди при первой съ нимъ встрѣчѣ! Вмѣсто крѣпкаго, здороваго, обладавшаго необыкновенной силой человека, я увидѣлъ его слабымъ, худымъ, почти лишеннымъ употребленія ногъ: это были послѣдствія наѣздничества, псовой охоты и неразлучнаго съ нею кутежа. Нѣсколько дней они провели съ нами; дядя обошелся ласково съ Красильниковымъ, къ крайнему удовольствію моей матери, и уже не противился предполагаемому браку. Переѣхавъ на квартиру, нанятую имъ на Плющихѣ, дядя созвалъ консиліумъ изъ Московскихъ медицинскихъ знаменитостей для совѣщанія о болѣзни Софьи

Васильевны, которую лѣчилъ молодой акушеръ Дейчъ. Въ числѣ прочихъ былъ на консилиумѣ и старикъ Лодеръ, который обрадовался, увидѣвъ меня, и велѣлъ мнѣ переводить съ Русскаго на Латинскій тѣ слова больной, которыя окажутся для него непонятными. Такъ, когда больная сказала, что у нея послѣ пищи дѣлается распираше живота, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «*Quid sibi vult istud?*» (что это такое?) и долго не могъ удовлетвориться моимъ отвѣтомъ, при чемъ Г. А. Высотскій замѣтилъ другимъ докторамъ: «а молодой студентъ ловко объясняется полатини».

Между тѣмъ мы переѣхали на дачу, куда изрѣдка пріѣзжалъ къ намъ дядя съ больною, которую всякій съ перваго взгляда счелъ бы здоровой: такъ она была свѣжа и красива. Въ началѣ Августа вдругъ узнали мы, что дядя тяжело боленъ; я поскакалъ къ нему и нашелъ его почти умирающимъ. Оказалось, что, по совѣту какого-то несквѣстнаго Итальянца, онъ рѣшился принять неизвѣстно кѣмъ изобрѣтенное и приготовленное секретное лѣкарство для укрѣпленія силъ (конфертативъ). Послѣдствія были ужасны; окружающіе его думали, что онъ немедленно умретъ отъ выпитой отравы. Хотя этого и не случилось, но положеніе его было безнадежно, что и самъ онъ чувствовалъ. Нѣсколько успокоившись отъ жестокихъ болей въ животѣ, онъ требовалъ, чтобы поскорѣе отвезли его въ деревню. «Хочу умереть дома», говорилъ онъ. Съ глубокою скорбію проводилъ я дядю, котораго любилъ всѣмъ сердцемъ, не надѣясь болѣе видѣть его.

На дачѣ познакомились мы съ хозяевами. Вдова Шевелкина, Екатерина Богдановна, урожденная Сейделеръ, незадолго передъ тѣмъ вышла замужъ за плацъ-адъютанта Андрея Ивановича Маслова, собрата и пріятеля Красильникова. Они были у насъ неоднократно, и знакомство съ ними утвердилось навсегда. Въ послѣдующихъ главахъ придется мнѣ часто говорить объ этомъ семействѣ.

Близость Сокольниковъ къ Преображенской слободѣ давала возможность матери Красильникова, жившей у отца своего, дядька, часто ходить къ моей матери. Тутъ я ближе присмотрѣлся къ этой ворчливой, неугомонной, взбалмошной и подчасъ злой старухѣ. Являлись иногда и другія родственницы, безграмотныя дядчихи и пономарицы.

Чаще всѣхъ посѣщала мать мою дѣвица Екатерина Васильевна Боголюбова, дочь смотрителя дома умалишенныхъ. Мать моя была знакома съ нею еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ и въ 1824 году, пользуясь ея покровительствомъ, была вмѣстѣ со мною у блаженнаго Ивана Яковлевича Корейши, содержавшагося тогда въ домѣ сумашедшихъ. Къ этому юродивому, котораго Московскія барыни считали пророкомъ, тогда никого не пускали, и только съ дочерью смотрителя

могли мы проникнуть въ его тѣсную и грязную келейку. Мать моя спрашивала у него совѣта, гдѣ найти для меня учителя? Онъ отвѣчалъ: «Много разныхъ учителей; бываетъ учитель во фракѣ, а то и въ рясѣ». Когда я сталъ учиться у Ѳ. А. Голубинскаго, носившаго тогда фракъ, а позднѣе рясу, слова юродиваго казались пророчествомъ. Е. В. Боголюбова съ тѣхъ поръ нерѣдко посѣщала мать мою; какъ искренняя почитательница масоновъ, она была принята во многихъ семействахъ, наклонныхъ къ мистицизму.

Съ наступленіемъ осени мы возвратились въ свой домъ близъ Плющихи. Красильниковъ торопилъ мать мою поскорѣй обвѣнчаться; она настаивала, чтобы бракъ былъ тайнымъ, а онъ увѣрялъ, что никакъ не можетъ найти священника, который согласился бы на это. Наконецъ, 10 Ноября утромъ, въ нашей приходской церкви Неопалимой Купины, этотъ бракъ совершился, при затворенныхъ дверяхъ и безъ предварительныхъ оглашеній. Въ церкви никого не было, кромѣ меня и сестры. Несмотря на это, бракъ не былъ тайнымъ: Красильниковъ и друзья его успѣли разгласить о немъ по Москвѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы, мы получили горестное извѣстіе о смерти дяди П. Н. Сумарокова. Онъ скончался 11 Ноября и погребенъ подлѣ первой жены своей, у алтаря старинной церкви, въ селѣ Красномъ, построенной еще Шѣкуровыми. Дѣла его оказались крайне запутанными, и малолѣтніа дѣти отъ перваго брака, можетъ быть, остались бы безъ ничего, если бы тетка покойнаго, воспитавшая его, дѣвица Аграфена Андреевна Сумарокова не принялась на старости лѣтъ, при помощи брата своего Алексѣя Андреевича, за устройство разстроенныхъ дѣлъ. Прежде всего она уничтожила псарню, потомъ продала свое собственное, небольшое имѣніе и мало-по-малу, въ малолѣтство наслѣдниковъ, успѣла уплатить не только недоимку сохранный казны, угрожавшую продажей имѣнія, но и всѣ частные долги. Во всѣхъ хозяйственныхъ оборотахъ много помогала ей племянница В. А. Коптева. Опекунѣмъ малолѣтнихъ Сумароковыхъ былъ дѣдушка Алексѣй Андреевичъ, а попечителемъ Василій Алексѣевичъ Коптевъ.

Возвращаясь къ одному изъ важнѣйшихъ событій въ нашемъ семействѣ — ко второму браку моей матери. Этотъ бракъ навлекъ на нее множество непріятностей: знакомые отъ нея отвернулись, почтенныя бабушки мои Сумароковы прекратили переписку, князь Н. С. Долгоруковъ не сталъ пускать къ себѣ племянницу; два мои дяди, жившіе въ Москвѣ, хотя не раззнакомились съ моею матерью, но мужа ея къ себѣ не принимали.

Такое положеніе прискорбнѣ всего отразилось на бѣдной моей сестрѣ. Когда настало для нея время появляться въ свѣтѣ, она не могла

показаться въ лучшемъ Московскомъ обществѣ и должна была довольствоваться балами Благороднаго Собранія, куда брала ее съ собою и своими дочерьми Е. С. Маслова, и немногими вечерами средняго круга.

Злословіе коснулось даже нравственной репутаціи моей матери; праздные языки протрубили, что она была страстно влюблена въ Красильникова, что между ними издавна существовала самая интимная связь. Всѣ эти рассказы не заключали въ себѣ ни одной капли правды: сорокапятилѣтняя, болѣзненная женщина, жизни вполнѣ цѣломудренной, отъ природы умная и образованная, не только не способна была дойти до такого униженія, какое приписывали ей клеветники, но даже и не была вовсе влюблена въ Красильникова. Да и можно ли ей было влюбиться въ него при непріятной его наружности, при нравѣ его, мрачномъ и тяжеломъ, при полномъ отсутствіи воспитанія и приличія въ мнимомъ предметѣ ея страсти?

Нѣтъ, причина была вовсе не та, какую предполагали. Еще живши въ Каменкахъ, въ качествѣ учителя, Красильниковъ успѣлъ приобрести сильное вліяніе на мою мать, всегда искренно набожную, посредствомъ духовныхъ бесѣдъ и чтенія мистическихъ книгъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ отвлечь ее мало-по-малу отъ церковнаго направленія. Въ этомъ руководствовалъ его тотъ священникъ, который однажды пріѣзжалъ въ Каменки, еще при жизни покойнаго отца моего, и другіе вожди Московскихъ масоновъ. Дѣло дошло наконецъ до того, что мать моя, окруженная и ослѣпленная ими, стала считать К. безусловно-необходимымъ какъ для утвержденія въ духовной жизни ея самой и дѣтей ея, такъ и для устройства нашего мірскаго благосостоянія. Когда подобное убѣжденіе въ ней укоренилось, тѣже вліятельныя лица нашли, что пора приступить къ дѣлу. Первое предложеніе со стороны К. сильно подѣйствовало на матушку: она боролась изо всѣхъ силъ, даже заболѣла отъ борьбы. Ослабленная болѣзнію, ошеломленная личными внушеніями и письмами покровителей жениха, она наконецъ уступила и дала свое согласіе. Позднѣе, послѣ кончины моей матери, я нашелъ въ бумагахъ ея не только письменное предложеніе К., довольно нескладно написанное, но еще три письма друзей его, и въ томъ числѣ одно отъ того же вышепомянутаго священника, имѣвшаго сильное вліяніе на свою духовную дочь.

Вотъ истинная разгадка причинъ такого неравнаго брака. Повторю еще разъ: плотской любви тутъ вовсе не было. До самой смерти К., мать моя жила со вторымъ своимъ мужемъ, какъ сестра съ братомъ; даже общей спальни у нихъ никогда не было. Словомъ, этотъ бракъ былъ дѣломъ Московскихъ масоновъ.

Многіе спрашивали меня послѣ: «Какимъ особеннымъ ученіемъ руководствовались люди, принадлежавшіе къ масонскимъ ложа́мъ? Кто были эти люди?» Постараюсь теперь отвѣчать на оба вопроса, сколько окажется возможнымъ.

Объ ученіи масоновъ или «свободныхъ каменщиковъ», какъ они себя называютъ, мнѣ удалось узнать очень немного изъ отрывочныхъ разсказовъ Н. М. Шатрова и самого К., какъ наименѣ скромныхъ между «братьями». Другіе масоны, которыхъ я зналъ, были болѣе скрытны и никогда не обмолвились ни однимъ словомъ о таинственномъ смыслѣ своего ученія. Разкажу, что удалось мнѣ узнать отъ нихъ, и то что могъ извлечь изъ собранія масонскихъ бумагъ, переданныхъ въ Московскій публичный музей послѣ графа Серг. Степ. Ланскаго.

Гонимое при Екатеринѣ II, отдохнувшее при Павлѣ I, Русское масонство пользовалось свободою и довѣріемъ правительства въ первую половину царствованія Александра Павловича. Тогда публично существовала въ Петербургѣ Великая Провинціальная ложа подъ предѣтельствомъ великаго провинціального мастера графа М. Ю. Вильгорскаго (онъ подписывался Вильгурскимъ) и множество зависящихъ отъ нея ложъ въ разныхъ городахъ Россіи и Польши. Одна изъ числа ихъ, какъ увѣдомилъ графъ Вильгурскій «высокопочтеннаго великаго наѣстнаго мастера, управляющаго Великою Провинціальною ложею герца Степановича Ланскаго») открыта имъ въ пятницу 7 числа Хѣсяца 5817 года <sup>1)</sup> «на Востокъ Москвы, благословеніемъ всевышняго архитектора, подъ правленіемъ Великой Провинціальной ложи, совершенная и справедливая Св. Іоанна Крестителя ложа, имѣющая названіе «Щущихъ Манны» (дѣла Великой Провинціальной ложи № 1893, 12). Эта ложа получила вмѣсто герба девизъ—золотой въ кругѣ крестъ, съ надписью: «исполняй понятное, поймешь непонятное». Отличительный знакъ членовъ ложи—такой же крестъ въ петлицѣ кафтана на бѣлой и золотыми каймами лентѣ; мастера во время собраній носили этотъ крестъ на шеѣ, а предѣдатель, или «мастеръ стула»—на широкой лентѣ черезъ плечо (тамъ же).

Въ спискѣ членовъ этой ложи, составленномъ въ 1819 году, названы: мастеръ стула С. П. фонъ-Визинъ, наѣстный мастеръ П. А. урбатовъ; 1-й надзиратель В. Д. Камынинъ; 2-й надзиратель Я. Θ. карятинъ; риторъ А. О. Поздѣвъ; 1-й стуартъ (стражъ, Steward) В.

Пушкинъ; 2-й стуартъ А. Н. Яфимовичъ; секретарь А. Н. Садыковъ и обрядоначальникъ Я. Х. Венкстернъ. Мастеръ стула и два над-

---

<sup>1)</sup> Во всѣхъ масонскихъ бумагахъ лѣтонисчисленіе начинается за 4.000 лѣтъ до Х.

зрителя назывались «чиновниками» логи, а прочія должностныя лица «офиціалами». Братья раздѣлялись на три степени: мастеровъ, товарищей и учениковъ; изъ двухъ послѣднихъ разрядовъ они постепенно достигали до перваго. Всѣхъ братьевъ въ списокъ 1-го Мая 1821 года было 56 (№ 1915, 73).

Хотя постояннымъ предсѣдателемъ въ ложѣ Ищущихъ Манны, до самаго закрытія ея по указу 1822 года, считался всегда С. П. фонъ-Визинъ, но главнымъ дѣятелемъ и предметомъ всеобщаго благоговѣйнаго почтенія и повиновенія былъ Николай Александровичъ Головинъ, человѣкъ необыкновенно-умный, хитрый и обладавшій разнородными познаніями. Кромѣ степени мастера въ этой ложѣ онъ былъ также мастеромъ въ Великой Провинціальной и, какъ кажется, принадлежалъ къ сословію рыцарей Розоваго Креста, о которомъ говорится въ ма-сонской пѣснѣ:

„Блещетъ надъ нами Розовый Крестъ:  
Онъ насъ наставитъ, онъ вразумитъ,  
Тѣло прославитъ, духъ оживитъ“...

Головинъ пользовался очень плохимъ здоровьемъ; отъ разлива желчи или отъ природнаго ѣдкаго, непріятнаго характера, онъ былъ нестерпимъ въ обращеніи съ братьями, такъ что нѣкоторые соблазнились и ушли отъ него. Раздражительность его достигла до высшей степени по возвращеніи въ 1831 г. изъ за-границы, куда онъ ѣздилъ лечиться (но безъ успѣха) съ пособіемъ отъ правительства и съ сохраненіемъ жалованья по званію директора Московской Адресной Конторы. Онъ скончался весною 1832 года и погребенъ въ Андроньевскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ многими его собратіями. На могилѣ его поставленъ чугунный кубъ (символъ свободнаго каменщичества) съ текстомъ: «Подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе скончалъ, вѣру сохранилъ» и позолоченный крестъ Мальтійской формы, съ розою въ срединѣ—знакъ рыцарей Розоваго Креста (Розенкрейцеровъ).

Сергѣй Павловичъ Фонъ-Визинъ пользовался во всю жизнь уваженіемъ и довѣріемъ Московскаго дворянства: почти 40 лѣтъ былъ онъ предводителемъ въ Клину и игралъ первостепенную роль на дворянскихъ выборахъ. Умеръ, если не ошибаюсь, въ 1855 году.

Въ Можайскомъ уѣздѣ долго былъ предводителемъ Василій Дмитриевичъ Камынинъ. Онъ былъ старикъ кроткій, благодушный, ласковый ко всѣмъ, но не пользовался репутаціей остроумнаго и дѣловаго человѣка. Двѣ дочери его были за собратіями его по ложѣ: старшая за Г. Н. Коробынымъ, достигшимъ степени мастера, а младшая—за С. Н. Арсеньевымъ, принятымъ въ ученики въ 1819 г.; дальнѣйшаго произ-

водства его въ спискахъ ложи не видно. Сынъ старика Камынина, Дмитрій Васильевичъ, женатый на С. Д. Раевской, умеръ въ молодости, оставивъ по себѣ дочь, находящуюся теперь въ замужествѣ за Н. С. Камылинымъ-же. Ей принадлежитъ теперь тотъ старинный родовой домъ дѣда ея подъ Новинскимъ, гдѣ мы часто веселились во время моей молодости.

Алексѣй Осиповичъ Поздѣевъ, флота капитанъ-лейтенантъ въ отставку, возведенный въ степень мастера 25 Марта 1818 года, сынъ Осипа Алексѣевича, увлекательно описаннаго въ романѣ «Война и Миръ» подъ именемъ Баздѣева, пользовался особеннымъ уваженіемъ братьевъ. Прослуживъ долго въ морской службѣ, онъ отличался характеромъ прямымъ, правдивымъ и откровеннымъ (во всемъ, что не касалось масонства). Жилъ на самомъ краю города, въ Красномъ Селѣ, въ домѣ, построенномъ еще отцомъ его, по необыкновенному способу: стѣны были сложены изъ двухъ рядовъ кирпича, положеннаго на ребро, при чемъ пространство между рядами было набито пескомъ и толченымъ углемъ. Домъ этотъ отличался необыкновенною теплотою и отсутствіемъ сырости; онъ стоитъ болѣе 100 лѣтъ и принадлежитъ теперь какому-то купцу. А. О. Поздѣевъ былъ большой охотникъ ходить пѣшкомъ; онъ приходилъ къ намъ черезъ всю Москву на Плющиху и однажды «по дорогѣ» (какъ онъ выражался), вздумалъ зайти къ Тверской заставѣ, посмотреть на триумфальныя ворота, которыя тогда строились. Умеръ онъ около 1833 года. Между друзьями и собратіями А. О. Поздѣева, сохранилась картинка, изображающая его въ послѣднія минуты жизни. Отца его я не засталъ въ живыхъ, также какъ и жившаго вмѣстѣ съ нимъ слѣпца Руфа Семеновича Степанова. Всѣ они погребены въ Андроньевѣ. На могилѣ Степанова замѣчательны стихи, написанные А. М. Зиловымъ:

„Онъ жилъ, всеневно умирая,  
И умеръ такъ, чтобъ вѣчно жить;  
Былъ слѣпъ, но въ горній міръ взирая,  
Умѣлъ страдать, молчать, любить“.

Петръ Александровичъ Курбатовъ, статскій совѣтникъ, человѣкъ большаго свѣта, служившій въ молодости по дипломатической части (кажется, секретаремъ посольства въ Лиссабонѣ), былъ женатъ на Е. А. Перовской, и пользовался покровительствомъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго и нѣсколько десятковъ лѣтъ занималъ должность начальника типографіи Московскаго Университета. Состоялъ онъ въ званіи мастера съ 1817 года. Въ типографіи при немъ были напечатаны (конечно безъ цензуры) масонскія пѣ-

сни, которыя пѣлись хоромъ въ собраніяхъ и бесѣдахъ, подъ звуки органовъ, нарочно заказанныхъ. У моего вотчима, которому поручено было изданіе пѣсенъ, былъ также такой органъ, подаренный имъ послѣ Троицкому врачу Высоцкому, но неотступной его просьбѣ.

Алексѣй Васильевичъ Перваго, богатый Елецкій помѣщикъ, присоединенный къ ложѣ, въ званіи ученика, 7 Января 1818 года, а въ списокъ 1820 года показанный уже мастеромъ, велъ очень своеобразную жизнь: онъ никогда не выѣзжалъ изъ Москвы, занималъ постоянно номеръ въ какой нибудь гостинницѣ, гдѣ и обѣдалъ въ скромные дни, а въ постные ходилъ обѣдать въ Русскій трактиръ; вставалъ очень рано; ежедневно въ 10 часу утра отправлялся пѣшкомъ въ гости къ кому нибудь изъ своихъ собратій или знакомыхъ, а вечернее время всегда проводилъ дома, ожидая къ себѣ гостей. Шубы онъ никогда не надѣвалъ, но въ самые трескучіе морозы ходилъ, или лучше сказать, бѣгалъ по улицамъ въ сюртукѣ на ватѣ съ бобровымъ воротникомъ. Въ именины свои 20 Мая онъ угощалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ десертомъ изъ самыхъ рѣдкихъ фруктовъ и отличнымъ ужинкомъ. А. В. былъ очень скупъ отъ природы, но дѣлалъ много добра, что стоило ему необыкновенныхъ усилій надъ собою. Одному изъ друзей своихъ онъ сказалъ: «повѣришь ли, мнѣ также трудно оторвать отъ себя десять рублей, какъ и тысячу». Въ постоянной борьбѣ съ самимъ собою, онъ побѣждалъ свою скупость. Такъ на моихъ глазахъ были воспитаны на его счетъ двое молодыхъ медиковъ: Голофѣевъ и Фицнеръ; нѣсколькихъ молодыхъ дѣвицъ, вовсе ему незнакомыхъ, онъ щедро награждалъ приданымъ, по рекомендаціи своей племянницы.

Иванъ Михайловичъ Фроловъ, дворянинъ, мастеръ съ 1819 года, управлялъ огромными имѣніями Нарышкиныхъ, рѣдко бывалъ въ Москвѣ, а потому я мало зналъ его; съ виду онъ казался человѣкомъ очень приличнымъ и почтеннымъ. Въ старости оя много вытерпѣлъ горя отъ сына, извѣстнаго всей Москвѣ подъ названіемъ «хромага Фролова», человека остроумнаго, но очень дерзкаго и наглаго.

Изъ числа масоновъ, жившихъ въ провинціи, я ближе всѣхъ зналъ Павла Андреевича Болотова. Сынъ извѣстнаго писателя прошедшаго столѣтія, автора любопытныхъ Записокъ и 40 томовъ Экономическаго Магазина, Андрея Тимофеевича Болотова, П. А. жилъ постоянно въ деревнѣ своей Кромскаго уѣзда, почти рядомъ съ с. Сосковымъ, въ которомъ четвертая часть досталась отцу моему послѣ его матери, и по доброму расположенію къ намъ, завѣдывалъ этимъ небольшимъ нашимъ имѣніемъ. Тамъ былъ я у него однажды и видѣлъ ту электрическую машину, съ разными примѣненіями для леченія больныхъ, которую отецъ

его, скончавшійся почти столѣтнимъ старцемъ, устроилъ своими руками. Объ этомъ старецъ одинъ изъ потомковъ его выражался такъ:

„Въ дѣтствѣ я помню нашъ садикъ старинный  
Дѣдушка самъ разводилъ;  
Съ палкой, съ аршинномъ, съ веревкою длинной,  
Онъ вокругъ дома ходилъ.  
Древень ужъ, древеснъ онъ былъ, мой голубчикъ,  
Старецъ высокой, худой.  
Былъ на немъ бѣлый овчинный тулупчикъ,  
Самъ онъ, какъ лунь, былъ сѣдой.  
Въ ту пору плохо онъ видѣлъ глазами:  
Было лѣтъ за сто ему,  
Руки тряслись, но своими руками  
Все онъ работалъ, всему  
Былъ головою и въ домѣ и въ полѣ,  
Все хлопоталъ и бродилъ;  
Вѣкъ не знавалъ онъ ни скуки, ни боли,  
Вѣчно смѣлся, шутилъ.  
„Ну, говорить онъ мнѣ, маленькій внучекъ,  
Дѣду теперь помогай,  
Ты не жалѣй своихъ бѣленькихъ ручекъ,  
Ямки со мною конай.“

Въ Москву Болотовъ пріѣзжалъ иногда по дѣламъ. Я любилъ и уважалъ этого почтеннаго человѣка, необыкновенно добраго, радушнаго, услужливаго, искренно-благочестиваго и дѣятельнаго, несмотря на старость. Онъ былъ мастеромъ съ 1818 года, а сынъ его генераль-маіоръ и профессоръ военной академіи, Алексѣй Павловичъ Болотовъ, былъ принятъ ученикомъ въ ту же ложу 17 Января 1821 года. Послѣдніе годы своей жизни, ослабѣвъ отъ старости, Павелъ Андреевичъ уже не выѣзжалъ изъ деревни, и я не видалъ его, а потому не могу припомнить время его кончины.

Еще до переѣзда въ Москву изъ посада, я въ первый разъ увидѣлъ Николая Михайловича Шатрова, слѣпца-стихотворца. Вывезенный ребенкомъ изъ Персіи и воспитанный, если не ошибаюсь, въ домѣ Петра Алексѣевича Татищева, онъ съ молодыхъ лѣтъ отличался необыкновенною живостію ума и способностію очень легко писать стихи и отпускать остроты безъ всякаго приготовленія. Въ свое время онъ очень нравился женщинамъ и съ одною дѣвицею знатной фамиліи прижилъ сына, которому мать передъ смертію завѣщала принадлежавшее ей село Воздвиженское, на Троицкой дорогѣ, въ 12 верстахъ отъ Сергіевской лавры. Мальчику дали фамилію Соломорѣцкаго, приписавъ его къ роду одного бѣднаго дворянина западнаго края, и Шатровъ былъ опекуномъ своего сына. Крестьяне села Воздвиженскаго, по наущенію какого-то негодая, вышли изъ повиновенія, доказывая, что малолѣтній баринъ ихъ не дво-

рянинъ, а потому они должны будто-бы поступить въ казенное вѣдомство. Дѣло продолжалось нѣсколько лѣтъ, и Шатровъ, не получая никакихъ доходовъ, совершенно обнищалъ и содержался съ старухой женой единственно помощью братьевъ-масоновъ, между которыми онъ былъ мастеромъ съ 1819 года. Я познакомился съ нимъ ближе въ 1830 году; онъ жилъ близко отъ насъ, противъ церкви Знаменія въ Зубовъ, въ двухъ небольшихъ комнатахъ, на верху своего собственнаго дома, отдавнаго имъ въ наймы. Въ свое время онъ считался въ числѣ извѣстныхъ стихотворцевъ; переложеніе псалмовъ, ода на смерть Екатерины II-й и маршъ Донскихъ казаковъ (Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою и пр.) долго считались образцовыми. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, написанномъ въ то время, когда Наполеонъ находился въ Москвѣ, Шатровъ оказался пророкомъ. Онъ выразился такъ:

„Завладѣть столицей—слава!  
Но умѣемъ мы отыцать;  
Знаетъ твердо то Варшава,  
И Парижъ то будетъ знать.“

И въ глубокой старости, ослѣпшій поэтъ продолжалъ писать стихи. Его «Осень 1830 г.» написана мною подъ его диктовку во время холеры, напечатана особою брошюрою и поднесена митрополиту Филарету, котораго онъ воспѣлъ въ ней такъ:

„Слышу звукъ громовъ словесныхъ:  
Вдохновенный Филаретъ,  
Отъ источниковъ небесныхъ  
Черпая ученья сѣтъъ,  
Какъ духовный воевода,  
Духи цѣлаго народа  
Успокоивъ, говорить:  
„Какъ отецъ насъ Богъ караетъ  
И тому, кто умираетъ,  
Онъ изъ зла добро творитъ.  
.....  
Къ вѣрѣ подвиги приложимъ  
И Царю-отцу поможемъ  
Насъ отъ смерти сохранить.“

Эти стихи понравились владыкѣ тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ въ нихъ защиту отъ доноса, поданнаго противъ него государю, котораго старались увѣрить, что Филаретъ, упоминая въ одной изъ проповѣдей своихъ о покаяніи царя Давида во время моровой язвы, намекаетъ какъ будто бы на то, что грѣхи царей навлекаютъ гнѣвъъ небесный на подвластные имъ народы. Принявъ ласково привезеннаго мною старца, Филаретъ сказалъ ему: «Хотя амигдалъ (миндальное дерево)

разцвѣлъ на главѣ вашей, и помрачилися смотрящіе въ оконца, по слову Соломона <sup>1)</sup>, но стихи ваши кажутся юношескими. Да обновится убо, яко орля, юность ваша». При прощаніи владыка благословилъ слѣпца иконою и подарилъ ему 200 рублей.

Спустя три года, молодой Соломорѣцкій, служившій въ военной службѣ юнкеромъ, произведенъ въ прапорщики и такимъ образомъ утвержденъ въ дворянствѣ. Вскорѣ онъ умеръ, отказавъ имѣніе отцу, который тотчасъ же продалъ его за девяносто тысячъ ассигн. А. И. М—вой. Она заплатила половину суммы, обязавшись отдать вторую половину черезъ годъ. Получивъ деньги и увѣренный, что получить остальные въ назначенный срокъ, Шатровъ поспѣшилъ уплатить всѣ свои долги, щедрою рукою сталъ помогать бѣднымъ, завелъ прислугу, карету, лошадей, отдѣлалъ домъ свой и сталъ жить какъ живутъ достаточные люди. Между тѣмъ срокъ наступилъ, наличныхъ денегъ оставалось очень мало, а покупщица Воздвиженскаго, вмѣсто уплаты остальной суммы, начала тяжбу, которая окончилась въ пользу ея уже по смерти Шатрова; бѣдный же слѣпецъ умеръ въ нуждѣ и похороненъ на счетъ друзей своихъ.

Теперь сообщу съ полною откровенностію тѣ немногія свѣдѣнія объ ученіи масоновъ, какія удалось мнѣ узнать или замѣтить.

I. Масоны считаютъ свои учрежденія весьма древними и доводятъ ихъ до временъ Соломона. Всѣ таинственные предметы: лопатки, молотки, передники, ковры съ изображеніями и т. п., устроены въ память храма, сооруженнаго Соломономъ. Сюда же относится и самое названіе «свободныхъ каменщиковъ». Въ христіанской церкви основателемъ масонства, по мнѣнію ихъ, былъ будто бы Іоаннъ Креститель.

II. Чтобы сдѣлаться масономъ, необходимы три условія: 1) Вѣра въ единого Бога. Такимъ образомъ не только христіанамъ всѣхъ вѣроисповѣданій, но и Евреямъ, магометанамъ, деистамъ и т. п. дозволяется присоединеніе къ ложамъ. Я слышалъ, что въ Херсонѣ существовала ложа, состоявшая исключительно изъ Евреевъ-Караимовъ. Она находилась въ связи съ прочими ложами въ Россіи. 2) Отъ масона или «истиннаго свободного каменщика» требуются непрестанные подвиги для самоусовершенія; 3) поступающій въ братство обязанъ быть сострадательнымъ и милосерднымъ ко всѣмъ бѣднымъ, особенно къ нуждающимся братьямъ. Онъ долженъ отдѣлять на дѣла милосердія не менѣе 10-й части своего дохода.

---

<sup>1)</sup> Эти слова взяты изъ прекраснаго аллегорическаго описанія старости (Екклес. гл. XII). Тамъ подъ названіемъ цвѣтущаго амигдаля разумѣется покрытая сѣдиною голова, а смотрящіе въ окошко — глаза.

III. По первому пункту масонскихъ обязанностей, т.-е. относительно догматовъ вѣры, нужно замѣтить, что братья нисколько не стѣснялись исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ и даже самыми догматами того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежали. Нѣкоторые изъ нихъ любили ходить въ церковь, соблюдали установленные посты, чтили память святыхъ и благоговѣнно лобызали св. иконы; другіе, напротивъ, хотя и православные по крещенію, ограничивались поклоненіемъ одному Господу Иисусу Христу, не обращая вниманія на все прочее. Въ доказательство могу привести примѣръ. Когда я напечаталъ книжку о чудотворной Иверской ikonѣ Богородицы, многіе изъ этихъ господъ говорили мнѣ: «Къ чему этотъ напрасный трудъ? Чтò за чудотворныя иконы?» Но если иные изъ братьевъ-каменьщиковъ оставались равнодушными къ святынямъ православной церкви, за то всѣ они вѣрили въ существованіе безплотныхъ духовъ и притомъ весьма различныхъ, не только добрыхъ и злыхъ, на основаніи Св. Писанія, но и какихъ-то среднихъ, приставленныхъ къ водамъ, лѣсамъ, домамъ (по простонароднымъ названіямъ: водяныхъ, лѣшихъ, домовыхъ и проч.) Сношенія отшедшихъ душъ съ живыми людьми были однимъ изъ любимыхъ предметовъ ихъ бесѣдъ. Книги, изданныя на счетъ масонскаго братства, по распоряженію Н. А. Головина, какъ-то: «Любопытныя приключенія и сны» и «Смѣсь полезнаго съ любопытнымъ и приятнымъ», въ двухъ томахъ, наполнены разказами о духахъ и видѣніяхъ. Нужно замѣтить, что предисловія этихъ книгъ подписаны буквами П. И. К. Нѣкоторые думали, что эти буквы составляютъ подпись Петра Ив. Красильникова, которому, какъ корректору университетской типографіи, поручено было изданіе; но они ошибались: эти заглавныя буквы значать: «Почитатели Истиннаго Каменьщичества». Еще была у нихъ одна толстая рукопись, подъ заглавіемъ: «Пневматологія», заключающая въ себѣ множество разказовъ о явленіи разныхъ духовъ. Мнѣ случилось однажды прочесть въ ней нѣсколько страницъ въ кабинетѣ моего вотчима, но онъ тотчасъ же поспѣшилъ взять и запереть рукопись.

IV. Ко второму пункту масонскаго ученія относится нравственная обязанность каждаго лица, принадлежавшаго къ братству, заботиться о своемъ самоусовершенствованіи и, прежде всего, бороться съ своими, «темпераментальными» недостатками. Дѣйствительно, многіе изъ знакомыхъ мнѣ масоновъ дѣятельно подвизались въ исправленіи своихъ порочныхъ наклонностей и, при нравственномъ вліяніи старшихъ своихъ собратій, оказывали успѣхи въ трудѣ своемъ. Такъ Н. А. Головинъ отъучилъ было себя отъ насмѣшливости, въ которую, впрочемъ, впалъ снова передъ смертію, «по недостатку тѣлесныхъ силъ для борьбы съ темпераментомъ», какъ говорили его почитатели; такъ С. П.

Фонъ-Визинъ, по выраженію Шатрова, «уцѣломудрился»; Перваго одо-  
лѣвалъ свою скупость; Красильниковъ, пившій прежде запоемъ, достигъ,  
въ послѣдніе годы своей жизни, до полной трезвости. Руководствомъ  
для наблюденія за собою служила имъ книга І. Месона «О самопозна-  
ніи», нѣсколько разъ напечатанная въ Россіи. Одно изъ изданій ея,  
было сдѣлано трудами Н. А. Головина, со множествомъ выписокъ изъ  
древнихъ и новыхъ писателей на разныхъ языкахъ. Въ послѣдній разъ  
трактатъ Месона былъ переведенъ и изданъ С. А. Масловымъ, безъ  
всякихъ выписокъ, небольшою книжкою.

V. Благотворительность масоновъ заслуживала не только похвалы,  
но и удивленія. Можно было бы указать много примѣровъ поразитель-  
ной щедрости. Особенно замѣчательна была взаимная помощь ихъ  
другъ другу: братство не только выдавало ежемѣсячныя пособія обѣд-  
нѣвшимъ своимъ сочленамъ, не только заботилось о доставленіи имъ  
и сыновьямъ ихъ выгодныхъ мѣстъ, но иногда и устраивало браки  
ихъ, въ тѣхъ же видахъ. Такъ удалось имъ сосватать младшую дочь  
В. Д. Камынина за С. Н. Арсеньева; вдову своего собрата купца Ше-  
велкина за А. И. Маслова, между тѣмъ какъ она имѣла въ тоже время  
другаго, лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ жениха, заслуженнаго генерала;  
такъ устроили они и бракъ моей матери съ П. И. Красильниковымъ.  
Но вотъ самый поразительный опытъ дѣятельности масоновъ въ этомъ  
родѣ. Въ числѣ ихъ находился нѣкто О — въ, человекъ, отличавшійся  
единственно атлетическимъ тѣлосложеніемъ и ненасытнымъ любостыжа-  
ніемъ. Ему удалось (не знаю, съ помощію ли собратій или нѣтъ) же-  
ниться на богатой, пожилой барынѣ, вдовѣ гофмейстера; она чрезъ  
нѣсколько лѣтъ умерла, и О — въ завладѣлъ всѣмъ, что послѣ нея  
осталось, такъ что дочь ея отъ перваго брака не получила ничего. Но  
этого было для него мало; онъ просилъ содѣйствія старшихъ братьевъ  
для сближенія его съ старой барышней М. Ѳ. Я — вой, на которой будто  
бы хотѣлъ жениться; они поручили это дѣло П. Г. Шицу (объ немъ  
будетъ рѣчь послѣ), и Шицъ познакомилъ О — ва съ Я — вой. Неожиданно  
для почтенныхъ покровителей, дѣло приняло совершенно иное на-  
правленіе: О — въ сблизился съ старой дѣвицей, издавна одержимой  
желаніемъ найти себѣ мужа, но не женился на ней, а ограбилъ ее до  
чиста и бросилъ. Шицъ за это съ нимъ поссорился, но начальники  
братства поспѣшили помирить ихъ. Впрочемъ выгодные расчеты О — ва  
не пошли ему въ прокъ: онъ умеръ въ крайней бѣдности.

Въ масонскихъ ложахъ заведено было, какъ всѣмъ извѣстно и  
подробно описано въ романѣ Писемскаго «Масоны», множество разныхъ  
обрядовъ; особенною торжественностію отличался обрядъ присоединенія  
новыхъ лицъ. Послѣ закрытія ложъ, всѣ обряды исчезли, но собранія

братьевъ продолжались въ видѣ бесѣдъ довольно часто, особенно по средамъ, въ домѣ Н. А. Курбатова, и принятіе новопоступающихъ продолжалось тайно. Нужно думать, что нѣкоторые изъ братьевъ, несомнѣнно принадлежавшихъ къ ложѣ «Ищущихъ Манны», какъ наприм. Зиловъ и вотчимъ мой Красильниковъ, были приняты уже послѣ указа 1822 года, потому что имена ихъ не значатся въ спискахъ ложи, сохраняющихся въ Румянцевскомъ Музеѣ.

Часто занималъ меня вопросъ: зачѣмъ какой-то таинственный, своеобразный путь къ исправленію нравственнаго характера и къ преуспѣянію въ добродѣтеляхъ, когда есть у насъ открытый, прямой путь въ Божественномъ откровеніи и ученіи св. Церкви? Зачѣмъ руководствоваться какими-то иновѣрными книгами, часто несогласными съ догматами православной церкви, а иногда даже богохульными (какъ напр. «Таинство Креста» и нѣкоторыя статьи «Сіонскаго Вѣстника»), когда для насъ всегда готовы душеполезныя творенія Отцевъ Церкви? Зачѣмъ «пить изъ сокрытыхъ и, можетъ быть, нечистыхъ кладезей, когда есть у насъ источникъ воды живой, дарованной намъ самимъ Богомъ?» Такъ выразился о масонахъ митрополитъ Филаретъ, самъ наклонный къ мистицизму въ началѣ своего поприща. «Зачѣмъ, по словамъ одного изъ умнѣйшихъ писателей нашего времени, заходить къ Богу съ задняго крыльца, когда переднее открыто?» На эти вопросы я самъ себя не умѣлъ отвѣчать и не могъ получить разъясненія отъ тѣхъ, къ которымъ обращался за совѣтомъ.

Самая таинственность масонскаго ученія заставляетъ сомнѣваться въ чистотѣ его. Историкъ ордена Іезуитовъ Кретино-Жоли совершенно правъ, когда говоритъ: «гдѣ нѣтъ ничего зазорнаго, тамъ неумѣстна таинственность». (*Histoire de la Compagnie de Jésus*, t. 1, chap. 1.)

Возвращаюсь къ моимъ занятіямъ въ 1831 году.

Проведя лѣто и часть осени на дачѣ, мы не ѣздили въ Каменки, и я лишенъ былъ удовольствія видѣться въ посадѣ съ моими друзьями.

По возвращеніи съ дачи въ Московскій нашъ домъ, близъ Плющихи, я снова принялся за университетскія занятія. Они были на второмъ году курса почти тѣже, что и на первомъ, и при томъ съ тѣми же профессорами. Разница состояла только въ томъ, что Котельницкій вмѣсто фармаціи читалъ фармакологию по книжкѣ того-же самаго Пленка, но показывалъ намъ разные медикаменты изъ университетской аптеки, приговаривая: «*medicamentum est, quod morbum in corpore tollit, venenum autem, quod destruit vitam*» (лекарство изгоняетъ болѣзнь изъ тѣла, а ядъ разрушаетъ жизнь). При этомъ престарѣлый профессоръ прибавлялъ: «а бываетъ иногда и наоборотъ; и отъ лекарства подчасъ человекъ умереть можетъ; такъ нужно прописывать

рецепты поосторожнѣе. Нѣкоторые изъ студентовъ, переписывая плохую, но очень рѣдкую книжку Пленка, и мало понимая Латинскій языкъ, на которомъ она писана, вмѣсто слова: *venenum* писали *venereum* и такъ произносили на репетиціяхъ; впрочемъ почтенный профессоръ не обращалъ на это вниманія. Часто заключалъ онъ лекцію до звонка такими словами: «а мнѣ пора къ Надеждѣ Андреевнѣ (женѣ); она у меня нездорова».

Преподаваніе анатоміи продолжалось своимъ порядкомъ; старикъ Лодеръ читалъ ученіе о нервахъ (невралгію). На одной изъ его лекцій былъ такой забавный случай. Знаменитый анатомикъ вздумалъ спросить слушателя Т—ва (родомъ изъ мѣщанъ, очень мало понимавшаго Латинскій языкъ): «*ubi est nervus opticus?*» (гдѣ находится зрительный нервъ?) Т—въ стоялъ молча, выпуча глаза. «*Sed ubi est, dicas mihi, in capite, vel in pede?*» (скажи мнѣ, гдѣ-же онъ: въ головѣ или въ ногѣ?) Т—въ подумалъ и отвѣчалъ: «*in pede*» (въ ногѣ). Услышавъ такой отвѣтъ, Лодеръ вскочилъ въ страшномъ раздраженіи и принялся кланяться Т—ву, крича: «*Supplex rogo, ut nemini dicas, te apud Loderum inquam anatomiam dedicisse!*» (умоляю тебя, никому не сказывай, что ты у Лодера учился анатоміи). А Т—въ съ своей стороны отвѣшивалъ глубокіе поклоны, думая, что Лодеръ его хвалитъ. Между тѣмъ мы всѣ катались со смѣху. Впрочемъ Т—въ былъ очень добрый малый, хорошій товарищъ и, какъ слышно было, по окончаніи курса, удачно лечилъ въ томъ городѣ, гдѣ былъ уѣзднымъ лекаремъ. Я не означилъ здѣсь вполнѣ его фамилію чтобы не огорчить его сына, очень искуснаго военнаго врача. И долго послѣ того старикъ отзывался о Т—вѣ: «*omnium, qui vixerunt, nunc vivunt et nascendi sunt. hominum longe stupidissimus*». (Изъ всѣхъ людей, которые прежде жили, теперь живутъ и впредь народятся, онъ самый глупѣйшій).

По поводу Т—ва, я припоминаю о другихъ товарищахъ моихъ по университету. На первомъ году я весьма мало съ ними сближался; но на второмъ, когда начались наши практическія занятія въ анатомическомъ театрѣ, я познакомился короче съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Александръ Павловичъ Ивановъ, очень даровитый, живой и бойкій юноша, моложе меня двумя годами, былъ сынъ чиновника, служившаго при генераль-губернаторѣ. Отецъ его промоталъ казенныя деньги и лишилъ себя жизни; семья его, состоявшая изъ жены, сестры и двухъ мальчиковъ сыновей (изъ нихъ старшему, А. П. было 14 лѣтъ) осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни. Хотя добродушный князь Д. В. Голицынъ оставилъ въ пользу сиротъ всю движимость покойника и на первое время давалъ имъ отъ себя небольшое пособіе, но всего этого было мало. Съ 15-лѣтняго возраста А. П., не упуская ученія въ гим-

назіи, сталъ помогать своей семьѣ уроками. Вообще Ивановы жили хотя бѣдно, но очень пристойно. А. П. по веселому и доброму нраву былъ весьма любимъ товарищами, не возбуждая въ нихъ зависти, хотя былъ постоянно по всѣмъ предметамъ ученія первымъ между нами. Часто приходилъ онъ ко мнѣ по вечерамъ; я училъ его Французскому языку и ботаникѣ, а онъ меня своимъ любимымъ предметамъ—физикѣ и химіи. Первую онъ изучилъ еще въ гимназіи, а химіей занимался постоянно и усердно, посѣщая лекціи и опыты профессора Геймана на математическомъ факультетѣ.

Напротивъ Никитскаго монастыря, на самомъ углѣ университетскаго переулка, жили товарищи мои, два брата Фелицыныхъ—Рафаиль и Полидоръ, воспитанники богатаго откупщика Вырубова, который впрочемъ очень мало давалъ имъ на содержаніе. вмѣстѣ съ другими я заходилъ иногда къ нимъ въ часы, свободные между лекціями. Рафаиль Фелицынъ былъ очень красивъ и умѣлъ нравиться такъ называемому прекрасному полу. При посѣщеніи Фелицыныхъ я узналъ, что хозяйка, у которой они нанимали комнату, была Дарья, вольноотпущенная горничная моей матери, та самая, о которой я упомянулъ въ началѣ этихъ воспоминаній.

Другое пристанище находили мы у двухъ нашихъ товарищей Литвинкина и Кундасова, жившихъ рядомъ съ Никитскимъ монастыремъ, по Кисловскому переулку, въ маленькомъ домикѣ, который давно уже не существуетъ, а тогда принадлежалъ матери Литвинкина. По окончаніи курса, я потерялъ ихъ изъ виду, но слышалъ, что Кундасовъ, жившій постоянно въ Серпуховѣ, прославился какъ отличный врачъ и недавно умеръ, оставивъ большое наслѣдство дѣтямъ.

Нужно сказать нѣсколько словъ объ анатомическихъ занятіяхъ, подъ внимательнымъ руководствомъ профессора Эйнбродта и прозектора Гумбурга. Этотъ послѣдній, мастеръ своего дѣла, перешелъ къ намъ изъ Харьковскаго университета и былъ любимцемъ Лодера. Каждый изъ насъ долженъ былъ сдѣлать въ теченіи зимы нѣсколько анатомическихъ препаратовъ, отдѣлать тщательно мускулы, кровеносныя жилы, связки и нервы; каждому предоставлялось право взять себѣ сдѣланный имъ препаратъ, но никто этимъ правомъ не пользовался, кромѣ Иванова, который работалъ лучше насъ всѣхъ и приготавливалъ такъ называемые сухіе (подъ лакомъ) и спиртовые препараты не хуже самаго прозектора. Пользуясь расположеніемъ Гумбурга, онъ сбывалъ свои работы въ анатомическій кабинетъ; въ теченіе этой зимы онъ за нихъ получилъ около 200 рублей ассигнаціями. Кстати о Гумбургѣ, расскажу одинъ случай, насмѣшившій насъ въ эту зиму. Проживъ долго въ Малороссіи, нашъ прозекторъ полюбилъ бить свиное сало и по

временамъ получалъ эту лакомую пищу отъ своихъ пріятелей изъ Харькова. По долгой привычкѣ къ трупамъ, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго къ нимъ отвращенія, и часто клалъ сало и хлѣбъ на окно въ той самой комнатѣ, гдѣ занимался, а студентъ изъ Малороссіянъ, Гриценко, похищалъ и съѣдалъ приготовленный завтракъ. Однажды привезли изъ полиціи очень жирный трупъ какого-то утопленника; Гумбургъ принялся препарировать его и (какъ послѣ оказалось) вырѣзалъ изъ него незамѣтно большой кусокъ жира, который унесъ къ себѣ и надлежащимъ образомъ посолилъ. Мы слышали только, что онъ ворчалъ про себя: «вотъ я буду приготовить угощеніе для того мошенника, который ѣстъ мое сало». На другой день снова появился на окошкѣ кусокъ хлѣба съ лакомымъ ломтикомъ сала и снова сдѣлался добычею Гриценка; а Гумбургъ, увидѣвъ, что пища съ окошка исчезла, воскликнулъ съ торжествомъ: «А кто это такой жретъ человѣчій жиръ? Это я изъ того утопленника нарочно вырѣзывалъ». Внезапный припадокъ тошноты обнаружилъ виновника, и съ того времени завтраки Гумбурга оставались неприкосновенными, а Гриценко получилъ отъ товарищей прозваніе людоеда.

Такъ проходила зима 1831—32 г. Большую часть времени я долженъ былъ употреблять на учебныя занятія и почти никогда не бывалъ въ свѣтскомъ обществѣ; иногда просиживалъ я вечера у старика слѣпца Шатрова, гдѣ встрѣчалъ М. Н. Загоскина, незадолго передъ тѣмъ пріобрѣтшаго большую извѣстность своимъ первымъ историческимъ романомъ «Юрій Милославскій», и нѣсколько другихъ литераторовъ. Только однажды былъ я на танцевальномъ вечерѣ у дяди графа Петра Степановича, при чемъ очень жалѣлъ, что не умѣю танцевать. Въ ту же зиму сестра моя и я начали учиться этому искусству вмѣстѣ съ тремя дочерьми Екатерины Богдановны Масловой отъ перваго ея брака. Масловы жили тогда за Москвой-рѣкой, гдѣ-то около Болота.

Впрочемъ танцы, не смотря на мое прилежаніе, давались мнѣ очень плохо: я навсегда остался самымъ неловкимъ танцоромъ.

Въ концѣ Мая 1831 года, выдержавъ такъ называемый кандидатскій экзаменъ, а перешелъ на третій, вполнѣ уже медицинскій курсъ. На этомъ экзаменѣ впервые увидѣли мы новаго помощника попечителя, Дмитрія Павловича Голохвастова. Мнѣнія объ немъ, какъ при жизни его, такъ и по смерти были весьма разнообразны, но я, узнавъ его короче по окончаніи курса, могу удостовѣрить, что онъ былъ человѣкъ вполнѣ благоразумный, честный, благонамѣренный и разсудительный; но, къ несчастію, онъ поставилъ себѣ за правило, во всѣхъ официальныхъ случаяхъ, являться сухимъ, форменнымъ, какъ будто накрах-

маленнымъ чиновникомъ, что отталкивало отъ него многихъ. Въ частной жизни и въ обществѣ онъ былъ вовсе не таковъ.

На вакаціонное время мы отправились въ Каменки и на пути остановились на сутки въ Сергіевскомъ посадѣ. По счастливой случайности, въ тотъ самый день былъ публичный экзаменъ въ Духовной Академіи. Я поспѣшилъ нарядиться въ новенькій мундиръ со шпагою и трехуголкою и радостно побѣждалъ къ отцу ректору Поликарпу. Тамъ нашелъ я всѣхъ своихъ знакомыхъ и бывшихъ товарищей по слушанію академическихъ лекцій; съ Ѳ. А. Голубинскимъ я успѣлъ повидаться еще наканунѣ вечеромъ. При встрѣчѣ митрополита, когда я послѣ всѣхъ подошелъ принять благословеніе, онъ сказалъ мнѣ: «Вотъ какъ вы нарядились для нашего экзамена, я еще не видалъ на васъ этой формы». Въ предъидущую зиму я раза два былъ у владыки, но тсегда во фракѣ; въ одно изъ этихъ посѣщеній я, по порученію матушки, упросилъ его принять въ Московскую епархію, изъ Владимірской, окончившаго курсъ въ Виѣанской семинаріи студента Петра Минервина, сына нашего сельскаго священника. Это было довольно трудно, потому что Филаретъ почти никогда не соглашался на пріемъ въ свою епархію изъ другихъ, отзываясь, что своихъ семинаристовъ слишкомъ достаточно.

На экзаменѣ я съ удовольствіемъ слушалъ отвѣты моихъ пріятелей А. В. Горскаго и А. А. Аѣинова, оканчивавшихъ курсъ. Послѣ экзамена, митрополитъ пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ, за которымъ присутствовали всѣ наставники академіи и Виѣанской семинаріи. Я занялъ мѣсто подлѣ знакомыхъ мнѣ молодыхъ бакалавровъ. Владыка замѣтилъ это и сказалъ мнѣ. «Зачѣмъ вы сѣли такъ далеко? Впрочемъ юноши любятъ общество юношей, а старцы—старцевъ. *Similis simili gaudet*» (Подобный подобнаго ищетъ)» Этотъ день былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Въ стѣнахъ Лавры я ощущалъ тогда такую же радость, какую чувствуетъ изгнанникъ при возвращеніи на милую родину. Всегда послѣ, даже и теперь, на старости лѣтъ, я счастливъ и доволенъ, когда могу находиться въ академическомъ обществѣ.

Сколько разъ, сидя подлѣ тѣнью высокихъ и густыхъ тополей, насаженныхъ въ академическомъ саду моими пріятелями, студентами VII курса (при чемъ и я усердно работалъ) и смотря съ умиленіемъ на старинный корпусъ Академіи, я повторялъ про себя слова Давида: «Да будетъ миръ окрестъ стѣнъ твоихъ, благоденствіе въ чертогахъ твоихъ! Ради братій моихъ и друзей моихъ говорю я: миръ тебѣ! Ради дома Господа, Бога нашего, желаю блага тебѣ!» (Псал. CXXI, 7—9).

Еще прежде отъѣзда въ деревню, у насъ произошло переселеніе изъ одного дома въ другой. Матушка продала съ хорошею прибылью домъ, въ которомъ мы жили. Деньги, вырученныя этой продажей и еще 26 тысячъ ассигн., полученныя отъ залога Ярославскаго имѣнія, она подарила своему мужу, а онъ купилъ на свое имя болѣе просторный домъ, въ Успенскомъ переулкѣ, сзади сада Екатерининской больницы.

Въ Каменкахъ мы также нашли новый домъ, очень помѣстительный и прекрасно расположенный: высокія комнаты, большія окна, на сѣверной сторонѣ балконъ съ очаровательнымъ видомъ на с. Опарино, на извилистое теченіе рѣки Вели и на множество деревень, верстъ на 20 въ одну сторону. Домъ былъ построенъ изъ отборныхъ, толстыхъ бревенъ, ничѣмъ не обитыхъ ни внутри, ни снаружи. Стѣны его пахли смолой, выступавшей янтарнымъ потомъ.

Мы могли уже молиться въ новой, до половины готовой церкви, а именно въ такъ называемой трапезѣ, которая должна была заключать въ себѣ два придѣла; одинъ изъ нихъ, въ честь Покрова Богородицы, былъ уже освященъ, а другой придѣлъ Усѣкновенія Главы Предтечи, въ память пожара, истребившаго прежній деревянный храмъ въ день этого праздника, готовился къ освященію. Между тѣмъ главная церковь, въ честь явленія Казанской Богородичной иконы, еще только строилась. Вообще постройка церкви въ селѣ Каменкахъ казалась для всѣхъ необъяснимою загадкою. Когда деревянный храмъ сгорѣлъ, церковная сумма составляла только 500 рублей ассигнаціями. Спустя мѣсяцъ послѣ пожара, иностранка Христина Антоновна Янковичъ, бывшая няня сестры моей, пріѣхала къ намъ въ гости и умерла у насъ въ Сергіевскомъ посадѣ, въ Сентябрѣ 1829 года, отказавъ все что имѣла въ пользу погорѣвшей Каменской церкви, въ которой она нѣкогда была мвропомазана. Наличныхъ ея денегъ оказалось около 500 рубл., но еще былъ вексель въ 5.000 рубл. отъ Орловскаго помѣщика И. М. Казакова. Мать моя извѣстила его письмомъ о послѣдней волѣ умершей старухи, и онъ немедленно прислалъ деньги съ процентами. Вотъ всѣ суммы, на которыя построенъ трехпрестольный каменный храмъ, при неусыпной дѣятельности почтеннаго священника А. И. Минервина.

Лѣто 1832 года провели мы очень пріятно въ деревнѣ. У насъ гостилъ старикъ Шatroвъ, утѣшавшій всѣхъ своею неистощимою веселостью, острыми шутками и бойкими отвѣтами въ стихахъ, и докторъ Иванъ Семеновичъ Веселовскій. Оба они поѣхали отъ насъ къ своему другу А. М. Зиллову, куда вслѣдъ за ними отправился П. И. Красильниковъ вмѣстѣ со мною.

Деревня Кушки, Дмитровскаго уѣзда, въ которой А. М. Зилловъ, тогда вдовецъ послѣ перваго брака, проводилъ лѣтнее время, при-

надлежала роднымъ братьямъ его Николаю и Дмитрію Зиловымъ. Первый изъ нихъ, человѣкъ очень скромный, усердно заботился о небольшомъ своемъ хозяйствѣ; о второмъ не знаю что сказать, кромѣ того, что онъ поступилъ въ университетъ въ одинъ годъ со мною, но въ довольно зрѣломъ возрастѣ, а спустя два года долженъ былъ оставить университетъ, потому что вовсе не былъ приготовленъ къ слушанію лекцій.

Зиловъ познакомилъ насъ со своими сосѣдами въ томъ же уѣздѣ: съ П. П. Савеловымъ, помѣщикомъ села Новаго, двумя братьями Гарднеръ, владѣльцами фарфороваго и фаянсоваго завода и семействомъ Корсаковыхъ, жившихъ въ д. Тарусовѣ, въ трехъ верстахъ отъ Новаго села.

Семень Николаевичъ Корсаковъ былъ человѣкъ очень замѣчательный и достойный всякаго уваженія. Родной племянникъ по матери знаменитаго графа Н. С. Мордвинова, онъ въ молодости служилъ въ военной службѣ, отличался храбростью въ отечественную войну и былъ украшенъ орденами за военные подвиги. Позднѣе, женившись на Софѣ Николаевнѣ Мордвиновой, онъ поселился въ деревнѣ, но продолжалъ состоять на службѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и составлялъ статистическія статьи, которыя были напечатаны въ Матеріалахъ для статистики Росс. Имперіи. При обширныхъ познаніяхъ въ чистой и прикладной математикѣ, онъ постоянно занимался разными опытами и изобрѣтеніями по части электричества, гальваноластики, фотографіи и т. п. Въмѣстѣ съ тѣмъ Корсаковъ особенно пристрастился къ гомеопатіи, тогда еще совершенной нововъ и мало извѣстной въ Россіи, лечилъ приходящихъ къ нему больныхъ (числомъ до 11-ти тысячъ) и часто съ большимъ успѣхомъ. Не зная еще ни патологіи, ни тератіи, я также принялся лечить больныхъ гомеопатическими каплями и крупинками, но въ послѣдствіи убѣдился, что система Ганемана есть не что иное, какъ давно извѣстный врачамъ выжидательный способъ (*methodus expectativa*), при которомъ строгая діета и правильный образъ жизни замѣняютъ собою употребленіе лекарствъ въ хроническихъ болѣзняхъ.

Семейство Корсакова состояло изъ многихъ сыновей и дочерей. Всѣ они въ то время были еще малолѣтними; впослѣдствіи двое старшихъ дослужились въ гвардіи до чина полковника и въ эпоху эмансипаціи крестьянъ оба они, одинъ за другимъ, были отличными мировыми посредниками Дмитровскаго уѣзда; третій Михаилъ, генераль-адъютантъ, былъ генераль-губернаторомъ восточной Сибири, а четвертый Александръ (тогда еще прелестный ребенокъ лѣтъ 5) флигель-адъютантомъ. Въмѣстѣ съ Корсаковымъ жила мать его, необыкновенно-умная и

твердая характеромъ женщина, Анна Семеновна, дочь адмирала С. И. Мордвинова, начавшаго службу еще при Петрѣ I. Она оставалась въ деревнѣ въ 20 верстахъ отъ Можайска, въ то время, когда на поляхъ Бородинскихъ кипѣла страшная битва. Когда громъ пушекъ утихъ, и она узнала, что непріятельская армія двинулась къ Москвѣ, Анна Семеновна имѣла мужество отправиться на поле сраженія, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли сыновей ея въ числѣ убитыхъ или тяжело раненыхъ. Дѣйствительно, она нашла трупы двухъ сыновей, перевезла ихъ къ себѣ въ деревню и похоронила подлѣ сельской своей церкви. Изъ трехъ братьевъ уцѣлѣлъ только одинъ, С. Н., бывшій тогда адъютантомъ при генералѣ, котораго фамилію я позабылъ. Когда я узналъ Анну Семеновну, ей было уже за 70 лѣтъ; но она еще много читала и любила заниматься ботаникой, которую знала основательно, такъ что умѣла опредѣлять названія растений по признакамъ.

Когда университетскія лекціи возобновились послѣ вакаціи, я сталъ слушать на третьемъ курсѣ совершенно новыхъ для меня профессоровъ. Нужно сказать объ нихъ нѣсколько словъ.

Іустинъ Евдокимовичъ Дядьковский, ученый и практическій врачъ, превосходно читалъ терапію, распредѣляя болѣзни по своей собственной системѣ. Студенты слушали его съ жадностью и внимательно записывали лекціи, тѣмъ болѣе, что онъ первый разъ еще появился на кафедрѣ терапіи послѣ умершаго профессора М. Я. Мудрова, котораго мнѣ не привелось слушать. Въ этотъ учебный годъ, Дядьковский успѣлъ прочесть намъ болѣзни лихорадочныя: страданіе мокротныхъ оболочекъ, лихорадки, воспаленія и лихорадочныя сыпи (*exanthemata*). Клиническихъ занятій для насъ еще не было.

Преподаваніе общей и частной патологіи, послѣ чтенія Дядьковского, казалось намъ очень безцвѣтнымъ, хотя адъюнктъ Кузьма Васильевичъ Лебедевъ очень внимательно приготавливалъ свои лекціи.

Чтенія другаго Лебедева (Никифора Дмитріевича) изъ исторіи медицины, представлявшія собою какой-то сбродъ отрывочныхъ, безтолковыхъ разсказовъ, почти вовсе не были посѣщаемы студентами.

Хирургію, впрочемъ еще не оперативную, преподавалъ намъ профессоръ Аркадій Алексѣевичъ Альфонскій, руководствуясь своими собственными, краткими, но весьма дѣльными записками. Онъ дѣлалъ много операций, показывая и объясняя ихъ студентамъ 4 курса; но и мы часто ходили смотрѣть на эти операціи, хотя для студентовъ 3-го курса это не было обязательно.

Профессоръ акушерства Михаилъ Вилимовичъ Рихтеръ читалъ, или лучше сказать произносилъ свои лекціи на отличномъ Латинскомъ языкѣ. Онъ рекомендовалъ намъ для руководства небольшую Француз-

скую книжечку (*Manuel des accouchements par le d-r Dugés*) съ рисунками. Акушерскія операціи онъ показывалъ на фантомѣ. Иногда онъ рассказывалъ примѣры удачныхъ и неудачныхъ операцій. Такъ однажды на лекціи онъ рассказалъ намъ, что отецъ его, Вилимъ Вилимовичъ Рихтеръ, знаменитый въ свое время акушеръ, лично извѣстный императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ по многолѣтней службѣ въ должности директора Московскаго родильнаго института, былъ приглашенъ для наблюденія за первою беременностью великой княгини Александры Ѳеодоровны. Это было въ концѣ 1817 года, во время пребывания двора въ Москвѣ. В. В. посовѣтывалъ пустить кровь Великой Княгини, но она отозвалась, что никому кромѣ его самого не дозволить сдѣлать эту неважную операцію. Старикъ-акушеръ, очень давно уже отвыкшій отъ употребленія ланцета, поспѣшилъ снова учиться, пустилъ кровь (не знаю удачно-ли) многимъ беременнымъ женщинамъ въ родильномъ институтѣ и затѣмъ уже, набивъ руку, рѣшился пустить кровь Ея Высочеству. Когда настало время родовъ, онъ принужденъ былъ употребить щипцы и послѣ рассказывалъ сыну, что много разъ въ своей практикѣ извлекалъ младенцевъ этимъ инструментомъ, всегда спокойно и смѣло, но въ Николаевскомъ дворцѣ почувствовалъ дрожь въ рукахъ. Впрочемъ благодаря Богу, хранящему Россію, роды совершились благополучно и 17 Апрѣля 1818 г. пушечные выстрѣлы возвестили Москвѣ рожденіе Августѣйшаго Младенца. Престарѣлый акушеръ былъ награжденъ отъ императора Александра I званіемъ лейбъ-медика высочайшаго двора и арендою, отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны табакеркою съ ея портретомъ, осыпанною брилліантами, а отъ короля Прусскаго, роднаго дѣда новорожденному, лентою Краснаго Оrla.

Въ другой разъ М. В., говоря о разныхъ положеніяхъ младенца въ утробѣ матери, рассказалъ намъ слѣдующее: *«Dicunt etiam, infan-  
em in utero materno, pedibus divaricatis, manibusque remotis, stare  
et quidem saltare, quod mirum et ridiculum videtur»* (сказываютъ, что младенецъ во чревѣ матери, растопыривъ руки и ноги, можетъ стоять и даже плясать; это очень странно и смѣшно).

Въ этомъ учебномъ году даже преподаваніе Е. Я. Мухина измѣнилось для насъ къ лучшему. Въ лекціяхъ изъ судебной медицины и медицинской полиціи онъ передавалъ намъ много интересныхъ случаевъ изъ своей многолѣтней практики. Впрочемъ, выходки противъ Нѣмцевъ авторялись періодически при репетиціяхъ. Помню одинъ забавный случай. Однажды Мухинъ, пришедши на лекцію, объявилъ, что намѣренъ дѣлать репетицію. Вдругъ всѣ студенты встали и начали поздравлять

его съ глубокими поклонами. «Что такое?» спросилъ удивленный старикъ. «Мы узнали, что вашему превосходительству пожалована Станиславская лента; она получена въ Правленіи». — «Не знаю, ничего не слыхалъ, сейчасъ пойду справлюсь». Мухинъ отправился въ Правленіе, а мы поспѣшили разойтись по домамъ.

Профессоръ Александръ Егоровичъ Эвеніусъ читалъ науку о глазныхъ болѣзняхъ (офтальміатрію) и показывалъ образцы накладыванія различныхъ хирургическихъ повязокъ. Это послѣднее дѣло шло успѣшно; но изученіе глазныхъ болѣзней было не вполне для насъ доступно, потому что мы не видали ни одного больного, а рисунки, приносимые профессоромъ на лекціи, не могли замѣнить дѣйствительности.

Мы проходили также и ветеринарную науку, но безъ всякой пользы, потому что Христофоръ Григорьевичъ Бунге, хотя очень искусный и ученый профессоръ, долженъ былъ ограничиваться однимъ словеснымъ преподаваніемъ: не было никакихъ препаратовъ, не было никакихъ животныхъ, ни больныхъ, ни здоровыхъ. Одинъ разъ только онъ показалъ намъ старую охромѣвшую лошадь, на которой возили воду для казенныхъ студентовъ и объяснялъ, что у нея растяженіе жилъ на лѣвой задней ногѣ. «Какъ же ее лечить?» спрашивали съ любопытствомъ студенты. — «Она совсѣмъ никуда не годится», отвѣчалъ равнодушно профессоръ, «ее не нужно лечить, а нужно ее убивать». Вотъ все, что мы узнали изъ скотоврачебной науки.

Еще съ осени этого года жила у насъ двоюродная сестра покойнаго отца моего Варвара Аѳанасьевна Дохтурова, дѣвица уже пожилая, умная, бойкая, весьма образованная, мастерица говорить и писать по-французски. Она, какъ и вся семья Дохтуровыхъ, ничего не имѣла; желая выйти замужъ, она истощала всѣ способы кокетства, чтобы прельстить кого-нибудь своею особою, къ сожалѣнію вовсе некрасивою. Она занимала передъ тѣмъ мѣсто учительницы Французскаго языка въ Елизаветинскомъ институтѣ, но, заболѣвъ, перѣехала къ намъ на короткое время и прожила у насъ болѣе года.

Зимою пріѣхалъ не надолго въ Москву двоюродный дядя мой, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, служившій тогда въ Петербургѣ въ Комиссіи Прошеній. Это былъ уже не тотъ милый мальчикъ Митинька, о которомъ упоминалъ я прежде, но прекрасный молодой человекъ, отлично образованный, даровитый и ловкій, любимецъ Петербургскихъ дамъ, которыхъ называли его красавцемъ и опаснымъ человекомъ (*le beau, le dangereux Tolstoy*). Послѣ того, какъ я въ первый разъ съ нимъ видѣлся, онъ учился въ Москвѣ, въ пансіонѣ Фишера; тамъ одинъ изъ преподавателей С. А. Масловъ, полюбилъ его и въ 1826 году отреккомендовалъ статсъ-секретарю П. М. Лонгинову. для по-

ступленія на службу въ Коммиссію Прошеній. Здѣсь дядя получилъ первый чинъ и послѣ того продолжалъ службу въ Петербургѣ.

Въ первыхъ числахъ Іюня 1833 года, послѣ довольно снисходительнаго экзамена, въ присутствіи Д. П. Голохвастова, почти всѣ студенты третьяго курса, въ томъ числѣ и я, перешли на 4-й курсъ.

Вакаціонное время мы, по обыкновенію, провели въ Каменкахъ, куда вмѣстѣ съ нами поѣхала и В. А. Дохтурова. Здѣсь мы имѣли случай познакомиться съ новымъ сосѣдомъ, Сергѣемъ Никитичемъ Тихменевымъ, который не задолго передъ тѣмъ, вышедши въ отставку изъ какого-то егерскаго полка, въ которомъ дослужился до чина поручика, поселился въ имѣніи, доставшемся ему послѣ отца, не задолго передъ тѣмъ умершаго въ глубокой старости. Этотъ отецъ новаго помѣщика села Хомякова (въ 7 верстахъ отъ Каменокъ, на дорогѣ къ посаду) Никита Артамоновичъ, скупой до крайности, но разсудительный хозяинъ, цѣлый вѣкъ заботился объ одномъ только, чтобы копить деньги, отказывая дѣтямъ своимъ во всемъ, даже и въ воспитаніи, и покупать землю въ разныхъ мѣстахъ. Ему удалось нажить большое состояніе въ земляхъ и въ наличныхъ деньгахъ. Въ старое время былъ у него винокуренный заводъ, откуда онъ, какъ говорятъ, вывозилъ по ночамъ вино изъ Владимирской губерніи въ Московскую, гдѣ вино всегда было дороже. Съ учрежденіемъ кордоновъ на губернской границѣ эта воспрепятствованная перевозка вина сдѣлалась затруднительною и опасною, такъ что онъ принужденъ былъ закрыть свой заводъ. У Н. А. было нѣсколько сыновей, но изъ числа ихъ онъ особенно полюбилъ младшаго за то, что онъ, возвратясь изъ Турецкаго похода, привезъ отцу въ подарокъ нѣсколько червонцевъ, между тѣмъ какъ другіе его братья не только ничего не привезли, но еще задолжали, (что было весьма естественно, потому что сыновья Никиты Артамоновича никогда не получали отъ отца своего ни копѣйки). Обрадованный расчетливостью сына своего старикъ отказалъ ему лучшую часть своихъ имѣній—село Хомяково съ большимъ количествомъ земли и огромными старинными лѣсами; ему же послѣ, по смерти матери, досталось еще сто тысячъ рублей. Другіе сыновья получили гораздо менѣе; дочери, вышедшія замужъ, награждены очень скудно; только одна дочь Анна Никитична, оставшаяся дѣвицею и жившая въ то время вмѣстѣ съ матерью, и братомъ въ с. Хомяковѣ, получила 50 тысячъ для пользованія процентами, съ тѣмъ условіемъ, чтобы, по смерти ея, этотъ капиталъ достался тому же Сергѣю Никитичу. Вся семья Тихменевыхъ не получила никакого образованія: они едва умѣли читать и писать.

Въ деревнѣ Сырневѣ жило семейство Кванчехадзевыхъ, издавна намъ знакомое. Наталья Сергѣевна не задолго передъ тѣмъ скончалась въ

Хотьковѣ монастырѣ, гдѣ прожила нѣсколько лѣтъ съ двумя дочерьми и внучкой. По смерти матери Настася и Наталья Николаевны съ племянницей и братомъ Александромъ Николаевичемъ поселились въ деревнѣ, гдѣ еще до нихъ жилъ и куралесилъ другой братъ ихъ Сергѣй, поврежденный въ умѣ.

Въ селѣ Кикинѣ Дмитріевскаго уѣзда, верстахъ въ 5-ти отъ Каменокъ, жила старушка помѣщица Татьяна Александровна Селявина, съ племянникомъ Александромъ Ивановичемъ Борисовымъ, которому былъ запрещенъ въѣздъ въ Москву за какую-то исторію въ карточной игрѣ.

Съ другой стороны Каменокъ, также верстахъ въ 6-ти, въ деревнѣ Соснинѣ, проводилъ лѣто отставной полковникъ Александръ Дмитріевичъ Балашевъ, сынъ бывшаго нѣкогда министра полиціи, съ женою и дѣтьми.

Въ концѣ лѣта пріѣхалъ къ намъ въ Каменки Петръ Густавовичъ Шицъ, пріятель моего вотчима, человѣкъ мало развитый, но услужливый, кроткій, пріятный въ обществѣ. Отъ природы очень разсчитливый, онъ не жалѣлъ денегъ для масонскаго общества, въ которое былъ принятъ ученикомъ въ 1819 году и, кажется, остался навсегда на этой низшей степени. Лишь только онъ появился у насъ въ деревнѣ, В. А. Дохтурова вознамѣрилась влюбить его въ себя, но онъ вовсе не замѣчалъ тонкихъ ея любезностей. Наканунъ отъѣзда его въ Москву, она разыграла передъ нимъ трогательную сцену истерики и нервныхъ припадковъ, но и это отчаянное средство ни къ чему не послужило: Шицъ не догадался, чего она хочетъ, и остался совершенно равнодушнымъ.

Въ началѣ Сентября, когда мать моя съ мужемъ, сестра и тетушка Дохтурова оставались еще въ Каменкахъ, я вмѣстѣ съ Шицомъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ предстоялъ мнѣ послѣдній годъ предъ окончаніемъ курса. Профессоры были тѣже, но преподаваніе нѣсколько измѣнилось: теоретическихъ лекцій было менѣе, но за то начались для насъ практическія занятія въ клиникѣ. Нынѣшніе медицинскіе студенты, пользующіеся для своего обученія большою клинкою на Рождественкѣ и еще огромнѣйшею въ Екатерининской больницѣ, посмотрѣли бы съ сожалѣніемъ на нашу малую и тѣсную клинику, въ которой сосредоточена была, въ одномъ домѣ, вдоль по Никитской улицѣ, наша практика по терапіи и хирургіи, и еще двѣ небольшія комнаты были отдѣлены для акушерскаго института. Рѣдко кому изъ студентовъ доставались въ теченіи учебнаго года двое больныхъ; мнѣ досталась одна только больная, молодая женщина съ катарромъ легкихъ (catarrhus pulmonum). Она скоро и благополучно выздоровѣла. Въ хирургической клиникѣ профессоръ Альфонскій сдѣлалъ, въ зимнее время, до-

ьно много операций камнесъченія (lithotomia), и всѣ онѣ имѣли полный успѣхъ: ни у одного больного, послѣ операціи, не образовалась стула; ни одинъ изъ нихъ не умеръ. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей, желавшіе быть хирургами, дѣлали также операціи, подъ надзоромъ Альфонскаго. Тѣмъ же занимались въ клиникѣ и больницахъ юные лѣкари, окончившіе курсъ въ 1833 году: В. А. Басовъ и П. Дубовицкій, сынъ того сектанта, о которомъ я упоминалъ прежде. Очье студенты четвертаго курса, въ томъ числѣ и я, дѣлали хирургическія операціи на трупахъ въ анатомическомъ театрѣ. Въ акушерскомъ институтѣ только немногіе изъ казенныхъ студентовъ успѣли учиться на свое попеченіе по одной родильницѣ.

Вскорѣ послѣ святокъ, министръ народнаго просвѣщенія графъ С. Уваровъ прожилъ нѣсколько дней въ Москвѣ и ежедневно посѣщалъ университетъ, въ сопровожденіи помощника попечителя Д. П. Голохвастова. Въ каждомъ факультетѣ графъ выслушалъ по лекціи у нѣсколькихъ профессоровъ, за тѣмъ пожелалъ, чтобы нѣкоторые изъ студентовъ, оканчивающихъ курсъ, прочли также по одной лекціи.

Въ медицинскомъ факультетѣ, если я не ошибаюсь, было прочтено или 6 студенческихъ лекцій; въ томъ числѣ и я прочелъ что-то изъ дебной медицины, рассказывая о замѣчательныхъ случаяхъ, слышанныхъ отъ Мухина, за что старикъ горячо благодарилъ меня послѣ, но министръ едва ли остался доволенъ моимъ краснорѣчіемъ. За то вполне одилъ ему нашъ бойкій Ивановъ очень живымъ рассказомъ о разнѣхъ способахъ извлеченія камня, причемъ очень быстро сдѣлалъ операцію на трупѣ.

Впрочемъ всѣ эти занятія не мѣшали зимнимъ удовольствіямъ. Я почти не бывалъ въ свѣтѣ и не былъ знакомъ съ такъ называемымъ исшимъ обществомъ; мнѣ и сестрѣ удалось потанцевать раза два у асловыхъ и еще у новыхъ знакомыхъ Стаховичей. Объ нихъ нужно сказать нѣсколько словъ. Масонъ А. В. Перваго, человѣкъ очень богатый, передалъ все свое имѣніе, взятое въ опеку за суровое обращеніе крестьянами, въ собственность родной своей племянницѣ Н. М. Стаховичъ, съ тѣмъ чтобы она выдавала ему ежегодно извѣстную сумму денегъ на содержаніе. Надежда Михайловна принадлежала къ числу обыкновенныхъ женщинъ: при твердомъ природномъ умѣ, она была личной хозяйкой, доброй женой и примѣрной матерью семейства, состоявшаго изъ двухъ сыновей и одной дочери. Въ высшей степени скромная и добрая, она не могла слышать равнодушно о чьемъ-либо горѣ или нуждѣ и тотчасъ же спѣшила утѣшить или помочь, насколько могла. Ежегодно раздавала она бѣднымъ значительныя суммы, и всегда тайно, такъ что только случайно можно было узнавать о неистощимой

ея благотворительности. Мужъ ея, Александръ Ивановичъ Стаховичъ отставной артиллеристъ, былъ заботливый хозяинъ, человекъ очень добрый и благородный; онъ охотно помогалъ женѣ въ добрыхъ ея дѣлахъ.

Возвращаясь изъ деревни въ Москву, я привезъ съ собою куриное яйцо, представляющее необыкновенную уродливость: тонкій конецъ яйца былъ вытянутъ на подобіе довольно длиннаго, загнутаго внизъ крючка; я поднесъ это яйцо знаменитому натуралисту, президенту Московской медико-хирургической академіи Григорію Ивановичу Фишеру фонъ-Вальдгейму. Добрый старикъ принялъ меня ласково и пригласилъ бывать по вечерамъ въ его семействѣ, которое состояло изъ больной жены и двухъ дочерей Елизаветы и Софіи. Внизу того же дома занималъ квартиру сынъ его Александръ Григорьевичъ, профессоръ ботаники въ академіи и лекторъ естественныхъ наукъ въ университетѣ: у котораго я слушалъ лекціи въ первые два года моего студенчества. Сверхъ того по воскресеньямъ прѣзжали двѣ замужнія дочери Фишера отца: очень красивыя молодыя женщины; одна изъ нихъ Августа была женою профессора химіи Геймана, другая Елена—за чиновникомъ Круберомъ. Бывало притомъ и нѣсколько постороннихъ лицъ, которыхъ теперь не упомяну. Мы танцевали, играли въ разныя игры и вообще очень пріятно проводили время въ этомъ почтенномъ и радушномъ семействѣ.

Въ ту же зиму актеръ и актриса Каратыгины доставляли мнѣ особенное наслажденіе своею игрою на Московскомъ театрѣ. И теперь живо помню великолѣпное, поразительное исполненіе Каратыгинымъ ролей Гамлета, Ляпунова, Короля Лира и Людовика XI; особенно въ этой послѣдней роли (въ драмѣ «Заколдованный домъ»), когда старый король, повидимому едва живой, слабый, сгорбленный, вдругъ вытягивается во весь ростъ и громкимъ голосомъ говоритъ непокорному васалу: «Я императоръ твой и папа!», Каратыгинъ возбуждалъ всеобщій восторгъ. Никогда въ жизни моей не видалъ я ничего подобнаго на сценѣ.

Въ эту же зиму я имѣлъ случай познакомиться съ Александромъ Николаевичемъ Львовымъ, человекомъ богатымъ, весьма пріятнымъ въ обращеніи и благотворительнымъ. Онъ былъ женатъ на графинѣ Натальѣ Николаевнѣ Мордвиновой, дочери знаменитаго государственнаго сановника и адмирала, и имѣлъ уже двухъ малолѣтнихъ дочерей. Въ домѣ его, на площадкѣ близъ церкви Спаса на Пескахъ, я провелъ нѣсколько пріятныхъ вечеровъ, и однажды случайно пришелъ къ А. Н. въ то время, когда супруга его только что разрѣшилась отъ бремени сыномъ Николаемъ. Почтенный А. Н. давно уже скончался, но остался навсегда въ моей памяти, а достойная супруга его и теперь еще здравствуетъ, въ глубокой старости.

Въ концѣ Мая мы должны были переѣхать на другую квартиру, потому что П. И. Красильниковъ продалъ домъ свой съ большою прибылью.

Въ домѣ Рожнова на Малой Дмитровкѣ, куда мы переселились не надолго, я сталъ готовиться, вмѣстѣ съ Ивановымъ, къ выпускному экзамену, который мы оба сдали съ рукъ очень успѣшно и получили степень лѣкаря 1-го отдѣленія. Затѣмъ поступили вмѣстѣ на практику въ Екатерининскую больницу, гдѣ принялись лѣчить больныхъ, подѣ наблюдениемъ главнаго доктора А. И. Поля. У меня было 8 кроватей въ хронической палатѣ доктора Θ. Θ. Графа и четыре въ горячешной у доктора А. Θ. Рябчикова. Каждый изъ этихъ врачей имѣлъ свои особенности: А. И. Полю былъ человекъ очень ученый, постоянно читалъ всѣ новыя медицинскія сочиненія и періодическія изданія на Нѣмецкомъ, Французскомъ и Англійскомъ языкахъ и при случаѣ прилагалъ къ дѣлу вычитанное, производя надъ больными въ больницѣ опыты, большею частью неудачные. Рябчиковъ, напротивъ того, былъ очень мало ученъ; когда въ 1812 году потребовалось много врачей для арміи, онъ былъ выпущенъ изъ университета прямо докторомъ медицины безъ написанія и защищенія диссертациі. Одаренный отъ природы счастливымъ даромъ распознаванія болѣзней и пріобрѣтшій большую опытность въ военныхъ лазаретахъ, онъ лечилъ очень успѣшно, хотя ничего не читалъ изъ новѣйшихъ открытій и не зналъ ни одного иностраннаго языка, кромѣ Латинскаго. Приглядѣвшись къ этимъ двумъ докторамъ, мы, молодые врачи, угадывали напередъ, что больной, попавшій на руки Рябчикова, непременно выздоровѣетъ, а тому, который подвергся опытамъ Поля, не миновать смерти. Наши предсказанія почти всегда сбывались. О третьемъ докторѣ Графѣ почти нечего сказать. Онъ лечилъ хроническихъ больныхъ очень осторожно и робко. Часто по нѣскольку дней оставались они вовсе безъ лекарства.

Въ этой практикѣ прошелъ весь Іюнь мѣсяцъ. Всѣ родные и знакомые разъѣхались изъ Москвы, и мы оставались почти одни. Въ это время пріѣхалъ въ Москву оберъ-прокуроръ Св. Синода Степанъ Дмитриевичъ Нечаевъ. Какъ старинный Московскій масонъ, онъ 24 Іюня участвовалъ въ годичномъ собраніи своихъ собратій, которое происходило у насъ въ домѣ.

Оканчивая теперь разсказъ о моемъ студенчествѣ, я припоминаю, что на актѣ университета въ 1834 году я получилъ серебряную медаль за сочиненіе «объ ампутаціяхъ», написанное на заданную факультетомъ тему. Вспоминаю также, какъ пріятно было освободиться отъ тяжелыхъ въ послѣднее время занятій и спѣшить на свѣжій деревенскій воздухъ, послѣ нестерпимой городской духоты и пыли.

## V.

Добравшись на своихъ лошадяхъ изъ Москвы до Сергіевскаго посада, я поспѣшилъ, не смотря на поздній вечеръ, къ моему благодѣтельному наставнику и очень обрадовался, узнавъ, что на другой день 2 Іюля 1834 года будетъ публичный экзамень въ академіи. Рано утромъ, я отправился, вмѣстѣ съ Ѳ. А. Голубинскимъ къ С. Д. Нечаеву, который пріѣхалъ изъ Москвы наканунѣ, почти въ одно время съ нами и остановился въ кельяхъ ризничаго. Отъ него пошли мы на экзамень. По окончаніи экзамена, отобѣдавъ у владыки, я поспѣшилъ къ своимъ пріятелямъ, магистрамъ VII курса, о которыхъ забылъ упомянуть въ третьей главѣ этихъ воспоминаній.

Одинъ изъ нихъ, Александръ Ивановичъ Невоструевъ, былъ съ 1830 года въ академіи бакалавромъ по кафедрѣ Греческаго языка и былъ уже женатъ. Жена его Софья Михайловна, очень хорошенькая, бойкая, живая и кокетливая особа, музыкантша, пѣвица и танцовщица, была дивомъ для Сергіевскаго посада, никогда не выдавшаго въ стѣнахъ своихъ такой очаровательной профессорши.

Вмѣстѣ съ другимъ моимъ пріелемъ, также бакалавромъ академіи, Александромъ Евфимовичемъ Нечаевымъ, пришелъ я на Переяславскую улицу въ квартиру Невоструевыхъ. Мы собрались идти всей компаніей въ Виѳанію къ товарищу ихъ, профессору семинаріи Ивану Прохоровичу Соколову, который незадолго до того женился на родной сестрѣ Нечаева. Только что вышли мы за ворота, какъ посланный отъ ректора Поликарпа позвалъ Невоструева, какъ библіотекаря, въ академію, чтобы показать библіотеку г. оберъ-прокурору Св. Синода. Не исполнить требованія—невозможно, отпустить жену-красавицу на прогулку безъ себя, въ сопровожденіи молодыхъ людей —грустно и опасно; однако ревнивый мужъ долженъ былъ рѣшиться на послѣднее. Хотя онъ умолялъ насъ подождать, пока онъ воротится изъ академіи, но мы увѣрили его, что пойдемъ потихоньку, и онъ легко догонитъ насъ. На дѣлѣ вышло не такъ: намъ повстрѣчалась кибитка тройкой, привезшая кого-то изъ Москвы; мы наняли ее, усѣлись и съ громкимъ смѣхомъ поскакали въ Виѳанію. Тамъ, вмѣстѣ съ Соколовыми, отправились мы въ большую семинарскую залу, гдѣ на хорахъ стоялъ тогда (кажется и теперь стоитъ) большой органъ, подаренный, какъ увѣряетъ преданіе, митрополиту Платону отъ князя Потемкина-Таврическаго. Мы отыскивали ученика, умѣвшаго играть на клавишахъ этаго инструмента, и принялись, подъ громкіе звуки его, танцовать Французскую кадрили: я съ Софьей Михайловной, а Нечаевъ съ сестрой своей. Во время

второй фигуры, при мастерскомъ соло прелестной Невоструевой, вдругъ съ шумомъ распахивается дверь, и передъ нами является ректоръ семинаріи от. Евлампій, съ заспаннымъ лицомъ и всклокоченными волосами, въ растегнутомъ и неподпоясанномъ подрясникѣ, въ туфляхъ на босу ногу. Онъ сначала остоленѣлъ, увидѣвъ танцующихъ, потомъ, всплеснувъ руками, воскликнулъ: «О Господи, какое безобразіе! Какой неистовый соблазнъ!» Онъ запахнулъ полы своего подрясника и пустился бѣжать отъ насъ.

Мы думали, что отецъ Евлампій еще въ Лаврѣ и ненамѣренно возмутили сладкій сонъ строгаго аскета. Соколовъ, опасаясь ректорскаго гнѣва, упросилъ насъ прекратить танцы и идти къ нему пить чай. Но намъ не хотѣлось сидѣть въ душныхъ комнатахъ; мы захватили самоваръ и всѣ чайныя принадлежности и отправились, въ той же кибиткѣ, на Корбуху. Тамъ, въ самомъ заднемъ и тѣнистомъ уголкѣ, близъ того мѣста, гдѣ теперь красуется Геосиманскій скитъ, мы расположились пить чай и громко хохотали, увидѣвъ, какъ, недалеко отъ насъ, пробѣжалъ по опушкѣ лѣса ревнивый супругъ, ища своей красавицы. Вскорѣ потомъ мы увидѣли его въ самой рощѣ: покрытый пѣтомъ, онъ бѣгалъ взадъ и впередъ съ крикомъ «Софья! Софья!» а мы смѣялись безжалостно, спрятавшись за кустами и деревьями. Послѣ напрасныхъ криковъ, онъ подумалъ, что мы гуляемъ въ Виѳанскихъ рощахъ, и пустился туда, а мы тотъ-часъ-же уѣхали въ своей повозкѣ въ посадъ къ Софѣ Михайловнѣ и только черезъ два часа, когда уже совсѣмъ стемнѣло, дождались мы возвращенія ея мужа, измученнаго физически и нравственно. «Измучили вы меня, злодѣи эдакіе», говорилъ онъ задыхаясь, «я ужъ думалъ, что пропала совсѣмъ моя Сонечка».

На этотъ разъ я нѣсколько дней прогостилъ въ посадѣ. На другой день послѣ Виѳанскихъ походовъ, я опять былъ на экзаменѣ въ академіи, обѣдалъ у ректора о. Поликарпа и остался у него до самаго вечера, вмѣстѣ съ немногими, болѣе близкими ему лицами. Въ числѣ ихъ были о. Ѳеодотій, провзжавшій изъ Уфы въ Рязань и Иванъ Ивановичъ Лилѣвъ.

О Ѳеодотіи я упомянулъ прежде мимоходомъ по случаю стиховъ, которые онъ прибавилъ, на смѣхъ, къ канту старца Іоны, но объ немъ слѣдуетъ рассказать подробнѣе. Едва-ли ему было 25 лѣтъ, когда мы поселились въ посадѣ и нашли его въ должности инспектора Виѳанской семинаріи. При живомъ, веселомъ и общительномъ характерѣ, молодой магистръ-іеромонахъ очень скучалъ въ Виѳанскомъ уединеніи и часто, особенно лѣтомъ, приходилъ въ гости къ моей матери и бабушкѣ. О. Поликарпъ зналъ его въ Петербургѣ, когда Ѳеодотій (Озе-

ровъ) былъ еще студентомъ, очень любилъ его и часто посылалъ за нимъ лошадей. Однажды съ Θεодотіемъ случилось непріятное приключеніе: доставъ гдѣ-то неводъ, онъ отправился съ нѣсколькими семинаристами ловить рыбу въ монастырскихъ прудахъ, гдѣ это занятіе было строго запрещено. На бѣду засталъ ихъ подъ-экономъ Анастасій и хотѣлъ отнять неводъ, но храбрая команда Θεодотія не уступила и прогнала отъ себя лаврскаго блюстителя благочинія. Это дѣло въ сильно преувеличенномъ видѣ дошло до митрополита и не осталось безъ наказанія: Θεодотій не былъ приглашенъ на обычный, послѣ публичнаго академическаго экзамена, обѣдъ у владыки. На другой день послѣ этого обѣда мы (т. е. мать моя, бабушка и я) пришли послѣ вечерни къ митрополиту и нашли въ залѣ его, въ углу, подлѣ печки, блѣднаго, напуганнаго Θεодотія, пришедшаго просить прощенія. Владыка принялъ насъ въ гостинной, просилъ садиться, а самъ вышелъ въ залу къ виноватому и сталъ говорить ему что-то очень тихо и довольно долго; въ продолженіи его рѣчи, Θεодотій нѣсколько разъ кланялся въ ноги и, наконецъ, заплакалъ, какъ мнѣ хорошо было видно черезъ растворенную дверь. Отпустивъ его и возвратясь въ гостинную, Филаретъ разсказалъ исторію несчастной рыбной ловли и прибавилъ: «Я могъ бы простить ему, по молодости его и неопытности, неосторожную забаву, но не могу оставить безъ взысканія своевольнаго сопротивленія законнымъ требованіямъ, и при томъ въ сообществѣ учениковъ, для которыхъ онъ обязанъ служить примѣромъ благонравія. Какое-же мнѣніе могу я имѣть о такомъ инспекторъ?» Это было въ 1828 г., а спустя нѣсколько мѣсяцевъ Θεодотій былъ переведенъ изъ Витебскія на должность ректора семинаріи въ Уфу. Оттуда-то проѣзжалъ онъ, спустя 6 лѣтъ, въ Рязань на ту-же должность, когда я встрѣтилъ его въ лаврѣ у о. Поликарпа. Впередъ, какъ кажется, я не буду уже имѣть случай упоминать о Θεодотіи, а потому теперь передамъ все что знаю о дальнѣйшей судьбѣ его. Изъ Рязани онъ былъ призванъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургъ и посвященъ въ санъ епископа Старорусскаго, викарія Новгородской епархіи, отсюда назначенъ епархіальнымъ въ Симбирскъ, въ 1856 г. участвовалъ въ обрядахъ коронаціи, возведенъ въ санъ архіепископа и, по возвращеніи въ свою епархію, скоро умеръ.

Престарѣлый архіепископъ Евгеній, бывшій Ярославскій, окончившій жизнь на покой въ Москвѣ, разсказывалъ мнѣ о Θεодотіи, который былъ при немъ ректоромъ въ Рязани:

„О Θεодотій, Θεодотій!  
Ужъ кто былъ Фотій,—  
И того уморилъ Θεодотій“.

Вотъ объясненіе этихъ словъ. Когда Ѳеодотій жилъ въ Новгородѣ и управлялъ епархіею въ качествѣ викарія, знаменитый фанатикъ Ѳотій, архимандритъ Юрьева монастыря, отдѣлывалъ заново, иждивеніемъ графини А. А. Орловой-Чесменской, свои монастырскіе храмы и подарилъ нѣсколько большихъ старинныхъ иконъ изъ прежнихъ иконостасовъ бѣдному Клопскому монастырю, распорядившись самовольно перенесеніемъ ихъ на рукахъ съ пѣніемъ, въ родѣ крестнаго хода. Процессія съ этими иконами прошла черезъ Новгородъ, въ сопровожденіи множества народа. Викарій, чтобы не подвергнуться отвѣтственности, донесъ о томъ митрополиту, а старикъ Серафимъ, еще прежде того недовольный Ѳотіемъ (по поводу выговора, полученнаго отъ императора Николая Павловича за то, что Ѳотій встрѣтилъ его въ Юрьевѣ монастырѣ по домашнему, не облачившись въ ризы и безъ звона), приказалъ Новгородской консисторіи подвергнуть слѣдствію и суду своевольнаго Юрьевскаго архимандрита. Такое распоряженіе сильно поразило Ѳотія, и безъ того уже слабаго и больнаго; онъ тяжело заболѣлъ и скоро умеръ. Вотъ какъ Ѳеодотій уморилъ Ѳотія! Вѣроятно, Ѳеодотій скорбѣлъ, погребая Ѳотія; но еще вѣроятнѣе, что 2000 рубл. сер., подаренныхъ графиней за отпѣваніе, послужили ему утѣшеніемъ въ скорби.

И. И. Лилѣевъ, кандидатъ перваго курса Петербургской академіи, болѣе 20-ти лѣтъ преподавалъ риторику въ Виѣанской семинаріи и пользовался дружескимъ расположеніемъ о. ректора Поликарпа, своего товарища по академіи. Никогда не случалось мнѣ видѣть человѣка, болѣе скупаго и жаднаго: при самомъ скудномъ окладѣ жалованья (онъ получалъ, кажется, не болѣе 600 рубл. асигнаціями въ годъ) онъ умѣлъ еще откладывать и копить деньги. Во всю жизнь свою онъ носилъ одинъ и тотъ же фракъ въ парадныхъ случаяхъ, а въ будни одѣвался въ какое-то грязное рубище. Чай пилъ только тогда, когда получалъ его въ подарокъ отъ о. Поликарпа; обѣдалъ только въ гостяхъ, а дома питался однимъ хлѣбомъ, который, по порученію его, таскалъ изъ семинарской столовой служившій ему казеннокоштный ученикъ. Объ Лилѣевѣ рассказывали, что этотъ новый Гарпагонъ, принужденный однажды угостить прибывшихъ къ нему родственниковъ, велѣлъ ученикамъ натаскать изъ гнѣздъ неоперившихся еще грачевыхъ птенцовъ которыхъ предложилъ гостямъ въ видѣ синеватаго супа. Можетъ быть это и вымышлено, но совершенно согласнo съ характеромъ Лилѣева. Послѣ увольненія о. Поликарпа отъ должности ректора академіи, Лилѣевъ былъ вскорѣ переведенъ во Владимирскую семинарію и тамъ дослужился до пенсіи. Говорятъ, что послѣ смерти его оказался капиталъ около 10 тысячъ рубл. серебромъ.

Выше упомянулъ я объ Анастасіи, подъ-экономѣ Лавры. Это былъ человѣкъ въ своемъ родѣ замѣчательный; крайне дѣятельный, распорядительный и бойкій, хотя безъ всякаго образованія, онъ былъ совершенно на своемъ мѣстѣ. Около 1830 г. онъ поступилъ экономомъ въ Московскій митрополичій домъ. Тутъ пришла ему мысль учиться медицинскимъ наукамъ; съ разрѣшенія владыки онъ усердно принялся за ученіе, прошелъ въ Московской Медико-Хирургической Академіи полный курсъ, старательно училъ лекціи частію въ подлинникъ, если онѣ были писаны на Русскомъ языкѣ, частію-же въ переводѣ, если профессоры преподавали полатинѣ; посѣщалъ анатомію и клинику. Студенты академіи служили ему репетиторами, объясняли ему то, чего онъ не понималъ и переводили для него Латинскія лекціи; за все онъ платилъ имъ, не жалѣя денегъ. Наконецъ, послѣ многолѣтнихъ усилій и трудовъ, онъ успѣшно выдержалъ экзаменъ, но не получилъ степени лекаря, потому что не зналъ Латинскаго языка и не упражнялся въ оперативной хирургіи и акушерствѣ. Послѣднія двѣ науки были строго запрещены ему митрополитомъ, первая потому, что іерей не долженъ проливать крови, а вторая, какъ неприличная монашескому сану. Анастасію дано было позволеніе лечить больныхъ подъ надзоромъ мѣстнаго врача, и онъ, возвратясь въ Лавру, принялся пользоваться этимъ дозволеніемъ, нисколько не прибѣгая къ совѣтамъ мѣстнаго штабъ-лекаря, котораго считалъ ниже себя, по теоріи и практикѣ, въ чемъ былъ совершенно правъ. Вся Лавра, весь посадъ и множество окрестныхъ селеній лечились исключительно у одного только Анастасія; онъ отлично распознавалъ болѣзни и лечилъ большею частью удачно. Ни съ кого не требовалъ онъ платы; но если кто давалъ ему деньги, онъ не отказывался, а употреблялъ ихъ на лекарства для бѣдныхъ. Во время Крымской войны онъ напросился на поприще военныхъ дѣйствій, перевязывалъ раны на перевязочномъ пунктѣ, исповѣдывалъ и причащалъ умирающихъ во время штурмовъ и вылазокъ подъ непріятельскими выстрѣлами, иногда, при недостаткѣ врачей, замѣнялъ ихъ въ лазаретахъ. Тамъ заразился онъ гошпитальнымъ тифомъ и умеръ въ Севастополѣ, получивъ передъ смертію золотой наперсный крестъ на Георгіевской лентѣ.

Лѣтнее время 1834 года провели мы по прежнему въ Каменкахъ довольно весело, видаясь часто съ сосѣдями. Матушка была почти постоянно нездорова; мужъ ея занимался хозяйствомъ и очень заботился о томъ, чтобы скупить другую половину Каменокъ, принадлежавшую нѣкогда старой барышнѣ Оболдуевой, и не задолго передъ тѣмъ раздѣленную между нѣсколькими наслѣдниками. Для меня лично было очень пріятно наслаждаться отдыхомъ послѣ экзаменовъ; я до-

вольно часто ѣздилъ въ Лавру и посадъ, а оставаясь въ деревнѣ, занимался разборкою моего, довольно значительнаго уже, гербарія.

Вмѣстѣ съ нами пріѣхала въ Каменки двоюродная моя сестра Варинька Сумарокова, дочь дяди Петра Николаевича, учившаяся въ пансіонѣ г-жи Петрозиліусъ на Моховой. Она была еще дѣвочкой 14 лѣтъ, но уже обѣщала сдѣлаться въ свое время красавицей. Дѣвочка очень умненькая, острая и любознательная, она приводила въ восхищеніе всѣхъ, кто только видѣлъ ее. Въ Москвѣ она проводила у насъ всѣ праздничные и воскресные дни.

Старшій братъ ея Николай учился въ это время въ Петербургѣ, въ Артиллерійскомъ Училищѣ, куда отвезенъ былъ И. А. Шигоринымъ съ письмомъ отъ дѣда и опекуна его А. А. Сумарокова къ дальнему его родственнику, сенатору П. И. Сумарокову. Младшій изъ дѣтей дяди, Сережа, былъ еще ребенкомъ.

Въ Лаврѣ было тогда новое начальство, и заведились многія улучшенія. Послѣ кончины добрѣйшаго старца, намѣстника Лавры, о. архимандрита Аѳанасія († 23 Февраля 1831 г.), на мѣсто его былъ вызванъ митрополитомъ Филаретомъ строитель Высокогорской Арзамаской пустыни Антоній; съ 10 Марта того-же года онъ былъ облеченъ въ званіе намѣстника Лавры и архимандрита Спасо-Виѳанскаго монастыря. Я познакомился съ нимъ на праздникъ преп. Сергія, 25 Сентября 1834 года.

Архимандритъ Антоній былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ православнаго монашества въ наше время. Человѣкъ самаго незнатнаго происхожденія достигъ такой извѣстности, что его знала не только вся Россія, но и многія лица за границей, какъ на Востокъ, такъ и на Западъ. Не получивъ никакого школьнаго образованія, онъ обладалъ такими познаніями и такимъ умомъ, что самъ Филаретъ нерѣдко просилъ его совѣтовъ и пользовался ими. Занимая невысокое мѣсто намѣстника Троицкой Лавры, онъ получилъ знаки отличія, рѣдко даваемые настоятелямъ монастырей ставропигіальныхъ и пользовался такимъ вниманіемъ царственныхъ особъ, какого удостоиваются немногіе изъ архіереевъ. Конечно, онъ достигъ всего этого не въ началѣ, а въ концѣ своего поприща, послѣ 40-лѣтняго управленія Лаврою преп. Сергія.

Сынъ вольноопущеннаго повара, служившаго по найму у князя Е. А. Грузинскаго, онъ родился въ селѣ Лысковѣ 6 Октября 1792 г. и при крещеніи названъ Андреемъ. Въ дѣтствѣ онъ обученъ былъ грамотѣ; потомъ отданъ матерью въ ученики къ аптекарю при Лысковской больницѣ. Тамъ полюбилъ его докторъ Деше и заставлялъ подъ своимъ надзоромъ прислуживать больнымъ, объяснялъ ему способы

врачеванія и, умирая, отказалъ ему всѣ свои книги. Живой и воспріимчивый юноша скоро пріучился такъ успѣшно помогать больнымъ, что, по смерти Деше, князь поручилъ ему завѣдываніе всею больницею.

Благочестіе и влеченіе къ иночеству рано развились въ душѣ Андрея; въ 1822 году онъ постригся въ Саровской пустынѣ и вслѣдъ за тѣмъ принялъ іерейское рукоположеніе, а въ 1825 году назначенъ настоятелемъ Высокогорской пустыни. Отсюда вызвалъ его митрополитъ Филаретъ слѣдующимъ письмомъ: «Мысль, которую я вчера имѣлъ, но не успѣлъ сказать, сегодня, предваривъ меня, сказалъ мнѣ другой (одинъ благочестивый странникъ), и сіе внезапное согласіе сдѣлалось свидѣтельствомъ того, что мысль пришла не даромъ: сія мысль есть надежда, что, при помощи Божіей, благоугодно Богу и преп. Сергію, можете вы послужить въ Лаврѣ, гдѣ упразднилось мѣсто намѣстника. Призвавъ Бога и взыскуя Его воли, а не моей, приглашаю васъ на сіе служеніе. Да будетъ вамъ благимъ побужденіемъ то, что это не ваша воля, и что я васъ призываю, какъ послушникъ преп. Сергія, который о вашемъ послушаніи будетъ благій предъ Богомъ о васъ свидѣтель и за васъ предстатель.»

Прибывъ въ Москву, Антоній 15 Марта посвященъ въ санъ архимандрита Виѣанскаго монастыря, а 19 числа пріѣхалъ въ Лавру и вступилъ въ должность намѣстника, 39-ти лѣтъ отъ роду, въ полной крѣпости силъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Первые труды новаго намѣстника Лавры состояли въ исправленіи ветхостей и въ устройствѣ надлежащаго порядка тамъ, гдѣ были допущены упущенія. Я зналъ Лавру задолго до поступленія туда Антонія и не могъ не замѣтить многихъ улучшеній.

Онъ засталъ въ Лаврѣ менѣе 100 человекъ братіи (монаховъ и послушниковъ); доходы простирались до 100.000 рублей ассигнаціями. Ограды съ башнями, жилые корпусы и самые храмы требовали немедленныхъ исправленій; въ заднихъ углахъ монастыря свалены были соръ и всякая нечистота. Изъ благотворительныхъ заведеній существовала одна только женская богадѣльня на 60 старухъ, но каждая изъ нихъ должна была сама себѣ доставать пропитаніе. Иконописное мастерство держалось еще по старому преданію, но только два или три человека приходили въ мастерскую; впрочемъ и тѣ добывали себѣ пропитаніе болѣе малярною работою, нежели живописью.

По уставу, Лавра управляется духовнымъ соборомъ, а намѣстникъ есть только первый членъ его. Предшественникъ Антонія, старецъ Аѳанасій, не имѣлъ охоты, а можетъ быть и способности, взять на себя все бремя управленія Лаврою; дѣлами ея управлялъ соборъ. Митрополитъ Филаретъ вообще не любилъ коллегіальнаго управленія,

при которомъ нѣтъ прямо-отвѣтственнаго лица, а потому желалъ, чтобы подъ его надзоромъ все управленіе Лавры сосредоточено было въ лицѣ намѣстника.

Въ самомъ началѣ своей службы о. Антоній старался увеличить благочиніе при совершеніи церковной службы. Указавъ каждому свое мѣсто и свои обязанности при служеніи, онъ потребовалъ, чтобы всѣ монахи въ мантияхъ ходили въ церковь и каждый стоялъ на своемъ мѣстѣ. Тогда-же устроилъ онъ новыя облаченія, приличныя для соборныхъ служеній. Холера, ослабѣвшая въ Москвѣ, но еще крѣпко державшаяся въ окрестныхъ селеніяхъ, побудила къ предохранительнымъ мѣрамъ: обращено было заботливое вниманіе на улучшеніе трапезы какъ общей для братіи, такъ и больничной. Въ эти заботы входило и лучшее устройство трапезной палаты съ поварнею и хлѣбопекарнею.

Громадная монастырская ограда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалась непрочною и дала большія трещины; верхи и кровли башенъ грозили паденіемъ, такъ что пришлось переложить до основанія болѣе 50 сажень ограды, исправить и перекрыть вновь 10 башенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, о. Антоній занялся очищеніемъ заднихъ угловъ монастыря, развелъ тамъ красивые садики, вымостилъ дороги и площадь передъ монастыремъ. Въ Октябрѣ 1834 года посѣтилъ Лавру Государь Императоръ Николай I-й, и послѣ сказалъ митрополиту, что нашелъ ее въ несравненно лучшемъ противъ прежняго видѣ.

Много лѣтъ послѣ того, радуясь постепеннымъ улучшеніямъ въ Лаврѣ, я пользовался добрымъ расположеніемъ о. намѣстника Антонія, но позднѣе два раза подвергался его негодованію; впрочемъ объ этомъ рѣчь будетъ послѣ.

Осень—самое скучное время для деревенскихъ жителей. Мать моя и мужъ ея рѣшилисъ провести зиму въ Каменкахъ. Съ наступленіемъ сырой погоды, проливныхъ дождей и непроходимой грязи, напала на меня сильная тоска, и я, чтобы отогнать ее, принялся за изученіе трехъ новыхъ для меня языковъ: Англійскаго, Итальянскаго и Испанскаго. Отсутствіе учителей замѣнялось грамматиками и лексиконами. Въ три мѣсяца я выучилъ настолько, что могъ свободно читать статьи въ прозѣ; но правильному произношенію мнѣ было не у кого научиться.

Съ наступленіемъ зимы, начались наши сельскія удовольствія: катанья на саняхъ, тройкою и гусемъ, вечера у сосѣдей поочередно, а чаще всего у насъ, игра въ фанты, лѣніе и изрѣдка танцы. Все это прекратилось передъ масляницей, вслѣдствіе одного непріятнаго приключенія. Я не упомянулъ въ своемъ мѣстѣ о томъ, что въ началѣ 1834 г. сестра моя была помолвлена за молодаго человѣка С. А. Пестова, роднаго племянника П. А. Болотова. Эта свадьба не состоялась

по извѣстію о бѣдности жениха, сообщенному дядею его. Этотъ разрывъ не произвелъ большаго вліянія на сестру, которая не была привязана къ Пестову, но соглашалась выйти за него замужъ единственно для избѣжанія столкновеній съ вотчимомъ и частыхъ выговоровъ отъ матери.

Но въ деревнѣ, видаясь почти ежедневно съ сосѣдями, она страстно влюбилась въ одного изъ нихъ—А. И. Кванчехадзева. Влюбленные переписывались чрезъ посредство дочери священника, которая почти постоянно гостила у Кванчехадзевыхъ въ Сырневѣ. Случайно открылась эта связь, и приняты мѣры для прекращенія свиданій. Тогда К. обратился къ матушкѣ съ письмомъ, въ которомъ просилъ согласія на бракъ ея дочери и притомъ изъяслялъ надежду, что женщина, вышедшая вторично за мужъ по чувству сердца, не обращая вниманія на отсутствіе знатности и состоянія въ женихѣ, охотно дозволитъ дочери послѣдовать ея примѣру. Эти послѣднія выраженія раздражили только матушку, и она отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ; сестра плакала, тосковала, но позднѣе была очень рада этому отказу: предметъ первой любви ея былъ человѣкъ хорошій, но почти безъ всякихъ средствъ; онъ могъ владѣть только частью одной небольшой деревни. Нѣсколько лѣтъ спустя, я встрѣтилъ его въ заштатномъ городѣ Воскресенскѣ въ должности становаго пристава.

Въ ту же зиму была у насъ неожиданная и дорогая гостья, бабушка Елисавета Андреевна Сумарокова. Сильная и постоянная, почти материнская любовь къ племянницѣ, которая выросла у ней на рукахъ, превозмогла въ сердцѣ старушки чувство неудовольствія за второй бракъ моей матери. Она прогостила у насъ около двухъ недѣль и была очень ласкова ко всѣмъ намъ и даже къ моему вотчиму, которому привезла вышитую подушку своей работы. Спустя нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1837 году, она писала и убѣдительно просила, чтобы навѣстили ее въ одиночествѣ. Тогда младшей сестры ея Аграфены Андреевны, до самой смерти не примирившейся съ мыслию, что Красильниковъ сталъ ей племянникомъ, уже не было на свѣтѣ. По просьбѣ бабушки, тогда ѣздила въ Красное сестра моя въ сопровожденіи вотчима, который былъ отлично принятъ какъ бабушкой, такъ и братомъ ея А. А. Сумароковымъ; я же оставался при матери, постоянно хворавшей.

Воспоминаніе о посѣщеніи бабушки увлекло меня за предѣлы того времени, о которомъ идетъ теперь разговоръ. Возвращаясь къ 1835 году.

На масляницѣ пріѣхалъ ко мнѣ на нѣсколько дней И. И. Данковъ, бывшій воспитанникъ покойнаго дяди моего Сумарокова. Прежде

я сказалъ объ немъ нѣсколько словъ, по поводу поѣздки нашей въ с. Красное. Когда, въ 1830 году, онъ окончилъ курсъ въ Костромской гимназiи, дядя Петръ Николаевичъ не задолго до кончины своей, прислалъ его въ Москву для обученiя дѣтей другаго дяди моего, графа Петра Степановича и вмѣстѣ съ тѣмъ для поступленiя въ университетъ по медицинскому отдѣленiю. Первое изъ этихъ занятiй Данковъ продолжалъ нѣсколько лѣтъ; но въ университетъ его не приняли, потому что въ гимназическомъ его аттестатѣ онъ былъ названъ сыномъ унтеръ-офицера изъ дворянъ, а доказательствъ дворянскаго происхожденiя и никакихъ другихъ документовъ у него не было. Университетское начальство смотрѣло на него, какъ на кантониста. По убѣдительной моей просьбѣ, деканъ Альфонскiй дозволилъ ему частное посѣщенiе лекцiй. Добрый и чувствительный И. И. привязался ко мнѣ всею душою и позднѣе доказалъ мнѣ свою дружбу на дѣлѣ.

Въ началѣ слѣдующаго лѣта, вотчимъ мой успѣлъ скупить у четырехъ владѣльцевъ другую половину Каменокъ. Одинъ изъ этихъ владѣльцевъ, сенатскiй оберъ-секретарь Лопатинъ, напугалъ Красильниковъ тѣмъ, что будто-бы можетъ оттягать себѣ значительную часть земли, принадлежащей моей матери; Красильниковъ, не смысля ничего въ дѣлахъ судебныхъ, повѣрилъ ему и заплатилъ довольно дорого за 17 душъ съ землею, составлявшихъ часть Лопатина. Почти въ тоже время матушка выдала мужу своему купчую на свою половину, такъ что онъ сдѣлался единственнымъ владѣтелемъ 117 душъ и около 800 десятинъ земли.

Для совершенiя купчей намъ нужно было отправиться въ Москву. Мы выѣхали изъ Каменокъ 23-го Августа, но еще за нѣсколько дней до того совершенно было при насъ освященiе главнаго храма въ честь Казанской иконы Богородицы.

Въ Москвѣ напало на меня раздумье; продолжать ли медицинскiя занятiя, или оставить ихъ и опредѣлиться въ гражданскую службу? Это сомнѣнiе имѣло свои основанiя: въ послѣднiе два года моего студенчества и въ особенности во время практики въ Екатерининской больницѣ, я убѣдился, что не одаренъ природною способностью распознавать болѣзни и потому совершенно охладѣлъ къ врачебной наукѣ. Но самолюбіе не дозволило мнѣ остаться лекаремъ, и я рѣшился держать экзаменъ на степень доктора медицины, и затѣмъ снова испытать свои силы на поприщѣ практики.

Между тѣмъ въ медицинскомъ факультетѣ произошли большiя перемѣны: Дядьковскiй, Мухинъ и Котельницкiй уволены въ отставку; судебная медицина и медицинская полиція достались на долю новаго профессора Армфельда; кафедрѣ Котельницкаго занялъ докторъ Н. Б. Анке,

новая кафедра токсикологіи предоставлена Іовскому; старикъ Лодеръ умеръ. Сверхъ того изъ Берлина явилось къ намъ трое молодыхъ профессоровъ: одинъ изъ нихъ, Г. И. Сокольскій, занялъ кафедру терапіи; другой, Филомаѣитскій, сталъ преподавать физиологію, а третій Ѳ. И. Иноземцовъ оперативную хирургию. Всѣ они, а въ особенности послѣдній, привезли съ собою убѣжденіе, что врачебная наука въ Московскомъ университетѣ, до прибытія ихъ, была въ совершенномъ упадкѣ, и что студенты, какъ учащіеся, такъ и окончившіе курсъ, вовсе лишены познаний и ни къ чему неспособны. При такой ихъ увѣренности и при непрестанныхъ столкновеніяхъ ихъ съ старыми профессорами, очень трудно было рѣшиться держать докторскій экзаменъ.

Однако нашелся одинъ смѣлый человѣкъ, который тогда же рѣшился подать прошеніе о допущеніи его къ испытанію на степень доктора медицины и хирургіи.

Несмотря на безчисленныя притѣсненія, особенно со стороны Иноземцова, медико-хирургъ В. А. Басовъ блистательно сдалъ экзаменъ и, защитивъ диссертацию «*de lithotomia*» (о камнестѣченіи), получилъ исковую степень. Въ послѣдствіи онъ былъ профессоромъ хирургіи въ Московскомъ университетѣ.

Хотя примѣръ Басова могъ служить одобреніемъ для другихъ, но искатели докторской степени, въ числѣ четырехъ товарищей, окончившихъ курсъ въ 1834 году—Плоховъ, Скарениковъ, Ивановъ и я, рѣшились прежде прослушать курсъ у новыхъ профессоровъ, а потомъ уже идти на экзаменъ.

Такъ мы и сдѣлали, и послѣ не пожалѣли о томъ, потому что имѣли случай пріобрѣсти немало познаній, особенно на лекціяхъ профессора Филомаѣитскаго, который увлекательно читалъ физиологію, сопровождая каждую лекцію опытами надъ живыми животными.

Теоретическое преподаваніе терапіи и патологіи профессоромъ Сокольскимъ представляло также немало интереса, а клиническія занятія, ввѣренныя старику Бунге, были очень безцвѣтны и скучны, послѣ практическихъ трудовъ Дядьковского. Хирургическія операціи профессора Иноземцова были сначала не совсѣмъ удачны: изъ 16 операцій каменной болѣзни только 9 сопровождались полнымъ успѣхомъ; трое больныхъ умерло, а 4 остались съ неизлѣчимыми фистулами.

Къ прежнимъ своимъ наставникамъ мы рѣдко ходили на лекціи; только я иногда заходилъ послушать П. Л. Страхова, заступившаго мѣсто Бунге. Даровитый, энциклопедически образованный и вполнѣ добросовѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей, П. Л. умѣлъ найти кой-какія пособія для преподаванія ветеринарной науки: у него появились полные скелеты домашнихъ животныхъ, препараты сухіе и

спиртовые, отличные рисунки; словомъ, онъ положилъ основаніе кабинету сравнительной анатоміи. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ перешелъ на кафедру технологіи, обнаружилъ очень много свѣдѣній по части фабричнаго и заводскаго производства; наконецъ, онъ былъ отличнымъ по дѣятельности и учености директоромъ Московскаго Коммерческаго Училища.

Въ 1837 году начался для меня и трехъ моихъ товарищей докторскій экзаменъ въ мѣсячныхъ собраніяхъ факультета, которыя назначались не чаще одного раза въ мѣсяцъ. Въ первомъ засѣданіи, какъ теперь помню, 12 Октября, экзаменовали насъ профессора, приглашенные изъ физико-математическаго факультета: Веселовскій—изъ физики, Гейманъ—изъ химіи, Фишеръ—изъ ботаники, Ловецкій—изъ зоологіи и Щуровскій—изъ минералогіи. Такимъ образомъ мы раздѣлялись съ приготовительными предметами. Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ производилось испытаніе изъ предметовъ собственно-медицинскихъ: анатоміи, физиологіи, патологіи, терапіи, акушерства, судебной медицины, фармаціи, токсикологіи (совершенно новый для насъ предметъ) и, наконецъ, хирургіи. Главное затрудненіе для насъ состояло въ томъ, что хотя экзамены были рѣдки (черезъ мѣсяцъ, а иногда и черезъ два мѣсяца одинъ отъ другаго), но мы не знали, изъ какого предмета предстоитъ намъ испытаніе, потому что за насъ принимался всегда тотъ профессоръ, который прежде другихъ приходилъ въ собраніе. Особенно доставалось намъ отъ новыхъ профессоровъ, которые хотѣли, въ видахъ уязвленія своихъ предшественниковъ, доказать полное наше невѣжество. Сверхъ того затрудняла насъ, а особенно казака Плохова и кончившаго курсъ въ одной изъ провинціальныхъ гимназій Скареникова, необходимость изъясняться на Латинскомъ языкѣ. Послѣднимъ и самымъ тяжелымъ для насъ испытаніемъ была хирургія оперативная: профессоръ Иноземцовъ сряду 4 засѣданія изошрялъ надъ нами свое неистощимое остроуміе и, наконецъ, хотя и неохотно, поставилъ каждому изъ насъ отмѣтку «удовлетворительно». Всегда правдолюбивый товарищъ его Г. И. Сокольскій не вытерпѣлъ и сказалъ ему: «Иванову слѣдовало бы поставить превосходно».—«Ни за что не соглашусь», отвѣчалъ Иноземцовъ. — «Это впрочемъ и не нужно», объяснилъ деканъ Альфонскій: «и безъ того всѣ мы видѣли, что гг. докторанты знаютъ хирургію, а это и слѣдовало доказать».

Экзаменъ сошелъ съ рукъ; слѣдовало каждому изъ насъ подумать о выборѣ предмета для диссертациі, а это была вещь не легкая: нужно было найти тему, которая могла бы представлять какъ можно менѣ возможности для придирокъ со стороны новыхъ профессоровъ. По совету профессора А. А. Ювскаго, постоянно ко мнѣ благосклоннаго, я

сталъ писать о стрихнинѣ—ядовитомъ веществѣ, тогда еще мало извѣстномъ. Вспоминаю съ благодарностью о вниманіи къ моему труду Н. Б. Анке (преемника старика Котельницкаго) и Филомаѣтскаго: два первыхъ указывали мнѣ источники для сочиненія, а послѣдній руководствовалъ меня при опытахъ надъ живыми животными, которые производилъ я на его лекціяхъ. Въ тоже время принялись за писаніе диссертаций двое моихъ сотоварищей; о чемъ писали они, теперь я не могу вспомнить. Ивановъ, избравшій себѣ тему также изъ токсикологіи (о мышьякѣ), не принимался за дѣло, откладывалъ съ года на годъ и, наконецъ, вовсе отложилъ мысль о диссертации и не получилъ степени доктора медицины, которой онъ больше всѣхъ насъ заслуживалъ. Впрочемъ, винить его въ этомъ нельзя: обязанный содержать семейство, онъ вовсе не имѣлъ свободнаго времени. Еще до начала докторскаго экзамена, онъ принялъ на себя преподаваніе физики и химіи въ кадетскомъ корпусѣ, въ межевомъ институтѣ и еще въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тогда въ Москвѣ онъ былъ лучшимъ учителемъ по этимъ предметамъ. Сверхъ того у него была обширная медицинская практика, и притомъ всегда бесплатная, по особенной причинѣ. Изъ любви къ отцу, который (какъ выше было сказано) лишилъ себя жизни, Ивановъ, какъ человекъ вѣрующій, постоянно мучился мыслью, чѣмъ бы помочь душѣ несчастнаго самоубійцы. Священники, съ которыми онъ совѣтывался, отвѣчали ему единогласно, что церковь запрещаетъ молиться о самоубійцахъ и поминать ихъ при совершеніи литургіи. По просьбѣ любимаго моего товарища, я ѣздилъ съ нимъ къ митрополиту. Выслушавъ внимательно недоумѣнія молодаго человека, Филаретъ похвалилъ сыновнюю любовь его къ умершему отцу и сказалъ: «Поминать самоубійцу на литургіи не дозволено; но вы можете и должны молиться о немъ, прибавляя къ молитвѣ: Господи, не постави мнѣ молитву сію во грѣхъ. А главная помощь несчастной душѣ—дѣла милосердія. Вы не имѣете средствъ давать нуждающимся деньги; помогайте имъ усердно вашими познаніями, охотно лечите бѣдныхъ и, на сколько можете, безмездно. Этимъ вы облегчите участь души, о которой скорбите и на себя привлечете благословеніе Божіе». — Съ того времени Ивановъ далъ себѣ слово никогда и ни съ кого не брать денегъ за леченіе, и остался вѣрнымъ этому обѣту до конца своей жизни.

Моя диссертация поспѣла прежде всѣхъ; она состояла изъ 4-хъ частей: ботанической, химической, токсикологической и судебно-медицинской; къ ней приложено было 9 тезисовъ. Употребленіе стрихнина въ медицинѣ я отложилъ въ сторону, для избѣжанія профессорскихъ пререканій. Въ началѣ весны 1838 года я прожилъ нѣсколько дней въ Сергіевомъ посадѣ, чтобы прочесть написанное сочиненіе моему

любезному наставнику *Θ. А. Голубинскому*, который перемѣнилъ въ немъ нѣсколько фразъ. Затѣмъ диссертация «*de Strychnino*» пошла для прочтенія и одобренія по профессорамъ, отъ одного къ другому. Въ продолженіи лѣта она была напечатана, и диспутъ назначенъ на 25 Сентября.

Не съ тѣмъ уже страхомъ, какой испыталъ я нѣкогда при первомъ университетскомъ экзаменѣ, взошелъ я на кафедру и громко прочелъ вступленіе и тезисы. Профессоры были почти всѣ на лицо, кромѣ *Иноземцова*; студентовъ набралось очень много. Но публики было очень мало: кромѣ немногихъ близкихъ знакомыхъ и сотоварищей моихъ по докторскому экзамену, почтили диспутъ своимъ присутствіемъ новый попечитель университета, графъ *Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ*, ректоръ *М. Т. Каченовскій* и бывший ректоръ *И. А. Двигубскій*. Возраженія, и при томъ довольно дѣльные, были отъ профессоровъ *Іовскаго*, *Анке* и *Филомаѣтскаго*; прочіе слушали, не говоря ни слова. Затѣмъ нѣсколько студентовъ, окруживъ кафедру, начали предлагать свои возраженія, конечно, не-сильныя и отрывочныя (по трудности спорить на *Латинскомъ языкѣ*), но справиться съ ними мнѣ было нелегко, потому что они перебивали другъ друга и не давали мнѣ времени отвѣчать въ порядкѣ одному за другимъ; словомъ, по мѣткому выраженію *Іовскаго*, «они налетѣли, какъ шавки на звѣря». Впрочемъ, деканъ довольно скоро успокоилъ ихъ, объявивъ, что диспутъ конченъ. Послѣ минутнаго совѣщанія съ членами факультета, онъ провозгласилъ меня докторомъ медицины, а графъ *Строгоновъ*, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, поздравилъ меня съ новымъ званіемъ. Тогда онъ въ первый разъ присутствовалъ при защищеніи диссертации въ университетѣ и остался вполне доволенъ.

Достигнувъ законнымъ порядкомъ «высшихъ медицинскихъ почестей» (*summos medicinae honores, legitime obtinendos*, какъ сказано въ дипломѣ), я рѣшился, по приглашенію доктора *Поля*, принять на себя должность сверхъ-штатнаго ординатора въ *Екатерининской* больницѣ, безъ жалованья. Мнѣ хотѣлось убѣдиться въ томъ, гожусь-ли я или нѣтъ, быть практическимъ врачомъ. Мнѣ предоставлены были мужскія хроническія палаты, въ которыхъ моя практика, несмотря на усердіе и заботливость, не могла имѣть большихъ успѣховъ: въ нихъ лежали большею частью больные, одержимые чахоткою и водяною болѣзнію; почти всѣ они съ больничной койки отправлялись въ анатомическую палатку и затѣмъ въ могилу, если только не выписывались заблаговременно изъ больницы, при небольшомъ, случайномъ облегченіи болѣзни. Было нѣсколько случаевъ излеченія ревматиковъ и еще одинъ блестящій опытъ излеченія паралитика, твердо сохранившійся

въ моей памяти. Больной, дворовый человѣкъ, Владимиръ Васильевъ, 28 лѣтъ, ремесломъ портной, болѣе года лежалъ въ больницѣ, лишенный движенія обѣихъ ногъ (*paraplegia supraparalysi vesicae urinariae*). Изъ исторіи его болѣзни я увидѣлъ, что никакія средства ему не помогаютъ и рѣшился, съ согласія главнаго доктора, испытать на немъ дѣйствіе стрихнина. Употребленіе этого яда внутрь въ самыхъ малыхъ, почти микроскопическихъ, но весьма частыхъ приемахъ долго оставалось безъ дѣйствія, также какъ и присыпка того же вещества на части тѣла, обнаженные отъ кожи (*methodus endermatica*). Спустя нѣсколько недѣль, появились первыя подергиванія въ ногахъ, до тѣхъ поръ совершенно безчувственныхъ; мало по малу мускулы стали обнаруживать произвольное движеніе. Черезъ три мѣсяца леченія, мой Владимиръ сталъ ходить по корридору на двухъ костыляхъ, потомъ замѣнилъ ихъ палкою и, наконецъ, выписавшись изъ больницы, пошелъ пѣшкомъ къ своему барину. Послѣ я встрѣтилъ его на улицѣ, идущимъ твердою поступью. Этотъ случай леченія былъ записанъ въ книгѣ, заключающей въ себѣ всѣ замѣчательные опыты больничной практики и читанъ мною въ засѣданіи Физико-Медицинскаго Общества, которое избрало меня въ дѣйствительные члены. Выше я забылъ упомянуть, что прежде того былъ уже д. членомъ двухъ обществъ: Испытателей природы и Россійскаго Любителей Садоводства.

Еще при началѣ службы въ Екатерининской больницѣ, я принялъ на себя должность врача въ Арбатской школѣ Московскаго Благотворительнаго Общества 1837 года, получившаго это названіе потому, что основано въ этомъ году, по случаю пребыванія высочайшаго двора въ Москвѣ. Чтобы объяснить, какъ произошло это новое для меня назначеніе, я долженъ возвратиться на нѣсколько лѣтъ назадъ.

Въ числѣ лицъ, близкихъ къ моему вотчиму по масонскому братству, былъ князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ, женатый на Евдокіи Михайловнѣ Нарышкиной, родной сестрѣ знаменитой основательницы женскаго монастыря на Бородинскомъ полѣ битвы, Маргариты Михайловны (въ иночествѣ Маріи) Тучковой. Съ 1834 г. я былъ радушно принятъ въ домъ Голицыныхъ; это былъ первый вполне аристократическій домъ, въ который удалось мнѣ проникнуть; здѣсь я былъ представленъ кн. Д. В. и кн. С. М. Голицынымъ. При самомъ основаніи названнаго выше общества, княгиня Е. М. была одною изъ самыхъ ревностныхъ участницъ новаго благотворительнаго дѣла и приняла на себя обязанности попечительницы первой школы Общества, въ Мѣщанской части, получившей названіе Николаевской, въ честь Государя. Когда готовилась къ открытію вторая школа, Арбатская, княгиня отрекомендовала меня Александрѣ Петровнѣ Тучковой, супругѣ заслуженнаго

генерала и сенатора Павла Алексѣевича Тучкова, назначенной попечительницею этой школы, и Варварѣ Марковнѣ Мертваго, рожденной Полторацкой, вдовѣ сенатора, исправлявшей должность предсѣдательницы Общества. Арбатская школа открыта 8 Ноября 1838 года, и я тогда же опредѣленъ при ней врачомъ.

Здѣсь нужно сказать нѣсколько словъ о цѣли и дѣятельности Московскаго Благотворительнаго Общества 1837 года, въ которомъ позднѣе привелось мнѣ играть довольно значительную роль. Учредительницы его, Московскія знатныя дамы, имѣли въ предметъ подражаніе основанному гораздо ранѣе въ Петербургѣ Женскому Патріотическому Обществу, которое пользовалось особеннымъ вниманіемъ и покровительствомъ государыни императрицы Александры Ѳеодоровны и трехъ августѣйшихъ дочерей ея, принявшихъ на себя званіе членовъ Совѣта. Составленный и утвержденный ея величествомъ уставъ Московскаго Общества, возлагалъ на него обязанность открыть, по мѣрѣ способовъ, частныя школы для бѣдныхъ дѣвочекъ, во всѣхъ частяхъ г. Москвы. Въ каждой школѣ полагалось по 20 приходящихъ воспитанницъ, которыя получали отъ школы обѣдъ, платье и обувь, но жили у родителей; было и нѣсколько пансіонерокъ, съ платою отъ благодѣтелей по 200 рублей ассигнаціями въ годъ. Предметы ученія состояли въ Русской грамотѣ, законѣ Божіемъ, началахъ ариѳметики, а главное въ вышиваніи и другихъ рукодѣліяхъ. Каждая школа имѣла свою попечительницу, изъ числа знатныхъ Московскихъ дамъ, надзирательницу и ея помощницу (двѣ послѣднія жили въ школѣ и получали очень скудное жалованье), законоучителя и врача. На мою долю доставалось очень мало дѣла въ Арбатской школѣ, въ которую я ѣздилъ два раза въ недѣлю; впрочемъ случалось иногда посѣщать больныхъ дѣвочекъ изъ числа приходящихъ, въ тѣхъ подвалахъ и чердакахъ, гдѣ жили онѣ съ своими родными. Лекарства для нихъ отпускались бесплатно изъ университетской аптеки, по приказанію графа Строганова, принимавшаго постоянное участіе въ дѣлахъ и нуждахъ Общества.

Около года продолжались мои практическія занятія не только во ввѣренныхъ мнѣ хроническихъ палатахъ Екатерининской больницы, но и въ палатахъ острыхъ болѣзней, по особенной внимательности доктора Рябчикова. Опытъ вполне убѣдилъ меня, что діагностика болѣзней мнѣ не дается, что я не могу быть хорошимъ практическимъ врачомъ, хотя весьма удовлетворительно изучилъ теорію медицинскихъ наукъ. Мнѣ оставалось только жалѣть о лучшихъ лѣтахъ жизни, потерянныхъ въ ученіи, бесполезномъ для меня и для другихъ. Нужно было искать себѣ другой служебной карьеры, а это было не легко потому что указъ, не задолго передъ тѣмъ изданный, лишалъ медиковъ

всѣхъ правъ университетскаго образованія въ случаѣ поступленія на гражданскую, а не на медицинскую службу: докторъ медицины, также какъ и лекаръ, принимался въ гражданскую службу только съ первымъ класнымъ чиномъ; на медицинской службѣ докторъ считался за урядъ въ VIII классъ, но утверждался въ чинъ коллежскаго асесора только черезъ восемь лѣтъ, между тѣмъ какъ докторъ другихъ факультетовъ пользовались этимъ чиномъ со дня поступленія въ службу.

Къ моему счастью открылось въ Москвѣ новое учрежденіе—Комитетъ для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни. По уставу Комитета въ числѣ сотрудниковъ могли быть и медики, сохраняя права медицинской службы. Предсѣдателемъ Комитета былъ назначенъ сенаторъ Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ. Я уже упоминалъ о немъ прежде, но здѣсь слѣдуетъ разсказать нѣсколько подробнѣе.

С. Д. Нечаевъ, зажиточный помѣщикъ Рязанской губерніи, въ молодости занимался литературой, съ 1819 года былъ ученикомъ въ какой-то масонской ложѣ, потомъ служилъ въ Москвѣ при князѣ Д. В. Голицынѣ, женился на С. С. Мальцевой и, пользуясь покровительствомъ дяди ея, оберъ-прокурора Св. Синода князя Мещерскаго и князя А. Н. Голицына, получилъ мѣсто за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Синодѣ. Когда кн. Мещерскій былъ произведенъ въ сенаторы, Нечаевъ занялъ его мѣсто. Но не долго пришлось ему завѣдывать синодальными дѣлами; принужденный болѣзнію жены сопровождать ее для леченія на южный берегъ Крыма, онъ просилъ Государя поручить доклады по дѣламъ Синода товарищу министра народнаго просвѣщенія графу Протасову. Возвратясь вдовцомъ изъ Крыма, Нечаевъ нашелъ, что мѣсто его уже прочно занято Протасовымъ, и былъ назначенъ сенаторомъ въ одинъ изъ Московскихъ департаментовъ Сената; здѣсь любовь къ занятіямъ и честолюбіе заставили его искать для себя какого-либо самостоятельнаго мѣста, на которомъ онъ могъ-бы отличиться. Онъ придумалъ новый комитетъ, составилъ для него уставъ, по утвержденіи котораго принялъ на себя предсѣдательство и горячо принялся за дѣло. Весьма пріятный и обязательный въ сношеніяхъ съ людьми посторонними, С. Д. Нечаевъ былъ весьма строгимъ и взыскательнымъ начальникомъ по службѣ. Чтобы угодить ему, нужно было работать изо всѣхъ силъ, а иногда и сверхъ силъ, что я впоследствии испыталъ на себѣ.

Комитету о нищихъ былъ переданъ въ управленіе Работный Домъ—заведеніе для призрѣнія нищихъ, наполненное множествомъ призрѣваемыхъ, большею частью престарѣлыхъ обоюбого пола, совершенно неспособныхъ ни къ какой работѣ, вопреки названію, которое было дано этому заведенію.

Открытие Комитета послѣдовало 6-го Августа 1839 года. Послѣ принесенія присяги всѣми служащими, первое засѣданіе было въ большой залѣ Работнаго Дома, нарочно приготовленной для комитетскихъ собраний. Послѣ того былъ обѣдъ у предсѣдателя, жившаго въ огромномъ домѣ Мальцовыхъ, на Дѣвичьемъ полѣ.

Въ Комитетѣ были члены изъ чиновниковъ и купцовъ, и кромѣ того старшіе и младшіе сотрудники и агенты. Членами были: дѣйств. ст. совѣтникъ А. С. Талызинъ, попечитель Работнаго Дома полковникъ А. М. Львовъ, стряпчій уголовныхъ дѣлъ Н. И. Орловъ; коммерціи совѣтникъ В. И. Розенштраухъ, почетные граждане Б. В. Страховъ, В. М. Блохинъ и А. В. Чижовъ; старшими сотрудниками: П. Д. Голембовскій, Е. И. Классень, докторъ медицины Владимировъ и я. Въ числѣ младшихъ сотрудниковъ находились мелкіе чиновники, агентами были купцы. Правителемъ дѣлъ былъ аудиторъ военной канцеляріи генераль губернатора П. А. Карепинъ, а помощникомъ его — нѣкто Голицынскій (имени и отчества его не помню).

Изъ числа членовъ Комитета рѣзко выдавался усердіемъ къ дѣлу, благодушіемъ и неистощимою благотворительностію Борисъ Васильевичъ Страховъ. Онъ былъ богатый хлѣбный торговецъ. Въ 1839 и 1840 годахъ урожаи хлѣба были такъ худы, что эти годы и теперь еще слывутъ въ народѣ «голодными годами». Толпы людей, не имѣющихъ пропитанія дома, стекались въ Москву—добывать насущный хлѣбъ Христовымъ именемъ. Никогда не бывало такъ много нищихъ въ Москвѣ. Чтобы сколько нибудь помочь нуждающимся, Б. В. Страховъ придумалъ и предложилъ предсѣдателю Комитета устроить столы для бѣдныхъ; первый столъ былъ открытъ Страховымъ въ Замоскворѣчьи, на Волотѣ, близъ мучной его лавки: ежедневно выдавалось тамъ безденежно по 300 порцій, состоящихъ изъ щей съ фунтомъ мяса, каши съ масломъ и двухъ фунтовъ очень вкуснаго хлѣба, испеченнаго изъ ржаной муки пополамъ съ картофелемъ. Сверхъ того такія-же порціи отпускались по билетамъ, по 10 коп. асс. Мука продавалась тогда по 4 рубля за пудъ, а фунтъ говядины по 12 коп. ассигнаціями. Понятно, что для изготовленія такой пищи нужно было тратить много денегъ, даже и на покупныя порціи, не говоря уже о даровыхъ. Добрый Страховъ не жалѣлъ ни своей муки, ни своихъ денегъ. Почти все содержаніе Замоскворѣцкаго стола лежало на немъ одномъ, хотя онъ по скромности своей увѣрялъ, что ему помогаютъ въ этомъ дѣлѣ многіе добрые люди изъ купечества.

Члены Блохинъ и Чижовъ, агенты изъ купечества Воробьевъ, Великолѣповъ, Плигинъ, два Евдокимовыхъ и другіе послѣдовали примѣру Страхова и открыли еще 6-тъ столовъ въ разныхъ мѣстахъ Мос-

квы, на тѣхъ-же основаніяхъ, какія были приняты при учрежденіи перваго стола для бѣдныхъ Страховымъ, который и въ этихъ столахъ принималъ участіе, отпуская содержателямъ ихъ муку и крупу за половинную цѣну.

Столы для бѣдныхъ продолжались отъ Декабря 1839 до Августа 1840 года.

Суммы Комитета скопились очень быстро, частью изъ единовременныхъ пожертвованій и ежегодныхъ взносовъ отъ вступившихъ въ него лицъ кушеческаго сословія, частью изъ значительныхъ приношеній, собранныхъ предсѣдателемъ и членами отъ постороннихъ лицъ. Самое замѣчательное изъ этихъ приношеній поступило отъ богатаго и бездѣтнаго старика, премьеръ-маіора Ахлабаева. Нечаевъ поѣхалъ къ нему въ Хамовники, прямо изъ Севата, въ мундирѣ и въ лентѣ, и такъ умѣлъ растрогать его своимъ краснорѣчіемъ, что старикъ расплакался и тутъ же вручилъ гостю 5.000 рубл. асс., а по смерти своей (вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей) завѣщалъ Комитету свой домъ съ большимъ количествомъ земли и до десяти тысячъ рублей. На эти деньги, съ продажею лишней земли, устроена была Ахлабаевская богадѣльня, въ которую переведено было значительное число увѣчныхъ-призрѣваемыхъ изъ Работнаго Дома. Старикъ Ахлабевъ былъ очень замѣчательнъ, какъ необыкновенная въ своемъ родѣ личность. Мнѣ поручено было отвести къ нему для подписи переписанное на-бѣло духовное завѣщаніе. Ворота заперты, у калитки привѣшенъ колокольчикъ; по звону приходитъ дворникъ и узнавъ, кто я и за какимъ дѣломъ, отправляется докладывать и снова запираетъ за собой калитку. Дожидаюсь довольно долго, а между тѣмъ по двору бѣгаетъ, съ громкимъ лаемъ, цѣлая стая крупныхъ собакъ. Наконецъ дворникъ возвращается, отворяетъ ворота, и я вхожу къ Ахлабаеву. Старикъ весьма ветхій, дряхлый, глухой, въ канифасномъ халатѣ и сверхъ него въ какой-то изорванной женской кацавейкѣ (несмотря на жаркое время), въ вязаномъ колпакѣ на головѣ, принялъ меня въ полутемной, грязной гостиной; вокругъ него суетилось нѣсколько старухъ-служанокъ. «Позвольте узнать, государь мой, кого я имѣю честь видѣть и по какому дѣлу?» спросилъ онъ меня. Я назвалъ себя и сказалъ, что привезъ ему завѣщаніе для подписи, по порученію сенатора Нечаева. «Такъ, государь мой, весьма благодарю, что потрудились ко мнѣ старику пожаловать; только не вѣрится, что вы точно графъ, а еще молодой человѣкъ». Старался я объяснить ему, что бываютъ графы не только молодые, но и малолѣтныя; старикъ не могъ увѣриться, впрочемъ попросилъ присѣсть, внимательно выслушалъ, но подписать не согласился. «Самъ прочесть не могу, по слабости глазъ, а не знаю, такъ ли написано, какъ вы изволили читать». Спасибо одной

изъ старухъ: она присовѣтовала послать за сосѣднимъ священникомъ; когда священникъ прочелъ завѣщаніе въ другой разъ, Ахлебаевъ рѣшился приложить руку, а вслѣдъ за нимъ и священникъ, духовный отецъ его, подписался свидѣтелемъ.

Много также успѣлъ добыть Нечаевъ отъ извѣстнаго золотопромышленника П. В. Голубкова. Всѣ эти суммы вписывались въ одну большую книгу казначеемъ Комитета, онъ же представлялъ ежемѣсячные отчеты о приходѣ и расходѣ денегъ.

Казначеемъ Комитета, при самомъ его открытіи, былъ коллежскій ассессоръ Павелъ Дмитріевичъ Голембовскій, служившій въ тоже время смотрителемъ Екатерининскаго (Матросскаго) богадѣленнаго дома. Онъ былъ изъ небогатыхъ дворянъ, участвовалъ въ войнахъ 1812 — 1815 годовъ, потомъ служилъ въ какой-то гражданской службѣ въ Москвѣ. При началѣ нашего житія въ Сергіевскомъ посадѣ, мать моя взяла на воспитаніе незаконнорожденную дочь его Людмилу (Люличку), но скоро принуждена была возвратить отцу эту избалованную и своенравную дѣвочку, съ которой невозможно было сладить. Во время предсмертной болѣзни Н. А. Головина, Голембовскій, хотя ревностный масонъ, но человѣкъ самолюбивый, не могъ вытерпѣть ѣдкихъ насмѣшекъ и колкостей Головина и пересталъ навѣщать его. Въ это время Голембовскій женился на бывшей классной дамѣ Елисаветинскаго Института, Марьѣ Ѳедоровнѣ Громницкой и, какъ нарочно, день брака ихъ совпалъ съ погребеніемъ Головина, и свадебный поѣздъ встрѣтился съ похороннымъ. Вскорѣ послѣ того новобрачный Павелъ Дмитріевичъ напечаталъ свой романъ «Паденіе Бирона. Въ этомъ (довольно слабомъ) сочиненіи очень мало историческихъ подробностей, но за то нѣсколько язвительныхъ намековъ на собратій автора. Такъ напримѣръ ханжа Кадильниковъ, управляющій одной пожилой барыни, на которой желаетъ жениться, напоминаетъ ей о своихъ заслугахъ: «я не только заботился о спасеніи души вашей, но и способствовалъ вашему внѣшнему благосостоянію сѣченіемъ крестьянъ, не платящихъ оброка». Всѣ знакомые догадались, на кого направленъ намекъ, тѣмъ болѣе, что Красильниковъ ѣздилъ передъ тѣмъ въ Ярославскія деревни моей матери за сборомъ недоимокъ, хотя никого тамъ не сѣкъ и вообще не любилъ прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Неуваженіе П. Д. къ памяти Головина и намеки, высказанные имъ въ романѣ, навлекли на автора негодованіе масоновъ, но онъ умѣлъ скоро помириться съ ними. Получивъ, при содѣйствіи Фонъ-Визина и Курбатова, мѣсто смотрителя богадѣльни, онъ ввелъ тамъ много улучшеній, при чемъ умѣлъ сдѣлать значительную экономію въ расходахъ. За это онъ былъ награжденъ Владимирскимъ крестомъ по статуту. Казначеемъ Комитета о просящихъ милостыни Го-

лембовскій пробылъ не долго, жалуясь на слабость зрѣнія, а вскорѣ слѣпота принудила его къ полной отставкѣ. При небольшой пенсіи, этотъ честный, благородный и деликатный человѣкъ, вмѣстѣ съ умною женою, жилъ скромно, почти бѣдно, но прилично, не прося и не принимая ни отъ кого никакихъ пособій. М. Ѳ. Голембовская, женщина очень образованная, много писала, при помощи мужа, и за одно сочиненіе, написанное на тему, заданную отъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, получила золотую медаль. Она кончила жизнь прежде мужа; а бѣдный слѣпецъ, лишившись единственной своей опоры, прожилъ еще нѣсколько лѣтъ въ грустномъ одиночествѣ. Дѣтей у нихъ не было.

Должность казначея Комитета, по увольненіи Голембовскаго, принялъ на себя Егоръ Ивановичъ Классенъ—человѣкъ начитанный, неутомимо трудолюбивый и страстный охотникъ занимать въ одно время много различныхъ мѣстъ. Такъ онъ соединялъ въ себѣ должности: правителя дѣлъ Коммерческой Академіи, директора какого-то дѣтскаго пріюта, директора Общества Садоводства, редактора журнала Садоводства и проч. Сверхъ того онъ участвовалъ въ занятіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ, составлялъ изслѣдованія по древней Русской исторіи (которыя послѣ были изданы имъ въ видѣ таблицъ съ рисунками), а въ свободное время писалъ стихи. Словомъ сказать, трудолюбіе было у него неутомимое, но сопровождалось полною бездарностью. Всего забавнѣе было то, что въ Журналѣ Садоводства, за недостаткомъ матеріаловъ, онъ помѣщалъ свои стихи. Вотъ образецъ для примѣра:

**Къ дамѣ, носящей крестикъ на шеѣ.**

Вы крестикъ носите не для святыхъ лобзаній.  
Скажите же, на что онъ вамъ?  
Не знакъ ли это бѣдственныхъ страданій,  
Которыя готовите вы намъ?  
Миѣ мнится, что вы мысленно твердите:  
Распнемъ, распнемъ ихъ по крестамъ!  
Друзья, отъ дамы съ крестикомъ бѣгите,  
Иль сбудется предсказанное вамъ.

Что тутъ общаго съ садоводствомъ? спросилъ я Классена.—«Увселеніе публики», отвѣчалъ онъ. Однажды я показалъ стихи Классена Голембовскому; онъ далъ имъ названіе: «Дурость непроходимая».

Говоря о Классенѣ, вспоминаю о Журналѣ Садоводства. Въ 1838 году этотъ журналъ издавался цѣлымъ совѣтомъ редакторовъ, по выбору Общества. Вотъ имена ихъ, насколько сохранились они въ моей

памяти: Віаноръ Васил. Бѣликовъ, профессоръ ботаники въ Мед. Хирургической Академіи Ів. Осип. Шиховскій, Александръ Вилимовичъ Рихтеръ (страстный и ученый ботаникъ, братъ проф. акушерства), Е. И. Классенъ и я. Два первые, какъ директоры Общества Садоводства по искусственной и ученой части, носили титулъ «главныхъ» редакторовъ. Каждый изъ насъ вносилъ свою лепту въ изданіе; такъ и я помѣстилъ большую оригинальную статью: «Наблюденія надъ временемъ цвѣтенія растений Московской флоры» и нѣсколько переводныхъ. Мы собирались ежемѣсячно для совѣщанія у издателя-книгопродавца А. С. Шириева, но на нашемъ изданіи сбылась пословица: «у семи нянекъ дитя безъ глазу». Журналъ былъ плохъ и всегда опаздывалъ. На слѣдующій 1839-й годъ журналъ поступилъ въ полное распоряженіе Классена, сталъ выходить исправнѣе, но не улучшился по содержанію, хотя украсился піитическими произведеніями редактора-издателя.

Возвращаюсь къ Комитету о просящихъ милостыни. На мою долю, въ первый годъ, доставалось немного работы: изрѣдка исполнялъ я порученія С. Д. Нечаева, въ родѣ того, о которомъ упомянулъ выше (поѣздка къ старику Ахлабаеву), составилъ двѣ книжки «Примѣровъ христіанскаго милосердія», выбранныхъ изъ Четьи-Минеи и Пролога, и полное Житіе св. Іоанна Милостиваго. Вмѣстѣ съ докторомъ Владимировымъ, я выработалъ подробную смѣту для временной больницы на сто кроватей; эта смѣта пригодилась въ слѣдующемъ году, когда развитіе эпидемическаго тифа принудило Комитетъ открыть временную больницу въ двухъ нанятыхъ домахъ.

Въ такихъ занятіяхъ окончился для меня 1839-й годъ; начало слѣдующаго года ознаменовалось въ нашей семьѣ помолвкой сестры моей съ Харьковскимъ и Екатеринославскимъ помѣщикомъ Александромъ Николаевичемъ Ковалевскимъ. Хотя женихъ былъ много старше невесты (съ сѣдыми, окрашенными волосами), вдовецъ съ двумя дѣтьми отъ перваго брака; но невеста очень охотно дала ему слово, желая поскорѣе вырваться изъ материнскаго дома. Бракъ совершился 30 Апрѣля, въ Новопименовской церкви, въ приходѣ которой мы жили тогда, нанимая домъ Оранскаго, близъ сѣзжаго дома Суцевской части.

На свадебномъ вечерѣ была, въ числѣ родныхъ, еще другая невеста—двоюродная сестра моя красавица Варинька Толстая, дочь дяди гр. Александра Степановича. Она вскорѣ вышла замужъ за Александра Яковлевича Нарышкина, который, какъ кажется, былъ моложе ея лѣтами. Какъ умная женщина, она увезла молодаго и склоннаго къ мотовству мужа на житѣе въ деревню, умѣла поправить хозяйственныя его дѣла и уплатить долги. Она не имѣла дѣтей и, овдовѣвъ, была лучшею матерью для осиротѣлыхъ племянниковъ своего мужа.

Сестра моя, Александра Владиміровна Ковалевская, получила, при замужествѣ, пашу часть с. Сосконова, состоявшую въ 70 душахъ незаложенныхъ, въ видѣ 14-й законной части изъ отцовскаго и материнскаго имѣній. Черезъ нѣсколько дней послѣ своей свадьбы, новобрачные Ковалевскіе уѣхали въ Изюмскій уѣздъ Харьковской губерніи.

Признаюсь откровенно, что разлука съ сестрой не была для меня большимъ огорченіемъ, по слѣдующимъ причинамъ: хотя мы росли вмѣстѣ, т.-е. въ томъ же родительскомъ домѣ, но, по разности въ возрастѣ и въ занятіяхъ, между нами мало было общаго. Послѣ втораго брака нашей матери, весьма часто происходили столкновенія между сестрой моею и вотчимомъ, что очень вредно дѣйствовало и на здоровье матери и на характеръ сестры, который часть отъ часу становился раздражительнѣе. Мнѣ часто приходилось разыгрывать между ними роль миротворца и становиться въ непріятное положеніе. По отъѣздѣ сестры, миръ и спокойствіе водворились въ нашемъ домѣ, и отношенія мои къ Красильникову сдѣлались дружелюбнѣе. Впрочемъ объ немъ я могу повторить сказанное мною прежде: онъ любилъ меня по своему, и я никогда не видалъ отъ него никакой непріятности. Управленіе моимъ имѣніемъ было въ полномъ его распоряженіи (чему я былъ очень радъ, потому что сельско-хозяйственныхъ занятій никогда не любилъ); доходы поступали въ общую массу, и всѣ доходы были также общіе. Но онъ никогда не отказывалъ мнѣ въ деньгахъ, и всегда старался, чтобы я не имѣлъ ни въ чемъ нужды. Это доброе ко мнѣ расположеніе особенно усилилось по отъѣздѣ сестры моею, когда между нами не стало никакихъ поводовъ къ пререканіямъ. За то и я сталъ любить его больше прежняго.

Въ Маѣ 1840 года я встрѣтилъ у митрополита Филарета, преосв. Іосифа Литовскаго, главнаго дѣятеля при воссоединеніи уніатовъ съ православною церковью. Онъ при мнѣ рассказывалъ нашему владыкѣ, что, довершивъ это великое дѣло, которое составляло всю цѣль его жизни, онъ просилъ у Государя увольненія отъ епархіи, чтобы прожить остатокъ дней своихъ въ уединеніи, но не въ монастырѣ. «Двѣнадцать лѣтъ такой удручающей работы», говорилъ онъ, «такихъ безпокойствъ и такой отвѣтственности утомили бы всякаго. Я же ничего не добивался. Идеаломъ счастья для меня было имѣть домикъ съ садомъ и кабинетъ съ книгами. Но Государю просьба моя была не угодна, и я долженъ былъ остаться на своемъ мѣстѣ». Онъ рассказалъ еще, что папа, раздраженный отступленіемъ отъ него уніатскихъ архіереевъ, торжественно проклиналъ ихъ, во время литургіи, предъ самымъ освященіемъ святыхъ даровъ. Преосв. Іосифъ былъ принятъ въ Москвѣ съ большимъ почетомъ: въ Чудовѣ, гдѣ онъ останавливался, викарій представлялъ

ему настоятелей монастырей и членовъ консисторіи; онъ служилъ обѣдно въ Успенскомъ соборѣ и въ Сергіевой Лаврѣ, гдѣ встрѣчали его со звономъ во всѣ колокола; владыка давалъ для него обѣдъ, на которомъ былъ и я. За годъ или за нѣсколько мѣсяцевъ прежде, пріѣзжалъ въ Москву изъ Полоцка другой новоприсоединенный епископъ, пресв. Василій съ крестомъ преп. Евфросиніи. Филаретъ былъ тогда въ Петербургѣ и не зналъ о его путешествіи, и потому Полоцкій епископъ былъ очень холодно принятъ въ Москвѣ. Тогда говорили, что нашъ владыка получилъ за это замѣчаніе, вслѣдствіе котораго сдѣлалъ наилучшій пріемъ Литовскому архіепископу.

Въ тоже лѣто получили мы письмо отъ бабушки Елисаветы Андреевны Сумароковой: добрая старушка, ослабѣвая отъ дряхлости, желала видѣть меня, своего любимаго внука и крестника. Получивъ отпускъ, я поѣхалъ къ ней вмѣстѣ съ Данковымъ, о которомъ забылъ сказать прежде, что онъ, по ходатайству дяди моего гр. Петра Степановича, въ 1837 году получилъ изъ Псковской консисторіи метрическое свидѣтельство, послужившее удостовѣреніемъ въ дворянскомъ его происхожденіи. По этому документу онъ былъ принятъ въ студенты университета на казенное содержаніе. Ему хотѣлось поклониться гробу своего благодѣтеля П. Н. Сумарокова, и онъ напросился ко мнѣ въ товарищи путешествія.

Наше путешествіе было очень пріятно, при отличной лѣтней погодѣ. Въ Сергіевскомъ посадѣ мы заѣхали часа на два къ Ѳ. А. Голубинскому и нашли у него засѣданіе Комитета духовной цензуры. Одинъ изъ членовъ Комитета, ректоръ Виѣанской семинаріи архимандритъ Агапоть (магистръ VI курса академіи) былъ очень озабоченъ двумя выраженіями въ рукописи, которая разсматривалась въ этомъ засѣданіи. «Какъ бы это получше перевести: *inspiratio et expiratio*? Вдыханіе—хорошо, а издыханіе—плохо; подумаешь, что человѣкъ издыхаетъ, т. е. умираетъ». Спутникъ мой Данковъ сказалъ ему, что въ фیزیологіи этотъ терминъ называется не издыханіемъ, а выдыханіемъ (т. е. воздуха). «Вотъ это прекрасно», съ восхищеніемъ вскричалъ о. Агапоть, и съ радости обнялъ и расцѣловалъ Данкова. Въ Ростовѣ мы поклонились мощамъ въ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ и приняли благословеніе отъ почтеннаго отца архимандрита Иннокентія. Тогда я видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ.

Въ Красное мы пріѣхали довольно поздно вечеромъ; послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали старинный пятиглавый храмъ и подлѣ него дорогія для насъ могилы. Бабушка встрѣтила насъ съ восторгомъ; отъ радостныхъ слезъ она долго не могла выговорить ни слова. Очень рада была намъ и Варинька. Давно слѣдовало-бы мнѣ

поговорить подробнѣ объ этой милой моей кузинѣ, которую я любилъ, какъ родную сестру. Въ это время она, приближаясь къ 20-ти лѣтнему возрасту, вполне развилась и цвѣла красотою. Съ высокимъ ростомъ и стройнымъ тѣлосложеніемъ матери, она соединяла прелестный обликъ отца и большіе голубые его глаза. Улыбка ея была восхитительна, и всѣ движенія въ высшей степени граціозны. Получивъ основательное образованіе въ пансіонѣ, откуда вышла года за три до этого времени, она постоянно дополняла свои познанія дѣльнымъ чтеніемъ; лѣтнее время она проводила въ деревнѣ съ бабушкой, а по зимамъ жила въ Москвѣ и выѣзжала въ свѣтъ съ дальней своей родственницей княгиней Надеждой Александровной Черкасской, рожденной Крюковой, которая страстно любила всѣ свѣтскія удовольствія и рада была, по смерти единственной своей дочери, вывозить на балы такую красавицу, какъ Варинька.

Всѣ Московскіе молодые люди на перерывъ ухаживали за Варинькой тѣмъ болѣе, что дѣдъ Алексѣй Андреевичъ, крѣпостнымъ духовнымъ завѣщаніемъ, отдалъ ей въ наслѣдство все свое имѣніе—около 600 дунѣвъ въ Костромской и Нижегородской губерніяхъ.

Братъ ея Николай окончилъ курсъ въ Артиллерійскомъ Училищѣ подпоручикомъ, перешелъ въ офицерскій классъ, но на слѣдующій-же годъ вышелъ въ отставку поручикомъ. Въ немъ было много добрыхъ качествъ отца: благородство души, свойственное всему роду Сумароковыхъ, доброе сердце, сострадательность ко всѣмъ нуждающимся, остроуміе и любезность характера. Но при этомъ, подобно отцу, онъ не умѣлъ укрощать своихъ страстей и прихотей, которыя сократили жизнь его очень рано, какъ мы увидимъ ниже. Во время моего пріѣзда, его не было въ Красномъ; онъ уѣзжалъ въ какое-то другое имѣніе заниматься хозяйствомъ.

На другой день по пріѣздѣ, мы поклонились родственнымъ могиламъ и поѣхали, вмѣстѣ съ бабушкой и Варинькой, въ село Луново, къ дѣдушкѣ Алексѣю Андреевичу. Онъ былъ предувѣдомленъ о нашемъ пріѣздѣ и былъ мнѣ очень радъ. За столомъ у него появились великолѣпная уха, кулебяка съ начинкою изъ живой бѣлорыбицы и огромная разварная стерлядь.

Черезъ два или три дня пріѣхала въ Красное тетушка Варвара Аванасьевна Коптева съ дочерью. Она провела здѣсь нѣсколько дней и по вечерамъ играла въ вистъ съ бабушкой и со мной. Нѣсколько разъ ѣздили мы всей компаніей къ дѣдушкѣ, который былъ уже очень слабъ и не выходилъ изъ комнаты. Вмѣстѣ съ Варинькой и Данковымъ я гулялъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ Красносельскаго сада и въ рощахъ, въ которыхъ не было уже псарни покойнаго дяди, заражавшей

воздухъ нестерпимымъ зловоніемъ. Незамѣтно текло время; двѣ недѣли пролетѣли, какъ одинъ день. Грустно было мнѣ разставаться съ добрыми стариками дѣдушкой и бабушкой; я предчувствовалъ, что не увижу ихъ болѣе. Но нужно было поспѣть къ сроку, чтобы не получить выговора отъ С. Д. Нечаева.

При первомъ свиданіи со мною, онъ объявилъ мнѣ, что желаетъ поручить мнѣ должность помощника правителя дѣлъ на мѣсто Голицынскаго, котораго онъ выжилъ за недостатокъ дѣятельности. Нечаевъ былъ мастеръ стлать мягко: онъ наговорилъ мнѣ много любезностей, когда я отговаривался незнаніемъ канцелярскихъ формъ, увѣрялъ, что мнѣ не будетъ слишкомъ трудно въ этой должности и общалъ всѣ возможныя награды. Я согласился и скоро увидѣлъ на дѣлѣ совсѣмъ не то, въ чемъ увѣрялъ меня председатель Комитета. Правитель дѣлъ П. А. Карепинъ, человѣкъ умный, опытный въ дѣлахъ и благонамѣренный, имѣлъ нѣсколько другихъ должностей и потому мало занимался дѣлами Комитета. Канцелярія состояла изъ двухъ чиновниковъ: одинъ изъ нихъ Ѳ. И. Губеръ сынъ лютеранскаго пастора, молодой человѣкъ весьма образованный, умный и дѣятельный, трудился неутомимо; другой чиновникъ годился только для переписки съ чернаго на бѣло и для веденія исходящаго журнала, а между тѣмъ, въ Комитетъ приводили изъ полиціи ежедневно отъ 100 до 300 человѣкъ нищихъ; иногда, по настоятельнымъ требованіямъ Нечаева, это число увеличивалось до 500 и даже до 1000. Объ каждомъ изъ нихъ, при разборѣ однимъ изъ членовъ Комитета (большею частью Н. И. Орловымъ) составлялся особый статейный списокъ, съ резолюціею. Вся масса списковъ вмѣстѣ съ множествомъ бумагъ для подписи отсылалась ежедневно къ президенту Комитета, и возвращалась отъ него поздно вечеромъ. На другой день, съ 9 часовъ утра и до 4 часовъ пополудни, мы съ Губеромъ, не разгибаясь, писали бумаги, при которыхъ разсылали вчерашнихъ нищихъ, въ мѣщанское и цѣховое общества, то на родину съ особыми билетами, то въ разныя больницы и богадѣльни, то въ Губернское Правленіе (безпаспортныхъ и бѣглыхъ), то въ другія мѣста и вѣдомства. Нужно было спѣшить отправкою этихъ людей, потому что завтра явится новая масса. Число бумагъ простиралось ежедневно отъ 200 до 300; правда, что многія изъ нихъ писались на готовыхъ бланкахъ, въ которыя вписывалось только названіе отправляемаго лица и означеніе находившагося при немъ паспорта. Впрочемъ, иногда число исходящихъ бумагъ увеличивалось вдвое и даже втрое. Сверхъ того очень много времени отнимали справки, потому что почти каждый изъ нищихъ приводимъ былъ по нѣскольку разъ. Такъ сохранился у меня въ памяти слѣпой мѣщанинъ Петръ Петровъ, который въ теченіи одной зимы по-

бывалъ въ Рабочномъ Домѣ 7 разъ. Припоминая это время, я не могу надивиться, какъ доставало насъ двоихъ на такую Египетскую работу.

Несмотря на всю нашу дѣятельность, мы не успѣвали передѣлывать все что нужно, въ утреннее время. Губеръ бралъ къ себѣ на домъ статейные списки для составленія протокола къ середѣ или къ субботѣ, а я входящія бумаги для внесенія въ реестръ и текущую переписку. Раза два въ недѣлю я долженъ былъ обѣдать у Нечаева по его приглашенію, и это также отнимало у меня очень много времени. Вообще во всю осень 1840 года и послѣдующую за нею зиму я былъ такъ поглощенъ своею несносною должностію, что былъ лишенъ всякаго общества и всякаго развлечения.

Единственнымъ пріятнымъ для меня событіемъ въ эту зиму было свиданіе съ ректоромъ Московской академіи, архимандритомъ Филаретомъ, который отправлялся въ Петербургъ для посвященія въ санъ епископа. Съ 1835 года, послѣ неудачной попытки сестры моей выйти за Кванчехадзева, мы не ѣздили уже въ Каменки на лѣто, но проводили лѣтнее время на дачѣ, или лучше сказать, въ маленькомъ домикѣ въ Сокольникахъ, который былъ купленъ, для больной матери моей, ея мужемъ. Потому и въ Лаврѣ я въ эти годы бывалъ рѣдко, а отъ Филарета не видалъ съ 1837 года, когда я прогостилъ нѣсколько дней у благодѣтельнаго моего наставника Ѳ. А. Голубинскаго для пересмотра моей докторской диссертациі въ отношеніи къ чистотѣ Латинскаго слога.

Съ отъ Филаретомъ (Дмитріемъ Григорьевичемъ Гумилевскимъ) я былъ близко знакомъ во время его студенчества, и по окончаніи имъ курса. Сдѣлавшись, очень скоро сравнительно со сверстниками, ректоромъ академіи, онъ оставилъ тамъ по себѣ безсмертную добрую память. Какъ профессоръ богословія, онъ выступилъ на поприще преподаванія съ новыми пріемами—съ критикою источниковъ, съ филологическими соображеніями, съ исторіею догматовъ, съ рѣзкими опроверженіями мнѣній, порожденныхъ раціонализмомъ въ протестантскомъ Западѣ, что было занимательною новостію для его слушателей. Соединяя съ обширною ученостію необычайное трудолюбіе, онъ умѣлъ возбуждать въ студентахъ любовь къ ученому труду. Какъ ректоръ академіи, Филаретъ Гумилевскій видѣлъ много опытовъ строгости со стороны знаменитаго митрополита Московскаго Филарета. Впрочемъ, въ строгихъ указаніяхъ и наставленіяхъ владыки виденъ былъ не деспотизмъ, а добрая воспитательная цѣль. Чѣмъ выше стояло подчиненное ему лице по своему положенію, чѣмъ болѣе оно отличалось особенными дарованіями, тѣмъ строже взыскивалъ митрополитъ за малѣйшее упущеніе по должности. Такъ однажды ректоръ Филаретъ уѣхалъ на пасху въ Москву, не успѣвъ получить дозволенія отъ владыки. «Вы

поѣхали въ Москву», писалъ ему митрополитъ, «не дождавшись разрѣшенія. Не было его потому, что только изъ письма о вашемъ отбытіи узналъ я, что просите разрѣшенія. Со мною въ семь суда нѣтъ, но для предосторожности впредь скажу, что увольнять самаго себя есть поступокъ весьма не-официальный, и если дойдемъ до высшаго начальства, могущій имѣть непріятныя послѣдствія». Въ другомъ письмѣ владыки, о. Филаретъ получилъ такое наставленіе: «Берегите достоинство мѣста, которому принадлежите. Не примите словъ моихъ за брань: не негодую, а объясняю дѣло, какъ ему быть надобно». Позднѣ, тотъ-же Филаретъ Гумилевскій, уже въ епископскомъ санѣ, отзывался о замѣчаніяхъ и взысканіяхъ митрополита съ искреннею благодарностію, какъ объ урокахъ опытности.

Проводивъ о. Филарета въ Петербургъ, я снова принялся за свою чернорабочую канцелярскую дѣятельность. Такъ продолжалось до великаго поста, или до открытія при Комитетѣ временной больницы для тифозныхъ. Тутъ, кромѣ прежнихъ занятій, Нечаевъ поручилъ мнѣ еще новое дѣло—каждый вечеръ обходить больницу, чтобы убѣдиться, все ли тамъ въ порядкѣ. Въ одинъ изъ такихъ обходовъ, я почувствовалъ себя дурно и отъ слабости принужденъ былъ слечь въ постель. Не предчувствуя опасности, я приписалъ эту слабость утомленію отъ чрезмерныхъ трудовъ, и не спорилъ, когда мать моя, довѣряя вполне гомеопатіи, предложила мнѣ лечиться у Гольденберга, постоянного ея врача. Но какъ мнѣ съ каждымъ днемъ дѣлалось хуже, то я, наконецъ, понялъ, что заразился тифомъ и пригласилъ профессора Альфонскаго. Въ тотъ-же вечеръ (6 Марта) я былъ пораженъ необыкновеннымъ явленіемъ: лежа съ открытыми глазами, я увидѣлъ въ ногахъ своей постели покойнаго моего отца; онъ смотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ и рукою манилъ къ себѣ. Можетъ быть, это былъ бредъ, но вотъ что замѣчательно: я лишился отца въ 12-ти-лѣтнемъ возрастѣ; съ тѣхъ поръ прошло 17-ть лѣтъ, и черты лица покойнаго до такой степени изгладились изъ моей памяти (портрета отца у насъ не было), что я почти не могъ представить себѣ его лица. А послѣ этого видѣнія я до сихъ поръ такъ живо припоминаю себѣ черты отца, какъ будто вчера его видѣлъ. Страхъ, внушенный явленіемъ покойнаго, побудилъ меня къ исповѣди и причащенію Святыхъ Таинъ въ тотъ же вечеръ. Черезъ нѣсколько часовъ я былъ уже въ полномъ безпамятствѣ и столбнякѣ съ сжатіемъ челюстей. На слѣдующее утро Альфонскій потребовалъ консилиума. Приглашенные врачи: Высоцкій, Поль и Оверъ единогласно рѣшили, что мое положеніе безнадежно. Только послѣдній изъ нихъ предложилъ, въ видѣ опыта, прибѣгнуть къ леченію водою. Въ эту зиму доктору Оверу удалось посредствомъ водянаго леченія

спасти двухъ больныхъ: доктора Фе и В. Д. Олсуфьева (въ послѣдствіи оберъ-гофмейстера и графа); мнѣ предстояло быть третьимъ въ этомъ списокѣ. Не стану описывать подробно приѣмовъ этого леченія, тогда еще совершенно новаго, а теперь уже очень извѣстнаго. При полномъ безпамятствѣ я не понималъ, что со мной дѣлали, но когда пришелъ въ себя (18 Марта, въ Лазареву субботу), то почувствовалъ, что обертываніе простынями, намоченными въ холодной водѣ и притомъ повторяемое нѣсколько разъ сряду, очень мучительно. Такія инволюціи продолжались до середины страстной недѣли, а съ этого дня я началъ выздоравливать. Внутри не давали мнѣ никакого лекарства, кромѣ той же холодной воды.

Мать моя, во время моей болѣзни, была въ отчаяніи и безпрестанно молилась со слезами; мужъ ея очень горевалъ обо мнѣ и не рѣдко плакалъ, какъ слышалъ я отъ Данкова, который вполне доказалъ мнѣ свою дружбу въ это тяжкое для меня время. Онъ находился при мнѣ неотлучно, днемъ и ночью, поднималъ меня на рукахъ при каждой инволюціи, наблюдалъ за ходомъ болѣзни, писалъ подробную ей исторію, и находилъ еще время утѣшать мать мою при первыхъ благопріятныхъ признакахъ.

Во время моего безпамятства получены были извѣстія о кончинѣ дѣдушки и бабушки Сумароковыхъ. У Алексѣя Андреевича усилилась водяная еще до болѣзни моей; молодые Сумароковы, Николай и Варинька, бывшіе тогда въ Москвѣ, поспѣшили къ нему и застали его при послѣднихъ минутахъ жизни. Вслѣдъ за тѣмъ бабушка Елисавета Андреевна поражена была ударомъ; черезъ нѣсколько дней она опомнилась, но гасла съ каждымъ днемъ: 80-ти-лѣтній организмъ уже не могъ поправиться. О смерти брата она не знала и, чувствуя приближеніе своей кончины, умоляла внуковъ заботиться объ А. А., который въ то время лежалъ уже въ могилѣ. О смерти этихъ дорогихъ мнѣ лицъ узналъ я уже по выздоровленіи.

Много знакомыхъ и родныхъ принимали во мнѣ участіе; одни присылали узнавать о здоровьѣ, другіе сами подъѣзжали къ воротамъ для той же цѣли; но никто изъ нихъ не осмѣлился войти въ домъ, зараженный тифомъ, кромѣ Е. Б. Масловой и князя П. А. Голицына. Екатеринѣ Богдановнѣ я много обязанъ за участіе во мнѣ и особенно въ моей матери; эта почтенная женщина, мать семейства, ежедневно пріѣзжала къ моей матери и сидѣла у ней довольно долго; ея не удерживали ни страхъ заразы, ни весенняя распутица, ни дальность разстоянія между Старой Конюшенной и Покровкой. Князь Петръ Алексѣевичъ бывалъ также довольно часто и подарилъ мнѣ, когда я выздоравливалъ, гравюру воскресенія Лазаря, которую храню и теперь,

какъ память его дружбы. На святой недѣлѣ я пожелалъ причаститься Св. Таинъ. При исповѣди, въ началѣ болѣзни, при такой исповѣди, которая казалась мнѣ предсмертною, я былъ въ полномъ сознаніи. Я твердо помню каждое слово этой исповѣди. Какъ же я былъ пораженъ, когда духовникъ (тотъ же о. С., о которомъ я говорилъ уже неоднократно) сталъ увѣрять меня выздоравливающаго, будто бы я клятвенно обѣщался вступить въ братство свободныхъ каменщиковъ, если Господь сохранить мнѣ жизнь! Такая ужасная ложь, ложь служителя алтаря при совершеніи таинства, въ присутствіи Св. Даровъ Христовыхъ, привела меня въ ужасъ и омерзѣніе. Неужели члены этого братства имѣли такую крайнюю нужду въ новыхъ адептахъ? И какую пользу думали они извлечь изъ моей личности?

Выздоровленіе мое шло очень быстро; въ половинѣ Апрѣля, при отличной весенней погодѣ, мы переѣхали въ Сокольники, гдѣ я совершенно укрѣпился въ силахъ. Но еще прежде этого переѣзда навѣстилъ меня С. Д. Нечаевъ, очень радовался, что болѣзнь моя миновалась и желалъ мнѣ поскорѣе выздороветь и возвратиться къ своей службѣ въ канцелярію Комитета, гдѣ отсутствіе мое было, по словамъ его, очень ощутительно.

Но для меня эта служба казалась крайне непріятною и страшною, а мать моя и слышать объ ней не хотѣла. Впрочемъ, скоро представилась возможность другой, болѣе удобной и приличной службы. Въ это время былъ высочайше утвержденъ уставъ Московскаго Благотворительнаго Общества 1837 года; при немъ была вакансія помощника правителя дѣлъ, и новая предсѣдательница Общества княгиня Е. М. Голицына предложила мнѣ эту должность, съ тѣмъ, чтобы начать занятія съ 1 Сентября, а до тѣхъ поръ отдохнуть послѣ болѣзни. Я принялъ это предложеніе съ благодарностью и поспѣшилъ отказаться отъ службы въ Комитетѣ просящихъ милостыни, несмотря на самыя ласковыя убѣжденія и просьбы Нечаева.

Досуги лѣтняго времени я употребилъ на составленіе книжки. «Жизнь и чудеса Св. Николая Чудотворца». Пользуясь преимущественно Четьи-Минею и чудесами, напечатанными при службѣ сему угоднику Божію, я диктовалъ, а жившій у насъ во время вакацій другъ мой Данковъ писалъ подъ диктовку. Книжка поспѣла скоро; я поѣхалъ съ нею въ Лавру и тамъ, при пособіи Ѳ. А. Голубинскаго, дополнилъ ее изъ указанныхъ имъ источниковъ и отъ него же получилъ цензурное разрѣшеніе. Этотъ первый мой трудъ, напечатанный на мой счетъ, принесъ мнѣ хорошую прибыль; два завода (2.400 экземпляровъ) разошлись менѣе нежели въ годъ, второе изданіе, въ одинъ заводъ, также распро-

дано удачно. Послѣ того я продалъ право изданія книгопродавцу, и недавно видѣлъ эту книжку напечатанную 12-мъ изданіемъ.

Въ должность помощника правителя дѣлъ Московскаго Благотворительнаго Общества я вступилъ съ 1 Сентября 1842 г., сохранивъ притомъ званіе врача Арбатской школы. Я отчасти познакомилъ уже читателей съ цѣлью дѣятельности этого Общества и школъ его. Но тогда открывалась еще только вторая школа Арбатская, а теперь было уже семь школъ, а именно: Николаевская (въ Мѣщанской части), Арбатская, Прѣсененская, Хамовническая, Титовская (въ Серпуховской части, устроенная на счетъ казначея Общества В. М. Титова), Симоновская (въ Пятницкой части, основанная и обезпеченная почетн. гражд.  $\Theta$ . И. Симоновымъ) и Голицынская. Последняя изъ нихъ была устроена на капиталъ, собранный изъ пожертвованій, въ память незадолго скончавшейся предсѣдательницы общества княгини Т. В. Голицыной; болѣе половины этого капитала внесено супругомъ покойной, княземъ Д. В. Голицынымъ.

На каждую школу (кромя трехъ послѣднихъ, имѣвшихъ свои способы содержанія) отпускалось ежегодно по тысячѣ рубл. сер., а между тѣмъ у Общества не было достаточнаго наличнаго капитала. Нужно было изыскивать способы къ пріобрѣтенію нужныхъ денегъ, и эта забота, за отсутствіемъ правителя дѣлъ, князя Н. А. Щербатова, лежала на мнѣ. Несмотря на мою неопытность, я придумалъ и предложилъ дамскому совѣту два способа: 1) ежегодное устройство томболы—бала или маскарада съ большою лотереєю и съ двумя малыми, извѣстными подъ названіемъ аллегри, и 2) причисленіе къ штату Общества шести комиссіонеровъ изъ купечества. Эта послѣдняя мѣра требовала высочайшаго утвержденія. Не скоро и не безъ труда, но это утвержденіе наконецъ было получено, благодаря статсъ-секретарю Н. М. Лонгинову, черезъ котораго протоколы Общества были представляемы Государынѣ Императрицѣ. Такъ какъ комиссіонеры Общества пользовались увольненіемъ отъ общественныхъ выборовъ, то всѣ шесть мѣстъ были заняты очень скоро богатыми купцами: одинъ изъ нихъ (Королевъ) снабжалъ всѣ школы обувью для воспитанницъ; другой (Плигинъ) доставлялъ всѣ письменныя принадлежности для канцеляріи, также бумагу, аспидныя доски, учебныя книги и проч. для всѣхъ школъ; четверо остальныхъ вносили по 1000 рублей въ годъ. Кромѣ того Общество пользовалось участіемъ въ торговлѣ рукодѣльями, ежегодно учреждаемой въ залахъ благороднаго собранія графиней С. В. Паниною. Нѣсколько лѣтъ спустя, эта торговля, извѣстная подъ именемъ Базара, перешла вполне въ распоряженіе Общества.

Мало-по-малу число школъ стало увеличиваться; въ 1843 году мнѣ удалось, при усердномъ пособіи Ѳ. И. Симонова, склонить почетнаго гражданина А. В. Пищальникова на учрежденіе 8-й школы въ Рогожской части. Эта школа получила названіе Пищальниковской; благодѣтельный основатель ея внесъ 25 тысячъ рубл. сер. на ея содержаніе, но не согласился принять на себя званія коммиссіонера. Онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы школа была открыта въ Рогожской части, потому что предки его, старинные Московскіе купцы, болѣе ста лѣтъ жили и торговали въ этомъ краю Москвы. Памятникомъ ихъ благочестія и щедрости служить великолѣпная колокольня Андроньева монастыря.

Въ слѣдующіе затѣмъ годы, когда я уже занялъ мѣсто правителя дѣлъ, по увольненіи князя Щербатова, пожалованнаго въ генералъ-майоры, открыто еще нѣсколько школъ: Мясницкая, Срѣтенская, Якиманская, Суцевская и Басманная.

Не стану утомлять читателей подробностями о дѣйствіяхъ Общества, но не могу умолчать о заслугахъ нѣкоторыхъ дамъ, принявшихъ на себя званіе попечительницъ школъ и членовъ Совѣта.

Попечительница Хамовнической школы О. Н. Талызина, рожденная графиня Зубова, родная внучка по матери великаго Суворова, съ 1843 года сдѣлалась предсѣдательницею Общества, по увольненіи княгини Голицыной. Твердый умъ, постоянная, неутомимая дѣятельность, живое участіе въ каждомъ добромъ предпріятіи, неуклонное правдолюбіе безъ всякаго лицепріятія, всегда ровный и откровенный характеръ были отличительными ея свойствами и пріобрѣли ей всеобщее уваженіе.

Графиня Екатерина Александровна Зубова, рожденная княжна Оболенская, супруга роднаго брата О. Н. Талызиной, была въ полномъ смыслѣ душею всѣхъ дѣйствій и предпріятій общества: на Базарѣ она такъ усердно и неутомимо занималась продажею школьныхъ рукодѣлій, такъ умѣла привлечь покупателей своею любезностью и необыкновенною красотою, что почти ничего не оставалось непроданнымъ. Для каждой томболы лучшія вещи поступали всегда отъ очаровательной графини. Дѣвочкамъ Титовской школы она была истинною матерью, даже бѣдные родственники ихъ находили у нея помощь и участіе въ своихъ нуждахъ. На Базарѣ рукодѣлій, который назначался всегда на 6-й недѣлѣ великаго поста и оканчивался въ Лазареву субботу, подлѣ стола съ женскими работами, за которымъ торговала графиня, находился небольшой столикъ съ разными пирожками, тартинками и т. п. Эти припасы доставлялись изъ дома графини и разбирались публикой на расхватъ; продавали ихъ бѣднѣйшія изъ приходящихъ дѣвочекъ Титовской школы. Вся выручка раздавалась,

по окончаніи торга, семействамъ ихъ на розговѣнье къ празднику. Родственникамъ другихъ бѣдныхъ дѣвочекъ своей школы графиня, называвшая всѣхъ ихъ «своими дѣтками», посылала деньги. Эти выдачи пособій передъ праздникомъ Пасхи составляли не менѣе 200 р. ежегодно. Онѣ проходили черезъ мои руки подѣ строжайшимъ секретомъ. Къ несчастію, эта прекрасная жизнь продолжалась не долго: графиня скончалась 16 Августа 1844 года, на 32-мъ году, послѣ краткой болѣзни, въ имѣніи отца своего, князя А. П. Оболенскаго, близъ Калуги. Тѣло ея погребено въ Калужскомъ Лаврентіевомъ монастырѣ. Мраморный ангелъ на ея могилѣ напоминаетъ собою ангельскія свойства почившей. За годъ до кончины своей, проводя лѣтнее время въ деревнѣ мужа своего въ Суздальскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Золотниковской пустыни, она имѣла замѣчательный сонъ: она видѣла себя въ огромной полутемной церкви; передъ нею была очень большая икона Спасителя на убрусь, и какой-то сѣдой монахъ говорилъ ей: «молись Ему и помни Его праздникъ.» Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ къ нимъ въ деревню игуменъ Золотниковской пустыни и убѣдительно просилъ графа и графиню къ себѣ на праздникъ. Графиня никогда не бывала въ этой пустынѣ и уговорила мужа ѣхать туда вмѣстѣ съ нею. Но какъ была она поражена, когда взошла въ обширный, мало освѣщенный притворъ храма. Передъ нею стояла та самая икона, которую она видѣла во снѣ, и сѣдой монахъ, совершенно похожій на приснивагося ей прежде, повторилъ слова, слышанныя ею въ сновидѣніи. Возвратясь въ Москву она многимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, рассказывала этотъ замѣчательный случай; но ни она сама, ни тѣ, которымъ она передавала, не могли понять его значеніе. Только на другой годъ оно объяснилось намъ, когда графиня скончалась 16 Августа, въ праздникъ Нерукотвореннаго образа.

Арбатская школа болѣе всѣхъ прочихъ отличалась искусствомъ вышиванья и ежегоднымъ сборомъ заработанныхъ денегъ. Этими успѣхами школа была обязана не столько большому числу пансіонерокъ, сколько своей попечительницѣ. Т. А. Савина, рожденная Лунина, женщина уже пожилая и одинокая, имѣла необыкновенную способность управлять учебными и благотворительными заведеніями. Она была въ тоже время предсѣдательницею совѣта Елисаветинскаго Института (Дома Трудолюбія), а позднѣе замѣнила собою О. Н. Талызину въ званіи предсѣдательницы Благотворительнаго Общества. Съ многолѣтнею опытностію въ управленіи и твердымъ непреклоннымъ хорактеромъ, она умѣла строго держать въ рукахъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ и заставлять ихъ неутомимо работать изъ-за одного ласковаго слова. Она умѣла выбирать людей и рѣдко ошибалась въ выборѣ: надзирательница

Арбатской школы П. С. Владимирова была самой лучшей и самой дѣятельной изъ всѣхъ нашихъ надзирательницъ; она прослужила въ школѣ болѣе 25 лѣтъ и выслужила пенсію. Помощница ея Анна Грязева, бѣдная дѣвочка, отысканная мною въ подвалѣ и выросшая пенсіонеркою въ той-же школѣ, мастерски вышивала и умѣла передавать свое искусство воспитанницамъ.

Срѣтенская школа, хотя основанная гораздо позже, мало отставала отъ Арбатской въ качествѣ работъ и въ суммѣ заработанныхъ денегъ, благодаря заботливости своей попечительницы баронессы А. Ө. Корфъ, рожденной Ладыженской. Тогда еще не было у нея дѣтей, и она употребляла много времени и заботъ для усовершенствованія своей школы. Эта милая, добрѣйшая женщина памятна мнѣ въ другомъ отношеніи: домъ ея былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ въ Москвѣ; по понедѣльникамъ и четвергамъ собиралось тамъ лучшее общество и проводило время очень пріятно. Къ сожалѣнію, и баронеса Корфъ, также какъ графиня Зубова, прожила недолго; но обѣ онѣ остались навсегда незабвенными для тѣхъ, кто имѣлъ счастье знать ихъ.

Болѣе всѣхъ прочихъ школъ интересовала меня Симоновская. Тамъ, пользуясь неистощимымъ усердіемъ и щедростью Ө. И. Симонова, можно было предпринимать многое, недоступное для другихъ школъ по недостатку денежныхъ средствъ; такъ наприм. тамъ шили женскія платья, чепцы и шляпки, что для воспитанницъ, окончившихъ курсъ, было выгодиѣ вышиванья. Кромѣ того попечительницей школы была женщина, хотя очень молодая, но разумная и вполне способная къ руководству общественнымъ воспитаніемъ: Варвара Сергѣевна Ершова, рожденная княжна Вяземская. Она пользовалась наставленіями жившей съ нею матери ея княгини Е. Р. Вяземской, рожденной Татищевой, весьма умной, опытной (по долговременному управленію Домомъ Трудолюбія) и всѣми почитаемой старушки. Надзирательницей Симоновской школы была очень бойкая и дѣятельная дѣвица А. П. Смирнова. Общество было обязано ей пріобрѣтеніемъ дома на Татарской улицѣ. Вотъ какъ это случилось. Хозяйка этаго дома Жаркова была женщина больная параличемъ, одинокая, почти забытая родными. Смирнова, вмѣстѣ съ старшими пенсіонерками, изъ состраданія, ухаживала за больной и убѣдила ее отказать домъ, по духовному завѣщанію, Симоновской школѣ. Братъ завѣщательницы, Соковнинъ, пользовавшійся расположеніемъ и довѣріемъ князя С. М. Голицына, подалъ жалобу на незаконность завѣщанія, будто бы поддѣланнаго Смирновою. Возникло слѣдствіе, при которомъ я былъ депутатомъ со стороны Общества. Соковнинъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ, жаловался князю на меня, какъ на соучастника мнимаго подлога; князь передавалъ его жалобы гене-

раль-губернатору, который назначилъ отъ себя особаго чиновника для производства слѣдствія. Несмотря на все это, несправедливость притязаній Соковнина была доказана, завѣщаніе утверждено, а князь Сергій Михайловичъ, убѣжденный доставленною отъ меня запискою о дѣлѣ, удалилъ отъ себя Соковнина и съ того времени удостоивалъ меня благосклоннымъ вниманіемъ.

Счастливая во всѣхъ отношеніяхъ, Симоновская школа имѣла лучшаго изъ всѣхъ школьныхъ законоучителей—священника Скорбященской церкви, магистра VIII-го курса Московской академіи, П. С. Ляпидевского. Онъ умѣлъ преподавать законъ Божій и священную исторію до такой степени примѣняясь къ понятіямъ дѣтскаго возраста, что даже маленькія дѣвочки свободно отвѣчали на вопросы, поясняя заученный урокъ своими словами. Это удивляло всѣхъ на годовыхъ экзаменахъ, введенныхъ во всѣхъ школахъ по моему представленію.

Говоря объ этой школѣ, я вспоминаю одно милое дитя, занесенное судьбою въ Москву съ Кавказа. При взятіи одного аула, бывшій декабристъ М. М. Нарышкинъ спасъ одну маленькую дѣвочку, родители которой были убиты во время приступа; онъ прислалъ ее въ Москву къ сестрѣ своей княгинѣ Е. М. Голицыной, бывшей тогда предсѣдательницей Общества. Помѣщенная въ школу, пятилѣтняя Аишѣ была сначала дика, какъ маленькій звѣрокъ, не давалась никому въ руки, пряталась и кусалась. Впрочемъ скоро, при заботахъ и ласкахъ надзирательницы, она присмирѣла, въ нѣсколько мѣсяцевъ выучилась понимать по-русски и охотно сидѣла въ классѣ, при урокахъ закона Божія. Особенно нравилось ей согласное пѣніе воспитанницами молитвъ предъ началомъ ученія, передъ обѣдомъ и послѣ обѣда. Не прошло года, какъ малютка заговорила: «и я хочу Богу молиться, хочу молиться Христу и Богородицѣ, хочу въ церковь ходить». Графиня А. С. Панина, принимавшая особенное участіе въ дѣвочкѣ, по письмамъ брата своего В. С. Толстаго, служившаго тогда на Кавказѣ, вызвалась быть воспріемницей и дать Аишѣ свое имя при крещеніи, а я предложилъ себя въ воспріемники. Но дѣвочкѣ не понравилось имя Александры; она твердила: «Не хочу быть Сашей, хочу быть Надей. Меня ночью кличутъ: Надя, Надя пора тебѣ креститься». По желанію дѣвочки, ей дали при крещеніи выбранное ею имя. Но бѣдная Надя не вынесла нашего суроваго климата; въ началѣ весны она заболѣла кашлемъ и кровохарканьемъ, перевезена въ дѣтскую больницу и тамъ скоро умерла отъ чахотки. Я нѣсколько разъ навѣщалъ мою милую крестницу въ больницѣ; не задолго до смерти она рассказывала мнѣ, что слышитъ во снѣ прекрасное пѣніе. «Поютъ лучше нашихъ дѣвочекъ», прибавила она, «а они (неизвѣстно кто) говорятъ мнѣ: Надя, Надя, пора тебѣ къ намъ».

Въ семействѣ почтенной нашей предсѣдательницы О. Н. Талызиной я былъ принятъ какъ самый близкій человѣкъ. Здѣсь я былъ представленъ матери ея графинѣ Наталіи Александровнѣ Зубовой, дочери генералиссимуса князя Италійскаго, графа Суворова-Рымвикскаго. Она родилась 1-го Августа 1775 года. Чуждый покоя и въ войнѣ, и въ мирѣ, проводя жизнь въ непрерывной, изумительной дѣятельности, вдали отъ мирной семейной жизни, герой не могъ самъ заяться воспитаніемъ дочери. По просьбѣ его она была принята въ Смольный монастырь и тамъ воспитывалась подъ надзоромъ самой Государыни Екатерины II, желавшей доказать свое благоволеніе «къ своему генералу» (какъ называла она Суворова) особенною заботливостью о воспитаніи его дочери.

Между тѣмъ герой Сѣвера и на поляхъ брани не забывалъ своей Наташи, своей «Суворочки», какъ называлъ онъ любимую дочь.

Послѣ Кинбурнской битвы въ Октябрѣ 1787 года, онъ писалъ къ ней: «У насъ была драка посильнѣе той, когда вы другъ друга за уши дерете. И какъ мы танцевали: въ боку картеча, на рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошадкѣ мордочку оторвало. Письмомъ ты меня такъ утѣшила, что я плакалъ. Кто тебя такому красному слову учить? Боюсь, меня перещеголяешь! — Посмотрѣлъ бы я на тебя въ бѣломъ платицѣ! При свиданіи не забудь рассказать мнѣ исторію о великихъ мужахъ древности. Голубушка Суворочка, цѣлую тебя! Радъ говорить съ тобою о герояхъ; научи имъ послѣдовать»<sup>1)</sup>.

Прошло еще два года; съ береговъ Рымника, этой знаменитой рѣки, которой имя навсегда слилось съ именемъ Суворова, герой, украшенный первой степенью Св. Георгія, возведенный въ графское достоинство обѣихъ имперій (Русской и Римской) спѣшилъ подѣлиться радостью съ своей Суворочкой: «Comtesse des deux empires (графиня обѣихъ имперій), писалъ онъ ей, à cela (къ этому) надобно тебѣ всегда только благочестіе, благонравіе, добродѣтель. Скажи Софѣ Ивановнѣ и сестрицѣ: у меня горячка въ мозгу, да кто же выдержать? Слышала, сестрица, душа моя, еще de ma magnanime Mère (отъ моей великодушной Матери) рескриптъ на полулистѣ, будто Александру Македонскому, знаки Св. Андрея тысячъ въ пятьдесятъ, да выше всего первый классъ Св. Георгія! Вотъ каковъ твой папинька за доброе сердце; чуть право отъ радости не умеръ! Божіе благословеніе съ то-

---

<sup>1)</sup> Это письмо, списанное мною съ подлинника, хранившагося у покойной графини, кажется, еще нигдѣ не было напечатано, кромѣ моей брошюры: „Воспоминаніе о гр. Н. А. Зубовой. 1844 г.“

бой <sup>2)</sup>). Въ 1792 г. графиня Наталья Александровна вышла изъ Смольнаго монастыря и пожалована фрейлиной Государыни. Великая Екатерина, всегда умѣвшая достойно награждать заслуги, приблизила къ своей особѣ дочь побѣдоноснаго полководца. Суворовъ, возвратясь въ Петербургъ сокрушителемъ Праги и завоевателемъ Польши, нашелъ юную дочь свою въ чертогахъ Императрицы, помѣщенную близъ самой ея спальни. Въ 1796 году онъ отпраздновалъ въ Петербургъ свадьбу своей дочери съ графомъ Н. А. Зубовымъ.

Когда герой Рымникскій, возвращенный изъ деревенскаго уединенія для командованія Русскими и Австрійскими войсками противъ Французовъ, пользовался особою милостью императора Павла, произошелъ слѣдующій случай, слышанный мною отъ самой графини. Однажды Государь послалъ Ростопчина къ придворному ювелиру съ приказаніемъ доставить перстень съ большимъ брилліантомъ для подарка графу Суворову. Когда брилліанщикъ отозвался, что не имѣетъ въ готовности такого камня, а выпишетъ его изъ Голландіи, императоръ прогнѣвался и объявилъ, что сошлетъ мастера туда, гдѣ никто его не найдетъ. Къ удивленію, перстень съ огромнымъ солитеромъ былъ представленъ на другой-же день. Получивъ этотъ подарокъ отъ Павла 1-го, Суворовъ отвезъ его къ дочери, которая въ то время обѣдала и кинулъ его ей въ тарелку съ супомъ. Спустя нѣсколько дней, напуганный брилліанщикъ неожиданно явился къ графинѣ. «Бога ради не погубите меня», сказалъ онъ ей: «камень у васъ поддѣльный; я получилъ за него деньги изъ кабинета, и выписалъ настоящій солитеръ изъ Голландіи. Вы получите его мѣсяца черезъ два, а до тѣхъ поръ умоляю васъ сохранить тайну. Если Государь узнаетъ, я погибшій человекъ». Дѣйствительно графиня получила въ назначенный срокъ настоящій брилліантъ превосходной воды, величиною въ 20-ти копѣечную монету. Я видѣлъ этотъ камень; его цѣнили въ 12,000 р. с. Графиня недолго наслаждалась счастьемъ брачной жизни: въ 1805 г. скончался мужъ ея, оберъ-штабмейстеръ гр. Н. А. Зубовъ, оставивъ ее вдовою съ шестью малолѣтними дѣтьми—тремя сыновьями и тремя дочерьми.

Съ того времени жизнь графини Натальи Александровны была исключительно посвящена обязанностямъ матери. Почти сорокъ лѣтъ провела она въ тихомъ семейномъ кругу, утѣшаясь любовію и заботливостію дѣтей и внучатъ. Добрая христіанка, рѣдкая мать семейства, всегда сострадательная къ бѣднымъ и нуждающимся, ласковая, внима-

---

<sup>2)</sup> Подлинникъ этого письма находился у А. С. Талызина, получившаго оныя на память отъ графини, своей тещи.

гельная и радушная ко всѣмъ, кто только имѣлъ счастье знать ее, она была чужда всякаго тщеславія, суетности, мелкаго честолюбія. Уважаемая тремя монархами Россіи, дочь Суворова никогда ничего не искала ни для себя, ни для своего семейства. Московское высшее общество глубоко чтило графиню. Каждое воскресенье собирались у нея родные и ближніе знакомые, въ числѣ которыхъ постоянно бывалъ и я, пользуясь благосклоннымъ ея вниманіемъ. Всѣ знавшіе и умѣвшіе цѣнить достоинства графини Н. А. надѣялись, что мирная, благословенная старость ея будетъ продолжительна; самая крѣпость силъ и свѣжесть здоровья въ преклонныхъ лѣтахъ—послѣдствія правильной и добродѣтельной жизни—ручались, повидимому, за долговѣчность. Но судьбы Вышняго неисповѣдимы: внезапная вѣсть о ранней, неожиданной кончинѣ нѣжно любимой ею невѣстки графини Е. А. Зубовой (о которой сказано выше), сильно и глубоко огорчила ее. Съ того времени здоровье графини стало видимо ослабѣвать, появились признаки болѣзни, которая съ начала не казалась опасною, но постепенно усиливаясь, произвела совершенное изнуреніе и приблизила ее къ дверямъ гроба.

Графиня Н. А. скончалась 30 Марта 1844 года въ четвертокъ Св. Пасхи, на 69 году отъ рожденія. Кончина была достойна жизни ея, тиха и безмятежна, какъ кончина праведницы. Кроткая душа ея прошла мрачныя врата смерти, среди свѣтлыхъ дней Воскресенія. Тѣло графини Н. А. погребено въ Сергіевской пустыни, близъ Стрѣльны, въ семейной усыпальницѣ графовъ Зубовыхъ.

Воспоминанія увлекли меня слишкомъ далеко; я долженъ теперь возвратиться къ лѣту 1841 г. или лучше сказать ко времени выздоровленія моего послѣ тяжелой болѣзни.

Отдыхая въ Сокольникахъ за составленіемъ «Житія и чудесъ св. Николая», я случайно услышалъ отъ кого-то изъ друзей и собратій моего вотчима о необыкновенныхъ изображеніяхъ и надписяхъ въ церкви Архангела Гавріила, близъ Чистыхъ прудовъ. Во мнѣ возбудилось любопытство осмотрѣть эту церковь, извѣстную болѣе подъ названіемъ Меншиковой башни. Она построена первоначально свѣтлѣйшимъ княземъ А. Д. Меншиковымъ, повреждена громовымъ ударомъ и болѣе шестидесяти лѣтъ оставалась въ запустѣніи. Въ 1787 году нашлись ревнители, которые отстроили эту церковь и украсили ее не по обычаю православныхъ храмовъ, а съ мистическими эмблемами и изреченіями. По всей вѣроятности эти строители были масоны: они всегда любили подобныя изображенія съ Латинскими надписями. Такъ Н. И. Новиковъ, одинъ изъ главныхъ предводителей Русскаго масонства въ концѣ прошедшаго столѣтія, украсилъ приходскую церковь въ родовомъ своемъ имѣніи Бронницкаго уѣзда, въ селѣ Тихвинскомъ-Авдотинѣ, сивмоли-

ческою живописью на стѣнахъ по собственному его изобрѣтенію. Теперь эта живопись уже не существуетъ, и неизвѣстно, на какомъ языкѣ были надписи подъ изображеніями.

Снаружи церкви со всѣхъ сторонъ сдѣланы лѣпныя изображенія, съ надписями на церковно-славянскомъ языкѣ. Такъ съ западной стороны подъ лѣпнымъ образомъ Благовѣщенія подписано: «Домъ Мой домъ молитвы»; надъ дверью, ведущею на паперть: «Азъ есмь путь»; на паперти надъ дверью въ притворъ: «Путь заповѣдей Твоихъ текохъ». Съ южной стороны, подъ изображеніемъ Рождества Христова: «воскликните Богу Спасителю нашему», съ восточной (алтарной) стороны, подъ изображеніемъ Воскресенія Христова: «Се жертва тайная совершена дориносится», и еще подъ изображеніемъ потира: «Сія чаша новый завѣтъ», а подъ дискомъ со звѣздою: «И пришедъ звѣзда ста верху, идѣже бѣ Отроча». Съ сѣверной стороны подъ образомъ Богоявленія Господня: «Буди имя Господне благословенно отнынь и до вѣка».

Изнутри церковь была украшена мистическими живописными изображеніями съ надписями на Латинскомъ языкѣ; ихъ было очень много, но я записываю теперь только тѣ, которыя сохранились въ моей памяти. Подъ куполомъ было всевидящее око съ надписью: «illuxisti obscurum» (просвѣтилъ еси тьму); на стѣнахъ надписи: при кругломъ кольцѣ: «sine fine» (безъ конца); при столпѣ съ крестомъ и якоремъ— «spe et fortitudine» (надеждою и мужествомъ); при крестѣ, окруженномъ терновымъ вѣнцемъ: «salus nostra» (наше спасеніе); при жертвенникѣ съ курящимся ѡиміакомъ: «poenitentia» (покаяніе); при агнцѣ, держащемъ хоругвь: «delet peccata» (изглаждаетъ грѣхи); при пламенѣющемъ крылатомъ сердцѣ: «ascendit» (возносится).

Изображенія внутри алтаря: орелъ летящій къ солнцу; при немъ надпись: «virtute patrum» (доблестію предковъ); корона на столпѣ «existimatione nixa» (утверждена на уваженіи); лилія съ надписью: «candor non laeditur auro» (золото не портитъ бѣлизны); подъ изображеніемъ солнца, освѣщающаго долины и холмы подписано: «Non sibi, sed mundo» (не для себя, а для міра).

Митрополитъ Филаретъ въ 1852 году, черезъ благочиннаго протоіерея Другова, истребовалъ подробное описаніе этихъ изображеній и надписей и далъ слѣдующую резолюцію: «Неприлично для православной Русской церкви, что надписи на Латинскомъ, на языкѣ западной церкви. Западная хитрость и черезъ художниковъ старается распространять свои обычаи. Лилія съ надписью «candor non laeditur auro» не представляетъ ничего церковнаго. Корона съ надписью «existimatione nixa» представляетъ мысль нехристіанскую и немонархическую: царскій вѣнецъ не на мнѣніи человѣческомъ утверждается, но на установ-

леніи Божиємъ. Агнецъ съ хоругвию—изображеніе, запрещенное соборнымъ правиломъ. Посему предписать, чтобы эмблемы, чуждыя церкви и Латинскія надписи были уничтожены и замѣнены изображеніями и надписями принятыми церковью». Вскорѣ послѣ того изображенія и надписи исчезли безслѣдно.

Въ концѣ 1841 года открылась для меня еще новая служба. Непремѣнный секретарь Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, директоръ соединеннаго съ нимъ Общества Овцеводства, Степанъ Алексѣевичъ Масловъ предложилъ мнѣ должность секретаря при послѣднемъ изъ этихъ Обществъ. Онъ хорошо зналъ меня какъ по Г. И. Фишеру, при которомъ онъ долго служилъ, такъ и по связи своей съ Московскими масонами. Имѣя много свободнаго времени, я охотно согласился на его предложеніе. Служба моя при Обществѣ началась съ 1 Января 1842 года; она состояла въ заготовкѣ или переводѣ съ Нѣмецкаго и Французскаго статей по части овцеводства, которыя печатались ежемесячно, въ видѣ особаго прибавленія къ Журналу Сельскаго Хозяйства. Кромѣ того я долженъ былъ вести переписку (впрочемъ весьма необширную) съ членами Общества Русскими и иностранными. Отдѣльныя засѣданія Общества Овцеводства были очень рѣдки; по большей части они соединялись съ засѣданіями Общества Сельскаго Хозяйства, которое вскорѣ избрало меня въ свои дѣйствительные члены.

С. А. Масловъ, сынъ причетника, поступилъ изъ Славяно-греко-латинской академіи студентомъ въ Московскій университетъ въ 1809 году. Тамъ получилъ онъ степень магистра, а въ 1820 году—степень доктора правъ по защищеніи диссертации: «о системахъ политической экономіи», составлявшей любимую его науку. Въ томъ-же году онъ приглашенъ былъ занять мѣсто секретаря совѣта въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, а вскорѣ потомъ сдѣлался непремѣннымъ секретаремъ этого Общества. По его программѣ и подъ его редакціею съ 1821 г. до 1860 печаталось періодическое изданіе Общества сначала подъ названіемъ Земледѣльческаго Журнала, а позднѣе Журнала Сельскаго Хозяйства.

Незнакомый съ практическимъ сельскимъ хозяйствомъ, онъ приготовленъ былъ наукою политической экономіи смотрѣть на важность развитія народныхъ силъ и источниковъ народнаго богатства, представлявшихся въ Россіи по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Это руководило его въ совѣщаніяхъ Общества Сельскаго Хозяйства, равно какъ въ изданіи журнала и въ составленіи при Обществѣ особаго отдѣленія подъ названіемъ Общества Овцеводства и комитетовъ: гг. сахароваровъ и картофельно-паточной промышленности, шелководства, льняной промышленности и всенароднаго распространенія грамотности,

въ коихъ онъ былъ директоромъ и главнымъ дѣтелемъ. По его мысли, П. И. Прокоповичъ завелъ въ Батуринѣ школу пчеловодства, а А. Ѳ. Ребровъ дѣятельно занялся шелководствомъ на Кавказѣ.

Для ознакомленія себя съ практическимъ, рациональнымъ земледѣіемъ и сельскимъ хозяйствомъ, Степанъ Алексѣевичъ перевелъ и издалъ въ 1822 году книгу Людвигъ Фишера. «О плодоперемѣнномъ хозяйствѣ», потомъ перевелъ классическое сочиненіе знаменитаго Тэера: «О рациональномъ сельскомъ хозяйствѣ». По овцеводству онъ перевелъ сочиненія Жютама и Перольта о шерсти и овцахъ и Коппе, сотрудника Тэера: «О разведеніи и содержаніи мериносовъ».

Обративъ вниманіе на зимнюю народную одежду, онъ, въ теченіи болѣе 20 лѣтъ, настойчиво содѣйствовалъ распространенію дубленія овчинъ для зимней одежды несравненно болѣе прочной и красивой, нежели обыкновенные недубленые полушубки и тулупы.

Нравственный характеръ С. А. Маслова выше всякаго описанія. Съ неутомимымъ трудолюбіемъ онъ соединялъ горячую любовь ко всему доброму и полезному. Безкорыстный въ высшей степени, онъ во всю жизнь свою не воспользовался чужою копѣйкою, хотя родился бѣднякомъ и до самой смерти жилъ только жалованьемъ и пенсією, да и изъ этихъ доходовъ жертвовалъ для общей пользы охотнѣе, нежели многіе богатые люди. Зная нужду по опыту, онъ помогалъ всякому, кто-бы къ нему ни обращался и давалъ нуждающимся все, что могъ. Съ живымъ участіемъ онъ готовъ былъ просить и настойчиво ходатайствовать о всѣхъ страждущихъ и угнетенныхъ, безъ всякаго лицепріятія. Но при этихъ высокихъ качествахъ, Масловъ имѣлъ свои недостатки: чуждый хитрости и лукавства, онъ не подозрѣвалъ этихъ свойствъ и въ другихъ людяхъ, а потому нерѣдко бывалъ обманутъ ловкими интриганамъ. Главнымъ недостаткомъ Маслова была вспыльчивость: онъ не выносилъ противорѣчій и въ спорахъ разгорячался иногда такъ, что не могъ удерживать своей раздражительности. Твердый, непреклонный тонъ, не полированный въ свое время свѣтскимъ воспитаніемъ, возстановлялъ противъ него нѣкоторыхъ изъ членовъ Общества, которые увѣряли, что онъ хочетъ править Обществомъ самовластно, не обращая никакого вниманія на мнѣнія другихъ. Но объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

Въ 1844 году основатель и первый президентъ общества князь Д. В. Голицынъ умеръ въ Парижѣ. На мѣсто его былъ избранъ графъ П. А. Толстой, но и онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался. Преемникъ его, князь С. И. Гагаринъ былъ челоѣкъ много свѣдущій, благонамѣренный, но не довольно твердый характеромъ.

Изъ трехъ бывшихъ при нѣмъ президентовъ Общества Сельскаго Хозяйства, первый князь Д. В. Голицынъ мало зналъ меня до дѣла съ

Соковнинымъ, по которому онъ слышалъ на меня напрасныя жалобы. Но по окончаніи этого дѣла, увѣрившись въ моей правотѣ, онъ былъ постоянно ко мнѣ ласковъ и внимателенъ. Помню, какъ однажды въ засѣданіи Общества онъ понюхалъ изъ моей табакерки Русскаго табаку и сказалъ: «C'est du gazon en poudre» (это дерновая земля въ порошокъ). Вся Москва очень любила этого генераль-губернатора и долго жалѣла о его кончинѣ. Тѣло его привезено изъ за-границы и торжественно погребено въ Голицынской церкви Донскаго монастыря.

Графъ П. А. Толстой, старикъ заслуженный, уважаемый Государемъ, прямодушный и правдолюбивый, былъ недоступенъ ни проискамъ, ни лести. Даже князь Петръ Долгорукій, обругавшій въ дрянной своей книжонкѣ всѣхъ современныхъ ему значительныхъ людей въ Россіи, не могъ изобрѣсти никакой клеветы на графа П. А. и сравнивалъ его съ Баярдомъ, рыцаремъ безъ страха и упрека. Любя С. А. Маслова, графъ П. А. по немъ полюбилъ и меня. Я часто бывалъ у него, и въ старинномъ домѣ его въ Леонтьевскомъ переулкѣ, и въ подмосковномъ селѣ Ускомѣ, по временамъ читалъ ему книги и журналы. Онъ считалъ меня родственникомъ и говорилъ мнѣ: «вѣдь ты мнѣ внукъ; дѣдушка твой былъ мнѣ внучатный братъ». Когда я былъ представленъ къ званію камеръ-юнкера, статсъ-секретарь Н. М. Лонгиновъ, въ письмѣ къ О. Н. Талызиной, изъявилъ желаніе, чтобы это ходатайство было подкрѣплено благопріятнымъ отзывомъ исправлявшаго должность генераль-губернатора князя А. Г. Щербатова. Услышавъ объ этомъ отъ меня, графъ П. А. сказалъ: «Какіе пустяки! Зачѣмъ Щербатова тревожить? Вотъ я объ тебѣ напишу, такъ меня послушаютъ». И дѣйствительно министръ двора, фельдмаршалъ князь П. М. Волконскій, въ самый день моего пожалованія (10 Января 1844 г.) увѣдомилъ графа, что я пожалованъ на основаніи письма его, доложеннаго Государю. Графъ П. А. скончался внезапно, отъ апоплексическаго удара, 30 Октября того-же года. Могила его въ Донскомъ монастырѣ.

Имѣя довольно свободнаго времени (несмотря на служебныя занятія въ двухъ вѣдомствахъ, на вечера, балы и другія свѣтскія увеселенія) и пользуясь имъ, я составилъ, при сотрудничествѣ друга моего Данкова, «Сказаніе о чудотворной Иверской иконѣ Божіей Матери». Эта небольшая книжка была на разсмотрѣніи у митрополита Филарета, который измѣнилъ въ ней нѣсколько выраженій и совершенно исключилъ свѣдѣнія о другой Иверской иконѣ, находящейся въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и принадлежавшей первоначально царевнѣ Софьѣ. Прибыль отъ перваго изданія книжки была порядочная; потомъ я передалъ ее въ пользу Иверской часовни. Она имѣла еще нѣсколько изданій.

Этотъ трудъ, послѣдній въ сообществѣ съ Данковымъ, былъ напечатанъ передъ самымъ отъѣздомъ послѣдняго изъ Москвы. Онъ кончилъ курсъ лекаремъ и получилъ мѣсто въ Астрахани при Калмыцкомъ управленіи. Недолго прожилъ тамъ мой добрый другъ Иванъ Ивановичъ Данковъ; въ слѣдующемъ году онъ сильно простудился на Волгѣ, получилъ воспаленіе въ легкихъ и умеръ отъ чахотки.

Въ началѣ 1845 года въ Обществѣ С. Х. возникли несогласія, шумныя пренія и раздоры. Соединилась цѣлая партія членовъ (не стану называть ихъ по именамъ) съ цѣлью удалить Маслова отъ должности непременнаго секретаря. При единствѣ цѣли, побужденія были разныя: одни желали властвовать и распоряжаться по своему усмотрѣнію; другіе желали себѣ прибыли, которую трудно было нажить при Масловѣ; наконецъ, третьи дѣйствовали по личному къ нему нерасположенію. Вожакомъ всей интриги былъ нѣкто Х—въ, который, при посредствѣ Маслова, назадолго передъ тѣмъ поступилъ въ дѣйствительные члены Общества Овцеводства и по его рекомендаціи былъ выбранъ въ предсѣдатели этого Общества и получилъ въ свое завѣдываніе Учебный Хуторъ. Къ сожалѣнію, С. А. самъ подалъ поводъ къ непріятной для него исторіи, и вотъ какимъ образомъ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, двое молодыхъ лекарей были отправлены, на счетъ Общества, въ Германію, для обученія сельскому хозяйству въ Гогенгеймѣ, причемъ въ протоколѣ было сказано, по неосмотрительности Маслова, что они должны получить, по возвращеніи изъ-за границы, мѣста директоровъ Земледѣльческой Школы и Учебнаго Хутора. Въ это время они возвратились; одинъ изъ нихъ П. М. Преображенскій тотчасъ же занялъ мѣсто на хуторѣ, но другой Я. Н. Калиновскій не могъ получить обѣщанной должности, потому что директорское мѣсто въ школѣ было занято родственникомъ князя А. Г. Щербатова, который сильно ему покровительствовалъ и потому присталъ къ партіи, враждебной Маслову. Тогда члены этой партіи стали громко и настойчиво требовать, чтобы при невозможности исполнить протоколъ и при несогласіи Калиновскаго принять на себя учительскую должность вмѣсто директорской, непремѣнный секретарь самъ уступилъ ему свое мѣсто. Благонамѣренныя члены, умѣвшіе цѣнить заслуги Маслова, крѣпко стояли за него, и по счастью они составляли большинство голосовъ. Предсѣдатель князь С. И. Гагаринъ, осаждаемый то съ той, то съ другой стороны, видимо колебался и не могъ, по недостатку твердости, водворить спокойствіе въ засѣданіяхъ Общества. Но къ веснѣ мало по малу успокоилась тревога, тѣмъ болѣе что 20-го Мая предстоялъ 25-лѣтній юбилей Общества; Масловъ занялся составленіемъ цѣлой книги къ этому дню и не являлся въ засѣданія. На хуторѣ, несмотря на сопроти-

вленіе Х—ва, возникла хотя небольшая, но очень прилично расположенная выставка, которую устроили нѣсколько членовъ Общества: земледѣльческими орудіями и машинами, привезенными отъ Бутеноповъ и Вильсона, завѣдывалъ П. В. Зиновьевъ; предметами земледѣлія, образцами зерновыхъ хлѣбовъ, кормовыхъ травъ и проч.—князь В. П. Волконскій; предметы огородничества, садоводства, шелководства, коллекція мериносовыхъ рунъ и проч. находились въ моемъ завѣдываніи. Описаніе этой выставки, приготовленной за три дня, было также составлено мною.

Юбилей общества былъ торжествомъ для Маслова и посрамленіемъ враговъ его. Впрочемъ, большая часть изъ нихъ не показались ни въ засѣданіи, ни на обѣдѣ, ни на выставкѣ. Присланный отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ директоръ департамента А. И. Левшинъ вручилъ С. А. Маслову, отъ лица Государя, украшенную брилліантами табакерку съ вензелемъ его величества. Знаменитый мореплаватель, адмиралъ П. И. Рикордъ, привѣтствовалъ его прекрасною рѣчью отъ имени Вольнаго Экономическаго Общества. Директоръ и инспекторъ Земледѣльской Школы получили ордена, помощники С. А., въ томъ числѣ и я—подарки изъ кабинета. На обѣдѣ юбилейномъ и на другой день на завтракъ, предложенномъ на хуторѣ послѣ выставки, пили за здоровье Маслова съ восторгомъ и шумными рукоплесканіями. Одинъ изъ пріятелей Х—ва вздумалъ, на хуторѣ, предложить тостъ за его здоровье: никто не отозвался, и никто не сталъ пить. Такъ кончилось 25-лѣтіе Общества, и съ того времени возвратились прежнее спокойствіе и полезная дѣятельность въ его собраніяхъ.

Въ послѣдующее затѣмъ лѣтнее время я воспользовался отдыхомъ и провелъ нѣсколько дней въ Каменкахъ и въ Сергіевскомъ посадѣ. Тутъ я впервые увидѣлъ Геосиманскій скитъ на той Корбухѣ, гдѣ часто гулялъ и купался въ былое время. Исторія этой пустыни очень замѣчательна. У намѣстника лавры Антонія родилась мысль устроить скитъ на Корбухѣ, и онъ написалъ о томъ митрополиту. «Мысль о скитѣ», отвѣчалъ Филаретъ отъ 18 Сентября 1841 года, «очень вожделѣнна, но требуетъ не малаго размышленія. Корбуха не довольно безмолвна, хотя бы и ограждена была. Виоанія была бы безмолвнѣе, если-бы не семинарія. Если шумъ тростника, какъ замѣтилъ нѣкто изъ отцевъ, не благопріятствуетъ безмолвію, не больше ли многое, слышанное на Корбухѣ и изъ посада, и отъ близъ лежащей дороги, особенно когда ѣдутъ по ней послѣ торга и винопитія? Желаю говорить о семъ болѣе лично». Два года спустя, священникъ села Подсосеня (принадлежавшаго нѣкогда Лаврѣ, въ 3 верстахъ отъ Виоаніи) просилъ дозволенія разобрать деревянную Успенскую церковь въ этомъ

селѣ, и матеріалъ употребить на отопку печей въ новой каменной церкви. О. Антоній, по осмотрѣ церкви, донесъ митрополиту, что церковь начинаетъ приходить въ ветхость, но легко можетъ быть исправлена и простоять долго; желательно было бы сохранить ее, какъ примѣчательную по кораблевидному фасаду и потому, что она выстроена преп. Діонисіемъ, архимандритомъ Лавры. Митрополитъ согласился съ мыслию намѣстника; церковь была перевезена на Корбуху и поставлена въ глубинѣ рощи, далеко отъ шума большой дороги. Къ церкви пристроенъ былъ домъ для лѣтняго пребыванія митрополита; тогда же собралось небольшое число подвижниковъ и постниковъ, несмотря на строгій уставъ новаго скита. Такимъ образомъ основаніе этого убѣжища для любителей безмолвія было дѣломъ о. Антонія. Филаретъ писалъ къ нему въ 1847 году: «Геосиманскаго скита не было бы, если бы на вашемъ мѣстѣ былъ другой, даже изъ пользующихся моею довѣренностью; потому что, не довѣряя себѣ, не имѣлъ бы я довольно довѣренности къ тому, что дѣло сдѣлается порядочно, не будетъ затрудненія въ способахъ, и можно надѣяться нѣкотораго духовнаго плода. Только полная довѣренность къ вашему духовному разсужденію и къ чистотѣ намѣренія расположили меня рѣшиться на дѣло, не принимая въ расчетъ возможныхъ непріятностей за несоблюденіе формы предъ начальствомъ».

Послѣ того я много разъ бывалъ въ скитѣ. Тамъ устроилось еще нѣсколько церквей; въ числѣ ихъ особенно заслуживаетъ вниманія небольшой храмъ въ честь Воскресенія Христова, въ которомъ, вмѣсто колоннъ въ иконостасѣ и вокругъ престола, поставлены зеленѣющія пальмовыя деревья, такъ искусно сдѣланныя, что съ перваго взгляда можно почестъ ихъ за натуральныя. Близъ этой церкви, у подножія большаго креста, покоятся схимники Матѣій и Харитонъ. Я упомянулъ о нихъ въ первой главѣ этихъ воспоминаній, но не разсказалъ причины общаго уваженія къ ихъ памяти. Теперь передаю слѣдующій разсказъ: «Изъ города Александрова (Владимирской губерніи, въ 45 верстахъ отъ Лавры) пришелъ въ скитъ мѣщанинъ и просилъ, чтобы отслужили панихиду по двумъ схимникамъ Харитонъ и Матѣіи, погребеннымъ въ скитѣ. На вопросъ, какъ онъ ихъ зналъ, онъ отвѣчалъ: я не зналъ ихъ, но вотъ какое благодарѣніе они оказали въ моемъ семействѣ. Съ годъ, какъ пожелала дочь моя въ монастырь въ Суздаль. Нѣсколько разъ просили мать-игуменью принять, но та не принимала ее безъ взноса. Дочь двѣ недѣли назадъ опять пошла и, кланяясь въ ноги, просила мать игуменью, а она рѣшительно отказала. Дочь въ горѣ пошла къ одной монахинѣ въ келью; много плакавши уснула и видитъ во снѣ, что два схимника молятся о ней передъ образомъ Бого-

матери, именно просить, чтобы Матерь Божія повелѣла игуменьѣ принять эту дѣвицу въ монастырь. Чрезъ икону Матерь Божія говорить, что исполняетъ прошеніе ихъ, и уже повелѣла принять эту дѣвицу. Икона скрылась, а схимники обращаются къ дѣвицѣ и говорятъ: завтра послѣ утрени, поди къ игуменьѣ, и будешь принята. Дѣвица во снѣ бросается къ ногамъ старцевъ и говоритъ: батюшки, да какъ же мнѣ васъ называть, и откуда вы? Старцы отвѣчаютъ: мы изъ скита Геосиманія, схимники Харитонъ и Матѣй. Дѣвица просыпается и спѣшитъ на благовѣсть къ утрени; послѣ утрени падаетъ опять къ ногамъ игуменьи; та поднимаетъ ее, говоря: приходи, приходи, приму, и ничего не надо; видишь, за тебя встаютъ схимники Геосиманскаго скита. Такъ дѣвица осталась въ монастырѣ, а отцу поручила совершить панихиду, въ видѣ благодарности, по Харитонъ и Матѣй<sup>1)</sup>.

Лѣто, такъ блистательно начатое для меня побѣдою С. А. Маслова надъ всѣми его недоброжелателями, окончилось свадьбою моей милой кузины Вариньки Сумароковой. Княгиня Н. А. Черкаская сосватала ее за своего дальняго родственника князя Е. А. Черкаскаго. Между женихомъ и невѣстою едва-ли была горячая любовь. Кажется, я не ошибусь, если скажу, что одинъ искалъ состоянія, а другая приличнаго положенія въ свѣтѣ. Мать моя, любившая Вариньку, какъ родную дочь, благословила ее въ Москвѣ, а я ѣздилъ на свадьбу въ Костромскую губернію. Вѣнчаніе происходило въ старинной церкви села Краснаго, 26 Сентября 1845 г., а свадебный пиръ въ Луневѣ, въ домѣ покойнаго дѣдушки А. А. Сумарокова. Со стороны невѣсты были: тетушки В. А. Коптева съ мужемъ и дочерью (при которой была очень хорошенькая компаньѣнка В. А. \*\*\*), братъ Николай Сумароковъ, Н. М. Шигарина и я. Младшій изъ Сумароковыхъ, Сережа служилъ тогда юнкеромъ на Кавказѣ. Съ женихомъ пріѣхали изъ Москвы мать его, сестра С. А. Рябинина и два брата; младшій изъ нихъ князь В. А. Черкасскій, тогда еще очень молодой человѣкъ, позднѣе пріобрѣлъ повсемѣстную и вполне заслуженную извѣстность своими трудами по крестьянскому дѣлу, по устройству Польши послѣ возмущенія 1863 г. и по управленію Болгаріей во время послѣдней войны.

Во время этой поѣздки, въ сухую и теплую осень, я останавливался въ Переславль-Залѣскомъ и Ростовѣ. При составленіи книжки объ Иверской иконѣ Б. М., развила въ мнѣ охота къ занятіямъ археологическимъ, а потому мнѣ хотѣлось осмотрѣть и изучить древности этихъ двухъ старинныхъ городовъ.

<sup>1)</sup> Монастырскія письма. Изд. 2-е, стр. 39—41.

Слѣдующій за тѣмъ 1846-й годъ памятенъ мнѣ по освобожденію отъ несносныхъ скитаній съ мѣста на мѣсто. Послѣ того, какъ вотчимъ мой въ 1834 г. продалъ свой домъ за Екатерининской больницей, мы почти ежегодно переезжали съ мѣста на мѣсто: съ Малой Дмитровки въ домъ Остермана (гдѣ теперь Духовная Семинарія), оттуда въ Суцевскую часть, изъ Сущева на Прѣсню, съ Прѣсни въ Добрую Слободку близъ Покровки, съ Покровки въ Подновинское, и наконецъ оттуда въ Старую Басманную. Ни одинъ изъ всѣхъ исчисленныхъ мною домовъ не оказался удобнымъ для моей матери, по болѣзненному ея состоянію, а между тѣмъ эти переезды были истиннымъ мученіемъ для насъ и для нашей прислуги. Сколько вещей терялось и ломалось, сколько времени было потрачено на уборку въ каждой новой квартирѣ! Вотчиму моему не хотѣлось тратить своихъ денегъ на покупку дома, а у матери и у меня вовсе ихъ не было. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, я рѣшился перезаложить свое Орловское имѣніе и купилъ съ аукціона за 6000 руб. сер. очень прочный и помѣстительный домъ на Средней Прѣснѣ. Не близко было отъ центра города, но за-то спокойно и тепло, а, главное, мы избѣжали всѣхъ непріятностей отъ переездовъ. При домѣ былъ большой садъ, мать моя перестала съ того времени перебираться на лѣто въ Сокольники, а мужъ ея продалъ выгодно свою дачу.

Эти два года оставили мнѣ пріятное по себѣ воспоминаніе. За-то 1847 годъ былъ для меня очень прискорбнымъ. Лѣтомъ привезли въ Москву Вариньку Черкасскую. Съ нею были мужъ ея и кузина Е. С. Завязкина съ своей хорошенькой компаньёнкой. При первомъ взглядѣ на мою дорогую двоюродную сестру, я убѣдился, что она страдаетъ чахоткою въ послѣднемъ періодѣ. Она была беременна во второй разъ и скоро родила сына, названнаго Петромъ, въ честь отца ея; первый сынъ носилъ имя Ипполита, данное ему въ память дяди, убитаго на Кавказѣ. Послѣ разрѣшенія отъ бремени, она не приходила уже въ память и черезъ нѣсколько часовъ скончалась. Такъ рано увяло это милое, прелестное созданіе! Тѣло ея погребено въ Даниловомъ монастырѣ, между могилами Черкасскихъ, родныхъ мужа ея.

Осенью того-же года открылась въ Москвѣ эпидемическая холера. Она не внушала уже такого всеобщаго страха, какъ первая холера 1830 года, но смертность была довольно сильна. Вотчимъ мой боялся болѣзни столько-же, какъ и при первомъ появленіи ея въ Москвѣ, постоянно тосковалъ и однажды, посѣтивъ духовника своего (того же о С.), исповѣдался и причастился у него въ церкви. Онъ страдалъ постоянно разстройствомъ желудка, и это еще болѣе пугало его; 4-го Ноября поутру, открылись у него легкіе холерные признаки, а послѣ

обѣда сильнѣйшія судороги. При всѣхъ стараніяхъ друга своего, доктора Веселовскаго, больной не могъ вынести этихъ судорогъ и черезъ два часа умеръ. У меня также открылись признаки холеры, но довольно слабые, такъ что я скоро выздоровѣлъ. Меня сильно беспокоила мысль: что будетъ съ моей бѣдной матерью, которая была такъ сильно привязана къ своему мужу? Но къ счастью, она благополучно перенесла свое горе, хотя много плакала и долго тосковала. Здоровье ея не пострадало нисколько, а съ наступленіемъ слѣдующаго лѣта, она чувствовала себя лучше, нежели прежде.

Что касается меня, то смерть вотчима искренно огорчила меня. Кромѣ того, что послѣднее время мы жили съ нимъ очень согласно и дружно, мнѣ предстояла непріятная необходимость взять на свои плечи обузу распоряженій по хозяйству и управленію имѣніями.

Въ тоже время печаталась въ Читеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ моя книга: «Древнія святыни Ростова Великаго». Это общество почтило меня избраніемъ въ дѣйствительные члены и выдало мнѣ 600 экземпляровъ книги (изъ нихъ 300 на моей бумагѣ). Продажею книгъ я воротилъ свои расходы на бумагу и рисунки. Должно сказать правду, что въ этомъ сочиненіи было много ошибокъ и недостатковъ; глава о древнемъ Ростовскомъ соборѣ, благодаря подробнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ почтеннаго протоіерея А. Т. Тихвинскаго, была лучше другихъ. Еще заслуживали вниманія свѣдѣнія о первоначальникахъ Борисо-Глѣбскаго монастыря, старцахъ Θεодорѣ и Павлѣ, и о затворникѣ Иринархѣ, сообщенныя А. В. Горскимъ изъ старинныхъ рукописей и тогда въ первый разъ напечатанныя. Позднѣе тоже сочиненіе, въ исправленномъ видѣ, имѣло еще два изданія, которыя разошлись довольно скоро и дали мнѣ порядочную прибыль. Эти книги продавались большею частью въ Ростовѣ, въ монастыряхъ и церквяхъ, съ предоставленіемъ въ пользу ихъ пятой части выручки.

Въ слѣдующее лѣто я провелъ нѣсколько дней въ Каменкахъ, вмѣстѣ съ Андреемъ Антоновичемъ Ковальскимъ. Въ своемъ мѣстѣ я не успѣлъ упомянуть объ этомъ добромъ и почтенномъ человѣкѣ. Онъ завѣдывалъ пробирною палаткою въ Московскомъ Горномъ Правленіи и познакомился, черезъ Голембовскаго, съ моимъ вотчимомъ, который крестилъ у него сына. Въ послѣдніе годы я очень съ нимъ сблизился.

Два новыхъ знакомства сдѣлали для меня памятнымъ 1848 годъ. Давно уже встрѣчалъ я въ домѣ почтенной княгини Вяземской баронессу Н. Θ. Боде, рожденную Колычеву, супругу гофмейстера; но услышавъ однажды отъ Вариньки Сумароковой, что доступъ въ домъ ея очень труденъ для незнакомыхъ, и никогда къ ней не напраши-

вался. Въ эту зиму она сама пригласила меня. Много пріятныхъ вечеровъ провелъ я въ дворцовомъ флигелѣ, занимаемомъ семействомъ Боде, о которомъ до сихъ поръ вспоминаю съ удовольствіемъ и живѣйшею благодарностью. Глава семьи—баронъ Левъ Карловичъ Боде въ молодости отличался храбростію, за которую былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ, а въ старости, какъ членъ Дворцовой Конторы, занимался постройкою и отдѣлкою новаго, великолѣпнаго Кремлевскаго дворца. Человѣкъ въ высшей степени честный и благородный, весьма любезный въ обществѣ и ласковый ко всѣмъ, безъ малѣйшей тѣни чванства, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Достойная супруга его была примѣрною матерью семейства и самую радушною хозяйкою.

Другое новое знакомство, весьма пріятное и полезное для меня, пріобрѣтено мною въ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Когда сенаторъ Ѳ. В. Акинфовъ, послѣ непріятныхъ отношеній къ Маслову, отказался отъ званія вице-президента, мѣсто его занялъ генералъ-адъютантъ Сергѣй Павловичъ Шиповъ, незадолго предъ тѣмъ поселившійся въ Москвѣ, вмѣстѣ съ супругою своею Анной Евграфовною, рожденной графиней Комаровскою, нѣкогда любимой фрейлиной императрицы Маріи Ѳеодоровны. Объ нихъ буду говорить подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

Къ веснѣ Кремлевскій дворецъ былъ совершенно готовъ, и въ свѣтлый день Пасхи совершилось торжественное открытіе его, въ присутствіи императора Николая I и всего царскаго семейства, въ томъ числѣ в. к. Ольги Николаевны и супруга ея. День открытія дворца былъ ознаменованъ многими царскими милостями. Баронъ Л. К. Боде получилъ вдругъ нѣсколько наградъ, которыя онъ вполнѣ заслужилъ, представивъ остатокъ отъ суммъ, асигнованныхъ на построеніе дворца, въ количествѣ свыше милліона рублей серебромъ. Не стану описывать праздниковъ и торжествъ во время пребыванія Двора въ Москвѣ; расскажу только въ чемъ я лично былъ участникомъ.

Во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, камеръ-фрейлина А. А. Окулова, бывшая воспитательница в. к. Ольги Николаевны, на этотъ разъ находившаяся въ Москвѣ при ея высочествѣ, призвала меня къ себѣ и объявила, что великая княгиня съ супругомъ ѣдутъ смотрѣть одну изъ школъ. «Скажите, въ какую лучше ѣхать?» спросила она. Я назвалъ Симоновскую школу и поспѣшилъ увѣдомить предсѣдательницу О. Н. Талызину, В. С. Ершову и законоучителя. Едва успѣлъ я пріѣхать въ школу и тамъ нѣсколько приготовиться къ пріему высокихъ гостей, какъ появилась коляска съ ихъ высочествами, и за ними А. А. Окулова въ придворной каретѣ. Сзади ѣхалъ на извозникѣ законоучитель П. С. Ляпидевскій. Ни одна изъ дамъ не поспѣла во время,

такъ что я одинъ встрѣтилъ великую княгиню и ея супруга. По осмотрѣ всего помѣщенія школы, ея высочество попросила священника проэкзаменовать воспитанницъ, въ ея присутствіи, изъ закона Божія и была удивлена отличными ихъ успѣхами. При осмотрѣ рукодѣлій, я имѣлъ честь поднести ей великолѣпно вышитую шелками мантилью для государыни императрицы и вышитые золотомъ по алому бархату воздухи и пелену для придворной церкви въ Штутгартѣ. Подарки эти очень понравились. На другой день митрополитъ Филаретъ, обѣдая во дворцѣ, услышалъ отъ государыни императрицы и великой княгини много похвалъ законоучителю Симоновской школы, при чемъ Государь сказалъ: «нужно непременно наградить его». Призвавъ къ себѣ священника Ляпидевского, владыка похвалилъ его за служебныя заслуги, оцѣненные августѣйшими лицами и объявилъ, что въ слѣдующее воскресенье намѣренъ посвятить его въ санъ протоіерея. «Хотя я не имѣю на то права безъ соизволенія Св. Синода, но на этотъ разъ донесу ему для свѣдѣнія, что посвятилъ тебя по именному высочайшему повелѣнію». Это награжденіе П. С. Ляпидевского, за безмездные и примѣрные труды его, очень меня обрадовало.

Въ Іюлѣ того же года я былъ въ Петербургѣ, прикомандированный, отъ Общества Сельскаго Хозяйства, къ мануфактурной выставкѣ, на которой было много земледѣльческихъ орудій и машинъ; я осмотрѣлъ образцовое хозяйство въ Лиговкѣ и древесныя плантаціи въ Лѣсномъ Институтѣ, гдѣ былъ весьма ласково принятъ министромъ государственныхъ имуществъ, графомъ П. Д. Киселевымъ, постоянно благосклоннымъ ко мнѣ по службѣ моей въ его вѣдомствѣ.

Въ Знаменскомъ дворцѣ, близъ Петергофа, я имѣлъ честь представить в. к. Ольгѣ Николаевнѣ шитье для нахттиша (туалета), заказанное ею при посѣщеніи Симоновской школы; принять я былъ очень милостиво.

По возвращеніи изъ Петербурга, я опять ѣздилъ въ Каменки и тамъ принималъ дорогихъ гостей: Ѳ. А. Голубинскаго съ двумя сыновьями и П. С. Делицина. Они впервые были тамъ въ гостяхъ собственно у меня и пробыли нѣсколько дней.

Вотъ всѣ воспоминанія изъ холостой моей жизни, на-сколько сохранились они въ моей памяти. Можетъ быть, послѣ припомню и расскажу еще что нибудь.

*(Продолженіе будетъ).*

## ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА М. В. ТОЛСТАГО \*).

---

### VI.

Перехожу къ самой счастливой перемѣнѣ въ моей жизни. Но прежде того я долженъ возвратиться на нѣсколько лѣтъ назадъ. Давно уже тяготила меня одинокая жизнь въ суетѣ большаго свѣта; заботы по службѣ, большею частью мелочныя, не удовлетворяли меня. Я чувствовалъ какую-то пустоту въ сердцѣ, чувствовалъ потребность въ тихой, семейной жизни. Больная мать моя, съ своей стороны, сознавала, что мнѣ давно пора вступить въ бракъ и постоянно требовала, чтобы я женился. Это общее наше желаніе едва не сбылось въ 1845 году: я былъ помолвленъ на одной очень привлекательной молодой дѣвицѣ изъ знатнаго и богатаго семейства. Помолвка не была еще объявлена по случаю тяжелой болѣзни одной близкой родственницы невесты, какъ вдругъ сама невеста простудилась и опасно занемогла. Ее увезли лѣчить за границу, и она скончалась въ Италіи отъ чахотки. Смерть любимой особы отвлекла меня на нѣсколько лѣтъ отъ мысли о женитьбѣ.

Весною 1850 года наступило время, назначенное Промысломъ Божиимъ для моего счастія. Та же Ек. Богд. Маслова, которая была всегда искренно дружна съ моею матерью и доказала ей и мнѣ эту дружбу дѣятельнымъ участіемъ во время тяжелой болѣзни моей въ 1841 году, указала мнѣ искать въ семействѣ Волконскихъ. И странное дѣло. У меня не было предчувствія ожидавшей меня счастливой участи. Я поѣхалъ знакомиться почти неохотно, почти только для угожденія неотступнымъ требованіямъ моей матери.

---

\*) Первые пять главъ помѣщены во 2-мъ и 3-мъ выпускахъ Русскаго Архива сего года.

Княгиня Александра Петровна Волконская, рожденная Новикова, вдова князя Петра Сергѣевича († 5 Октября 1847 г.), жила въ собственномъ домѣ, въ Старой Конюшенной, на углу Большаго Власьевскаго и Гагаринскаго переулковъ, противъ дома Масловыхъ. При ней были двѣ дочери-невѣсты, княжна Елисавета (род. 25 Декабря 1823 г.) и княжна Варвара (род. 25 Мая 1825 г.). Старшая дочь Александра Петровна была уже замужемъ; въ это время она ѣздила съ мужемъ своимъ, отставнымъ ротмистромъ Александр. Конст. Грязевымъ, къ отцу его въ Ярославскую губернію, оставивъ груднаго ребенка, дочь Сашу (род. 1 Февр. 1850 г.) на попеченіе своей матери. Четыре сына служили въ гвардіи: кн. Николай въ конной артиллеріи, кн. Сергій въ драгунскомъ, кн. Дмитрій въ гренадерскомъ и кн. Михаилъ въ конно-гренадерскомъ полку.

Первый визитъ мой въ домъ княгини былъ 24 Мая; я былъ принятъ вѣжливо и внимательно. Старшая изъ двухъ княженъ заговорила со мной и вела разговоръ почти одна; младшая постоянно молчала. Это заставило меня обратить особенное вниманіе на первую. Княжна Лиза не была красавицей; но, при небольшомъ ростѣ, она была сложена съ необыкновенною пропорціональностью. Всегда оживленный, веселый взглядъ, очаровательная улыбка, прелестныя, маленькія, бѣлыя ручки и живая, умная рѣчь невольно привлекали къ ней всякаго. Разговоръ шелъ на Французскомъ языкѣ; позднѣе она призналась, что хотѣла прозкзаменоватъ меня, умѣю ли я говорить пофранцузски.

Послѣ перваго визита, я сталъ ѣздить часто въ домъ княгини. Въ княжнѣ Лизѣ открылось новое для меня очарованіе: у нея былъ сильный, обработанный голосъ сопрано, и она прелестно пѣла Русскіе и Французскіе романсы.

Хотя я не былъ влюбленъ въ княжну, но она нравилась мнѣ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе: 17 Іюня я сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе, а 27-го послѣдовало благословеніе жениха и невѣсты у моей матери, которая по болѣзни не могла выѣзжать. Въ это время мой домъ штукатурился и отдѣлывался, а мать моя жила вмѣстѣ со мною въ наемной квартирѣ, на той же Средней Прѣснѣ.

Меня благословили мать съ дядей и крестнымъ отцемъ моимъ графомъ Петромъ Степановичемъ. Съ моей стороны было немного лицъ: тетушка графиня Елисавета Васильевна, двоюродный братъ мой Николай Сумароковъ и Анд. Алекс. Ковальскій, мой искренній другъ. Со стороны невѣсты были: мать ея, сестра, родной дядя Ник. Петр. Новиковъ съ женою и тетка Анна Петр. Быкова съ дочерью-дѣвицею.

Братъ кн. Александры Петровны, Н. П. Новиковъ, богатый помещикъ, человекъ дѣльный, остроумный и расчетливый, былъ женатъ

на Александръ Петровъ Савиной. Онъ скончался спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нашей свадьбы, въ Февралѣ 1851 года, отъ нервнаго удара. Послѣ него остался сынъ, Николай Николаевичъ, служившій въ кирасирскомъ Ея Величества полку, а потомъ долго бывшій предводителемъ дворянства въ Коломенскомъ уѣздѣ. Онъ женатъ на внучатной сестрѣ своей, Надеждѣ Васильевнѣ Карцовой.

Родная тетка моей невѣсты Анна Петровна, вдова полковника Ал. Ник. Быкова, имѣла трехъ дочерей. Двѣ старшія были за мужемъ: Елисавета за П. А. Загряжскимъ (въ это время она разошлась съ нимъ), а Авдотья за кн. Владим. Дмитр. Оболенскимъ. Младшая изъ нихъ Екатерина Александровна была еще дѣвицею. Въ 1852 году она вступила въ бракъ съ Сергѣемъ Петровичемъ Ѳедоровымъ, губернскимъ прокуроромъ въ Житомирѣ. Послѣ сестеръ ея, умершихъ бездѣтными, все состояніе матери, довольно значительное, перешло къ ней. Въ числѣ другихъ имѣній, доставшихся ей, было и село Мураевня (Данковского уѣзда), знаменитое по глубокимъ залежамъ каменнаго угля; компанія, взявшая этотъ уголь въ аренду, дала ей въ видѣ задатка сто тысячъ рублей серебромъ.

При помолвкѣ я подарилъ невѣстѣ брилліантовую нитку, о которой стоить сказать нѣсколько словъ. Прадѣдъ мой по матери, князь Сергій Никитичъ Долгоруковъ, давалъ дочерямъ своимъ, при выдачѣ ихъ въ замужество, Турецкія шали, цѣною 1000 рублей каждая. Три дочери его получили такія шали (тогда звали ихъ кашемирами), а четвертая, родная бабка моя Александра Сергѣевна Сумарокова пожелала имѣть брилліанты, а потому отецъ ея далъ ей эту самую нитку, или какъ сказано въ рядной записи «калье» (collier, ожерелье), оцененное въ 1000 «рублѣвъ». Теперь оно цѣнится ювелирами въ 2400 рублей, а отъ «кашемировъ», принадлежавшихъ сестрамъ моей бабки, конечно не сохранилось ни малѣйшаго лоскуточка.

Въ половинѣ Іюля невѣста моя съ матерью и сестрою отправилась въ родовое имѣніе Волконскихъ, село Липицы, Калужской губерн., Мещовскаго уѣзда. Между нами продолжалась, во все время разлуки, частая переписка. Первое письмо я началъ стихами, которые доказываютъ, что я никогда не имѣлъ способности къ стихотворству.

Въ этихъ стихахъ я упомянулъ о «доблестномъ предкѣ». Это былъ князь Михайлъ Константиновичъ, по прозванію Хромой, который прославился защитой Пафнутаева Боровскаго монастыря отъ Поляковъ въ 1611 году. Когда младшіе воеводы-измѣнники тайно впустили непріятелей въ монастырь, онъ сталъ въ дверяхъ церкви и дрался одинъ съ врагами, сначала при входѣ, а потомъ въ самомъ храмѣ. Его убили и бросили въ раку преподобнаго Пафнута. Въ память этого доблестнаго

подвига, императрица Екатерина II пожаловала городу Боровску гербъ: червленное сердце въ золотомъ полѣ, окруженномъ лавровымъ вѣнкомъ. Братъ князя Михаила, князь Григорій Константиновичъ, былъ однимъ изъ лучшихъ Русскихъ дипломатовъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Родной прадѣдъ моей невѣсты, князь Петръ Васильевичъ, былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Семеновнѣ Козловской, родственницѣ императрицы Анны Иоанновны, у матери которой, царицы Прасковьи Ѳеодоровны, рожденной Салтыковой, была родная сестра, Татьяна Ѳеодоровна, въ супружествѣ съ княземъ Алексѣемъ Семеновичемъ Козловскимъ. Упомянутая выше княгиня Александра Семеновна была родною ему внучкою и воспитывалась у бабушки своей Татьяны Ѳеодоровны, которая, овдовѣвъ, постриглась съ именемъ Тавифы въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ княжна Анна Григорьевна Волконская, въ иночествѣ Агнія, была въ то время игуменіей. Императрица Анна очень уважала «тетку Тавифу», но терпѣть не могла сына ея, а своего двоюроднаго брата князя Семена, который, по смерти матери, поспѣшилъ удалиться въ деревню, чтобы не казаться на глаза державной родственницѣ. Дочь его, княгиня Александра Семеновна Волконская скончалась въ молодости, а мужъ ея князь Петръ Васильевичъ дожилъ до глубокой старости; онъ скончался въ Смоленской деревнѣ, но погребенъ въ селѣ Липицахъ, въ устроенной имъ Николаевской церкви подъ колокольною. На могилѣ его находится надпись въ стихахъ. Сынъ его князь Сергій Петровичъ, женатый на Марьѣ Петровнѣ Рагозиной, былъ также не долговѣченъ, какъ и мать его. Такъ какъ потомки князя Василія Григорьевича въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ сряду имѣли по одному сыну, то въ настоящее время они не состоятъ въ родствѣ ни съ одною изъ остальныхъ вѣтвей дома Волконскихъ.

Къ сожалѣнію я не засталъ въ живыхъ отца моей невѣсты, кн. Петра Сергѣевича. Но, по отзывамъ всѣхъ, знавшихъ его лично, это былъ человѣкъ искренно-благочестивый, строгій въ правилахъ нравственности, въ высшей степени благородный, добрый и благоразумный отецъ семейства. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ; крѣпостные люди, крестьяне и дворовые, любили его какъ роднаго отца, что особенно обнаружилось при его кончинѣ. Съ прекрасными свойствами души онъ соединялъ и красивую наружность: высокій ростомъ, стройный съ черными глазами и волосами, онъ былъ красавцемъ въ молодости. Но тяжкая многолѣтняя болѣзнь сгорбила и состарила его преждевременно. Онъ скончался въ селѣ Липицахъ 5 Октября 1847 года и погребенъ, подлѣ могилы родителей, въ палаткѣ, примыкающей къ Никольской церкви. Въ началѣ Августа я поѣхалъ для свиданія съ невѣстою въ Липицы и, проѣзжая чрезъ Калугу, заѣхалъ къ родной теткѣ

моей Марьѣ Степановнѣ Толстой. Она давно уже была вдовою; старшая дочь ея Варвара Васильевна, по первому мужу Воейкова, была уже вторично въ супружествѣ съ г. Владимірскимъ; вторая, Саша, бывшая замужемъ за Сомовымъ, уже скончалась въ полномъ блескѣ молодости и красоты; третья, Екатерина Васильевна Бове, жила съ мужемъ въ Москвѣ. При теткѣ, видимо уже старѣющей, была одна только меньшая дочь Маша, молодая дѣвушка, красивая, умная и бойкая. Черезъ нѣсколько лѣтъ скончалась и она, а старуха окончила жизнь въ полномъ одиночествѣ.

Въ Калугѣ ожидали меня лошади, присланныя отъ Волконскихъ; я прибылъ въ Липицы 6 Августа во время обѣдни, за которою княгиня и дочери ея причащались Св. Таинъ. Здѣсь провелъ я три недѣли, навсегда сохранившіяся въ моей памяти. Время текло незамѣтно между прогулками, прелестнымъ пѣніемъ моей невѣсты, пріемомъ гостей и разъѣздами по сосѣдямъ.

Въ первый же день моего пріѣзда я познакомился съ ближайшимъ по дружбѣ и сосѣдству семействомъ Сорокиныхъ. Отставной полковникъ Степанъ Никифоровичъ Сорокинъ, храбрый ветеранъ отечественной войны, отличный помѣщикъ и весьма правдивый человѣкъ съ первой встрѣчи привлекалъ къ себѣ уваженіе, также какъ почтенная и достойная супруга его Екатерина Яковлевна, рожденная Козловская и милыя ихъ дочери, съ самаго дѣтства искреннія подруги моей невѣсты и сестеръ ея. Владѣя небольшою деревнею, полученною въ приданое за женой, Степанъ Никифоровичъ умѣлъ при образцовомъ хозяйствѣ жить не хуже другихъ, болѣе богатыхъ помѣщиковъ. Любимый разговоръ его былъ о походахъ и битвахъ 1812 и послѣдующихъ годовъ; онъ вспоминалъ съ восторгомъ о подвигахъ Кутузова, Барклая и другихъ военачальниковъ этой достопамятной эпохи.

Черезъ нѣсколько дней я былъ представленъ двумъ роднымъ теткамъ моей невѣсты, пожилымъ дѣвицамъ, княжнамъ Анастасіи Сергѣевнѣ и Еленѣ Сергѣевнѣ Волконскимъ, жившимъ постоянно въ селѣ своемъ Изъяловѣ, верстахъ въ пятнадцати отъ Липицъ. При нихъ жилъ и занимался хозяйствомъ племянникъ, сынъ родной сестры ихъ Александры Сергѣевны, Петръ Алексѣевичъ Яновъ и сестра его, очень милая дѣвица Анна Алексѣевна. Мы, т. е. княгиня съ дочерьми и я, гостили въ Изъяловѣ нѣсколько дней. Тамъ я вполне ознакомился съ симпатическими личностями обѣихъ тетушекъ; старшая изъ нихъ княжна Анастасія съ перваго взгляда казалась важною и строгою; младшая княжна Елена отличалась веселымъ нравомъ и добродушіемъ. Но обѣ онѣ были, такъ сказать, воплощенною добротою и неограниченною привязанностію къ роднымъ, особенно къ племянникамъ и племянницамъ.

Изъ числа сосѣдей не могу умолчать объ Иванѣ Исидоровичѣ Толмачевѣ, тогдашнемъ предводителѣ Мещовскаго дворянства. Онъ также воевалъ въ 1812 году, но не съ такимъ восхищеніемъ вспоминалъ о своихъ походахъ, какъ С. Н. Сорокинъ, хотя хвалился, что прогулялся два раза пѣшкомъ отъ Калуги до Парижа. Вообще, при несомнѣнныхъ достоинствахъ И. И. Толмачева, списавшихъ ему уваженіе дворянъ не только Мещовскаго уѣзда, но и всей Калужской губерніи, онъ имѣлъ одинъ забавный недостатокъ—мелочную хвастливость. Такъ иногда онъ принимался рассказывать: «у Ивана Исидоровича все есть; есть и кареты, и лошади, и серебро, и табакерки золотыя» и проч. Онъ велъ счетъ знакомыхъ ему генераловъ, князей и графовъ; такъ, при первомъ знакомствѣ, онъ объявилъ мнѣ, что я въ числѣ его знакомыхъ 11-й графъ. Впрочемъ эта небольшая странность не мѣшала ему быть честнымъ и благонамѣреннымъ человѣкомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Калужское дворянство выбрало его, почти единогласно, въ должность председателя Палаты Гражданскаго Суда.

Въ концѣ Августа я возвратился въ Москву; вслѣдъ за мною въ Сентябрь возвратились Волконскіе, но свадьбу пришлось отложить еще на нѣсколько времени, потому что отдѣлка моего дома не была еще окончена. Мать моя хотѣла натянуть себѣ квартиру, чтобы очистить весь домъ для новобрачныхъ; но мнѣ удалось уговорить ее переселиться въ антресоли, гдѣ было пять комнатъ, повидимому очень удобныхъ.

За нѣсколько дней до свадьбы, я поѣхалъ къ приснопамятному митрополиту Филарету, чтобы испросить у него благословенія. Когда я рассказалъ ему о причинѣ моего пріѣзда, владыка спросилъ: «развѣ есть какое препятствіе или родство?» Я отвѣчалъ, что ни того, ни другаго нѣтъ, но что я прошу архипастырскаго благословенія, видя въ немъ залогъ благословенія Божія. «Въ такомъ случаѣ потрудитесь пріѣхать послѣ завтра утромъ». Въ назначенное время я явился и засталъ митрополита больнымъ. Онъ принялъ меня въ спальнѣ и благословилъ иконою Спасителя. «Да будетъ надъ вами благословеніе Божіе по вѣрѣ вашей», сказалъ онъ мнѣ. «Когда бракъ вашъ совершится, прошу познакомить меня съ вашей супругой».

Наконецъ наступилъ давно и нетерпѣливо ожидаемый мною день. Бракъ нашъ совершился 23 Октябрю, въ Понедѣльникъ вечеромъ, въ церкви Св. Іоанна Предтечи, что за Прѣсною. Посаженымъ отцемъ моимъ былъ дядя графъ Петръ Степановичъ, а посаженою матерью моя почтенная и благодѣтельная начальница, Ольга Николаевна Талызина. Два двоюродныхъ брата, графъ Василій Толстой, сынъ дяди, и Николай Сумароковъ были у меня шаферами.

Въ числѣ гостей находились съ моей стороны: тетушка графиня Елисавета Васильевна, Е. Б. Маслова, двоюродная сестра моя Марья Александровна Колемина съ мужемъ, генераль-адъютантъ С. П. Шиповъ, С. А. Масловъ, Д. Н. Палажченко, А. А. Ковальскій и А. П. Ивановъ. Посаженымъ отцомъ невѣсты былъ отставной генераль-маіоръ А. И. Бистромъ, а посаженою матерью сестра ея А. П. Грязева. Къ свадьбѣ пріѣхали изъ Петербурга братья невѣсты князя Николай, Сергій и Дмитрій Волконскіе; они были шаферами у сестры. Гостями со стороны невѣсты, кромѣ матери и младшей сестры ея, были: Варвара Сергѣевна Бистромъ, Анна Петровна Павлова съ сыномъ и дочерью, двѣ старыя дѣвицы Павловы—Александра Ивановна и Настасія Ивановна (первая изъ нихъ была крестною матерью невѣсты), двоюродный дядя невѣсты Петръ Дмитриевичъ Иванчинъ-Писаревъ и старая Француженка мамзель Ніэль, жившая долго, въ качествѣ компаніонки, въ домѣ Волконскихъ. Родной дядя невѣсты Н. П. Новиковъ, приглашенный въ званіе посаженаго отца, и жена его, не были на свадьбѣ, потому что незадолго предъ тѣмъ умерла у нихъ дочь.

Прошу извиненія у читателей въ такомъ подробномъ изложеніи всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ моей свадьбѣ; но я не могъ удержаться, чтобы не рассказать всего, что только могъ упомянуть. Пусть всѣ эти мелочныя подробности счастливѣйшаго въ моей жизни событія сохраняются для дѣтей и потомковъ нашихъ.

Выше упомянулъ я о дѣвицахъ Павловыхъ, дальнихъ родственникахъ покойнаго отца жены моей. Изъ числа пяти сестеръ я засталъ только двухъ, бывшихъ на нашей свадьбѣ. Прежде, когда всѣ онѣ были живы, онѣ часто ѣзжали къ митрополиту Филарету. Тамъ встрѣтилъ ихъ однажды А. Н. Муравьевъ и спросилъ владыку: гдѣ вы ихъ откопали? «Мнѣ достались онѣ по наслѣдству отъ митрополита Платона. Кажется, онѣ принадлежатъ къ Московской іерархіи». Въ одномъ изъ посѣщеній Павловыхъ въ полномъ ихъ комплектѣ, онѣ стали выражать митрополиту свое сожалѣніе о томъ, что не слышали проповѣди, произнесенной имъ наканунѣ. «Какъ же намъ не жалѣть, что не слышали вашего слова: вѣдь вы нашъ Златоустъ».—«Кто прислалъ васъ искушать меня? Знаете ли вы, кто былъ Златоустъ и какъ онъ писалъ? Вотъ я прочту вамъ, а вы послушайте». И тутъ же, взявъ книгу, лежавшую на столѣ, онъ сталъ читать одну изъ бесѣдъ Златоуста: гости, любившія поговорить, принуждены были молчать и слушать. Впрочемъ изъ двухъ оставшихся Павловыхъ, одна только младшая, Настасія Ивановна, была сильно привязана къ митрополиту Филарету. Старшая Александра Ивановна предпочитала ему своего духовника, протоіерея С. Г. Терновскаго. Она пережила всѣхъ сестеръ своихъ и

скончалась на 97-мъ году отъ рожденія. У дѣвицъ Павловыхъ было два брата, умершіе прежде моего знакомства съ Волконскими: одинъ изъ нихъ Николай Ивановичъ былъ женатъ на вдовѣ Аннѣ Петровнѣ Ваксель. Сынъ его Николай Николаевичъ, бывшій на нашей свадьбѣ съ матерью, въ послѣдствіи управлялъ Московскою Палатою Государственныхъ Имуществъ и принималъ дѣятельное участіе въ комитетахъ по освобожденію крестьянъ. Другой братъ Дмитрій Ивановичъ, гофмейстеръ, оставилъ по себѣ одну только дочь Прасковью Дмитріевну, бывшую въ супружествѣ съ роднымъ дядею моимъ, графомъ Андреемъ Степановичемъ.

Каждое время имѣетъ свои обычаи. Въ мое время свадьбы отправлялись преимущественно въ вечернее время и оканчивались ужиномъ для всѣхъ гостей. Такова была наша свадьба. Нѣсколько позднѣе ограничили угощеніе однимъ шампанскимъ, шоколадомъ и десертомъ; ужина уже не было, и гостямъ случалось при выходѣ наслаждаться однимъ только запахомъ жаркаго и другихъ кушаньевъ, приготовленныхъ для новобрачныхъ. Теперь появился опять новый обычай: свадьбы вѣнчаютъ поутру; затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ, послѣ котораго молодые спѣшатъ уѣхать по желѣзной дорогѣ за границу или въ деревню, чтобы провести тамъ такъ называемый медовый мѣсяцъ.

Нынѣшній обычай имѣетъ то преимущество передъ прежними, что избавляетъ молодую чету отъ скучнѣйшей обязанности дѣлать визиты всѣмъ роднымъ и знакомымъ. Намъ пришлось испытать всю тоску этой истинно - китайской церемоніи. Почти двѣ недѣли мы проводили каждое утро въ разѣздахъ изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, я привезъ молодую жену мою къ митрополиту Филарету. Онъ принялъ насъ очень внимательно и сказалъ ей: «Я давно знаю графа и прошу васъ, успокоивайте его. Помните слова апостола: «яко Сарра почиташе Авраама, господина того зовущи».

Зима 1850 — 51 года была богата балами и другими увеселеніями. Особенно замѣтны были три бала: одинъ у М. А. Столыпиной, другой у графини Н. А. Орловой-Денисовой, третій у генералъ-губернатора графа Закревскаго. Второй изъ этихъ баловъ, костюмированный, остался памятнымъ по великолѣпнымъ нарядамъ двухъ кадрилией. Одна изъ нихъ представляла шествіе Англійской королевы Елисаветы съ ея дворомъ; королева (сама хозяйка) шла подъ руку съ графомъ Лейчестеромъ (князь Владимиръ Четвертинскій); за ними слѣдовали дамы, кавалеры и пажы. Другая кадрилией была еще замѣчательнѣе; въ ней олицетворялись всѣ области и города Россіи, составляющіе полный императорскій титулъ. Впереди всѣхъ выступалъ сѣдовласый старецъ Кіевъ

въ пышномъ боярскомъ нарядѣ, ведя подъ руку молодую женщину въ сарафанъ изъ серебристой ткани, осыпанномъ драгоценными камнями. Во второй парѣ шелъ также бояринъ, но менѣе старый (графъ Ростокинъ); онъ изображалъ собою Москву. Казанская пара была наряжена въ Татарскомъ вкусѣ. Сибирскіе дикари разныхъ племенъ шли подъ начальствомъ Ермака, котораго представлялъ Дашковъ, колоссальнаго роста, покрытый съ головы до ногъ стальными доспѣхами. Самая изящная пара (князь Сер. Александр. Оболенскій съ красавицей княгиней Н.Б. Шаховской) представляла собою Польшу. Въ продолженіе бала они вдвоемъ превосходно танцовали краковякъ и мазурку. Множества остальныхъ не могу теперь припомнить. Молодая жена моя была въ Венгерскомъ костюмѣ изъ розоваго атласа, опушенномъ лебяжьимъ пухомъ. Въ видѣ застежекъ на жупанѣ были фермуары изъ брилліантовъ съ изумрудами; на головѣ уланскій киверъ съ брилліантовою ниткою, о которой упоминалъ я прежде.

Объ костюмированныя кадрили были повторены позднѣе въ залѣ Благороднаго Собранія, въ присутствіи императора Николая Павловича. На этотъ разъ были прибавлены мальчики въ Русскихъ костюмахъ; каждый изъ нихъ несъ гербъ какой-либо области или города на длинномъ древкѣ, предшествуя парѣ соотвѣтствующей этому гербу. Всѣхъ этихъ мальчиковъ, выбранныхъ изъ лучшихъ Московскихъ семействъ, Государь пожаловалъ пажами.

Въ ту же зиму очень удачна была томбола въ пользу школъ Московскаго Благотворительнаго Общества. Однимъ изъ столовъ, назначенныхъ для аллегріи, завѣдывала жена моя съ такимъ успѣхомъ, что билеты почти всѣ были разобраны. Одинъ Армянинъ такъ заглядѣлся на нее, что взялъ сряду до пятидесяти билетовъ.

Я думалъ, что блестящія увеселенія этой зимы вскружатъ голову молодой женщинѣ и надолго увлекутъ ее въ вихрь суеты большаго свѣта. Вышло совсѣмъ напротивъ: жена моя совсѣмъ разлюбила свѣтскія удовольствія, и съ того времени уже не появлялась въ свѣтѣ, посвятивъ себя тихой семейной жизни, въ кругу родныхъ и близкихъ знакомыхъ.

Въ Маѣ 1851 г., по обѣщанію жены моей, мы съ нею и съ младшею сестрою ея пошли пѣшкомъ на богомолье къ Троицѣ. Онѣ обѣ шли очень легко, а я, по непривычкѣ къ пѣшеходству, еще на половинѣ пути натѣръ себѣ ноги и остальную часть дороги проѣхалъ въ каретѣ, которая слѣдовала за нами. Въ посадѣ мы обѣдали у моего благодѣтельнаго наставника Ѳ. А. Голубинскаго. Онъ еще прежде, на святкахъ, познакомился съ моею женою, восхищался ея голосомъ и вторилъ ей своимъ густымъ басомъ, когда она пѣла подъ фортепіано,

ирмосы великаго канона: «помощникъ и покровитель» и проч. По возвращеніи въ Москву мы собрались съѣздить въ мое Орловское имѣніе, въ которомъ я много лѣтъ сряду не бывалъ, и оттуда заѣхали къ тещѣ въ село Липицы. Еще прежде этой поѣздки мы проводили мать мою, которая, не смотря на наши просьбы, переселилась въ наёмную квартиру на Плющихѣ. Она увѣряла, что въ верхнихъ комнатахъ моего дома ей было душно, а жить въ нижнемъ этажѣ, предоставивъ намъ комнаты въ антресоляхъ, она не хотѣла, чтобы не стѣснятъ насъ.

Мы благополучно съѣздили въ Орловскую и Калужскую губерніи, распорядились хозяйствомъ какъ въ моемъ имѣніи, такъ и въ новомъ имѣніи жены моей, селѣ Горномъ, Мещовскаго уѣзда. Въ Липицахъ и въ Изъяловѣ у милыхъ тетусекъ-княженъ мы очень пріятно провели время, но не дождались свадьбы П. А. Янова, женившася на Е. А. Пироцкой. Вмѣстѣ съ нами гостили также и наши Грязевы съ маленькой дочкой Сашей, которой не было еще двухъ лѣтъ.

Къ именинамъ матери моей (26 Іюля) мы воротились въ Москву. Лиза моя оказалась въ первый разъ беременною. Замѣчая, что наши расходы, при отдѣльномъ отъ матери хозяйствѣ, были несоразмѣрны съ доходами, я рѣшился, по примѣру жены моей, отстать отъ большаго свѣта. Но для этого нужно было оставить службу при Московскомъ Благотворительномъ Обществѣ, потому что по должности правителя дѣлъ я долженъ былъ находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ попечительницами школъ и слѣдовательно держаться въ томъ же кругу Московской аристократіи. Чтобы не разстроивать своего состоянія и что нибудь приберечь для будущихъ дѣтей, я въ Августѣ вышелъ въ отставку изъ Общества, предоставивъ свое мѣсто помощнику моему А. К. Нарышкину, женатому на старшей дочери нашей почтенной предсѣдательницы. Служба при Обществѣ Сельскаго Хозяйства менѣе стѣсняла меня въ финансовомъ отношеніи; я сохранилъ ее еще на нѣсколько лѣтъ.

Въ Декабрѣ того же года я схоронилъ моего двоюроднаго брата и искренняго друга Н. П. Сумарокова. Онъ прожилъ только 31 годъ. Съ благородствомъ души, свойственнымъ всему роду Сумароковыхъ, онъ соединялъ необыкновенную доброту сердца и сострадательность къ нуждающимся, всегда готовъ былъ помочь всякому, чѣмъ только могъ. Такъ онъ воспиталъ на свой счетъ бѣднаго мальчика Ветлицкаго, который сдѣлался потомъ отличнымъ архитекторомъ и вполнѣ оправдалъ попеченія своего благодѣтеля. Необузданная пылкость нрава, любовь къ женщинамъ и неудачныя спекуляціи раззорили добраго моего брата; не смотря на атлетическое сложеніе, онъ скончался отъ скоро-

течной чахотки. Тѣло его погребено въ Даниловъ монастырѣ, рядомъ съ могилою сестры.

Въ Февралѣ 1852 года жена моя въ первый разъ разрѣшилась отъ бремени дѣвочкою, которой дано имя Александры, въ честь моей тещи. Едва успѣли окрестить ее, при чемъ воспріемниками были больная мать моя и братъ князь Д. П. Волконскій. Наша дочка прожила только три дня.

За маленькой внучкой вскорѣ послѣдовала бабушка: мать моя скончалась 19 Іюля, послѣ тяжелой, многолѣтней болѣзни. Смерть ея, конечно, глубоко огорчила меня; но послѣднія страданія ея были такъ велики, что должно было радоваться за нее, видя, что она отъ нихъ избавилась. Тѣло ея погребено, согласно ея желанію, въ Андроньевомъ монастырѣ, въ одной могилѣ съ вторымъ ея мужемъ. За нѣсколько дней до смерти, она приказала мнѣ отдать сестрѣ лучшую и большую часть оставшагося послѣ нея наслѣдства—Ярославское имѣніе. Хотя распоряженіе матери было словесное и передано мнѣ безъ свидѣтелей, я счелъ долгомъ совѣсти исполнить послѣднюю ея волю.

Прошло около года, и 2 Іюня 1853 года мы были утѣшены рожденіемъ сына. Проведя лучшіе годы моей жизни подъ кровомъ преп. Сергія и считая сего великаго заступника земли Русской лично моимъ покровителемъ, я далъ его имя новорожденному. Мнѣ хотѣлось, чтобы всѣ зависящіе отъ насъ люди приняли участіе въ нашей семейной радости: во всѣхъ нашихъ имѣніяхъ были отслужены благодарственные молебствія, крестьяне угощены обѣдомъ съ виномъ и пивомъ, дворовые люди получили денежное награжденіе. Эти празднества стоили намъ болѣе 500 рубл. асс.

Когда младенцу минуло 6 недѣль, мы возили его въ Лавру. Во время служенія молебна Преп. Сергію, я приложилъ своего Сережу къ св. мощамъ его и затѣмъ опустилъ младенца въ раку. Монахи вознегодовали, требовали, чтобы я вынулъ младенца изъ раки; но я нарочно поспорилъ съ ними нѣсколько минутъ, въ продолженіи которыхъ младенецъ мой пробылъ какъ бы въ объятіяхъ небснаго своего заступника. Въ это время митрополитъ Филаретъ жилъ въ своемъ Геосиманскомъ скиту; онъ благословилъ моего малютку иконою преп. Сергія.

Во время родовъ жены моей я сильно боялся за нее, молился предъ стоявшимъ въ моемъ кабинетѣ образомъ, точнымъ спискомъ съ чудотворной Θεодоровской иконы Божіей Матери и далъ обѣщаніе съѣздить въ Кострому для поклоненія сказанной иконѣ. Въ великій постъ 1854 г. я исполнилъ это обѣщаніе, былъ въ Костромѣ и прогостилъ нѣсколько дней въ Красномъ у двоюроднаго моего брата Сергія П. Су-

марокова. Онъ былъ уже женатъ на дочери генерала Мягкова, Екатеринѣ Васильевнѣ.

Въ слѣдующее лѣто (23 Іюля 1854 г.) родился у насъ второй сынъ, названный въ честь покойнаго отца жены моей, Петромъ. Въ это время гвардія была въ походѣ, и ни одного изъ братьевъ жены моей не было въ Москвѣ; а потому воспріемникомъ былъ С. А. Масловъ, а воспріемницей всѣхъ дѣтей нашихъ была бабушка ихъ, княгиня Александра Петровна. На крестинахъ Пети я видѣлъ въ послѣдній разъ моего незабвеннаго наставника Ѳ. А. Голубинскаго; онъ благословилъ новорожденнаго небольшимъ образомъ св. Петра митрополита. Въ это время Ѳ. А., сильно пораженный потерей двухъ сыновей, чувствовалъ ослабленіе тѣлесныхъ силъ и пожелалъ успокоиться послѣ многолѣтнихъ трудовъ. Онъ подалъ уже прошеніе объ отставкѣ и собирався съѣздить въ Кострому, чтобы въ послѣдній разъ побывать на родинѣ, поклониться могиламъ родителей и повидаться съ оставшимися тамъ родными.

Между тѣмъ мы, когда жена моя оправилась послѣ родовъ, переехали мѣсяца на два въ Каменки, гдѣ послѣ того проводили каждое лѣто. Тамъ ожидалъ я посѣщенія Ѳ. А. Голубинскаго по возвращеніи его изъ Костромы. Но ему не суждено было возвратиться съ родины; скоротечный припадокъ холеры пресѣкъ эту драгоценную и общепользую жизнь (22 Августа 1854 г.). Въ послѣднія минуты предъ кончиною, незабвенный мой наставникъ сказалъ священнику, который напутствовалъ его таинствами исповѣди, причащенія и елеосвященія: «теперь я вижу истинный свѣтъ». Это были послѣднія слова знаменитаго философа-христіанина: переходя въ вѣчную жизнь, онъ ясно увидѣлъ то, чему вѣровалъ и чего искалъ въ земной своей жизни. Пресв. Филофей, еписк. Костромскій (нынѣ митрополитъ Кіевскій), одинъ изъ лучшихъ учениковъ покойнаго, совершилъ отпѣваніе тѣла его въ кафедральномъ соборѣ, почтилъ прахъ наставника своего земнымъ поклономъ и проводилъ гробъ до могилы, приготовленной у Богословской церкви въ Ипатьевской слободѣ, рядомъ съ могилами родителей почившаго.

Послѣ кончины незабвеннаго моего наставника, я сохранилъ знакомство съ нѣкоторыми изъ почтенныхъ наставниковъ Академіи. Къ маститому отцу-протоіерею П. С. Делицыну я всегда обращался съ своими сочиненіями, какъ къ цензору весьма снисходительному; онъ не вымаралъ у меня ни одной строки, и если дѣлалъ примѣчанія, то не иначе какъ карандашомъ на поляхъ, предоставляя мнѣ согласиться съ ними или нѣтъ, по моему усмотрѣнію. Но всѣ эти примѣчанія были такъ дѣльны, что я съ благодарностію ими пользовался. Когда П. С.

скончался (въ концѣ Октября 1863 года), я нашелъ также весьма милостиваго цензора въ сынѣ покойнаго моего пріятеля и крестникѣ моей матери Ф. А. Сергіевскомъ. Съ 1854 года началось мое знакомство съ профессорами Академіи П. С. Казанскимъ и С. К. Смирновымъ; они оба, вмѣстѣ съ Ф. А. Сергіевскимъ, неоднократно гостили у меня въ Каменкахъ.

Во время Крымской войны, во всѣхъ губернскихъ городахъ были собранія дворянства для выбора начальниковъ и офицеровъ въ ополченіе. Въ Москвѣ поступилъ въ ополченіе мужъ моей свояченицы А. К. Грязевъ, переименованный изъ ротмистровъ въ капитаны. Онъ служилъ прежде въ гусарскомъ полку, гдѣ не перевелись еще старые гусары «собутыльники сѣдые», по выраженію партизана Давыдова. У нихъ еще съ ранней молодости научился Грязевъ гусарскому разгулу. Весьма добродушный, страстно любившій жену, отличный и добрый родственникъ для всѣхъ родныхъ, онъ сильно разстроилъ свое здоровье и во время вторичнаго поступленія на службу едва владѣлъ ногами. Ему поручена была первая рота Дмитровской дружины, стоявшая въ своемъ уѣздномъ городѣ. Оттуда пріѣзжалъ онъ къ намъ въ Каменки на храмовой праздникъ (8 Іюля); тогда же была у насъ, кромѣ сосѣдей, еще одна Московская гостя Н. И. Павлова, которую мы привезли отъ Троицы послѣ праздника преподобнаго Сергія.

Вскорѣ послѣ того всѣ дружины Московскаго ополченія, подъ предводительствомъ графа С. Г. Строгонова, выступили въ походъ. Съ Грязевымъ на пути сдѣлался параличъ обѣихъ ногъ, и онъ умеръ не доходя до Одессы, осенью 1855 года.

Говоря о смерти Грязева, я зашелъ нѣсколько впередъ и теперь долженъ возвратиться къ 1854 году и сказать нѣсколько словъ о женитбѣ старшаго брата жены моей, князя Н. П. Волконскаго. Еще за годъ до того мы (т. е. жена моя и я) на вечерѣ у старухи С. П. Заборовской увидѣли очень молоденькую и хорошенькую дѣвицу, почти дѣвочку. Это была дочь Н. А. Кравкова, очень умнаго и дѣльнаго старика, Калужскаго помѣщика. Мать ея, съ которою она пріѣхала на вечеръ, была рожденная Языкова. Мы познакомились съ Кравковыми и указали брату Николаю Волконскому на прелестную невѣсту. Онъ съ своей стороны познакомился, посватался и получилъ согласіе. Но родители Марьи Николаевны, опасаясь, что женихъ долженъ будетъ пойти на войну, старались отложить свадьбу на нѣсколько времени. Бракъ совершился 1-го Ноября 1854 г., причемъ я былъ посаженнымъ отцемъ жениха. На слѣдующее лѣто, когда былъ уже заключенъ миръ въ Парижѣ, я провелъ нѣсколько дней въ Петербургѣ, гостя у молодыхъ и любясь на взаимную ихъ любовь. Въ это время князь Нико-

лай устраивалъ вновь конную артиллерійскую батарею, находившуюся въ его командѣ.

Начало 1856 года было ознаменовано для насъ рожденіемъ (30 Января) третьяго сына—Владимира. Крестнымъ отцемъ его былъ князь Дмитрій Волконскій, а въ числѣ гостей на крестинахъ была тетка моя М. С. Толстая, въ послѣдній разъ пріѣзжавшая въ Москву. Радуюсь рожденію Володи, мы не могли тогда предчувствовать, что новорожденный младенецъ будетъ для насъ предметомъ утѣшенія и тяжкаго горя.

Съ прекращеніемъ войны начались приготовленія къ коронаціи Государя Императора Александра II-го. Въ Москвѣ были наняты дома для иностранныхъ посольствъ: у Тверскихъ воротъ домъ Римскаго-Корсакова былъ приготовленъ для Французскаго посла графа Морни, который успѣлъ пріѣхать въ Петербургъ ранѣе прочихъ пословъ и потому занималъ первое мѣсто въ собравшемся дипломатическомъ корпусѣ. Къ нанятому дому онъ пристроилъ со стороны двора обширную и очень красивую залу для танцевъ. Австрійско-Венгерскій посоль князь Эстергази помѣстился на Пречистенкѣ, въ домѣ Толмачева, къ которому также присоединилъ новую залу, построенную въ саду и соединенную съ домомъ крытою галлереею. Домъ графини Граціани, также на Пречистенкѣ, былъ занятъ Англійскимъ посломъ лордомъ Гренвилемъ и здѣсь также была особая пристройка для танцевъ. Турецкое посольство помѣстилось въ чѣмъ-то домѣ на Покровкѣ. По обычаю дворъ и всѣ лица обоего пола, имѣющіе пріѣздъ ко двору, представлялись иностраннымъ посламъ по особымъ новѣсткамъ, рассылаемымъ временною конторою церемоніи отъ имени каждаго посла.

За недѣлю до коронаціи (19 Августа) былъ торжественный въѣздъ Государя въ Москву. Онъ ѣхалъ изъ Петровскаго дворца верхомъ на бѣломъ конѣ, въ сопровожденіи великихъ князей, иностранныхъ принцевъ, многочисленной свиты и конвоя. Государыня Императрица Марія Александровна ѣхала въ золоченой каретѣ, въ восемь лошадей, съ двумя старшими сыновьями, цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и В. К. Александромъ Александровичемъ. Карета вдовствующей императрицы Александры Ѳеодоровны была также въ восемь лошадей, съ короной наверху. Въ слѣдующихъ золоченныхъ каретахъ, каждая въ шесть лошадей, ѣхали великія княгини, придворныя дамы и члены Государственного Совѣта. У заставы встрѣчалъ Государя генералъ-губернаторъ; у Тверскихъ воротъ—городской голова съ хлѣбомъ и солью; у парочно выстроеннаго павильона близъ Иверской часовни—губернскій предводитель съ дворянами. Въ Кремль, у дверей Успенскаго собора, Государь былъ встрѣченъ членами Св. Синода съ знатнѣйшимъ духовенствомъ. Я не участвовалъ въ поѣздѣ, потому что ка-

мергеры и камеръ-юнкеры ѣхали верхомъ, а я никогда не отличался искусствомъ въ верховой ѣздѣ. Вмѣстѣ съ женою, матерью ея и сестрами я смотрѣлъ на вѣздъ изъ квартиры А. И. Бистрома на Тверской улицѣ.

Хотя я уже видѣлъ отчасти обряды коронаціи въ 1826 году, но, желая лучше разсмотрѣть все, что будетъ совершаться въ Успенскомъ соборѣ, я заранѣе выхлопоталъ себѣ назначеніе въ число ассистентовъ при императорскихъ регаліяхъ. Регаліи (двѣ короны для Императора и Императрицы, двѣ порфиры, скипетръ и держава) были несены знатнѣйшими сановниками государства на глазетовыхъ подушкахъ. Во время богослуженія эти подушки лежали на особомъ столѣ, поставленномъ на площадкѣ трона, а сзади стола помѣстились придворные чины, прикомандированные къ регаліямъ. Такимъ образомъ, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Государя, я могъ видѣть всѣ подробности священнаго обряда. Шествіе изъ большаго Кремлевскаго дворца открывали придворные чины по два въ рядъ, предшествуя императрицѣ-матери, которая шла въ коронѣ и порфирѣ. За нею слѣдовали великія княгини, иностранныя принцессы и придворныя дамы. Нѣсколько минутъ спустя, открылось другое, еще болѣе великолѣпное шествіе. Вслѣдъ за главнымъ священникомъ арміи и флотовъ, окропившимъ царскій путь св. водою, тянулся длинный рядъ представителей разныхъ учрежденій. Тутъ были губернскіе предводители дворянства, городскіе головы знатнѣйшихъ городовъ, сенаторы и члены Государственного Совѣта. Наконецъ, въ предшествіи императорскихъ регалій, появился на Красномъ крыльцѣ Государь Императоръ съ августѣйшею супругою подъ балдахиномъ, сопровождаемый многочисленною свитою. Въ служеніи первенствовалъ маститый Московскій митрополитъ Филаретъ; изъ числа сослужащихъ архіереевъ могу припомнить: митрополитовъ Новгородскаго Никанора и Литовскаго Іосифа, архіепископовъ: Казанскаго Григорія (получившаго въ этотъ день бѣлый клобукъ), Нила Ярославскаго, знаменитаго проповѣдника Иннокентія Херсонскаго, Василя Полоцкаго, Арсенія Варшавскаго и Ѳеодотія Симбирскаго; епископовъ: Костромскаго Филовея и Дмитровскаго, викарія Московскаго, Алексія. Сверхъ того были Греческіе владыки: Василій, архіепископъ Кесаріи Каппадокійской и два епископа, которыхъ именъ и епархій я не упомяну, множество архимандритовъ и протоіереевъ, съѣхавшихся изъ всѣхъ краевъ Россіи. Въ числѣ обрядовъ коронаціи я замѣтилъ перемѣну сравнительно съ коронаціей императора Николая I-го: при чтеніи молитвы предъ возложеніемъ порфиры и короны, Государь низко наклонилъ голову, которую Филаретъ покрылъ концемъ омофора. Этого не было при коронаціи Николая Павловича. Затѣмъ, когда тотъ же митрополитъ подавалъ Государю корону, скипетръ и державу на подушкахъ,

онъ каждый разъ цѣловалъ руку Монарха, принимавшаго знаки царской власти и низко кланялся, касаясь рукою до земли. Особенно поразительно было причащеніе Императора; я видѣлъ его очень близко, сошедши заранѣе, по задней лѣстницѣ, съ площадки трона и взойдя въ правое предалтаріе. Боговѣнчанный Самодержецъ, принявъ Св. Мѣропомазаніе, къ которому приглашали его два архіепископа (Григорій и Нилъ), вошелъ въ алтарь царскими вратами. Здѣсь два епископа должны были, согласно церемоніалу, держать длинный конецъ императорской порфиры; но Государь не допустилъ этого, и епископы были замѣнены митрополичьими иподіаконами. Послѣ троекратнаго земнаго поклона предъ престоломъ и обыкновенныхъ молитвъ, предшествующихъ причащенію («Вѣрую Господи, и проч.»), Государь принялъ на руку отъ первенствующаго митрополита часть Тѣла Христова съ дискаса, при чемъ Филаретъ говорилъ: «честнаго и животворящаго Тѣла Христова причащается боговѣнчанный и помазанный Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную». Подобныя же слова произнесъ онъ, преподавая Государю Кровь Христову изъ золотаго потира, украшеннаго брилліантами и внесеннаго въ Успенскій соборъ Екатериною II при заключеніи мира съ Турціей.

Причастившись Св. Таинъ, Государь долженъ былъ принять отъ назначенныхъ архіереевъ омовеніе устъ, антидоръ и теплоту; но вмѣсто того онъ отошелъ на лѣвую сторону престола, преклонилъ колѣна и горячо молился. Слезы текли по щекамъ благочестивѣйшаго Царя. Можетъ быть, въ эту священную минуту онъ предчувствовалъ всѣ трудности, всѣ опасности предстоявшаго ему державнаго подвига. Между тѣмъ былъ сдѣланъ выходъ со Св. Дарами, и митрополитъ причастилъ лжицею Государыню Императрицу, принявшую Св. Мѣропомазаніе вслѣдъ за августѣйшимъ супругомъ. Затѣмъ Св. Дары были отпущены обыкновеннымъ порядкомъ на жертвенникъ, и прочтена послѣдняя эктенія. Тогда Государь, окончивъ молитву свою, всталъ и принялъ подносимое ему архіереями. Митрополитъ, обратясь къ нему и указывая на царскія врата, произнесъ: «Съ миромъ изыдемъ». Государь изъ алтаря вышелъ царскими вратами и возвратился на тронъ.

Обѣденный столъ для Государя, съ двумя Императрицами, былъ приготовленъ въ Грановитой Палатѣ на тронѣ. Они кушали въ коронахъ и порфирахъ. Блюда съ кушаньями носили Андреевскіе кавалеры. У трона стояли на часахъ капитанъ Преображенскаго полка и ротмистръ конной гвардіи. Кромѣ царскаго стола въ палатѣ было еще два: одинъ для иностранныхъ пословъ и посланниковъ, а другой, противъ трона, для знатнѣйшаго духовенства. Архіереи, какъ Русскіе, такъ и Греческіе, сидѣли за обѣдомъ въ мантияхъ. Изъ числа послѣднихъ отъ

личился во время стола Василій, архієпископъ Кесарійскій: онъ такъ горько плакалъ, что Государь, обративъ вниманіе на его слезы, приказалъ спросить его о причинѣ плача. «Плачу отъ радости», отвѣчалъ ловкій Грекъ, «видя торжество Русскаго царя; плачу отъ горести, что мы, православные жители Малой Азіи, страдаемъ подъ игомъ Агарянскимъ». За этотъ отвѣтъ онъ получилъ прекрасную панагію, украшенную драгоценными камнями. Для всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, были накрыты столы во Владимирской залѣ и въ галлерейхъ, пристроенныхъ на дворѣ, вокругъ церкви Спаса на Бору. Обѣдъ былъ поданъ на 600 человѣкъ, по окончаніи царской трапезы.

Вечеромъ въ день коронаціи и еще два вечера сряду въ Москвѣ была великолѣпная иллюминація. Кремлевскія стѣны и башни и церкви Василія Блаженнаго освѣщались огнями, расположенными по всѣмъ архитектурнымъ линіямъ этихъ зданій. Особеннымъ изяществомъ отличалась иллюминація домовъ, занимаемыхъ Французскимъ и Австрійскимъ посольствами.

На другой день послѣ коронаціи начались и нѣсколько дней сряду продолжались представленія разныхъ учреждений и сословій Государю и Государынѣ въ Андреевской залѣ большаго Кремлевскаго дворца. Прежде всѣхъ представлялись члены Св. Синода, архіереи и вообще знатнѣйшее православное духовенство, какъ черное, такъ и бѣлое, при чемъ первое было въ мантияхъ, а послѣднее въ рясахъ. Митрополиты и нѣкоторые изъ архіереевъ поднесли иконы, а митрополитъ Новгородскій Никаноръ произнесъ пріѣтственную рѣчь. Послѣ православнаго духовенства явились Армянское и Римско-католическое, то и другое въ полномъ богослужебномъ облаченіи; затѣмъ лютеранскіе пасторы, Еврейскіе раввины и магометанскіе муфтіи съ муллами. Въ то же утро всѣ иностранныя посольства принесли поздравленіе августѣйшимъ виновникамъ торжества; старшій изъ пословъ, графъ Морви, сказалъ рѣчь.

Въ послѣдующіе затѣмъ дни представлялись: Государственный Совѣтъ, Сенатъ, военные генералы и штабъ-офицеры, представители дворянства и купечества и, наконецъ, дамы. Отъ дворянства многихъ губерній и отъ многихъ городовъ подносили хлѣбъ-соль на золотыхъ и серебряныхъ блюдахъ. Особеннымъ великолѣпіемъ отличалось золотое блюдо, украшенное четырьмя огромными изумрудами и поднесенное отъ города Астрахани, а необыкновеннымъ изяществомъ — большое серебряное блюдо, поднесенное Донскими казаками. На срединѣ этого блюда представлено было назначеніе Цесаревича Александра Николаевича (тогда еще отрока) атаманомъ казачьихъ войскъ, а вокругъ выставлены въ лавровыхъ вѣнкахъ годы и мѣстности сраженій, въ которыхъ уча-

ствовало Донское войско. На огромномъ караваѣ ржаного хлѣба, положеннаго на это блюдо, красовалась золотая солонка, въ видѣ походнаго котелка, привѣшеннаго на трехъ копьяхъ.

Нельзя не вспомнить баловъ, послѣдовавшихъ за торжествомъ коронаціи. Во дворцѣ было два бала: одинъ въ Грановитой Палатѣ, а другой въ Александровской залѣ. Первый изъ нихъ былъ чисто парадный, ограничивался только польскими и кончился очень рано, безъ ужина. Второй былъ очень оживленъ, продолжался долго и заключенъ былъ великолѣпнымъ ужиномъ.

Баль у лорда Гренвиля казался скучнымъ, сравнительно съ балами у другихъ пословъ. Танцы происходили въ галлерей, обтянутой бѣлымъ коленкоромъ съ полосами краснаго кумача; полъ былъ покрытъ клеенкой. Благородный лордъ привезъ эту галлерею, или лучше сказать палатку, въ полномъ ея устройствѣ изъ Англіи, вѣроятно полагая, что въ дикой Москвѣ не съумѣютъ устроить такой прекрасной вещи. На чайномъ буфетѣ красовались огромныя груды холодной говядины, баранины, ветчины и вареныхъ раковъ, что для насъ Русскихъ казалось довольно страннымъ. Ужина вовсе не было.

Князь Эстергази и графъ Морни какъ будто бы состязались, чтобы превзойти другъ друга въ роскоши своихъ баловъ. За нѣсколько дней до коронаціи была привезена въ Москву и объявлена въ газетахъ, какъ необыкновенная рѣдкость, стерлядь длиною въ полтора аршина. Австрійскій посоль купилъ ее, какъ говорили тогда, за 500 рублей и вообще скупилъ всѣхъ стерлядей и осетровъ, сколько можно было достать къ дню его бала. Пристроенная къ дому Толмачева досчатая зала была обтянута бѣлою шерстяною матеріею съ драпировкой изъ алаго атласа и паркетнымъ поломъ. Въ сѣняхъ были разставлены гусары собственной гвардіи князя Эстергази, въ черныхъ бархатныхъ венгеркахъ, вышитыхъ золотомъ. Угощеніе отличалось необыкновеннымъ великолѣпіемъ; въ залѣ бель-этажа столъ для ужина высочайшихъ особъ и знатнѣйшихъ гостей былъ сервированъ на 50 персонъ на золотой посудѣ и покрытъ множествомъ кубковъ, чашъ и бокаловъ изъ золота и серебра, работы древнихъ художниковъ. Въ числѣ этой посуды отличалась изяществомъ золотая чаша, работы Бенченуто-Челлини, поставленная передъ приборомъ Государя. Ужинъ для прочихъ гостей (болѣе 500 человекъ) подавали въ танцевальной залѣ; стерлядей достало для всѣхъ. Старое Венгерское изъ собственныхъ погребовъ князя лилось рѣкою.

Баль графа Морни былъ почти также блистателенъ, какъ и Австрійскій. Особенно красива была танцевальная зала, нарочно построенная Французскимъ архитекторомъ Буле, прибывшимъ въ Москву вмѣ-

стѣ съ посольствомъ. Тропическихъ растений и цвѣтовъ было очень много, и въ этомъ отношеніи посолъ Французскаго императора перешеголялъ князя Эстергази, скупивъ предварительно все, что можно было получить изъ Московскихъ и подмосковныхъ оранжерей. Въ ужинѣ, впрочемъ прекрасно приготовленномъ однимъ изъ знаменитыхъ Парижскихъ поваровъ, замѣтно было отсутствіе крупной рыбы, которая, какъ сказано выше, досталась вся Австрійскому послу. За то Шампанское лучшихъ сортовъ и старыя Французскія вина подавались гостямъ въ изобиліи.

Баль, данный Московскимъ дворянствомъ въ залахъ Благороднаго Собранія, былъ очень многояденъ. Въ немъ старались участвовать всѣ, не имѣвшіе доступа на придворные и посольскіе балы. Въ числѣ этихъ лицъ была и жена моя; она, избѣгая лишнихъ издержекъ, не хотѣла представляться ко Двору и потому не была нигдѣ, кромѣ дворянскаго бала. Ужинъ подавался для императорской фамиліи, дипломатическаго корпуса и знатнѣйшихъ гостей въ столовой залѣ, а для всѣхъ прочихъ въ верхнихъ залахъ, занимаемыхъ обыкновенно Нѣмецкимъ клубомъ. При угощеніи нѣсколькихъ тысячъ человекъ нельзя было требовать строгаго порядка; приходилось дожидаться и даже получать не то кушанье, какого кто спрашивалъ. Разѣздъ изъ собранія былъ также довольно затруднителенъ.

Празднества по случаю коронаціи окончились народнымъ угощеніемъ на Ходынскомъ полѣ и фейерверкомъ передъ Лефортовскимъ дворцомъ (что нынѣ военная гимназія).

Народный обѣдъ готовился задолго до назначеннаго дня, а потому бараны и быки, зажаренные въ цѣломъ видѣ и выставленные подѣ красными попонами, отличались весьма непріятнымъ запахомъ. Нѣсколько большихъ фонтановъ били бѣлымъ и краснымъ виномъ.

Между столами стояли качели, балаганы съ паяцами и фокусниками. Было спущено нѣсколько небольшихъ воздушныхъ шаровъ. Приглашенные гости занимали мѣста въ нарочно построенныхъ галлереяхъ. Сигналомъ для начала угощенія долженъ былъ служить звонъ въ колокольчикъ, по пріѣздѣ Государя и Государыни со свитою. Но этотъ несчастный колокольчикъ нечаянно (а можетъ быть и нарочно) зазвонилъ преждевременно. Народъ, въ несмѣтномъ множествѣ, ринулся къ столамъ, и все приготовленное, даже и посуда, исчезло въ одно мгновеніе, такъ что августѣйшимъ хозяевамъ народнаго пиршества удалось увидѣть только картину народной свалки. Тутъ было нѣсколько забавныхъ приключеній. Такъ напр. двое мужиковъ, ухвативъ одного барана за хвостъ и за голову, танцили его каждый къ себѣ съ такою силою, что разорвали его пополамъ. Одинъ изъ любителей виногра-

наго вина, влѣзъ съ погами въ резервуаръ фонтана и пилъ ртомъ вино, которое лилось на него сверху. Мы всѣ, сидѣвшіе въ галлерейхъ, отъ души смѣялись, смотря на подобныя похождения.

Трудно и почти невозможно дать понятіе о блескѣ и великолѣпнѣй царскаго фейерверка, которымъ завѣдывали гвардейскіе артиллеристы. Я очень хорошо видѣлъ его съ верхняго балкона Лефортовскаго дворца. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ перемѣнъ. Прежде всего Государынѣ Императрицѣ поданъ былъ голубь; онъ полетѣлъ изъ рукъ Ея Величества впередъ и зажегъ корзину цвѣтовъ, которая загорѣлась разноцвѣтными огнями. Не стану исчислять букетовъ изъ нѣсколькихъ тысячъ ракетъ, съ разноцвѣтными звѣздами, и другихъ фигуръ фейерверка. Особенно замѣчательны были прозрачныя картины памятниковъ Минина и Пожарскаго въ Москвѣ и Сусанна въ Космромѣ. Въ заключеніе появился огромный щитъ съ вензелями августѣйшихъ вѣнцъ торжества. Многочисленная военная музыка заиграла, и нѣсельники гвардейскихъ полковъ запѣли народный гимнъ. Эффектъ былъ чрезвычайный, хотя пушечные выстрѣлы, принаровленные въ видѣ басовъ къ гимну, раздавались не всегда своевременно.

Въ концѣ Сентября императорская фамилія, посѣтивъ Лавру Преп. Сергія, оставила Москву. Вслѣдъ за нею разѣхались и всѣ пріѣзжіе; Русскіе и иностранцы. Мы провели зиму въ Москвѣ очень тихо, но на Страстной недѣлѣ я тяжело заболѣлъ. У меня открылся сильный ревматизмъ во всѣхъ членахъ, подагра поднялась кверху, и развивалась тифозная горячка. Словомъ, я былъ весьма близокъ, но, увы! вовсе не готовъ къ переходу въ вѣчную жизнь. Въ тяжелой болѣзни я сохранилъ память, хорошо понималъ свое положеніе; но у меня не было и мысли о покаяніи, о приготовленіи къ смерти. Только одна глубокая скорбь тяготила мою душу, скорбь о предстоящей разлукѣ съ женой и дѣтьми. Нѣсколько сутокъ я вовсе не спалъ; только подъ утро, на Понедѣльникъ свѣтлой недѣли Пасхи, измученный жестокою болью, я заснулъ на нѣсколько часовъ и увидѣлъ во снѣ, что къ постели моей подходит митрополитъ Филаретъ и говорить мнѣ: «Ты напрасно смущаешься: отъ этой болѣзни ты не умрешь. А тебѣ нужно подумать о грѣхахъ своихъ. Помнишь ли?» Тутъ явившійся исчислилъ мнѣ многіе грѣхи мои, давно мною забытые, и даже разъяснилъ нѣкоторыя прошедшія обстоятельства моей жизни, которыя до того времени оставались для меня неясными. Я проснулся въ сильномъ волненіи и со слезами разсказалъ знаменательный сонъ женѣ моей, которая сидѣла у моей постели, возвращаясь отъ ранней литургіи. Она въ то же утро поѣхала къ архипастырю и привезла мнѣ отъ него на благословеніе не большую финифтиную икону Спасителя. Съ того самого дня прекрати-

лись тифозное состояніе и соединенная съ нимъ опасность. но ревматическія страданія продолжались еще два мѣсяца. Когда я получилъ возможность владѣть правою рукой, тотчасъ же написалъ къ милостивому архипастырю благодарственное письмо и удостоился получить отъ него весьма милостивый и назидательный отвѣтъ.

Еще не успѣлъ я вполне поправиться отъ болѣзни, какъ жена моя обрадовала меня рожденіемъ четвертаго сына Николая (8 Іюля 1857 г.). Воспріемникомъ его былъ братъ жены моей князь С. П. Волконскій. Вскорѣ послѣ крестинъ я отправился на богомолье: святитель, явившійся мнѣ во снѣ, исчисляя грѣхи мои, упомянулъ и о томъ, что я, проѣзжая чрезъ Переславль-Залѣскій (въ 1854 году), не поклонился почитающимъ тамъ угодикамъ Божіимъ; а потому я поспѣшилъ, какъ только силы мнѣ дозволили, съѣздить въ этотъ городъ. Тамъ останавливался я въ кельяхъ знакомаго мнѣ почтеннаго отца-архимандрита Нифонта, настоятеля Никитскаго монастыря. Въ послѣдующіе затѣмъ годы я нѣсколько разъ пользовался радушнымъ его гостепріимствомъ и однажды имѣлъ удовольствіе видѣть его моимъ гостемъ въ Каменкахъ.

Прошелъ еще годъ, и семейство мое увеличилось рожденіемъ дочери. Собираясь изъ Каменокъ въ Москву ко времени родовъ, мы нечаянно опоздали и должны были остановиться въ Сергіевскомъ Посадѣ. Тамъ, въ старой гостиницѣ Лавры, жена моя разрѣшилась отъ бремени. Новорожденной дѣвчкѣ нарекли имя Прасковьи, въ память покойной моей матери. Для крещенія ожидали бабушку новорожденной, княгиню Александру Петровну, которая приняла малютку отъ купели вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ своимъ, княземъ Мих. Волконскимъ. Такимъ образомъ мы принуждены были прожить нѣсколько недѣль въ Посадѣ, и тутъ произошло нѣчто весьма странное: намѣстникъ Лавры отъ архимандритъ Антоній, всегда благоразумный и лично ко мнѣ внимательный, вообразилъ себѣ, что мы нарочно поселились на время въ гостиницѣ, чтобы «сквернить» ее дѣтороженіемъ. Не понимаю, какъ могъ онъ подумать, будто бы мы нарочно могли выбрать такое шумное и безпокойное мѣсто для родильницы, когда въ Москвѣ ожидало ее полное спокойствіе въ собственномъ домѣ. Какъ бы то ни было, отецъ Антоній сильно вознегодовалъ и болѣе года не принималъ меня къ себѣ. Когда я, пріѣхавъ въ Москву, былъ у митрополита Филарета, онъ неожиданно поздравилъ меня съ дочерью. «Мнѣ писалъ объ этомъ отецъ-намѣстникъ,» прибавилъ онъ: «удивляюсь, почему онъ огорчился». Видно отъ Антонія жаловался владыкѣ на наше непріятное ему пребываніе въ лаврской гостиницѣ.

Видя, что наше семейство прибавляется съ каждымъ годомъ и что намъ необходимо, для соблюденія экономіи, жить подольше въ деревнѣ, я рѣшился отказаться отъ службы при Обществѣ Сельскаго Хозяйства, тѣмъ болѣе что С. А. Масловъ видимо пуждался въ помощникъ болѣе дѣятельномъ, хотя, по дружбѣ ко мнѣ, никогда не давалъ мнѣ этого чувствовать. У меня оставалась еще одна служба, почти номинальная и нисколько не стѣснявшая моего пребыванія въ деревнѣ: я продолжалъ быть, по выбору дворянства, депутатомъ Дмитровскаго уѣзда и постоянно кандидатомъ на званіе предводителя.

Въ это время, впрочемъ, маловажная должность депутата получила нѣкоторое значеніе. Начиналось великое дѣло освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Послѣ адреса на высочайшее имя о готовности Московскаго дворянства приступить къ улучшенію быта крестьянъ, подписаннаго предводителями и депутатами дворянства, дозволено было дворянамъ каждаго уѣзда собираться для совѣщаній и выбора членовъ въ учреждаемые Комитеты.

За тѣсною квартирою тогдашняго Дмитровскаго предводителя, А. А. Черевина, эти собранія происходили у меня. Нужно сказать правду, что большинство Дмитровскихъ дворянъ (не исключая и меня) было слишкомъ мало приготовлено для сужденій о такомъ важномъ дѣлѣ. Оказалось нѣсколько человекъ, болѣе способныхъ къ рѣшенію предстоящихъ вопросовъ; между ними особенно отличались двое: Н. А. Зубковъ и П. В. Пальчиковъ. Они были выбраны въ члены губернскаго Комитета по крестьянскому дѣлу.

На меня лично предполагаемая эмансипація производила тяжкое вліяніе. При состояніи, довольно ограниченномъ, при семействѣ, состоящемъ изъ четырехъ малютокъ-дѣтей, я смотрѣлъ съ ужасомъ и тоскою на будущность, которая представлялась мнѣ въ самомъ мрачномъ видѣ. Но на дѣлѣ вышло иначе, о чемъ расскажу послѣ.

Въ 1860 году я ѣздилъ, для обозрѣнія старины, въ два древніе и нѣкогда вольные города—Великій Новгородъ и Псковъ. Плодами этой поѣздки были двѣ книги: «Святыни и древности Пскова», напечатанныя въ 1861 году и «Святыни и древности В. Новгорода», приготовленные къ торжеству тысячелѣтія Россіи. Не стану здѣсь описывать всего замѣчательнаго, что случилось мнѣ видѣть и описывать какъ въ эту поѣздку, такъ и при посѣщеніи другихъ древнихъ городовъ въ послѣдующіе затѣмъ годы. Все это будетъ предметомъ другой статьи, которую надѣюсь составить въ непродолжительномъ времени. Но здѣсь слѣдуетъ мнѣ рассказать объ одной замѣчательной личности, видѣнной мною въ окрестностяхъ Новгорода.

Въ 6 верстахъ къ Сѣверу отъ Новгорода находится женскій Сырковъ монастырь, окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсами и болотами. Тамъ, какъ случайно услышалъ я въ Новгородѣ, жила старушка, по имени Вѣра Александровна, положившая на себя обѣтъ молчанія. Объ ней узналъ я много любопытныхъ подробностей. Кто она и откуда—никто не знаетъ. Лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, она была задержана полиціей, какъ безпаспортная, и заключена въ тюрьму въ Новгородѣ. Оттуда написала она письмо къ графинѣ А. А. Орловой-Чесменской, жившей тогда на своей дачѣ близъ Юрьева монастыря. Прочитавъ письмо и переговоривъ съ неизвѣстной арестанткой, которая на всѣ вопросы отвѣчала письменно, графиня поспѣшила въ Петербургъ и передала лично письмо ея императору Николаю Павловичу. Вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе предложить Вѣрѣ Александровнѣ пребываніе въ одномъ изъ Новгородскихъ женскихъ монастырей, по ея выбору. съ тѣмъ, что для нея будутъ построены хорошія кельи на казенный счетъ. Съ того времени В. А. поселилась въ Сырковъ монастырь и получала ежегодное пособіе отъ Государя. Въ 1848 году (если не ошибаюсь) императоръ Николай, бывши въ Новгородѣ, посѣтилъ молчальницу, пробылъ у нея довольно долго и много разговаривалъ съ нею, причемъ В. А. исписала нѣсколько листовъ въ отвѣтъ на вопросы Государя. Прощаясь съ молчальницей, Государь поцѣловалъ у нея руку и сжегъ на лампадкѣ неписанные ею листы.

При отъѣздѣ изъ монастыря, онъ приказалъ игуменѣ имѣть всевозможныя попеченія о старушкѣ, которую удостоилъ своимъ посѣщеніемъ. Съ того времени В. А. пользовалась всеобщимъ уваженіемъ въ монастырѣ, а прежде того, игуменья ѣздила однажды въ Петербургъ и просила митрополита Серафима избавить ее отъ молчальницы, къ которой приходитъ очень много народа, будто бы нарушающаго тишину обители. Услышавъ эту просьбу, престарѣлый митрополитъ вскочилъ съ кресель и вскричалъ: «Ахъ ты дура баба! Да насъ съ тобою скорѣе выгонять, нежели ее. И поминать объ этомъ не смѣй!»

Желая познакомиться съ такою необыкновенною личностью, я пріѣхалъ въ Сырковъ и обратился къ игуменѣ съ просьбою допустить меня къ Вѣрѣ Александровнѣ. Это была уже не та игуменья, которая ѣздила къ м. Серафиму и потомъ встрѣчала покойнаго Государя въ своемъ монастырѣ. «Наша молчальница сегодня причащалась», сказала мнѣ игуменья; едва ли она согласится принять васъ. Впрочемъ я пошлю узнать.» Посланная келейница принесла отвѣтъ, что В. А. готова принять, и сама игуменья проводила меня къ ней. Въ большой свѣтлой комнатѣ, съ выбѣленными поштукатуркѣ стѣнами, я увидѣлъ старушку небольшого роста, въ бѣломъ платкѣ, покрытую чеп-

цомъ такого фасона, какъ носятъ вдовы въ Московскомъ Вдовьемъ Домѣ. Она встрѣтила насъ почти у двери и поклонилась въ землю сначала игуменьѣ, а потомъ и мнѣ. Игуменья скоро ушла, а я, сидя на скамьѣ, рядомъ съ хозяйкою, сталъ предлагать ей вопросы, на которые она отвѣчала письменно. Видя на стѣнѣ миниатюрный портретъ, я спросилъ: чей это портретъ?

*Она:* Это портретъ моей матери.

*Я:* А кто она была?

*Она:* Этого не скажу.

*Я:* Это лицо мнѣ знакомо. Я видѣлъ точно такой портретъ у моей бабушки, княгини Екатерины Гавриловны Долгоруковой.

*Она:* А развѣ княгиня Ек. Г. еще жива? Гдѣ она живетъ?

*Я:* Она еще жива, хотя очень стара. Живетъ въ Москвѣ съ сыномъ и дочерью.

*Она:* Спаси ее Господи!

*Я:* Позвольте спросить, чьи тѣ четыре имени, которыя вписаны въ вашемъ помянникѣ за упокой: Павла, Анны, Александра, Маріи.

*Она:* Первые два—моихъ родителей, а послѣднія—крестнаго отца и матери.

*Я:* Гдѣ вы жили, пока не поселились здѣсь?

*Она:* Я ходила съ мѣста на мѣсто, больше по монастырямъ, пытаясь въ дорогѣ мірскимъ подаяніемъ. За грѣхи мои и моихъ покойныхъ родителей, я грѣшная наложилла на себя обѣтъ странничества и молчанія. Извините меня: я очень устала и больше бесѣдовать не могу.

Я всталъ, поцѣловать руку у молчальницы и, выходя изъ ея кельи, хотѣлъ унести съ собою листъ, на которомъ она писала мнѣ отвѣты, но она взяла его у меня изъ рукъ и сожгла на лампадкѣ.

Портретъ, о которомъ я ее спрашивалъ, представлялъ весьма известную въ свое время личность: свѣтлѣйшую княжну Анну Петровну Допухину, вышедшую замужъ за князя П. Г. Гагарина, брата жены роднаго дяди моей матери князя Никиты Сергѣевича Долгорукова, княгини Екатерины Гавриловны, которая до замужества своего, жила нѣсколько времени въ домѣ брата и невестки и много разсказывала мнѣ о вниманіи императора Павла къ послѣдней.

Почему Сырковская молчальница знала княжню, и кто были родители Вѣры Александровны—Павелъ и Анна? Предоставляю угадывать читателю; но замѣчу что послѣ князя П. Г. Гагарина не осталось законныхъ дѣтей.

Спустя два года, я былъ вторично въ Новгородѣ, но уже не засталъ въ живыхъ Вѣры Александровны.

Моя книга о Новгородскихъ древностяхъ вышла въ свѣтъ въ 1862 году. Я послалъ экземпляръ ея при письмѣ на имя министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина для поднесенія Государю Императору, но къ удивленію моему получилъ книгу обратно съ увѣдомленіемъ, что Его Величеству угодно принять ее отъ меня лично при торжествѣ тысячелѣтія Русскаго государства. Это торжество назначено было 8 Сентября 1862 года въ Новгородѣ, гдѣ къ тому времени поставленъ былъ на площади противъ Софійскаго собора великолѣпный памятникъ. Я имѣлъ счастье поднести мою книгу Государю и Государынѣ при выходѣ ихъ къ литургіи въ день торжества, и удостоился приглашенія къ царскому обѣду, который происходилъ въ залахъ Новгородскаго дворянскаго собранія. Царскій столъ, за которымъ и мнѣ было отведено мѣсто, былъ накрытъ въ средней залѣ, а въ другихъ комнатахъ обѣдали Новгородскіе дворяне и другія лица, числомъ болѣе 500. Первый тостъ былъ провозглашенъ самимъ Государемъ: «За благоденствіе Россіи!» Въ этотъ же вечеръ митрополитъ Исидоръ, пригласивъ меня къ себѣ, объявилъ мнѣ, что Государынѣ Императрицѣ угодно, чтобы, при обзорѣнн Новгородскихъ древностей, сопровождалъ ся величество кто-либо съ археологическими свѣдѣніями и знаніемъ Французскаго языка, потому что объясненія ризничихъ не всегда могутъ быть понятными для августѣйшей посѣтительницы. Владыка указалъ на меня и, разговаривая со мною вечеромъ, изволилъ замѣтить: «Я думаю, что Государыня Императрица <sup>1)</sup> вовсе не нуждается въ объясненіяхъ на Французскомъ языкѣ, но не довѣряетъ нашимъ ризничимъ, которые часто сами не знаютъ того, что показываютъ посѣтителямъ». Мнѣніе владыки оправдалось на дѣлѣ.

Въ то время, когда владыка бесѣдовалъ со мною, Государь Императоръ и Государыня Императрица, въ сопровожденіи министра внутреннихъ дѣлъ и Новгородскаго гражданскаго губернатора В. Я. Скарятина ѣздили на лодкѣ въ село Рюриково-Городище въ 3 верстахъ къ Югу отъ Новгорода, на правомъ берегу Волхова. Тамъ былъ приготовленъ праздникъ для крестьянъ, къ которому собрались волостные старшины почти со всей губерніи и сельскіе старосты изъ ближайшихъ селеній. Государю поднесенъ былъ хлѣбъ-соль на дубовомъ блюдѣ съ дубовою же солонкою очень искусной работы одного рѣщика-крестьянина. Самый матеріалъ этихъ вещей замѣчателенъ: онѣ вырѣзаны изъ стариннаго, совершенно чернаго дуба, вырытаго изъ земли при закладкѣ фундамента подъ памятникъ тысячелѣтія Россіи. Когда Государь и Госу-

---

<sup>1)</sup> Покойная Государыня отлично говорила порусски и близко была знакома съ лучшими произведеніями нашей словесности. П. Б.

дарыня подъѣхали на лодкѣ къ Городищу, собравшіеся крестьяне, видя, что выходъ на берегъ нѣсколько сырѣ, разостлали свои кафтаны для прохода царственной четы. При возвращеніи ихъ величествъ въ Новгородъ въ десять часовъ вечера, на обоихъ берегахъ Волхова горѣли смоляныя бочки и незатѣйливыя иллюминаціи, устроенныя крестьянами по ихъ вкусу и средствамъ.

На слѣдующее утро Государыня Императрица изволила начать осмотръ Новгородскихъ древностей съ древнѣйшаго Софійскаго собора, гдѣ была встрѣчена преосвященнымъ викаріемъ Теофилактомъ, въ сопровожденіи знатока и тщательнаго изслѣдователя мѣстной старины, ректора Новгородской семинаріи архимандрита Макарія (нынѣ епископъ Нижегородскій) и соборнаго духовенства. Тутъ же и я былъ представленъ оберъ-прокуроромъ А. П. Ахматовымъ и находился во все время при Ея Величествѣ. Замѣчательнѣйшія различныя вещи были перенесены изъ ризницы, находящейся на хорахъ («на полатяхъ», по выраженію лѣтописи) и разложены на столѣ въ Предтечевскомъ придѣлѣ. Разсматривая эти предметы старины, Государыня пожелала видѣть артосную панагію XV вѣка, устроенную по распоряженію св. владыки Евфимія при великомъ князѣ Васильѣ Темномъ. Старецъ-ключарь, не разсуждая вопроса, подалъ панагію архіепископа Пимена XVI вѣка съ изображеніемъ Софіи Премудрости Божіей. Тогда Государыня Императрица, обратясь ко мнѣ, сказала: «можетъ быть, я не такъ выразилась; лучше было бы сказать панагіаръ». Такое знаніе техническихъ терминовъ церковной археологіи въ лицѣ супруги Русскаго Самодержца удивило меня и отца Макарія: много ли найдется между нашими образованными дамами высшего круга такихъ, которыя знали бы различіе между артосною и наперсною панагією? При дальнѣйшемъ осмотрѣ святынь и древностей, историческія познанія Ея Величества еще болѣе обнаружались. Такъ, еще не выходя изъ собора, она пожелала видѣть икону Соловецкихъ чудотворцевъ, на которой, въ числѣ клеймъ съ чудесами, изображена два раза Марѳа Борецкая, прозванная посадницею, въ бесѣдѣ съ преподобнымъ Зосимою и на обѣдѣ, гдѣ чудотворецъ видѣлъ обезглавленными Новгородскихъ вельможъ, которыхъ ожидала казнь отъ Іоанна III. «Къ какому времени принадлежитъ эта икона?» спросила Государыня кафедральнаго протоіерея. «Вѣроятно къ началу XVII вѣка», отвѣчалъ онъ. «Судя по работѣ, я думаю, что икона древнѣе», отозвалась Императрица. Тогда отецъ ректоръ Макарій доложилъ ей, что этотъ образъ значится въ соборной описи 1572 года и вѣроятно могъ быть написанъ ранѣе этого времени. При входѣ въ Грановитую Палату, обращенную теперь въ церковь, Государыня сказала мнѣ: «вѣроятно это та самая палата, въ ко-

торой Грозный царь своимъ ясакомъ (крикомъ) подалъ знакъ къ началу грабежа? Въ кельяхъ святителя Іоанна она изволила весьма справедливо замѣтить, что древность приписываемаго ему рукоомойника изъ желтой мѣди весьма сомнительна. Выходя оттуда, августѣйшая посѣтельница пожелала войти въ небольшую крестовую церковь устроенную въ 1463 году святителемъ Іоною Отенскимъ, въ честь преподобнаго Сергія Радонежскаго, за 40 лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1422 году) прославленнаго нетлѣніемъ мощей и чудесами. «Желаю приложиться къ иконѣ Преп. Сергія», сказала Государыня, и я доложилъ потомъ, что эта малая церковь есть первая изъ всѣхъ, посвященныхъ имени великаго Чудотворца, а потому и храмовая икона должна быть одною изъ древѣйшихъ, если не самою древнею.

Вечеромъ, 9 Сентября, въ Воскресенье Новгородское дворянство дало балъ для императорской фамиліи въ домѣ своего собранія. Польскій повторялся многократно; въ послѣдній разъ Государыня Императрица удостоила пройти его со мною, причемъ изъявляла удовольствіе объ осмотрѣ Новгородскихъ древностей и при посѣщеніи Городища. «Усердіе крестьянъ меня очень тронуло», прибавила она; «но жаль, что за темнотою намъ не удалось осмотрѣть старинной церкви въ этомъ селѣ». На другой день все царское семейство отправилось въ Петербургъ, а я, пробывъ въ Новгородѣ еще два дня, уѣхалъ въ Москву.

Возвращаясь къ продолженію моего разсказа, остановившагося на 1860 году. Знаменитый въ современной Русской исторіи 1861 годъ былъ ознаменованъ манифестомъ объ освобожденіи крестьянъ. Это великое событіе совершилось въ полной тишинѣ и порядкѣ, и вовсе не повлекло за собою тѣхъ ужасовъ и того раззоренія, которыхъ опасалось большинство помѣщиковъ. Конечно, дѣло не обошлось безъ убытковъ, особенно въ мѣстностяхъ нечерноземной полосы, гдѣ доходъ зависѣлъ болѣе отъ промысловъ крестьянъ, нежели отъ обработки земли. Такъ, напримѣръ, у меня хозяйство въ селѣ Каменкахъ сдѣлалось почти невозможнымъ отъ дороговизны труда, при плохомъ качествѣ земли и скудныхъ урожаяхъ. Въ Калужскомъ имѣніи жены моей убытковъ для насъ было менѣе, а въ моемъ Малоархангельскомъ хозяйство сохранилось въ прежнемъ видѣ, и доходы не только не уменьшились, но еще увеличились при постоянномъ возрастаніи цѣнъ на хлѣбъ. Вообще оказалось, что помѣщики, владѣвшіе запаснымъ капиталомъ, или по крайней мѣрѣ свободные отъ долговъ, вынесли благополучно хозяйственный кризисъ. Напротивъ того, тѣ изъ нихъ, которые были обременены долгами въ эпоху эмансипаціи, большею частію безвозвратно разорились. На первое время очень трудно было многимъ изъ насъ поладить съ крестьянами и составить уставныя грамоты по добровольному соглашенію. Мы при-

шлося испытать эту трудность въ Каменкахъ: крестьяне ни на какія условія не соглашались, упорно требуя полного надѣла, котораго они никогда не имѣли, а я не могъ дать имъ его: потому что значительное количество земли находилось подъ лѣсомъ, проданнымъ мною на срубъ еще въ 1858 году и тогда еще не срубленномъ.

Наконецъ, уставная грамота была введена мировымъ съѣздомъ обязательно, безъ согласія крестьянъ. Въ послѣдствіи они убѣдились сами, что полный надѣлъ, котораго они требовали, былъ бы выгоденъ только для меня, увеличивъ сумму оброка, но въ тоже время раззорителенъ для нихъ, потому что лишняя земля была бы для нихъ совершенно бесполезною. Теперь, даже при маломъ надѣлѣ, многія полосы полей остаются у нихъ необработанными. Въ Орловскомъ моемъ имѣніи не было такихъ затрудненій: тамъ уставная грамота и разверстаніе угодій были введены очень скоро, благодаря разумной дѣятельности управляющаго Прохора Иванова, о которомъ буду говорить позднѣе. Но въ селѣ Горномъ устройство новаго порядка вещей было еще замѣчательнѣе: крестьяне, принадлежавшіе женѣ моей, по пріѣздѣ моемъ къ нимъ, согласились въ нѣсколько часовъ не только на составленіе уставной грамоты и разверстаніе угодій, но и на выкупъ съ дополнительнымъ платежемъ, разсроченнымъ на 10 лѣтъ. При этомъ нужно замѣтить, что Кузнечинскіе и Горновскіе крестьяне никогда не видали отъ насъ никакихъ особенныхъ милостей, между тѣмъ какъ Каменскіе, перешедшіе ко мнѣ послѣ Красильниковъ въ состояніи совершенно нищенскомъ и ходившіе поголовно поміру, были снабжены отъ меня хорошими покосами и получили облегченіе барщинной работы чрезъ уменьшеніе господскихъ полей. Многимъ изъ нихъ были даны лошади, коровы, лѣсъ на постройку избъ. И при этомъ только они одни, при освобожденіи, оказались упорными въ соглашеніи и почти враждебными къ прежнему своему барину. Впрочемъ мнѣ случалось слышать отъ другихъ помѣщиковъ, что вообще крестьянскія общества тѣмъ хуже относились къ прежнимъ своимъ владѣльцамъ, чѣмъ болѣе видѣли отъ нихъ снисхожденія и баловства при крѣпостномъ правѣ. Какъ объяснить этотъ фактъ—предоставляю людямъ, болѣе меня знакомымъ съ крестьянскимъ бытомъ.

Зима 1860—1861 гг. осталась памятною въ нашемъ семействѣ по свадьбамъ двухъ братьевъ жены моей: князь Сергій Петровичъ женился, съ разрѣшенія митрополита, на внучатной сестрѣ своей по матери, дѣвицѣ Н. А. Феллеръ (11-го Ноября 1860 г.), а князь Михаилъ Петровичъ на дѣвицѣ В. П. Васильчиковой (18-го Января 1861 г.). Счастіе послѣдней четы было не продолжительно; княгиня Вѣра скончалась отъ чахотки 26 Апрѣля 1864 года. Князь Сергій также рано лишился

жены своей, умершей послѣ непродолжительной болѣзни 6-го мая 1872 года.

Весною 1862 года скончалась (26 Апрѣля) старшая сестра жены моей, вдова А. П. Грязева. Она прежде пользовалась постоянно крѣпкимъ здоровьемъ, но въ послѣднюю осень простудилась и зачихла. Кончина ея была тяжкимъ горемъ для всей нашей семьи, начиная съ матери, у которой она была любимой дочерью. Впрочемъ любили ее не только близкіе родные, но и всѣ, кто только зналъ ее. И можно ли было не любить такую милую, такую кроткую женщину? Никто не видалъ ея въ раздраженномъ состояніи, никто не слышалъ отъ нея рѣзкаго и непріятнаго слова; это была воплощенная кротость, кротость чисто ангельская. Неутѣшная мать покойной взяла къ себѣ двухъ малолѣтнихъ внучекъ, круглыхъ сиротъ безъ отца и матери. Старшей изъ нихъ, Сашѣ, было тогда 12, а младшей, Варѣ, 9 лѣтъ. Первая изъ нихъ еще при жизни бабушки вступила въ бракъ съ графомъ П. А. Голевицкимъ-Кутузовымъ, а послѣдняя вышла замужъ позднѣе за Н. А. Неаховича, Русскаго морскаго агента въ Берлинѣ.

Въ началѣ 1863 года (15 Января) родился у насъ пятый сынъ Всеволодъ. Воспріемникомъ его былъ старшій братъ жены моей князь Николай Волконскій.

Прошло еще два года, и старшимъ сыновьямъ моимъ пришло время основательнаго ученія. Въ началѣ Августа 1865 года оба они (Сергеѣ и Петя) поступили въ 5-ю Московскую Гимназію и были приняты во второй классъ. Тогда же перебрались мы изъ своего Прѣсенскаго дома въ другой, принадлежавшій женѣ моей, стоящій на углу Моховой и Знаменки, противъ Румянцевскаго Музея. Этотъ домъ, о которомъ не упомянулъ я въ своемъ мѣстѣ, былъ купленъ въ 1857 году у г-жи Логановской, вдовы извѣстнаго скульптора, за 65,000 р. серебромъ съ разсрочкою платы подъ закладную. Переѣзжая въ этотъ домъ, мы имѣли въ виду удобство ближайшей ходьбы въ гимназію для нашихъ мальчиковъ, тѣмъ болѣе что черезъ два года поступили туда же еще два нашихъ сына (Владимиръ и Николай). Впрочемъ я не буду утомлять читателей подробностями о дальнѣйшемъ воспитаніи сыновей моихъ. Скажу только, что старшій изъ нихъ, Сергѣй, окончивъ курсъ въ Николаевской кавалерійской школѣ, поступилъ въ кирасирскій Его Величества полкъ; второй—Петръ, кандидатъ правъ Московскаго университета, занимаетъ должность товарища губернскаго прокурора въ Кіевѣ; младшій Николай учился въ Морскомъ Училищѣ и теперь служить мичманомъ въ гвардейскомъ экипажѣ.

1864 годъ памятенъ для меня по юбилею 50-лѣтія Московской Духовной Академіи, празднованному 1-го Октября. Пріѣзжихъ гостей

было немного: преосв. Филаретъ, архіепископъ Черниговскій, магистръ VII курса и позднѣе ректоръ Академіи, старецъ преосв. Евгеній, прежде бывшій Ярославскій, исправлявшій должность оберъ-прокурора Св. Синода князь С. Н. Урусовъ, Московскій генераль-губернаторъ Офросимовъ, депутаты отъ Московскаго университета и нѣсколько другихъ лицъ. Но весьма много было членовъ Московскаго духовенства, окончившихъ курсъ въ Академіи и собравшихся въ этотъ торжественный день привѣтствовать свою alma mater. Торжество началось литургіею въ Троицкомъ соборѣ, которую совершалъ митрополитъ Филаретъ вмѣстѣ съ Филаретомъ Черниговскимъ и двумя своими викаріями, епископами Леонидомъ и Саввою. Затѣмъ, въ большой академической залѣ, профессоръ С. К. Смирновъ прочелъ составленную имъ историческую записку о дѣятельности Академіи въ теченіи полувѣка (1814—1864 г.), а преосвященной Леонидъ—рѣчь, написанную митр. Филаретомъ. Въ заключеніе акта ректоръ Академіи, протоіерей А. В. Горскій, произнесъ рѣчь о потребности составленія словаря богословскихъ наукъ. Онъ получилъ въ этотъ день отъ Московскаго университета дипломъ на степень доктора историческихъ наукъ, а достойный сынъ моего благодѣтеля—Д. Θ. Голубинскій утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора математическихъ наукъ.

На Моховой прожили мы около двухъ лѣтъ, покуда болѣзнь жены моей и увѣренія докторовъ, что ей вредно жить въ каменномъ домѣ, не принудили насъ переѣхать въ наемную квартиру близъ Арбата. Домъ нашъ на Средней Прѣснѣ былъ уже проданъ.

Въ это время я сблизился съ почтеннымъ старцемъ М. М. Евреиновымъ. Я зналъ его еще во дни моего отрочества; видалъ его въ Лаврѣ и потомъ встрѣчалъ неоднократно у Долгоруковыхъ, но близкаго знакомства между нами не было. Въ 1865 году мы сошлись какъ-то случайно, стали видаться часто и взаимно полюбили другъ друга.

М. М. былъ человѣкъ, какихъ рѣдко можно встрѣтить на пути жизни. Прежде всего онъ былъ добрый христіанинъ, всегда вѣрный своему христіанскому долгу. Воспитанный благочестивою матерью (отецъ умеръ за нѣсколько дней до его рожденія), М. М. сохранилъ на всю жизнь искреннее, сердечное благочестіе, чуждое всякихъ сомнѣній и лукавыхъ умышленій, любилъ молиться въ храмъ Божіемъ, любилъ посѣщать св. мѣста, ознаменованныя подвигами угодниковъ Божіихъ, и строго исполнялъ постановленія Православной Церкви. Между прочимъ замѣчательно, что онъ, во все время долгой своей жизни, ни одного раза (какъ я слышалъ отъ него самого) не нарушилъ поста въ постные дни; даже и въ трудный походъ 1812 года, когда приходилось

нерѣдко питаться сухарями съ молокомъ или съ яйцами, онъ Среду и Пятницу довольствовался сухарями съ водою.

Вѣрный рабъ Божій былъ и вѣрнымъ другомъ людей. Ласковый ко всѣмъ, онъ охотно служилъ каждому, чѣмъ только могъ, никого не оскорблялъ и не осуждалъ, ни о комъ, даже и о тѣхъ, которые были виноваты предъ нимъ, не отзывался дурно. Сердце его было кроткое, незлобивое, какъ сердце младенца. Безкорыстіе его было образцовое: онъ не только не хотѣлъ воспользоваться чѣмъ-либо чужимъ (хотя и представлялась иногда возможность), но никогда не желалъ чужаго и не завидовалъ чужому богатству, строго исполняя десятую заповѣдь, хотя средства его были весьма ограничены, и онъ жилъ однимъ жалованьемъ, не оставляя службы до самой кончины. Незабвенный архипастырь нашъ, митр. Филаретъ, знавшій коротко покойнаго М. М., однажды отозвался о немъ: «Вотъ человѣкъ, которому я вѣрилъ бы миллионы!»

М. М. Евреиновъ род. 9 Сентября 1788 года, скончался 23 Декабря 1878 г., за два дня до великаго Христова праздника, котораго не удалось ему отпраздновать на землѣ.

Память этого почтеннаго старца осталась для меня незабвенною между прочимъ и потому, что онъ первый подаль мнѣ мысль составлять и издавать рассказы изъ исторіи Русской Церкви. У меня уже было написано нѣсколько такихъ рассказовъ.

Черезъ Д. Θ. Голубинскаго я познакомился съ священникомъ (теперь протоіереемъ) В. П. Нечаевымъ, который въ то время издавалъ «Душеполезное Чтеніе» вмѣстѣ съ протоіереемъ А. О. Ключаревымъ (нынѣ Амаросій, епископъ Дмитровскій). Мои рассказы понравились редакціи; я сталъ составлять ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и помѣщать почти въ каждой книжкѣ сказаннаго журнала. Въ видѣ гонорарія мнѣ дано было 700 отдѣльныхъ экземпляровъ. Первая книжка рассказовъ вышла въ 1862 году. Когда я поднесъ ее митрополиту Филарету, онъ, взглянувъ на обертку, сказалъ: «книжка первая, значитъ будетъ и вторая?» Будетъ и больше, отвѣчалъ я, если Богъ благословитъ. «На чемъ же думаете вы остановиться?» спросилъ владыка. На учрежденіи Св. Синода въ 1721 году. «Весьма справедливо», замѣтилъ митрополитъ, «потому что не настало еще время разсуждать о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ Св. Синода, особенно въ царствованіе императрицы Анны». Послѣдуя совѣту нашего великаго святителя, я окончилъ рассказы 1721 годомъ. Они состояли изъ пяти книжекъ, были послѣ напечатаны вторично и разошлись очень быстро. Въ третій разъ они были напечатаны книгопродавцемъ Желтовымъ, которому я передалъ право изданія. Кромѣ «Рассказовъ изъ исторіи Русской Церкви», я продолжалъ помѣщать въ

«Душеполезномъ Чтеніи» всѣ мелкіе труды мои. Только слѣдующая небольшая статья, написанная мною подъ вліяніемъ извѣстія о ранней кончинѣ Цесаревича Николая Александровича, была напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 21 Апрѣля 1865 года.

«Въ 1223 году скончался въ Новгородѣ князь Феодоръ Ярославичъ, въ самой ранней юности, чистый дѣвственникъ, прекрасный душой и тѣломъ, старшій сынъ великаго князя Ярослава Всеволодовича и законный наслѣдникъ великаго княженія всея Руси. Для него уже готова была невѣста, гости-князья собрались и ждали брачнаго пира. Но, по выраженію лѣтописца, «вмѣсто веселія наступилъ плачь и стѣнованіе за грѣхи наши». Благовѣрные родители съ христіанскимъ терпѣніемъ и покорностію воли Божіей перенесли тяжкую потерю; мать почившаго, блаженная великая княгиня Феодосія, возложила печаль свою на Господа, взывая къ Нему: «Ты далъ, Ты и взялъ! Да будетъ благословенно Святое Имя Твое!» Съ твердою надеждою на Бога, наказующаго и милующаго, она ждала себѣ утѣшенія отъ втораго сына своего—Александра. Это событіе отдаленной древности воскресло въ моей памяти сегодня, при чтеніи въ Успенскомъ соборѣ манифеста о кончинѣ Государа Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича и о назначеніи Наслѣдникомъ Престола Великаго Князя Александра Александровича. Какое разительное сходство событій!»

«Тогда не ошиблись въ своемъ упованіи благочестивые родители почившаго юноши. Новый наслѣдникъ ихъ успѣлъ еще при жизни отца прославиться воинскими подвигами, а вступивъ на престолъ великаго княженія, доблестный князь былъ защитникомъ Русскихъ предѣловъ отъ Нѣмцевъ, Литвы и Шведовъ, много потрудился для внутренняго устройства Руси и по блаженной кончинѣ содѣлался заступникомъ земной родины. Это былъ святой Александръ Невскій.»

«Да исполнится и нынѣ, надъ августѣйшими родителями усопшаго царственнаго юноши, то благословеніе, котораго удостоились нѣкогда родители святаго князя Феодора, нетлѣнно почивающаго въ Великомъ Новгородѣ, въ храмѣ Софійскомъ. Новый Наслѣдникъ Всероссійской Державы да будетъ, какъ тезоименитый ему Невскій витязь, утѣшеніемъ державныхъ родителей, честію, славою и счастіемъ Россіи; да будетъ Онъ подобенъ двумъ вѣнценоснымъ Александрамъ—Благословенному освободителю Европы и Державному освободителю многихъ милліоновъ народа Русскаго».

Эти строки удостоились вниманія и благоволенія августѣйшихъ родителей почившаго Цесаревича, были перепечатаны во многихъ Русскихъ журналахъ и переведены на Французскій, Нѣмецкій и Англійскій

языки въ иностранныхъ изданіяхъ: le Nord, Allgemeine Preussische Zeitung и Times.

Въ 1867 году исполнилось полвѣка служенія митрополита Филарета въ епископскомъ санѣ. Этотъ необыкновенный юбилей былъ торжественно отпразднованъ въ Сергіевой Лаврѣ 5 Августа, въ присутствіи многихъ архіереевъ и оберъ-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстаго, который привезъ маститому юбиляру царскіе дары: драгоценную панагію и осыпанный брилліантами настольный портретъ трехъ государей, при которыхъ Филаретъ продолжалъ свою службу—Александра I, Николая и Александра II. Не только всѣ Русскіе епископы, духовно-учебныя заведенія и многія изъ высшихъ свѣтскихъ учрежденій, но и восточные патріархи пріѣхтствовали знаменитаго Московскаго святителя на закатѣ дней его.

Прошло еще три мѣсяца, и 19 Ноября Филарета не стало. Неожиданно угасъ великій свѣтильникъ, болѣе полувѣка изливавшій свѣтъ свой не только на Россію, но и на весь православный Востокъ. Для меня лично кончина владыки, при его милостивомъ расположеніи ко мнѣ, была тяжкою потерей. Въмѣстѣ съ женою моею я былъ на панихидѣ въ крестовой церкви, былъ черезъ силу въ Чудовомъ монастырѣ, когда принесено было туда тѣло почившаго святителя. Но на погребеніи его, къ глубокому моему прискорбію, не могъ быть: подагра приковала меня къ постелѣ. Здѣсь навѣстилъ меня двоюродный братъ мой, оберъ-прокуроръ Св. Синода, пріѣхавшій нарочно въ Москву къ похоронамъ. Сверхъ того Государю угодно было, чтобы одинъ изъ сыновей его отдалъ послѣдній долгъ старѣйшему изъ архипастырей Русскихъ, и великій князь Владимиръ почтилъ погребеніе Филарета своимъ присутствіемъ. Отиѣваніе въ соборной церкви кафедральнаго Чудова монастыря и погребеніе въ Сергіевой Лаврѣ совершалъ Кіевскій митрополитъ Арсеній съ тѣми же архіепископами и епископами, которые присутствовали, за три мѣсяца передъ тѣмъ, на юбилейномъ торжествѣ маститаго владыки. Къ нимъ присоединился девяностолѣтній старецъ архіепископъ Евгеній, бывшій Ярославскій, другъ и нѣкогда сослуживецъ Филарета, черезъ два года дожившій также до 50-лѣтія въ санѣ епископскомъ. Останки нашего приснопамятнаго архипастыря были преданы землѣ въ заложенномъ, еще при жизни его, храмѣ св. Филарета Милостиваго.

Въ великій постъ 1868 года открылся въ Москвѣ первый археологическій съѣздъ. И я также былъ въ числѣ членовъ съѣзда. Отлучившись на одинъ день въ Сергіеву Лавру, я, къ удивленію и ужасу моему, замѣтилъ, что одна изъ старинныхъ иконъ въ Троицкомъ соборѣ (Успенія Б. Матери) поновлена или лучше сказать совсѣмъ заново переписана,

а другой еще болѣе замѣчательный образъ Спасителя, работы извѣстнаго иконописца Симона или Пимена Ушакова, взять въ живописную палату для поновленія. По возвращеніи въ Москву, я не могъ удержать негодованія и въ первомъ же засѣданіи сѣзда горячо возсталъ на такое дикое обращеніе съ предметами древности. «Нужно положить предѣлъ такому вандализму какими-либо правительственными мѣрами», говорилъ я; «а иначе можно ожидать, что невѣжественная рука своею грубою кистью замалюетъ храмовую икону Живоначальной Троицы, писанную Андреемъ Рублевымъ». Если бы я зналъ тогда, что слова мои записываются стенографами и на другой день появятся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», я говорилъ бы спокойнѣе и осмотрительнѣе. Но къ сожалѣнію я не зналъ этого и сказанныхъ словъ уже нельзя было воротить. Когда, чрезъ нѣсколько дней, нѣкоторые изъ членовъ сѣзда посѣтили лавру, о. намѣстникъ Антоній горько жаловался имъ: «Прямо указываетъ на меня», говорилъ онъ, «подъ названіемъ невѣжественной руки. Вотъ, посмотрите, икона Спаса не поновлена. Дѣйствительно эта икона, какъ только намѣстникъ узналъ о происходившемъ на сѣздѣ, тотчасъ же была очищена отъ свѣжаго слоя новой краски и поставлена на свое мѣсто. Хотя пріѣзжіе археологи ощущали сильный запахъ ээира, употребленнаго для смыванія краски, но одинъ изъ нихъ, желая успокоить почтеннаго старца, сказалъ ему: «вы сами живописью не занимаетесь и не берете кисти въ руку, значитъ сказано не объ васъ, а о томъ иконописцѣ, который займется поновленіемъ стариннаго образа». Такимъ образомъ Успенская икона уцѣлѣла въ первобытномъ своемъ видѣ, но о. Антоній вторично прогнѣвался на меня, на этотъ разъ уже не безъ причины съ моей стороны.

Въ ту же весну (22 Апрѣля), младшая сестра жены моей, княжна Варвара Петровна сочеталась бракомъ съ отставнымъ генералъ-майоромъ Н. А. Мартыновымъ. Этотъ бракъ былъ для всѣхъ неожиданностію; первая молодость милой сестры нашей уже прошла; она почти отстала отъ свѣтскихъ удовольствій и не думала о замужствѣ. По женихъ умѣлъ ей понравиться. Онъ былъ человѣкъ вполнѣ благородный, съ добрымъ, хотя и горячимъ сердцемъ, и весьма образованный. Въ службѣ, которую привелось ему проходить, между прочимъ въ Камчаткѣ, гдѣ онъ былъ правителемъ во время Крымской войны и наконецъ въ Польшѣ, въ званіи военнаго начальника Петроковской губерніи, онъ могъ видѣть и испытать многое, недоступное для другихъ. Сверхъ того разъѣзды по отдаленнымъ краямъ Сибири и путешествія моремъ изъ Охотска въ Петербургъ, вокругъ восточныхъ и южныхъ береговъ Азіи, доставили ему много разнообразныхъ свѣдѣній. Николай Алексѣевичъ полюбилъ всю нашу семью; въ особенности со мною онъ

былъ очень друженъ. Къ сожалѣнію счастливая брачная жизнь Мартыновыхъ продолжалась не болѣе восьми лѣтъ: Н. А. скончался 4 Мая 1876 года.

Въ 1869 году я въ первый разъ былъ въ Кіевѣ. Поводомъ къ этой поѣздкѣ былъ пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Духовной Академіи, считавшійся съ 28 Сентября 1819 года, когда это старѣйшее изъ высшихъ училищъ въ Россіи было преобразовано по уставу, составленному Коммиссіею Духовныхъ Училищъ. Я отправился въ Кіевъ въ качествѣ депутата отъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ другомъ моимъ М. М. Евреиновымъ, который случайно былъ свидѣтелемъ академическаго акта за 50 лѣтъ передъ тѣмъ, при митрополитѣ Серапіонѣ, когда Кіевская Академія была открыта по новому уставу. Мы останавливались въ лаврской гостинницѣ, были благосклонно приняты митрополитомъ Арсеніемъ, который съ того времени до самой кончины своей сохранилъ ко мнѣ благосклонное расположеніе, познакомились съ ректоромъ Академіи, архимандритомъ Филаретомъ и многими почтенными профессорами. Обзоръніе святынь и древностей въ Кіевѣ, этой «матери градовъ Русскихъ», еще по выраженію древняго Олега, будетъ описано мною въ другой статьѣ. Юбилей происходилъ 28 Сентября, въ большой залѣ стараго Братскаго корпуса, построеннаго гетманомъ Мазепою. Въ недавнее время всѣ стѣны этой залы покрыты портретами (числомъ болѣе ста) основателей, благотворителей, наставниковъ и знаменитыхъ воспитанниковъ Академіи. Въ числѣ послѣднихъ находятся изображенія двухъ угольниковъ Божіихъ—св. Димитрія митрополита Ростовскаго и св. Иннокентія епископа Иркутскаго, и двухъ мѣсто-чтимыхъ святителей: Іоасафа Горленка и Ѳсодосія Углицкаго. Въ день торжества и на другой день въ Академіи были парадные обѣды: на одномъ изъ нихъ заслуженный профессоръ Д. А. Подгурскій прочелъ написанное имъ Латинское стихотвореніе, составляющее подражаніе извѣстной университетской пѣснѣ:

Gaudeamus, olim qui  
Juvenes eramus!  
Senium nos tetigit,  
Sed nequaquam domuit:  
Ergo gaudeamus!

Vivat Academia! -  
Vivant professores!  
Et qui coaetaneis,  
Nobis juncti studiis,  
Restant auditores!

Omnis vita est brevis,  
 Nostra plus quam brevis,  
 Nimium velocibus  
 Inopina passibus  
 Mors adest grandaevis.

Ubi sunt, qui juxta nos  
 Quondam florere?  
 Aegra trahunt corpora.  
 Aut naturae debita  
 Ante nos solvere.

Soli Deo gloria!  
 Nos hucusque stamus.  
 Senium nos tetigit,  
 Sed nequaquam domuit:  
 Ergo gaudeamus!

(Возрадуемся, мы, бывшіе нѣкогда юношами! Старость коснулась насъ, но еще не покорила. И такъ возрадуемся! Да здравствуетъ Академія! Да здравствуютъ профессоры! И тѣ, которые прежде были намъ сверстниками по ученію, а теперь насъ слушаютъ. Бѣлая жизнь коротка, а наша тѣмъ болѣе; слишкомъ быстрыми шагами неожиданная смерть подходитъ къ старикамъ. Гдѣ тѣ, которые нѣкогда цвѣли подле насъ? Они влачатъ немощное тѣло или прежде насъ заплатили долгъ своей природѣ. Богу единому слава! Мы еще стоимъ! Старость коснулась насъ, но не покорила. И такъ возрадуемся!)

Безъ сомнѣнія для всѣхъ насъ останется памятнымъ пріятный вечеръ 29-го, проведенный въ комнатахъ ректора Академіи, о. архимандрита Филарета. Здѣсь, въ кругу нѣсколькихъ владыкъ, воспитавшихся въ Кіевѣ, наставниковъ Академіи и весьма немногихъ постороннихъ, незамѣтно протекло нѣсколько часовъ въ оживленной и непринужденной бесѣдѣ. Радужный хозяинъ подарилъ каждому изъ гостей по экземпляру книгъ, напечатанныхъ къ торжеству: 1) Сборникъ изъ лекцій замѣчательнѣйшихъ профессоровъ Кіевской Духовной Академіи; 2) Апокризисъ Христофора Филалета; 3) книга для назидательнаго чтенія и 4) сборникъ статей изъ Воскреснаго Чтенія. Двѣ послѣднія книги изданы для употребленія въ народныхъ школахъ.

Если гдѣ-нибудь, то конечно въ Кіевѣ можно ожидать успѣха отъ новой мѣры, открывающей свободный доступъ въ духовныя академіи и семинаріи лицамъ всѣхъ сословій, разумѣется, достаточно подготовленнымъ; въ древней колыбели Русской науки и теперь крѣпка еще связи Академіи съ обитателями города. На торжествѣ юбилея мы видѣли нѣсколько пожилыхъ купцовъ Кіевскихъ, получившихъ образованіе въ прежней Академіи (до реформы ся въ 1819 году) и сохранившихъ

благодарную привязанность къ мѣсту своего воспитанія: въ числѣ ихъ находился извѣстный торговецъ кондитерскими произведеніями Н. С. Балабуга.

За тѣмъ же объѣдомъ митрополитъ предложилъ тостъ за здоровье М. М. Евреинова, какъ одного изъ немногихъ, бывшихъ на актѣ 1819 года, а архимандритъ Іеронимъ, настоятель Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря произнесъ экспромтомъ Латинскую рѣчь. Этотъ отецъ Іеронимъ, по фамиліи Гефнеръ, природный Нѣмецъ, магистръ словесныхъ наукъ Дерптскаго университета, принявшій Православіе и окончившій курсъ въ Кіевской Академіи со степенью кандидата, былъ замѣчательнъ, какъ отличный латинистъ. По случаю юбилея, онъ поднесъ Кіевскому владыкѣ экземпляръ Латинской Библіи, принадлежавшій нѣкогда Мартину Лютеру, съ собственноручными замѣчаніями послѣдняго на поляхъ книги. Владыка передалъ эту библіографическую рѣдкость въ библіотеку Академіи.

Къ торжеству академическаго юбилея съѣхались архипастыри, бывшіе нѣкогда воспитанниками Академіи: старецъ Антоній, архіепископъ Кишиневскій, воспитанникъ перваго курса Академіи; другой Антоній, архіепископъ Казанскій, докторъ богословія; Димитрій, архіепископъ Херсонскій; Никандръ, епископъ Тульскій; Іоаннъ, епископъ Полтавскій; Іоанникій, епископъ Саратовскій. Замѣтно было отсутствіе знаменитаго нашего историка и богослова, доктора богословія Макарія, архіепископа Литовскаго (нынѣ митрополитъ Московскій). Но всеобщее вниманіе было обращено въ особенности на первосвятителя, прибывшаго издалека: это былъ Михаилъ, митрополитъ Бѣлградскій и всея Сербіи, бывшій нѣкогда воспитанникомъ Академіи. Отъ него услышали мы многое о церковныхъ и государственныхъ дѣлахъ въ княжествѣ Сербскомъ, еще не вполне освобожденномъ тогда отъ Турецкой власти. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ въ Кіевъ архимандритъ Никифоръ Дучичъ, одинъ изъ богатырей-юнаковъ Черногорскихъ, неустрашимо воевавшій съ Турками. Въ день именинъ митрополита Михаила, 30 Сентября, я имѣлъ честь поднести ему свою книгу, а по возвращеніи въ Москву, владыка Сербскій, въ сопровожденіи Дучича, удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ.

Еще прежде того случилось мнѣ быть на двухъ подобныхъ юбилеяхъ: на столѣтнемъ Московскаго Университета 12 Января 1855 года и на пятидесятилѣтнемъ Московской Духовной Академіи 1 Октября 1864 года. Но ни одинъ изъ нихъ ни произвелъ на меня такого живаго впечатлѣнія, какъ юбилей Кіевскій. Это впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда вслѣдъ за тѣмъ совѣтъ Академіи совершенно неожиданно удостоилъ меня, въ знакъ незаслуженнаго уваженія къ слабымъ трудамъ

моимъ по части церковной исторіи, избраніемъ въ свои почетные члены.

Въ 1870 году я ѣздилъ во Владимиръ, Суздаль, Нижній-Новгородъ и Казань для обзорѣнія древностей въ этихъ городахъ. Собранныя мною свѣдѣнія войдутъ въ составъ особой статьи, о которой упоминалъ я выше. Въ эту поѣздку я успѣлъ въ Казани возобновить знакомство съ двумя двоюродными моими сестрами, дочерьми дяди моего, графа Михаила Степановича. Старшая изъ нихъ Н. М. Наумова жила въ Казани съ мужемъ, но дѣтей не имѣла. Младшая В. М. Осокина имѣла при себѣ дочь Наденьку, а мужъ ее съ сыномъ и старшею дочерью былъ тогда за границею. Обѣ кузины приняли меня такъ родственно, какъ можно принять только роднаго брата, хотя мы давно уже не видались. Во время пребыванія моего въ Казани, я гостилъ у кузины Осокиной, которая никакъ не хотѣла допустить, чтобы я жилъ въ гостиницѣ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, благодаря знакомому мнѣ И. А. Лыкошину, я имѣлъ случай быть у преосвященнаго Іереміи. Бывшій епископъ Ставропольскій, аскетъ и подвижникъ, онъ жилъ въ тѣсной келіи Нижегородскаго Печерскаго монастыря. И. А. Лыкошинъ предупредилъ меня, что преосв. Іеремія тяготеетъ продолжительными посѣщеніями, и мы условились пробыть у него нѣсколько минутъ. Но когда старецъ узналъ изъ разговора со мною, что Разказы изъ исторіи Русской церкви и другія статьи въ «Душеполезномъ Чтеніи» писаны мною, онъ обрадовался моему посѣщенію, угощалъ насъ чаемъ (что бываесть у него очень рѣдко) и продержалъ насъ у себя болѣе часа. По выходѣ отъ него, спутникъ мой удивлялся этому и увѣрялъ, что никогда не видалъ бывшаго владыку Ставропольскаго столько веселымъ и разговорчивымъ. Послѣ узнали мы, что утромъ того самаго дня, когда мы сидѣли въ кельѣ архіерея-отшельника, у него было украдено все его богатство: золотые часы, подзорная труба, стоявшая на окнѣ, изъ котораго прекрасный видъ на Нижегородскую ярмарку и кошель съ 15 полумперіалами. Окружающіе его смутились этою покражею, но аскетъ остался совершенно спокойнъ и сказалъ имъ: «Часы указывали мнѣ время, а мнѣ пора думать о вѣчности. Въ трубу смотрѣлъ я на суету мірскую, а мнѣ должно смотрѣть внутрь себя. Деньги были приготовлены на мое погребеніе; теперь, когда у меня ничего нѣтъ, похоронить меня и даромъ. Зачѣмъ же беспокоиться объ этихъ вещахъ?» Впрочемъ, вскорѣ все отыскалось, и преосв. Іеремія просилъ, чтобы не преслѣдовали вора.

Въ Суздаль, въ Ризположенскомъ женскомъ монастырѣ, въ которомъ открыто почиваесть мощи св. княжны Евфросиніи, мнѣ удалось

отыскать одну престарѣлую монахиню и разспросить ее о блаженной Марѣ Яковлевнѣ Сонинной, скончавшейся 10 Августа 1805 года, послѣ 60-лѣтнихъ подвиговъ въ юродствѣ и погребенной у сѣверныхъ дверей соборной монастырской церкви. Имя ея воскресило во мнѣ воспомина- нія дѣтства: еще ребенкомъ много слыхалъ я о Марѣ Яковлевнѣ отъ моихъ бабушекъ Сумароковыхъ; у одной изъ нихъ, Аграфены Андре- евны, висѣлъ на стѣнѣ портретъ подвижницы, въ рубашкѣ, съ коротко остриженными волосами. Я спросилъ древнюю, глухую старушку мо- нахиню: помните ли вы, матушка, блаженную Марѣу Яковлевну?

«Какъ не помнить, сударь ты мой! Еще малолѣткой была, дѣв- ченкой неразумной, а ужъ знала ее, матушку нашу. Тогда она еще здорова была, вездѣ ходила, сама бѣдна была, а бѣдныхъ не забывала, ноченьки цѣлыя за коклюшками просиживала, все кружева плела, хо- рошія, дорогія. Въ большомъ ходу тогда кружева у насъ были, осо- бенно купчихи щеголяли. И теперь еще найдешь у здѣшнихъ купчихъ, а больше у Шуйскихъ, да у Юрьевскихъ, широкія, преширокія кру- жева работы Марѣы Яковлевны; давно внучкамъ да правнучкамъ въ приданое на благословеніе пошли; берегутъ ихъ словно Божье мило- сердіе. А сама-то она, голубушка наша, чтѣ ни выработаетъ, все ни- щимъ, да сиротамъ, а когда и въ храмъ Божій принесетъ, на свѣчи къ преподобной Евфросиніи; а у самой-то и копѣчки запасной пи- когда не бывало. Послѣ, когда была ужъ безъ ногъ, съ постели не вставала семь лѣтъ, тутъ я еще лучше ее знавала. Была я тогда здѣсь въ бѣлищахъ; покойная игуменья матушка Аполлинарія посылала насъ послушницъ поочередно служить Марѣ Яковлевнѣ. Насмотрѣлась же я на терпѣніе ея праведное: въ ранахъ вся лежала, въ пролежняхъ значить. Никогда, бывало, не пожалуется, не поропщеть, за все Бога благодарила, и насъ молодыхъ учила уму-разуму: «Все терпите, гово- рить, не гнѣвите Бога ропотомъ, отъ трудовъ рукъ своихъ питайтесь и уповайте на Бога. Онъ васъ, милыя мои, не оставитъ за то, что вы, послушанія ради, грѣшную Марѣу не оставляете. Воздастъ вамъ за меня Царь небесный». И точно, правду она намъ говорила: всѣ мы (шестеро насъ было) безъисходно въ монастырѣ вѣкъ свой про- жили, всѣ ангельскаго образа сподобились; хотя и бѣдны были весь вѣкъ, но Господь миловалъ, голодны не были. Вотъ теперь я одна изъ всѣхъ еще жива по грѣхамъ моимъ».

— Долго прожила блаженная у васъ въ монастырѣ? спросилъ я старушку.

«Вовсе не была она монастыркѣй и въ монастырѣ не жила; только случалось, что гасцивала она здѣсь иногда у монахинь знако- мыхъ; проживала иногда дня по два, только рѣдко, и въ Покровскомъ

монастырь у игуменни (какъ бишь ее звали, не припомню). А всегда жила М. Я. у пріятельницы своей, у здѣшней мѣщанки вдовы Авдотьи Ивановны Изюмовой. Домикъ-то Изюмовой здѣсь былъ близехонько, рядомъ съ дьяконовымъ домомъ; давно ужъ сломали его. О прежнемъ житьѣ-бытьѣ М. Я-ны слыхала я отъ старыхъ людей, да и сама она кой-что рассказывала. Была она родомъ изъ здѣшнихъ мѣщанъ; Сонинны прозывались. Сироткой по десятому году осталась послѣ родителей; до двадцати лѣтъ съ братьями женатыми въ родительскомъ домѣ прожила, работала на нихъ пуще всякой работницы, безъ отдыха. Были у ней хорошіе женихи, изъ купечества, но не пожелала блаженная наша замужъ выйти; обрекла, значить, себя на труды для спасенія души. А въ семьѣ-то тяжело и грустно ей было жить: жены братьевъ ея промежъ себя ссорились и мужей на вражду наводили. Вотъ М. Я. удалилась отъ зла и сотворила благо; пошла странствовать по св. мѣстамъ, у Соловецкихъ чудотворцевъ побывала, въ Кіевъ два раза сходила. Воротилась съ богомолья и поселилась у Изюмовой въ домикъ на весь вѣкъ, а тутъ и юродствовать начала. Въ длинной бѣлой рубашкѣ стала ходить, и всегда почти босикомъ; другой одежды никакой не носила. По улицамъ всегда отъ мѣста до мѣста бѣгомъ бѣгала; бывало, ребятишки бѣгутъ за ней, хохочутъ, дразнятъ. А она никогда на нихъ не осердится, только пальцемъ погрозить; а то и гостинцы имъ раздастъ, баранки, либо пряники, когда купцы ей принашивали на поклонъ. Мимо дома родительскаго когда пробѣжитъ, постучить бывало въ окошечко и кричить: «Покайтесь, молитесь, живите мирно, не гнѣвите Бога!» А въ домъ рѣдко заходила, потому что не слушались ея невѣстки; все у нихъ свара стояла, да брань грѣховная съ утра до вечера. И сбилось же надъ ними слово блаженной: обнищали и примерли всѣ, еще при ней; только остались могилки родителей ея и всего Сонинскаго рода на кладбищѣ у Воскресенья; и теперь еще кой-кто изъ городскихъ поминаютъ ихъ въ родительскія субботы. Чтутъ, значить память М. Я.: оттого и сродниковъ ея не забываютъ. А чужіе-то многіе ее слушали; читывала она имъ изъ божественныхъ книгъ, и какъ же сладко читала и толковала, наплачешься, бывало, слушавши. И добрые совѣты подавала многимъ, какъ жить, какъ отъ грѣха себя оберегать. Здѣсь въ монастырь, въ былые года (меня еще кажется и на свѣтъ тогда не было) говаривала она здѣшнимъ монастыркамъ: «Не занимайтесь суетой, трудитесь больше, зависти и сплетень удаляйтесь. А не то—смотрите Богъ накажетъ, все пропадетъ, и преподобная-то сама уйдетъ отъ васъ къ Лазарю». И много, много разъ повторяла имъ такія слова. Вѣдь сбывалась же угроза М. Я-ны. Весь монастырь до тла выгорѣлъ; церковное добро все почти пропало, да и у монастырскихъ-

то ничего не осталось: кто только въ чемъ высочилъ, то и уберечь. А какъ соборъ загорѣлся, мощи благовѣрной княжны Евфросиніи подняли монахи съ гробомъ изъ раки и снесли въ ближнюю церковь приходскую Друга Божія Лазаря (прежде она наша монастырская была). Видишь, какъ слово-то праведное сбылось: ушла преподобная къ Лазарю! Этому пожару лѣтъ сто уже будетъ. (Ризположенскій монастырь выгорѣлъ 13 Августа 1779 года). Да не только въ монастыряхъ, а и въ мірѣ многіе отъ блаженной пользу получили: здѣшніе всѣ ее знали и уважали, и за совѣтомъ къ ней приходили, и молитвъ ея просили себѣ въ помощь, и младенцевъ къ ней болящихъ приносили, а она бывало либо водицы Богоявленской дастъ съ молитвою, либо антидору частичку. Что же? какъ рукой сниметъ недугъ у ребенка. А вотъ не любила голубушка, какъ ужъ очень примутся почитать ее и хвалить въ глаза: сейчасъ начнетъ смѣяться, вертѣться, кидаться изъ угла въ уголъ, словно дурочка какая; тутъ ужъ и слова хорошаго отъ нея не услышишь. Разсердятся гости, бранить ее начнутъ, а ей то и любо. Пріѣзжали къ ней изъ другихъ городовъ, изъ Костромы, изъ Ярославля и купцы, и помѣщики, а больше барыни; вѣру къ ней большую имѣли. Много она имъ правды говорила и не льстила имъ никогда. Привозили ей и присылали всякихъ припасовъ и денегъ давали; она ничего себѣ не берегла, часть отдавала хозяйкѣ своей, а прочее все бѣднымъ раздавала. Пріѣхала къ ней разъ княгиня Т., барыня пребогатая и денегъ привезла рублей 200, а М. Я. и взять не захотѣла. «Ты-бы, мать моя, (такъ и сказала при мнѣ) лучше свою бѣдноту пожалѣла: раздѣтые они у тебя, босые, голодные; хотя и рабы твои, а всѣ же братья во Христѣ. Марѣушѣ ничего не надо. Марѣуша сыта и довольна по милости Божіей». Такъ и не взяла ничего; совсѣмъ пристыдила княгиню».

На вопросъ мой о послѣднихъ дняхъ Суздальской подвижницы, монахиня Марія рассказала мнѣ слѣдующее:

«Марѣа Яковлевна въ послѣднее время каждый день ходила къ намъ въ монастырь къ ранней обѣднѣ; зимой въ теплой церкви стояла въ уголкѣ, а лѣтомъ въ соборъ не входила; становилась всегда передъ сѣверными дверями и молилась прямо на раку благовѣрной княжны. На этомъ самомъ мѣстѣ и могила ея. Вотъ и пришла она въ послѣдній разъ, въ Ильинъ день, и стояла на всегдашнемъ своемъ мѣстѣ. Выходимъ мы изъ собора, видимъ—лежитъ наша М. Я. ничкомъ на землѣ. Подняли мы ее, голубушку; чуть дынетъ, совсѣмъ безъ памяти. Отнесли къ игуменѣ въ келью; на другой день опаматовалась, только ногами обѣими не владѣла до самой кончины. Стала просить: «отнесите меня, Христа ради, къ Авдотѣ Ивановнѣ». Снесли мы ее на рукахъ; тамъ она и пролежала семь лѣтъ недвижимо, а мы ей служить

ходили поочередно. Терпѣнье какое было—и разсказать не умѣю. Каждую субботу Св. Христовыхъ Тайнъ приобщалась: носилъ къ ней св. дары духовникъ ея, отъ Праведнаго Лазаря священникъ отецъ Иванъ. И про него тебѣ разскажу. Было у него горе большое: сына его изъ здѣшней бурсы послали въ Питеръ—въ Академію учиться, а малый-то и пропалъ безъ вѣсти. Ужъ какъ сокрушался отецъ Иванъ; приходъ бѣдный, четыре поповны—подростки; вся надежда была на сына. М. Я. утѣшала своего духовнаго отца: «Не горюй, батюшка, терпи и Богу молись; не пропалъ твой Алеша; еще увидишь его, воротится тебѣ на радость». Такъ и сбылось. Прошло годовъ нѣсколько, и поповичъ нашъ вернулся, послѣ замиренія (вѣроятно въ 1815 году). Чтожъ ты думаешь? Гдѣ пропадалъ? Какъ доѣхалъ только до Питера, такъ и сбѣжалъ на какіе-то Англійскіе корабли; захотѣлось, вишь, парню по бѣлому свѣту погулять. Весь свѣтъ Божій, говорятъ, кругомъ объѣхалъ. И съ деньгами большими воротился; сестеръ пристроилъ, отца всѣмъ снабдилъ, и стали жить изобильно, какъ никогда прежде не жили. Только попадья старая не дождалась радости; года за два померла».

«А какъ настали послѣдніе дни, М. Я. предчувствовала свой конецъ; со всѣми знакомыми простилась и иконы, какія у ней были, раздала на благословеніе. Въ день кончины св. Тайнъ причастилась, особоровалась и канонъ на исходъ души прослушала. А какъ читали канонъ, она всякое слово повторяла; наизусть знала канонъ; видно, часто про себя читала. Сама свѣчку задула, перекрестилась три рѣза и такъ тихо преставилась блаженная, словно сладкимъ сномъ заснула. На шестой день схоронили, потому что все подѣзжали на похороны изъ другихъ городовъ; ни тлѣнія не примѣчали, ни запаха не слышали, даромъ что жары были сильныя. А какой плачъ былъ на погребеніи, особенно бѣдные воплемъ были! Народу столько было, что въ соборѣ яблока негдѣ уронить, и монастырь весь былъ полонъ. Пока въ домѣ лежало тѣло, панихиды ни днемъ, ни ночью не умолкали. Да и нынѣ часто приходящіе и прѣзжіе просятъ служить панихиды надъ могилою, и многіе исцѣленіе по вѣрѣ своей получаютъ».

По возвращеніи моемъ изъ Казани, мы переѣхали изъ наемной квартиры въ мой собственный домъ, купленный тогда же у графини А. В. Головиной за 13 тысячъ рублей и находящійся близъ Смоленскаго бульвара, въ Левшинскомъ переулкѣ. Здѣсь провели мы зиму и встрѣтили 1871 годъ. Памятенъ мнѣ этотъ годъ и радостью, и тяжкимъ горемъ.

Весна этого года была для насъ весела по случаю свадьбы молодого вдовца, шурина моего, князя Михаила П. Волконскаго. Онъ женился на прелестной и очень милой дѣвицѣ Ольгѣ Владимировнѣ Чашниковой (25 Апрѣля). М. М. Евсиповъ, увидѣвъ новобрачную, ска-

залъ, что во всю жизнь свою не встрѣчалъ такой красавицы; а онъ, конечно, на своемъ вѣку видалъ много красавицъ стараго времени.

Третій сынъ мой, Володя, больше всѣхъ насъ веселился на свадьбѣ дяди; пятнадцати лѣтъ отъ роду, онъ въ первый разъ нарядился во фракъ и вмѣстѣ съ двумя старшими братьями исправлялъ должность шафера. Не предчувствовалъ милый мой мальчикъ, не предчувствовали и мы, что это было послѣднее его веселье. Когда экзамены въ гимназiи, гдѣ учились сыновья мои, кончились, мы отправились по своему обыкновенiю, на лѣто въ Каменки. Въ окрестностяхъ появилась холера, впрочемъ не сильная, но у насъ въ деревнѣ ся еще не было. Утромъ 22 Юля я поѣхалъ въ С. Посадъ повидаться съ знакомыми, прiятно провелъ тамъ день и ночевалъ въ гостинницѣ. На другой день, выѣхавъ рано въ обратный путь, я встрѣтилъ на дорогѣ жену мою съ Володей, котораго она везла для леченiя въ Посадъ. При первомъ взглядѣ на него я ужаснулся: онъ былъ едва живъ, въ сильнѣйшемъ припадкѣ холеры. Мы прiѣхали въ гостинницу, изъ которой я только что выѣхалъ. Призванный докторъ, Нилъ Петр. Страховъ, сказалъ мнѣ откровенно, что не имѣетъ надежды спасти больного, но употребилъ всѣ средства, какiя только возможны. Мы поспѣшили призвать священника. Володя въ полной памяти исповѣдался и причастился св. Таинъ. Въ три часа пополудни онъ тихо скончался.

Не найду словъ для описанiя нашего тяжкаго горя, тѣмъ болѣе тяжкаго, что оно пришло къ намъ совершенно неожиданно. Родители, испытавшiе несчастию терять дѣтей, поймутъ всю глубину нашей скорби; для другихъ она необъяснима. Ненаглядный нашъ отрокъ былъ сильно прпвязанъ къ родителямъ. Прекрасная наружность его, сходство съ матерью, ласковость и нѣжность сердца съ дѣтскаго возраста невольно сдѣлали его моимъ любимцемъ. Я любилъ его больше всѣхъ дѣтей; мнѣ казалось тогда, что для меня легче было бы потерять ихъ всѣхъ, нежели одного Володю. Но за это чувство упрекала меня совѣсть: смерть Володи представлялась мнѣ наказанiемъ за несправедливость мою къ остальнымъ дѣтямъ. Словомъ, я находился въ такомъ состоянiи духа, что ни прежде, ни послѣ не испытывалъ ничего подобнаго.

М. М. Евреиновъ, сильно любившiй Володю, поспѣшилъ къ намъ при извѣстiи о его кончинѣ. Намѣстникъ Лавры о. Антонiй, черезъ часъ послѣ постигшаго насъ горя, пришелъ въ гостинницу и, увидѣвъ тѣло Володи на столѣ, внезапно заплакалъ и сказалъ какъ будто самъ себѣ: «Это онъ! Его я видѣлъ во снѣ». Послѣ того онъ зашелъ къ намъ и былъ необыкновенно ласковъ, хотя до тѣхъ поръ сердился на меня за слова, сказанныя мною на археологическомъ съѣздѣ. Увидѣвшись съ Евреиновымъ, какъ съ старымъ своимъ знакомымъ, от. намѣстникъ

разсказать ему, что наканунѣ утромъ, задремавъ предъ совершеніемъ литургіи, видѣлъ св. Марію Магдалину, проходившую, съ сонмомъ дѣвственницъ, мимо обильной явствами трапезы. Подлѣ стоялъ прекрасный отрокъ. Старецъ сказалъ ему: «я готовлюсь къ служенію и не могу вкушать пищи, а тебѣ можно». Тогда услыхалъ онъ голосъ Маріи Магдалины: «оставьте его; онъ уже отозванъ ко мнѣ». Увидѣвъ покойника прибавилъ о. Антоній, я узналъ въ немъ того отрока, котораго видѣлъ во снѣ и не могъ удержаться отъ слезъ.

Мы похоронили Володю въ Сергіевой Лаврѣ, близъ алтара Успенскаго собора. Отпѣваніе совершалъ о. намѣстникъ съ многочисленнымъ соборомъ братіи, въ трапезной церкви.

Послѣ похоронъ, мы провели еще нѣсколько дней въ Лаврской гостинницѣ со всей семьей своей. Въ это тяжкое для меня время я нуждался въ дружескомъ обществѣ, чтобы сколько-нибудь развлекать тоску, которая меня мучила. Но всѣ пріятели, напуганные холерою, отшатнулись отъ меня. Не сѣтую на людей семейныхъ, боявшихся заразы, хотя и не было причины бояться, потому что послѣ кончины Володи въ семьѣ моей не было больныхъ. Но не могу не вспомнить съ искреннею благодарностію объ одномъ лицѣ, принявшемъ живѣйшее участіе въ моемъ положеніи. Экстраординарный профессоръ Академіи, Александръ Ѳеодоровичъ Лавровъ посѣщалъ меня ежедневно, доставлялъ дѣтямъ моимъ и мнѣ книги для чтенія. Мою горе онъ принялъ къ сердцу, не задолго передъ тѣмъ самъ испыталъ такое же, и можетъ быть еще болѣе тяжкое: онъ лишился единственной дочери, 11-лѣтней Саши, скончавшейся послѣ краткой болѣзни. Достоянная супруга его Марія Николаевна, дочь Ростовскаго протоіерея Н. И. Корсунскаго, воспитанная въ одномъ изъ Московскихъ институтовъ, отличалась необыкновенною красотою, которая поражала всякаго, кто въ первый разъ видѣлъ ее. Но эта наружная красота была только выѣскою высокихъ внутреннихъ качествъ. Одаренная твердымъ умомъ, отлично образованная и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно скромная, М. Н. была прекрасною женою и самою нѣжною матерью не только для своей, рано угасшей дочери, но и для двухъ племянницъ своего мужа, принятыхъ имъ за воспитаніе послѣ кончины Саши. Впрочемъ супружеское счастье Лавровыхъ было непродолжительно; пораженная тяжкимъ недугомъ (разомъ въ груди), М. Н. скончалась послѣ долгихъ страданій, 29 Августа 1879 года. Я былъ тогда въ деревнѣ; возвратившись оттуда осенью, я нашелъ А. Ѳ. Лаврова уже архимандритомъ Алексіемъ, а въ началѣ слѣдующей весны онъ хиротонисанъ въ санъ епископа Можайскаго, втораго викарія Московской епархіи, черезъ полгода послѣ того, какъ онъ лишился супруги. Преосв. Алексію выпалъ неожиданный

жребій быть викаріемъ митрополита Макарія, подъ предсѣдательствомъ котораго онъ участвовалъ въ комитетѣ, учрежденномъ при Св. Синодѣ для реформы церковнаго суда. Предполагалось открыть особые суды для церковныхъ дѣлъ, независимые отъ мѣстнаго епархіальнаго начальства. Въ этомъ комитетѣ А. О. Лавровъ подалъ мнѣніе противъ новаго предположенія, какъ несогласнаго съ каноническими правилами. Вслѣдъ за тѣмъ появилась книга о реформѣ церковнаго суда, написанная въ томъ же духѣ. Епархіальные архіереи и духовныя консисторіи представили, на предложенный имъ запросъ, свои мнѣнія, большею частію основанныя на этой книгѣ. Такимъ образомъ предположеніе реформы уничтожилось само собою.

Спустя два мѣсяца, по кончинѣ нашего Володи съ 28 на 29 Сентября я видѣлъ замѣчательный сонъ, который послужилъ для меня утѣшеніемъ въ тяжелой скорби. Мнѣ снилось, что я стою у себя въ залѣ, близъ двери въ гостинную. Слышу изъ гостинной голоса дѣтей; они проходятъ мимо меня въ залу, и между ними Володя. Я съ радостію кинулся къ нему; онъ улыбается мнѣ своей прежней, ангельской улыбкой. Я протянулъ къ нему руки: Володя, это ты? Онъ кинулся мнѣ на шею, и крѣпко, крѣпко обнялъ меня. «Гдѣ ты моя радость, ты у Бога?—Нѣтъ, я еще не у Бога; я скоро буду у Бога.—Хорошо ли тебѣ?—Хорошо, лучше чѣмъ у васъ. А у васъ я часто, около васъ. Я все почти одинъ, только Марія Магдалина со мною бываетъ. Иногда мнѣ скучно.—Когда тебѣ скучно?—Особенно, когда плачутъ обо мнѣ. А меня утѣшаетъ, когда обо мнѣ молятся, когда даютъ бѣднымъ за меня. Я все молюсь, молюсь за мамашу, за васъ, за братьевъ, за Пашу (сестру), за всѣхъ, кто меня любитъ. Милую мою мамашу обнимите за меня, вотъ такъ, крѣпко, крѣпко....—Ты бы съ ней повидался, моя радость. —И повидаясь, и повидаясь.—Когда же?—Когда плакать перестанетъ». Тутъ послышался мнѣ голосъ жены моей изъ коридора; я обернулся туда къ ней, потомъ взглянулъ назадъ, на то мѣсто, гдѣ стоялъ Володя: его уже нѣтъ.... Я проснулся съ усиленнымъ біеніемъ сердца, въ такомъ волненіи, что не могъ удержать громкихъ рыданій, которыми разбудилъ жену мою. Въ ту же минуту и набросалъ на бумагу видѣнное во снѣ.

Прекрасный цвѣтокъ, не успѣвшій разцвѣсть на землѣ во всей красѣ своей, цвѣти въ вертоградѣ Отца небеснаго! Ты, наше сокровище, наша радость и наше горе, продолжай молиться за насъ, твоихъ скорбныхъ родителей, и за всѣхъ любящихъ и любившихъ тебя! Молись, чтобы и мы сподобились нѣкогда соединиться съ тобою тамъ, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни воздыханій, но жизнь безконечная!

Мучимый непрерывною тоскою, я думалъ найти развлеченіе въ занятіяхъ II-го археологическаго съѣзда, назначеннаго въ Петербургъ въ Декабрѣ 1871 года, совокупно съ празднованіемъ юбилея Петербургскаго Археологическаго Общества. На юбилейномъ засѣданіи предсѣдательствовалъ в. кн. Константинъ Николаевичъ. Въ числѣ прочихъ и я читалъ рѣчь, въ качествѣ депутата отъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Но въ занятіяхъ съѣзда я не могъ почти принимать участіе: заболѣвъ подагрой, я пролежалъ нѣсколько дней и возвратился въ Москву.

Въ Январѣ 1872 года, пріѣхавъ съ женою въ Лавру для поминанія Володи, я очень удивился, встрѣтивъ тамъ почтеннаго дядю моего, графа Дмитрія Николаевича. Оказалось что онъ поселился въ Лаврской гостинницѣ, имѣя въ виду основательное, недорогое и чуждое развлеченій воспитаніе единственнаго сына. При частыхъ поѣздкахъ моихъ изъ Москвы въ Лавру, я успѣлъ ознакомиться съ женою дяди, которой прежде не зналъ и нашелъ въ ней очень милую, добрую и родственную женщину. Вскорѣ мы искренно полюбили ее.

Между тѣмъ большой каменный домъ на Моховой, принадлежавшій женѣ моей и очень запущенный по моей неумѣлости въ хозяйственныхъ дѣлахъ, сталъ давать менѣе чистаго дохода, нежели давалъ прежде. Пользуясь возвышеніемъ цѣнъ на домъ въ Москвѣ, мы продали его купцу Шелапутину за 69 тысячъ рублей, а въ Августѣ 1872 года купили въ Ливенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Медвѣжьемъ, имѣніе помѣщика Еропкина, состоявшее изъ 836 десятинъ черноземной земли при 156 надѣлахъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Это имѣніе было куплено на имя жены моей за 83 тысячи рублей, съ переводомъ долга Сохранной Казнѣ. Съ того времени мы уже не ѣздили въ Каменки, а постоянно проводили лѣтнее время въ новомъ имѣніи, которое требовало многихъ исправленій.

Осень этого года памятна намъ по новому горю. Еще не успѣли мы отдохнуть послѣ потери Володи, какъ постигла насъ другая тяжкая потеря: 30 Октября скончалась мать жены моей, княгиня Александра Петровна Волконская. Не только сыновья и дочери, но и я, зять я, видѣлъ въ ней мать, любилъ ее наравнѣ съ родною моею матерью, а чтилъ несравненно болѣе, какъ примѣрную женщину, украшенную всѣми христіанскими добродѣтелями.

При отпѣваніи почившей княгини, краснорѣчивый проповѣдникъ слова Божія, священникъ К. С. Озеровъ (теперь уже покойный) подошелъ къ гробу, окруженному сыновьями, дочерьми и внуками почившей, множествомъ родныхъ и знакомыхъ, и еще болѣе большимъ множествомъ чуждыхъ, которымъ она благотворила не только при жизни, но и по

кончинѣ. Благословивъ покойницу, онъ произнесъ, безъ всякаго приготовленія, рѣчь, въ которой назвалъ ее «рабою Господнею», потому что она, на всѣхъ путяхъ своей, почти 80 лѣтней жизни, руководствовалась всегда сознаніемъ христіанскаго долга и была рабою Господнею отъ колыбели до могилы. Ежедневно спѣшила она въ церковь къ литургіи; ни домашнія заботы, ни немощи, неразлучныя съ преклонною старостію, не могли остановить ее отъ исполненія этого долга, въ которомъ она находила отраду для души своей. Во всѣ посты, съ вѣрою и любовію, приступала она къ трапезѣ Господней. Мы были свидѣтелями, какъ однажды, не смотря на всеобщія увѣщанія, она въ крайней слабости, послѣ горячки, во время самаго кризиса болѣзни, велѣла отвести себя въ церковь, и тамъ сподобилась причащенія божественныхъ Таинъ Христовыхъ. Мы, слабые въ вѣрѣ, опасались, что морозъ, довольно сильный, причинить ей простуду; боялись, что болѣзнь усилится и сдѣлается опасною для жизни: напрасныя опасенія! Сила живой вѣры исцѣлила больную: съ тогоже дня болѣзнь миновалась. Она служила Господу строгимъ исполненіемъ уставовъ церковныхъ, сохраняя неуклонно всѣ посты, установленныя Православною Церковію, даже не разрѣшая себѣ на рыбу и елей въ тѣ дни, когда уставъ не разрѣшаетъ. И въ этомъ мы видѣли надъ нею опытъ помощи Божіей: при тяжелой болѣзни въ послѣдній великій постъ, врачъ тщетно убѣждалъ ее подкрѣпить мясною пищею старческія силы. «Лучше повиноваться Врачу Небесному, нежели земному», сказала она, и безвредно выдержала постъ до Пасхи. Любя всею душою молитву въ храмѣ Господнемъ, она любила и благолѣпіе церковное. Въ селѣ, гдѣ проводила она лѣтніе мѣсяцы (с. Витуши, Сапожковского уѣзда) воздвигнуть ею обширный, каменный, трехпрестольный храмъ; въ другомъ имѣніи къ главному храму пристроены придѣльный. Въ эти храмы и во многіе другіе поступили отъ нея щедрыя приношенія. Добрая дочь, добрая и вѣрная жена, добрая мать семейства, воспитавшая въ страхѣ Божіемъ и правилахъ христіанской нравственности не только сыновей и дочерей, но и двухъ внучекъ, ввѣренныхъ ей Промысломъ Божіимъ (по смерти матери ихъ, старшей ея дочери), она на всѣхъ путяхъ жизни была рабою Господнею. Неусыпными попеченіями о хозяйствѣ умѣла она приумножить свое состояніе, умѣла устроить дѣтей еще при жизни своей, никогда не увлекаясь пристрастіемъ къ кому-либо изъ нихъ, но всегда надѣлая ихъ совершенно равно, по закону строжайшей справедливости. Многіе считали ее скупой, видя на всякомъ шагѣ благоразумную ея бережливость; но они не знали, на какой предметъ назначаются остатки отъ доходовъ: они поступали на дѣла благотворенія. Никогда просящій не отходилъ отъ нея съ пустыми руками, никогда почти не случалось, чтобы за столомъ ея не было

бѣдныхъ, а въ семейные праздники и воскресные дни всегда нѣсколько бѣдныхъ женщинъ угощались вмѣстѣ съ родственниками и знакомыми. Она принимала на свое попеченіе воспитанницъ — сиротъ духовнаго званія и съ истинно-материнскою заботливостію устраивала судьбу ихъ, пріискивая для нихъ жениховъ, будущихъ священнослужителей, снабжая ихъ изобильно деньгами и приданымъ. Пріютъ для слѣпыхъ, Братолюбивое Общество и другія благотворительныя учрежденія пользовались ея пособиями; нищія, снабженные записками о бѣдности отъ приходскихъ священниковъ, ежемѣсячно получали милостыню. Но вѣнцемъ неистощимой благотворительности покойной княгини были двѣ богадѣльни: одна изъ нихъ въ главномъ ея имѣніи, при воздвигнутомъ ею храмѣ, устроена и снабжена капиталомъ на вѣчное содержаніе еще при жизни ея; для другой церковной же богадѣльни въ родовомъ селѣ мужа ея, гдѣ онъ погребенъ и гдѣ она назначила для себя мѣсто погребенія, построено каменное зданіе для богадѣльни, и также внесенъ капиталъ. Послѣднія земныя заботы почившей были направлены на это учрежденіе.

На всей жизни ея лежала печать очевиднаго благословенія Божія: изъ семерыхъ дѣтей, достигшихъ зрѣлаго возраста, по особой милости Божіей, не нашлось ни одного сына, ни одной дочери, которые не служили бы утѣшеніемъ для чадолюбивой матери. Всѣ ея начинанія, всѣ предпріятія, отъ малаго и до большаго, удавались вполнѣ, даже и тогда, когда успѣхъ казался почти невозможнымъ. Знакомые говорили: «какъ счастлива княгиня: все ей удается». Но они не знали, за чтѣ и почему удается; они не знали, что она ни одного дѣла не начинала иначе, какъ съ молитвою.

Въ самой кончинѣ и погребеніи ея проявилось особое благовolenіе Отца Небеснаго. Послѣ непродолжительной болѣзни, при старческомъ изнуреніи силъ, она удостоилась таинствъ исповѣди, причащенія св. Таинъ Христовыхъ и елеосвященія. Кончина ея была истинно-христіанская, непостыдная, безболѣзненная, мирная. Безъ всякихъ предсмертныхъ страданій, она тихо почила, какъ младенецъ, подъ звуками канона на исходѣ души, читаннаго роднымъ ея внукомъ, однимъ изъ сыновей моихъ. Не одни дѣти и внуки, родные и знакомые почившей, окружали одрѣ ея во время заупокойныхъ молитвъ; надъ гробомъ ея плакали и рыдали тѣ, которымъ она благотворила; нищія получали, во время поминовенія, щедрую милостыню изъ назначенной сю суммы. Когда погребальное шествіе приблизилось къ селу Липицамъ, гдѣ приготовлена была могила, всѣ крестьяне, принадлежавшіе покойному князю (теперь уже крестьяне-собственники), встрѣтили версты за двѣ и понесли на себѣ гробъ княгини въ тяжеломъ, обложенномъ свинцомъ ящикѣ. Имъ предлагали носилки; они не приняла и сказали: «мы же-

лаемъ потрудиться для напей матушки». Ежеминутно останавливалось шествіе просьбою того или другаго крестьянина, чтобы отпѣть для него литію, такъ что для прохода двухъ верстъ потребовалось нѣсколько часовъ. Богадѣлennыя старушки пожелали провести ночь въ холодномъ храмѣ, чтобы помолиться при гробѣ своей благодѣтельницы во время чтенія псалтири. Тѣже выраженія всеобщей любви и признательности обнаружались и въ другихъ имѣніяхъ, принадлежавшихъ почившей; при началѣ сорокадневныхъ молитвъ, церкви были полны, и весь народъ плакалъ, приговаривая: «буди ей вѣчная память.»

При выносѣ изъ дома въ церковь тѣла незабвенной нашей матери, сынъ нашъ 10-ти лѣтній Всеволодъ несъ икону предъ гробомъ. Не думали мы тогда, что намъ готовится новое горе, что вслѣдъ за престарѣлой бабушкой скоро перейдетъ въ вѣчность младшій изъ ея внуковъ. Нашъ Всеволодъ, одаренный прекрасными способностями, степенный и любознательный не по лѣтамъ, началъ развиваться ранѣе всѣхъ нашихъ дѣтей и подавалъ самыя лучшія надежды... Въ концѣ зимы онъ простудился; развился дифтеритъ, сопровождаемый эпилептическими припадками, и Сеша видимо угасалъ съ каждымъ днемъ. Въ сонномъ бреду онъ говорилъ самъ объ себѣ: «Сеша умереть, его похоронять, и всѣ его позабудутъ». Во Вторникъ на свѣтлой недѣлѣ Пасхи страшный припадокъ прекратилъ едва разцвѣтавшую жизнь его. Мы похоронили нашего Всеволода подлѣ Володи. Нѣтъ, милый ребенокъ: никогда не позабудутъ тебя твои родители, до тѣхъ поръ, когда сами лягутъ рядомъ съ тобою въ общей нашей усыпальницѣ!

Много горя принесли намъ эти два года, съ лѣта 1871 до весны 1873 года. Для меня съ того времени наступила полная, дряхлая старость.

Лѣтомъ 1873 года привелось мнѣ во второй разъ быть въ Кіевѣ: митрополитъ Арсеній удостоилъ меня приглашеніемъ на празднество 50-ти лѣтняго служенія его въ священномъ санѣ, назначенное на 6-й день Августа—день первой литургіи, совершенной имъ по рукоположеши (въ 1823 году) въ санъ священства. И на этотъ разъ, какъ прежде при торжествѣ Академіи, я видѣлъ маститаго владыку, окруженнаго сонмомъ архипастырей, которые принесли ему свои братскія привѣтствія. Еще на пути, въ Курскѣ, имѣлъ я счастье встрѣтиться и познакомиться съ однимъ изъ нихъ, досточтимымъ ревнителемъ и оплотомъ Православія въ странѣ Прибалтійской, тогда архіепископомъ Донскимъ, преосвященнымъ Платономъ; живое и глубоко-назидательное слово его сократило для меня часы утомительнаго путешествія.

Блистательно и умирительно было торжество полувѣковаго служенія первосвященника Кіевского, къ которому съ искреннимъ усердіемъ стремилась паства его, всѣхъ званій и возрастовъ. Все пространство

Лавры кипѣло народомъ, стремившимся къ благословенію архипастырскому. А нѣсколько дней спустя, смиренный святитель, отдыхая съ дорогими своими гостями отъ городского шума, подъ прохладною тѣнію Голосѣевскихъ рощей, вспоминалъ свое дѣтство и отрочество. «Думалъ ли я», говорилъ онъ, «дожить до такихъ дней и видѣть надъ собою всѣ милости Божіи, какія теперь вижу? Такъ ясно представляется мнѣ первая пора моей жизни, когда я мальчикомъ-сиротой обучался въ низшихъ классахъ Костромской семинаріи (чуть ли еще не въ инфимѣ) и жилъ на хлѣбахъ у мѣщанина Волкова, первоначальнаго мастера, при которомъ развилось производство такъ называемаго Костромскаго табаку. Помню, какъ благочестивая старушка, мать его (до сихъ поръ поминаю ее въ молитвахъ) учила меня страху Божію, учила ходить передъ Богомъ и никогда не забывать присутствія Его на всякомъ мѣстѣ. Дороги были и отъ многого зла охраняли меня эти добрые совѣты, а позднѣе привелось мнѣ познать на опытъ силу страха Божія и постигнуть не разумомъ, а сердцемъ, что страхъ Господень, проникнувъ въ душу человѣческую, рождаетъ въ ней презрѣніе ко всему вещественному. Страхъ Господень чистъ, пребывая въ вѣкъ вѣка, говоритъ Давидъ (Псал. XVIII, 10). Думаю, прибавилъ владыка, что нынѣшняя, пагубная и ненасытная алчность къ пріобрѣтенію основывается, паче всего, на отсутствіи страха Божія въ современномъ поколѣніи». Тогда же, обратясь ко мнѣ, владыка разсказалъ, какъ онъ, еще будучи отрокомъ, привязался всѣмъ сердцемъ къ чистому, кроткому, доброму и даровитому юношѣ,—это былъ Ѳ. А. Голубинскій, въ послѣдствіи знаменитый профессоръ Московской Духовной Академіи, мой незабвенный наставникъ и благодѣтель. Голубинскій по ученію былъ старше Москвина (прозваніе митрополита Арсенія); онъ поступилъ въ первый курсъ Московской Академіи изъ философіи (за два года до полного окончанія семинарскаго курса) въ 1814 году, а Москвинъ пятью годами позднѣе перешелъ въ Петербургскую Академію; но искренняя дружба между ними сохранилась до смерти обоихъ. Я видѣлъ живую радость покойнаго митрополита, когда поднесъ ему фотографическое изображеніе Ѳ. А., снятое съ портрета, писаннаго масляными красками и принадлежащаго почтенному профессору (нынѣ ректору) Московской Духовной Академіи С. К. Смирнову.

Въ той же мирной бесѣдѣ, подъ тѣнью громаднаго, многолѣтнistaго дуба, преосв. Димитрій, архіепископъ Херсонскій, разсказалъ намъ о перенесеніи мощей священномученика, вселенскаго патріарха Григорія, изъ Одессы въ Аѳины.

Извѣстно, что въ началѣ возстанія Грековъ противъ Турецкаго ига первосвятитель Григорій сдѣлался первою жертвою, положивъ ду-

шу свою за овцы, какъ добрый пастырь. Онъ былъ повѣшенъ въ самый день Пасхи 1821 года. Тѣло его, брошенное въ море и узнанное Греческимъ шкиперомъ Складосомъ, взято на корабль и привезено въ Одессу, гдѣ пролежало въ карантинѣ болѣе мѣсяца, не подвергаясь тлѣнію. По волю императора Александра I-го изъ Московской Синодальной (бывшей патріаршей) ризницы были присланы богатое патріаршее облаченіе и митра съ короною и крестомъ, принадлежавшія патріарху Никону для возложенія на мощи священо-мученика, при погребеніи ихъ въ Греческой церкви въ Одессѣ. Съ того времени прошло 50 л. Въ 1871 г., по ходатайству Греческаго правительства, разрѣшено было допустить перенесеніе мощей изъ Одессы въ Аѳины, къ торжеству полустолѣтія Эллинской независимости. Депутація, въ числѣ которой находился престарѣлый архіепископъ (имя его не упомяну), родной племянникъ патріарха Григорія, собралась, вмѣстѣ съ генераль-губернаторомъ и мѣстнымъ епархіальнымъ архіереемъ, въ Греческой церкви. Согласно указу Св. Синода слѣдовало вынуть изъ могилы гробъ святителя, вложить, не раскрывая, въ другой гробъ и передать присланнымъ Грекамъ. Но на дѣлѣ вышло иначе. Когда сводъ могилы былъ разобранъ, облаченіе и митра, присланныя изъ Москвы въ 1821 году, оказались лежащими на крышкѣ гроба, который истлѣлъ и развалился. Лежавшія въ немъ мощи найдены вполне нетлѣнными, но безъ всякой одежды и бѣлья, какъ были вынуты изъ моря; только по чресламъ были онѣ препоясаны полотномъ, сохранившимся въ цѣлости. Удивленные этимъ зрѣлищемъ, очевидцы сначала не могли угадать причину наготы мощей; но когда захотѣли облачить ихъ, то убѣдились, что нельзя сдѣлать это иначе, какъ ломая окоченѣвшіе составы. На такое насиліе, конечно, не рѣшились, и нетлѣнныя мощи, въ томъ же обнаженномъ состояніи, только обернутыя въ простыню, были вложены въ новый гробъ и переданы Греческимъ депутатамъ. Послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что мощи, по привезеніи ихъ въ Аѳины, положены открыто въ соборномъ храмѣ, облаченные въ мантию, омофоръ и митру. Въ честь прославленнаго нетлѣніемъ священномученика составлена тамъ особая служба.

На другой день торжественнаго празднованія юбилея митрополита Арсенія въ Печерской Лаврѣ, былъ обѣдъ въ Духовной Академіи. Владыкѣ поднесены были собственные его труды, напечатанные по этому случаю, въ томъ числѣ лекціи по предмету изъясненія Св. Писанія, читанныя имъ, вскорѣ по окончаніи курса, въ Петербургской Академіи. Не задолго до юбилея, изслѣдованіе о книгѣ Іова, написанное ректоромъ Кіевской Академіи архимандритомъ Филаретомъ, для полученія степени доктора богословія, было задержано митрополитомъ на томъ

основаніи, что авторъ изслѣдованія относилъ написаніе этой книги ко времени Вавилонскаго плѣна. Такое мнѣніе показалось владыкѣ соблазнительнымъ; но въ старыхъ его лекціяхъ, напечатанныхъ ко времени юбилея, оказалось, что онъ самъ въ молодости держался того же мнѣнія, противъ котораго возсталъ въ старости.

Въ слѣдующемъ 1874 году я снова пріѣзжалъ въ Кіевъ, для участія въ засѣданіяхъ III-го археологическаго съѣзда. Владыка опять проводилъ лѣтніе мѣсяцы въ тихомъ уединеніи Голоосѣвской пустыни и принялъ меня съ прежнимъ радушіемъ. Здѣсь онъ сообщилъ мнѣ любопытныя свѣдѣнія о молоканахъ, и духоборцахъ, собранныя имъ во время управленія Тамбовскою епархіею. Если не ошибаюсь, эти изслѣдованія напечатаны въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи. Прощаясь со мною, архипастырь Кіевскій принялъ искреннее участіе въ постигшемъ меня, незадолго предъ тѣмъ, горѣ (потерѣ сына Всеволода) и послалъ женѣ моей перламутровый крестъ, полученный имъ отъ несправедливо низверженнаго патріарха Іерусалимскаго Кирилла. «Графиня теперь подъ крестомъ», сказалъ онъ, «какъ и блаженный старецъ патріархъ: молитва предъ крестомъ да послужитъ ей утѣшеніемъ.»

Въ этотъ же пріѣздъ мой въ Кіевъ, я много слышалъ о благотворительности митрополита Арсенія (конечно не отъ него самого, но отъ другихъ достойныхъ довѣрія лицъ). Кромѣ значительныхъ приношеній въ пользу Духовной Академіи, при торжествѣ ея юбилея, и другихъ духовно-учебныхъ заведеній Кіевской епархіи, владыка пожертвовалъ капиталъ въ Костромское попечительство для воспитанія земляковъ своихъ, сиротъ-семинаристовъ, и вообще много дѣлалъ добра всѣмъ нуждающимся. Между прочимъ и обѣднѣвшіе внуки того Волкова, у котораго жилъ нѣкогда на хлѣбахъ юноша Ѳеодоръ Москвинъ, получали ежегодное пособіе отъ преосв. Арсенія. Видно, не даромъ сѣяла добрая старушка сѣмена страха Божія въ душу юнаго своего постояльца: обильные плоды, возросшіе изъ этихъ сѣменъ, послужили на пользу бѣднымъ ея потомкамъ.

Засѣданія археологическаго съѣзда были блистательнѣе и оживленнѣе обоихъ предъидущихъ съѣздовъ какъ по участію въ нихъ многихъ профессоровъ Духовной Академіи и университета Св. Владимира, такъ и по значительному числу пріѣзжихъ археологовъ, Русскихъ и иностранныхъ, и по множеству лучшей городской публики, наполнявшей ежедневно обширную актовую залу университета, въ которой происходили засѣданія. Въ сосѣднихъ съ нею залахъ библіотеки устроенъ была выставка рукописей, принадлежавшихъ Академіи и нѣкоторымъ изъ частныхъ лицъ. Въ этой коллекціи обращали на себя особенное вниманіе Греческіе манускрипты, болѣею частію харатейные и

весьма древніе, собранные пр. Порфіріемъ (Успенскимъ), епископомъ Чигиринскимъ, во время пребыванія его на Востокъ. Между прїѣзжими членами находились: И. И. Срезневскій, Одесскій археологъ Н. Н. Мурзакевичъ, М. В. Юзефовичъ и многіе другіе.

Во время археологическаго съѣзда скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ жителей Кіева, Андрей Николаевичъ Муравьевъ, знаменитый паломникъ и извѣстный духовно-историческій писатель.

Многія изъ сочиненій А. Н. были плодомъ многократныхъ путешествій его по Востоку и Западу и по отдаленнымъ краямъ обширнаго нашего отечества. Путешествія его на Востокъ сблизили его съ тамошними іерархами, которые нашли въ немъ постоянного, усерднаго ходатая о всѣхъ нуждахъ нашихъ бѣдствующихъ единовѣрцевъ и почтили А. Н. титуломъ епитропа (попечителя) патріаршихъ престоловъ. Памятниками попеченій А. Н. о церквахъ восточныхъ служатъ: устройство въ Москвѣ Антіохійскаго и Александрійскаго подворій (Іерусалимское учреждено еще прежде); основаніе новаго скита Русскаго на Аѳонѣ во имя св. апостола Андрея Первозваннаго, возстановленіе утраченнаго общежитія въ обители Зографской и сборъ подацій (до 25 тыс. рублей) для возстановленія изъ развалинъ великолѣпной базилики въ Мирахъ Ликійскихъ, гдѣ было нѣкогда мѣсто покоя святителя и чудотворца Николая.

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, не смотря на ослабленіе силъ отъ старости и начинающейся болѣзни, А. Н. еще разъ предпринялъ путешествіе на Аѳонъ, съ цѣлію примиренія Греческихъ монаховъ съ Русскими въ обители св. Пантелеймона. Къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ успѣха въ своемъ добромъ намѣреніи, и это отравляло скорбію послѣдніе дни ревностнаго паломника. По дѣламъ восточныхъ церквей А. Н. велъ обширную переписку съ патріархами и другими святителями Греческими. Особенно замѣчательна была эта переписка въ послѣднее время, когда возникъ раздоръ между Греками и Болгарами. Она, кажется, напечатана въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи. Много также переписывался покойный съ Русскими архипастырями. Письма къ нему незабвеннаго Московскаго святителя Филарета напечатаны имъ вскорѣ по кончинѣ владыки, много содѣйствовавшаго литературной дѣятельности А. Н. своими наставленіями и исправленіями первыхъ трудовъ его.

Не мало потрудился А. Н. для Церкви Русской. Служба его при Св. Синодѣ, по отзыву блаженной памяти Филарета, митрополита Московскаго (лично мною слышанному), была «многоплодна», по живому участию его во всѣхъ добрыхъ начинаніяхъ, гдѣ бы они ни происходили. А когда онъ оставилъ службу, неотступность его въ ходатайствѣ

предъ лицами, власть имѣющими, духовными и свѣтскими, переходили иногда границы общепринятыхъ приличій и тѣмъ возбуждала противъ него разныя неудовольствія; но горячій ревнитель добра не смотрѣлъ на это и неуклонно, почти всегда съ успѣхомъ, преслѣдовалъ своихъ цѣли. Къ чести покойнаго нужно сказать, что, при всѣхъ непріятностяхъ, какія случалось ему испытывать, по милости неуклончиваго характера, онъ ни къ кому не питалъ вражды: добрая отъ природы душа его была чужда злопамятства и мстительности.

Въ Кіевѣ, гдѣ онъ поселился въ 1859 году, А. Н. оставилъ себѣ добрую память: настойчивыми его стараніями возобновленъ въ 1861 году знаменитый крестный ходъ, въ день памяти св. Владимира Равноапостольнаго, на мѣсто крещенія Руси; очищена и украшена Крещатицкая часовня, къ которой направляется эта священная процессія; построена, на исходатайствованную имъ сумму, каменная церковь въ с. Вышгородѣ, на древнемъ основаніи храма, воздвигнутаго нѣкогда Мономахомъ, тамъ гдѣ почивали нѣкогда мощи святыхъ князей—страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Особеннымъ предметомъ попеченій А. Н. былъ великолѣпный храмъ Андреевскій, котораго онъ былъ постояннымъ ктитормъ. Этотъ храмъ обязанъ ему не только многими внутренними украшеніями, но и сохраненіемъ своей цѣлости: когда стѣны церкви стали уже подвергаться трещинамъ отъ вліянія ключей, вытекавшихъ подъ ними изъ горы, А. Н. исходатайствовалъ средства для отведенія этихъ ключей и для подкрѣпленія основаній храма подземными сводами, въ которыхъ устроена имъ пещерная церковь во имя преп. Сергія Радонежскаго, гдѣ онъ приготовилъ для себя могилу.

По мысли А. Н. учреждено въ Кіевѣ Свято-Владимирское Братство, въ эту эпоху, когда, подъ вліяніемъ скорбныхъ событій послѣдняго мятежа, въ Кіевѣ выработывалась мысль о необходимости противостать Латино-польской пропагандѣ совокупными общественными силами. Въ описаніи открытія Братства, покойный А. Н. говоритъ: «Прошедшая исторія края свидѣтельствуетъ, что все завѣтное, родное у здѣшняго населенія, сохранилось преимущественно подъ сѣнію Православной Церкви; что въ ней одной заключалась та неодолимая сила, предъ которою сокрушались насилія и козни враговъ. Развитие и укрѣпленіе въ духѣ народномъ этой силы предприняли и учредители Кіевскаго Свято-Владимирскаго Братства, поставивъ себѣ главною задачею содѣйствовать зависящими отъ нихъ средствами усиленію мѣстнаго населенія и преимущественно православнаго духовенства въ противодѣйствіи Латино-польской пропагандѣ». По утвержденіи устава Братства митрополитомъ Арсеніемъ, 15 Іюля 1864 года послѣдовало открытіе Братства. Всѣ братья, съ своею хоругвію и иконою св. Владимира, по-

шли, въ составѣ крестнаго хода, къ Десятинной церкви, мѣсту погребенія Равноапостольнаго Князя, гдѣ совершалъ литургію самъ митрополитъ, и оттолъ, со крестомъ на головѣ, открылъ тотъ величественный ходъ, которымъ съ 1864 года восторгаются благоговѣйные жители Кіева и богомольцы, притекающіе въ сей священный нашъ Іерусалимъ со всѣхъ концовъ Россіи. Погода благопріятствовала торжественному священнодѣйствію. Трехнедѣльные дожди, приводившіе въ уныніе землевладѣльцевъ, 15 Іюля какъ бы по мановенію Просвѣтителя Россіи, замѣнились великолѣпнымъ яснымъ днемъ. Народъ ликовалъ, какъ въ день свѣтлаго Воскресенія, наполняя собою улицы, горы и долины Кіева. Появленіе братской хоругви на крестномъ ходѣ воскресило для многихъ былыя времена и, по выраженію одного Кіевского старожилы, «душа възгнала».

Въ послѣдствіи задача Братства нѣсколько измѣнилась. Въ отчетѣ его за 1870 годъ мы читаемъ: «Если при самомъ учрежденіи Братства, главныя его дѣйствія были направлены къ утвержденію Православія въ народѣ противъ Латино-польской пропаганды, которая сильно дѣйствовала тогда во всѣхъ слояхъ общества, то теперь, когда эта пропаганда значительно ослабѣла въ юго-западномъ краѣ, усилился другой элементъ—Еврейскій, не менѣе опасный, хотя не столько въ политическомъ, сколько въ вещественномъ и нравственномъ отношеніи. Но такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, образованіе молодаго поколѣнія Евреевъ въ нашихъ народныхъ училищахъ и гимназіяхъ невольно отклоняетъ ихъ отъ грубаго фанатизма отцевъ и, жаждою просвѣщенія свѣтскаго, привлекаетъ мало-по-малу къ духовному: то это важное обстоятельство, само собою, показываетъ намъ, куда должны быть направлены наши старанія, чтобы привлечь въ лоно христіанства тѣхъ изъ нихъ, которые сами туда стремятся и требуютъ только небольшой помощи отъ общества, чтобы поддержать ихъ на первыхъ порахъ, когда еще, подъ страхомъ гоненія отъ своихъ единовѣрцевъ, они остаются рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ существованію». Для первоначальнаго внушенія истинъ вѣры Евреямъ, принимающимъ православную вѣру, А. Н., какъ безсмѣнный предсѣдатель Братства со дня его открытія, написалъ «Наставленіе Еврею, приготовляющемуся къ св. крещенію». По нѣскольку такихъ оглашаемыхъ постоянно жило въ домѣ А. Н., пользуясь его бесѣдою и руководствомъ.

За нѣсколько дней до кончины А. Н. я провелъ цѣлый вечеръ въ его домѣ, между Десятинною и Андреевскою церквами и вмѣстѣ съ нимъ, уже больнымъ, гулялъ въ прекрасномъ его саду, изъ котораго на всѣ стороны открываются живописныя виды, не только на разныя мѣстности Кіева, но и на историческія окрестности матери градовъ

Русскихъ. Повидимому А. Н. не ожидалъ, что такъ скоро придется ему окончить земное свое поприще. Не ожидали этого и другіе, но дни больного были уже изочтены. Въ праздникъ Успенія Божіей Матери, А. Н. въ послѣдній разъ удостоился причащенія Тѣла и Крови Господней. На другой день преосвященный Филаретъ, незадолго предъ тѣмъ рукоположенный въ санъ епископа Уманскаго, втораго викарія Кіевской епархіи (съ сохраненіемъ званія ректора Академіи) напутствовалъ умирающаго таинствомъ елеосвященія. Очевидцы замѣтили послѣ соборованія, что А. Н., строгій блюститель церковнаго устава, уже лишившійся употребленія языка, но еще вполне сохранявшій память и сознаніе, написалъ на аспидной доскѣ: «чинно совершено, благодарю». Кончина его послѣдовала 18 Августа.

Въ Сентябрѣ 1875 года я снова побывалъ въ Кіевѣ. На этотъ разъ я получилъ въ благословеніе отъ Лавры, чрезъ о. намѣстника ея, архимандрита Варлаама, большую икону угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ пещерахъ Кіевскихъ. Предъ самымъ отправленіемъ въ обратный путь, я зашелъ проститься съ владыкою, но онъ въ это время слушалъ всенощное бдѣніе въ своей крестовой церкви. Я просилъ келейника доложить ему, что, не имѣя возможности дожидаться конца службы, чтобы не пропустить поѣзда желѣзной дороги, прошу заочнаго напутственнаго благословенія. Но любвеобильный владыка удивилъ меня своею милостію: онъ принялъ меня немедленно, ввелъ въ свою моленную и тамъ, послѣ краткой молитвы, благословилъ на путь. Могъ ли я думать тогда, что это благословеніе будетъ послѣднимъ, что мнѣ не видать уже старца-святителя, не лобызать уже болѣе благословляющей руки его? Митрополитъ Арсеній скончался отъ апоплексическаго удара въ Петербургѣ, на 82 году отъ рожденія. Тѣло его было перевезено въ Кіевъ и погребено въ церкви надъ ближними пищерами, близъ могилы предмѣстника его, митрополита Филарета (Амфитеатрова).

Въ томъ же 1875 году исполнилось 25 лѣтъ нашей брачной жизни, и мы 23 Октября отпраздновали свою серебряную свадьбу, отслушавъ литургію и благодарственный молебень въ томъ самомъ храмѣ св. Іоанна Предтечи за Прѣснею, въ которомъ совершено было надъ нами таинство брака. На этомъ семейномъ торжествѣ мы имѣли утѣшеніе видѣть вокругъ себя всѣхъ нашихъ дѣтей, конечно за исключеніемъ тѣхъ, которые перешли уже въ другой міръ. За обѣдомъ замѣтно было отсутствіе многихъ, бывшихъ на нашей свадьбѣ; нѣкоторыхъ изъ нихъ не было тогда въ Москвѣ, но большая часть уже окончила земную жизнь свою. Такъ кратковременна жизнь человѣческая!

Никогда не случалось мнѣ дѣлать такихъ длинныхъ поѣздокъ какъ въ 1877 году. Простудная боль въ ногахъ у нашей дочери вынудила

насъ, по совѣту доктора, отправиться въ Старую Русу. Тамъ провели мы болѣе мѣсяца; Пашенька лѣчилась ваннами изъ грязи и совершенно выздоровѣла, а я воспользовался свободнымъ временемъ для обзорѣнія святынь и остатковъ старины въ Старорусскомъ уѣздѣ. Тогда же вновь побывалъ я въ Новгородѣ.

Въ концѣ Іюля я отправился изъ Старой Русы въ Казань, гдѣ въ началѣ Августа назначено было открытіе IV-го археологическаго сѣзда, заѣданія котораго были столько же занимательны, какъ и на Кіевскомъ сѣздѣ. Выставка рукописей была очень богата; кромѣ рукописей Соловецкой библіотеки, переданной въ Казанскую Духовную Академію, она заключала въ себѣ большую коллекцію манускриптовъ и рисунковъ раскольничьихъ и скопческихъ. Стеченіе публики на сѣздѣ было также многочисленно, какъ и въ Кіевѣ. Особенностью Казанскаго сѣзда было необыкновенное вниманіе городской администраціи къ удобствамъ пріѣзжихъ гостей; поѣздки членовъ къ развалинамъ древняго города Болгаръ и въ г. Свіяжскъ были устроены на счетъ города. Въ первой изъ этихъ поѣздокъ я не участвовалъ, но вторая доставила намъ много историческаго интереса. Во время пребыванія въ Казани я снова пользовался родственнымъ гостепріимствомъ въ домѣ Осокиныхъ; на этотъ разъ почтенный Алексѣй Гавриловичъ былъ дома и вмѣстѣ со мною ѣздилъ на богомолье въ Седьміезерную пустынь и въ деревню, гдѣ жила тогда младшая дочь Осокиныхъ Наденька съ мужемъ своимъ Н. А. Желтухинымъ. Въ этотъ же пріѣздъ я познакомился съ племянникомъ, М. А. Осокинымъ, который возвратился изъ Берлина слѣпымъ, и съ старшею изъ сестеръ его, Варенькой.

Преосв. Антоній, архіепископъ Казанскій, принялъ живое участіе въ доставленіи научныхъ удобствъ для пріѣзжихъ археологовъ; по распоряженію многоученаго и неутомимо-дѣятельнаго архипастыря, всѣ замѣчательные предметы ризницъ, какъ соборныхъ, такъ и монастырскихъ, были выставлены для обзорѣнія и снабжены ярлыками съ краткимъ описаніемъ. Посѣтивъ преосв. Антонія въ лѣтнемъ его жилищѣ, Воскресенскомъ монастырѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Казани, я нашелъ его значительно похудѣвшимъ и постарѣвшимъ; въ немъ таились уже корни той внутренней болѣзни, которые, спустя нѣсколько времени, пресѣкли жизнь, драгоцѣнную для Русской Церкви. Преосв. Антоній скончался 8 Ноября 1880 года. Въ слѣдъ за нимъ, послѣ краткой болѣзни, окончила жизнь дорогая моя кузина В. М. Осокина.

Въ Казани получилъ я извѣстіе, что старшій сынъ нашъ Сережа идетъ на войну, прикомандировавшись къ гвардейскому драгунскому полку (Кирасирскій Его Величества полкъ, въ которомъ онъ служить, оставался въ Царскомъ Селѣ и не участвовалъ въ военныхъ

дѣйствіяхъ). Пораженный этимъ извѣстіемъ, и поспѣшилъ, не дожидаясь окончанія сѣзда, отправиться въ село Медвѣжье, гдѣ жила тогда жена моя съ дочерью. Оттуда мы собрались провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Кіевѣ у втораго нашего сына Петра. Здѣсь мы пользовались благосклоннымъ вниманіемъ супруги генераль-губернатора княгини Н. А. Дондуковой-Корсаковой. Она почти ежедневно получала извѣстія изъ арміи, гдѣ супругъ ея командовалъ корпусомъ (если не ошибаюсь, 11-мъ). Такимъ образомъ и мы могли получать свѣдѣнія о нашемъ юномъ воинѣ. Въ половинѣ Ноября поразила насъ страшная вѣсть, что Сережа тяжело контуженъ въ дѣлѣ подъ Новачиномъ, гдѣ нашъ небольшой отрядъ былъ окруженъ многочисленнымъ полчищемъ Турокъ. Почти всѣ офицеры были убиты или ранены. Но къ счастью на другой же день послѣ вѣсти объ этой битвѣ мы получили, благодаря участію княгини Н. А., утѣшительное извѣстіе, что контузія Сережи не опасна, а вскорѣ и онъ самъ, получивъ отпускъ для леченія, явился къ намъ въ Кіевъ.

Почти четыре мѣсяца, прожитые нами въ Кіевѣ, я старался употребить съ пользою: испросилъ разрѣшеніе совѣта Академіи, я постоянно посѣщалъ лекціи церковной исторіи и каноническаго права. Вспоминаю съ особеннымъ удовольствіемъ и живѣйшею благодарностію къ почтеннымъ труженикамъ науки, наставникамъ Академіи, о пріятныхъ часахъ, проведенныхъ мною въ академическихъ аудиторіяхъ. Могу сказать безъ лести, что я не надѣялся получить такъ много полезныхъ свѣдѣній въ такое короткое время. Съ однимъ изъ новыхъ моихъ наставниковъ П. А. Лашкаревымъ я познакомился еще на первомъ археологическомъ сѣздѣ, а съ И. И. Малышевскимъ, А. Д. Вороновымъ, Ф. А. Терновскимъ, Н. И. Петровымъ и молодымъ приватъ-доцентомъ С. Т. Голубевымъ успѣлъ сблизиться въ частые пріѣзды мои въ Кіевъ. При ласковомъ вниманіи ихъ къ слушателю, почти 70-ти лѣтнему, я былъ принятъ въ кругу ихъ какъ будто свой человѣкъ; мы часто проводили вечера то у одного, то у другаго изъ гг. профессоровъ, а иногда собирались они у меня на Институтской улицѣ, въ домѣ Сіони.

Предъ отъѣздомъ нашимъ изъ Кіева, оба викарія Кіевской епархіи получили другое назначеніе: преосв. Порфирій назначенъ членомъ Московской Синодальной Конторы, а ректоръ Академіи преосв. Филаретъ—епископомъ Рижскимъ и Митавскимъ. Въ честь обоихъ отъѣзжавшихъ изъ Кіева архипастырей былъ устроенъ обѣдъ отъ духовенства и наставниковъ Академіи и Семинаріи. На этомъ обѣдѣ привѣтствовали уѣзжающихъ кафедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ и исправлявшій должность ректора Академіи, профессоръ Д. В. Пospѣловъ.

Затѣмъ ректоръ Семинаріи благодарилъ преосв. Порфирія за щедрую помощь, которую онъ оказывалъ многимъ бѣднымъ семинаристамъ; эта благодарность была видимо непріятна преосв. Порфирію, желавшему, чтобы добро, имъ сдѣланное, оставалось тайнымъ. Въ заключеніе рѣчей, удалось и мнѣ, въ качествѣ почетнаго члена Академіи, припомнить о заслугахъ преосв. Филарета въ учрежденіи церковно-археологическаго музея при Академіи. Этотъ музей, начатый почти безъ всякихъ средствъ, не задолго предъ тѣмъ обогатился великолѣпнымъ собраніемъ древнихъ иконъ, купленныхъ преосв. Филаретомъ, на счетъ лица, пожелавшаго скрыть свое имя, за 10 тысячъ рублей. Въ послѣдствіи туда же пожертвована единственная въ своемъ родѣ коллекція предметовъ святыни и древности, оставшаяся послѣ А. Н. Муравьева и пожертвованная его наслѣдникомъ В. С. Муравьевымъ.

Возвратясь въ Москву въ Февралѣ 1878 года, я долженъ былъ приступить снова въ суету большаго свѣта, куда сопровождалъ я дочь мою. По слабости здоровья, жена моя не могла выѣзжать на базы и другія удовольствія вмѣстѣ съ Пашенькою. На мою долю досталось возобновлять старыя знакомства и проводить бессонныя ночи, смотря на танцующихъ. Къ счастью, эта не легкая для меня служба продолжалась не долго. Пашенька имѣла большой успѣхъ въ свѣтѣ; ее прославили красавицей. Она многимъ нравилась, но ей пока еще никто не нравился. Для нея не наступила еще пора любви.

Въ слѣдующемъ 1879 году праздновалась въ Москвѣ серебряная свадьба старшаго брата жены моей князя Н. П. Волконскаго. Жена моя не возвратилась еще изъ деревни, а я пировалъ 1 Ноября на этомъ великолѣпномъ праздникѣ, рѣдкомъ въ своемъ родѣ; потому что серебряные новобрачные представляли собою образецъ брачнаго счастья. Они прожили 25 лѣтъ душа въ душу, съ тою же горячею любовью другъ къ другу, съ которою женились. И здѣсь, такъ же какъ и на нашей серебряной свадьбѣ, было замѣтно отсутствіе многихъ близкихъ по душѣ лицъ, похищенныхъ смертію.

Между тѣмъ нашелся человѣкъ, завладѣвшій сердцемъ нашей Пашеньки. Это былъ молодой князь Василій Голицынъ. Онъ принадлежитъ къ одному изъ лучшихъ и особенно почитаемыхъ въ Московскомъ обществѣ семействъ. Отецъ его, князь Дмитрій Михайловичъ, женатый на З. В. Лодомирской, пользуется всеобщимъ уваженіемъ не только по знатности своего рода, но и по личнымъ высокимъ качествамъ. Онъ по прямой линіи потомокъ знаменитаго соименника своего князя Д. М. Голицына, хотѣвшаго, вмѣстѣ съ другими членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, ограничить самодержавныя права приглашаемой на Всероссійскій престолъ Курляндской герцогини Анны Іоанновны. Хотя молодой

человѣкъ, страстно влюбленный, готовъ былъ тотчасъ же сдѣлать предложеніе невѣстѣ; но благоразумный отецъ, сомнѣваясь въ прочности юношеской любви, медлилъ своимъ согласіемъ, доколѣ не убѣдился въ постоянствѣ чувствъ своего сына. Тогда (26 Марта 1880 г.) онъ самъ пріѣхалъ къ намъ и предложилъ милаго жениха моей дочери. Бракъ совершился въ придворной церкви Рождества на Царьцыныхъ Свняхъ 2 Іюня 1880 года. Вся Московская знать была на свадьбѣ. Посаженымъ отцемъ невѣсты былъ дядя мой графъ Д. Н. Толстой, а посаженной матерью жена роднаго дяди и крестнаго отца невѣсты княгиня О. В. Волконская. За обѣдомъ, въ саду при домѣ Голицыныхъ, были одни почти родные съ обѣихъ сторонъ, числомъ болѣе 50 человѣкъ. Послѣ обѣда новобрачные уѣхали въ село Никольское, старинное родовое имѣніе, принадлежащее теперь родному дядѣ нашего зятя, сенатору князю Н. М. Голицыну.

Этимъ радостнымъ въ семьѣ нашей событіемъ заключаю мои воспоминанія. Чувствую, что иное позабылъ за давностію времени, инаго не умѣлъ высказать, иное можетъ быть перемѣнилось въ старой моей памяти и сказано не такъ, какъ бы слѣдовало. Можетъ быть, я наскучилъ читателямъ подробностями о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ; но я не могъ избѣжать этого, потому что настоящія воспоминанія предназначены быть семейною хроникою для моего потомства. Во всѣхъ недостаткахъ, какіе въ нихъ окажутся, прошу прощенія, по примѣру старинныхъ лѣтописцевъ, которые заключали свои сказанія такимъ обращеніемъ къ снисходительности читателей: «братіе и отцы, аще что не дописахъ, или переписахъ, чтите исправляюще Бога для, а не кляните».

С. Медвѣжье.

22 Іюня 1880 года.

---

## ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА М. В. ТОЛСТАГО.

---

### VII.

#### Поправки и дополненія.

Оканчивая мои воспоминанія, я сознавалъ, что въ нихъ недостаетъ многого, и многое недостаточно высказано. Теперь считаю необходимымъ дополнить то, что удалось мнѣ припомнить позднѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ постараюсь исправить замѣченныя мною ошибки.

Перечитывая третью главу моихъ воспоминаній, я замѣтилъ, что описаніе неумолимой строгости инспектора Московской Академіи архимандрита Евлампія, доходившей иногда (какъ напр. въ дѣлѣ Лаговскаго) до жестокости, можетъ дать читателю ложное понятіе о нравственномъ характерѣ этого лица. От. Евлампій не былъ золъ; но, поставивъ себѣ за правило относиться всегда строго къ малѣйшимъ проступкамъ студентовъ, онъ держался этого правила неуклонно, съ величайшимъ педантизмомъ и упорствомъ. Поступивъ въ должность ректора Виѣанской Семинаріи, онъ строго преслѣдовалъ пьянство, но къ прочимъ проступкамъ семинаристовъ былъ снисходителенъ. «Вѣдь они недозрѣлые, говорилъ онъ, неразумительные, неразвитые; что же съ нихъ взыскивать?» Въ Екатеринбургѣ, гдѣ онъ былъ викаріемъ архіепископа Пермскаго, раскольники полюбили Евлампія за истовое, благоговѣйное и продолжительное богослуженіе; многіе изъ нихъ приходили къ нему спорить о вѣрѣ, но не слышно, чтобы кто-нибудь изъ этихъ собесѣдниковъ присоединился къ Православной Церкви. Получивъ епархію въ Орлѣ, Евлампій былъ строгимъ архипастыремъ. Впрочемъ управленіе его Орловскою епархіею было непродолжительно по слѣдующему случаю. Въ проѣздѣ императора Николая Павловича черезъ городъ Орелъ, Евлампій встрѣтилъ его при входѣ въ кафедральный соборъ и угостилъ длинною рѣчью. Государь слушалъ ее, стоя на от-

крытомъ крыльцѣ подѣ дождемъ. Вслѣдъ затѣмъ, Св. Синодъ запретилъ епархіальнымъ архіереямъ произносить рѣчи при встрѣчѣ Государя, а Евлампій былъ переведенъ изъ Орла въ Вологду. Тамъ онъ оставилъ по себѣ добрую память; Вологжане говорятъ объ немъ какъ объ архипастырѣ кроткомъ, благочестивомъ, сострадательномъ къ вдовамъ и сиротамъ. Каково было служеніе его въ Тобольскѣ, куда онъ былъ перемѣщенъ позднѣе съ возведеніемъ въ санъ архіепископа, мнѣ неизвѣстно. Но въ послѣдніе годы жизни своей на покой, въ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ, преосв. Евлампій жилъ совершеннымъ аскетомъ, постникомъ и молитвенникомъ. Нѣкоторые изъ жителей Казани и Свіяйска смотрѣли на него какъ на богоугоднаго святителя.

\*

Въ разсказѣ объ Егорьевскомъ и шутовскихъ его похожденіяхъ, я упомянулъ вскользь о покровителѣ его, сенаторѣ и попечителѣ Моск. Университета Кутузовѣ. Объ немъ слѣдовало сказать подробнѣе, тѣмъ болѣе, что я, въ 10-лѣтнемъ возрастѣ, бывалъ у него вмѣстѣ съ покойнымъ отцемъ моимъ. Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ поступилъ въ должность попечителя Университета на мѣсто графа А. К. Разумовскаго, назначеннаго министромъ народнаго просвѣщенія въ 1810 году. Страстный охотникъ произносить рѣчи въ публичныхъ собраніяхъ и писать стихи, онъ былъ очень безтактенъ въ сношеніяхъ по службѣ. Едва ли бы онъ могъ усидѣть на мѣстѣ безъ помощи масоновъ. Какъ Кутузовъ, такъ и министр Разумовскій, принадлежали къ этому братству и пользовались наставленіями извѣстнаго О. А. Поздѣева, который писалъ однажды къ Разумовскому о Кутузовѣ: «Во многомъ я знаю, что онъ, какъ безпокойное и назойливое дитя, весьма неправъ. Что жъ дѣлать? Не вдругъ человѣкъ изъ окружности поворотитъ на прямой радіусъ къ центру... Но у него нѣтъ скрытаго; не оставьте его: онъ требуетъ наставленій. Другой былъ бы на мѣстѣ съ злобою и хитростью, а это бы было хуже». Кутузовъ былъ всегда въ неоплатныхъ долгахъ, и только званіе сенатора ограждало его отъ долговой тюрьмы. Съ увольненіемъ графа Разумовскаго отъ министерства, уволенъ въ 1817 году и Кутузовъ отъ должности попечителя Университета.

\*

О воспитаніи двоюроднаго дяди моего графа Дмитрія Николаевича Толстаго я разсказалъ неправильно: онъ не учился въ пансіонѣ Фишера (да такого пансіона, кажется, и не существовало), а пользовался уроками С. А. Маслова, бывшаго тогда секретаремъ при вице-президентѣ Медико-Хирургической Академіи Г. И. Фишерѣ фонъ-Вальдгеймѣ. Полю-

бывъ любознательнаго и талантливаго юношу, Масловъ давалъ ему уроки по весьма дешевой цѣнѣ и усердно заботился о его образованіи, а благодарный ученикъ сохранилъ на всю жизнь уваженіе и признательность къ своему учителю. Замѣчательно, что дядя, не получивъ систематическаго образованія, пріобрѣлъ собственнымъ трудомъ много разнообразныхъ познаній, а Русскимъ языкомъ владѣеть, даже и теперѣ въ старости, такъ какъ немногіе изъ нашихъ ученыхъ. Онъ поступилъ на службу, также при содѣйствіи Маслова, въ комиссію прошеній, которая была въ Москвѣ, во время коронаціи императора Николая Павловича. Затѣмъ вся дальнѣйшая служба его протекла въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: онъ былъ губернаторомъ въ Рязани, Калугѣ и Воронежѣ, и наконецъ директоромъ департамента исполнительной полиціи.

\*

Е. О. Мухинъ, какъ профессоръ Университета, былъ въ мое время дѣйствительно таковъ, какимъ я описалъ его въ четвертой главѣ моихъ воспоминаній. Но тогда онъ былъ уже очень старъ, пересталъ слѣдить за наукой и, какъ говорили объ немъ студенты, «пересыпалъ на лекціяхъ изъ пустаго въ порожнее». Прежде онъ былъ не таковъ; вся молодость его протекла въ усиленныхъ и неутомимыхъ трудахъ. Послѣ многолѣтней борьбы съ Нѣмцами, занимавшими тогда всѣ высшія мѣста по медицинской службѣ, онъ успѣлъ выбиться изъ низшаго слоя врачей и сдѣлаться извѣстнымъ, какъ знатокъ анатоміи и отличный операторъ. Мухинъ никогда не отличался безкорыстіемъ, но изъ любви къ наукѣ жертвовалъ своимъ жалованьемъ на пособія молодымъ людямъ, отъ которыхъ ожидалъ пользы для просвѣщенія. Въ числѣ ихъ находились: Дидьковский, Ловецкій и нашъ знаменитый хирургъ Н. И. Пироговъ.

Профессоръ терапіи и клиники Матѣй Яковлевичъ Мудровъ составлялъ какъ бы противоположность Мухину. Они оба не любили другъ друга; но Мудровъ, очень остроумный и рѣзкій на языкъ, часто задѣвалъ Мухина, какъ говорится, за живое. Я не слушалъ лекцій Мудрова, потому что онъ умеръ отъ холеры въ Петербургѣ въ 1831 году, когда я еще не перешелъ на третій курсъ медицинскаго факультета. Но я зналъ его лично и часто встрѣчалъ въ Лаврѣ, куда онъ пріѣзжалъ по нѣскольку разъ въ годъ. Онъ обладалъ добрымъ, нѣжнымъ и чувствительнымъ сердцемъ, былъ весьма сострадателенъ къ больнымъ и дѣлалъ много добра. Несмотря на огромную практику, онъ находилъ время для посѣщенія бѣдныхъ больныхъ, конечно, безъ всякой платы.

Нѣсколько лѣтъ сряду онъ былъ домашнимъ врачомъ архіепископа Московскаго Августина, слабаго здоровьемъ, несмотря на толщину

тѣла. Какъ-то разъ они повадорили; Августинъ разсердился, призвалъ другаго врача и въ разговорахъ съ знакомыми бранилъ Мудрова. Последнему это было извѣстно; но, не смотря на то, онъ тотчасъ же явился къ прежнему своему паціенту, когда Августину стало хуже, и онъ принужденъ былъ снова обратиться къ Мудрову.

«Вотъ владыка, сказалъ Мудровъ, входя къ больному, старый другъ лучше новыхъ двухъ. Покажите-ка язычекъ». Взглянувъ на языкъ Августина, онъ съ негодованіемъ плюнулъ въ сторону, говоря: «Ахъ, какой скверный, какой мерзкій языкъ! Не даромъ сказано, что много зла бываетъ отъ скверныхъ устенъ и сквернаго, нечистѣйшаго языка».

Ученикъ ихъ А. Г. Терновскій, тогда еще молодой и очень бѣдный медикъ, пригласилъ обоихъ своихъ учителей на консультацію къ больной своей матери, вдовѣ священника. Мухинъ пріѣхалъ первый, подождалъ нѣсколько времени Мудрова, но, видя, что онъ не ѣдетъ, сказалъ свое мнѣніе о болѣзни и, получивъ отъ Терновскаго 10-ти рублевую ассигнацію, хотѣлъ уѣхать. При выходѣ встрѣтился ему Мудровъ и убѣдилъ его воротиться на нѣсколько минутъ. Когда консультація кончилась, и оба профессора распростились съ благодарившимъ ихъ ученикомъ, послѣдній подаль Мудрову такую же красную ассигнацію. Догадавшись, что Мухинъ успѣлъ уже получить деньги, Мудровъ съ негодованіемъ воскликнулъ: «Что это? Какъ ты смѣешь обижать твоего наставника? Вотъ видишь, у тебя братишки и сестрѣнки босикомъ бѣгаютъ, а ты мнѣ деньги предлагаешь! Попробовалъ бы ты предложить его превосходительству Ефрему Осиповичу, онъ бы тебѣ сказалъ: «негодяй я буду, подлецъ я буду, если возьму». Не съ тебя получать, а тебѣ помочь мы обязаны. Вотъ возьми-ка отъ меня 25 рублей на лѣкарство для больной». Послѣ этихъ словъ и Мухинъ принужденъ былъ возвратитъ Терновскому полученныя имъ деньги. Этотъ анекдотъ я слышалъ лично отъ самого А. Г. Терновскаго.

\*

О П. А. Курбатовѣ нужно замѣтить, что онъ сблизился съ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ А. К. Разумовскимъ чрезъ масоновъ. Разумовскій требовалъ себѣ отъ П. И. Голеницева-Кутузова «человѣка для обработыванія бумагъ». Къ нему послали Курбатова, о которомъ Кутузовъ писалъ: «онъ, такъ сказать, мое дитя»; а старикъ О. А. Поздѣвъ, въ письмѣ отъ 11 Іюня 1810 года, отозвался такъ: «Препровождаю съ письмомъ симъ молодаго человѣка П. А. Курбатова точно на ваши руки, въ разсужденіи остереженія его нравовъ и понятія, который, прикосновенъ будучи только къ правиламъ хорошимъ, не

имѣлъ еще времени показать на опытѣ ни своей вѣрности, ни своего отѣннаго прилежанія». Курбатовъ успѣлъ понравиться министру, женился на воспитанницѣ его Е. А. Перовской <sup>1)</sup> и сдѣлался директоромъ Московской универс. типографіи, которую завѣдывалъ около 40 лѣтъ.

\*

(Объ нѣсколькихъ родственныхъ мнѣ семействахъ я упомянулъ какъ бы мимоходомъ, безъ достаточныхъ подробностей. Такъ напр. о Долгоруковыхъ не сказалъ я, что князь Никита Сергѣевичъ, родной дядя мой матери, женатый на княжнѣ Екатеринѣ Гавриловнѣ Гагариной, скончался въ 1841 году. Послѣ него остались сынъ и дочь. Первый изъ нихъ, князь Сергій, отъ природы одаренный весьма малымъ разумомъ, впалъ наконецъ въ полный идиотизмъ; но при жизни матери и сестры онъ не былъ въ опекѣ. Для надзора надъ нимъ, чтобы недобросовѣстные люди не ввели его въ долги и раззореніе, при немъ находился постоянно надѣжный человѣкъ, наблюдавшій за его поступками и сопровождавшій его въ загородныхъ прогулкахъ. Князь Сергій любилъ давать обѣды знакомымъ, особенно въ дни своего рожденія и именинъ. Но что это были за обѣды? Тутъ встрѣчалъ я архимандритовъ (Новоспасскаго Аполлоса и Симоновскаго Мельхиседека), нѣсколько священниковъ, въ томъ числѣ духовника и приходскихъ, нѣсколько мелкихъ чиновниковъ, актеровъ, портнаго, сапожника и проч. Нѣкоторые изъ гостей, особенно ремесленники, напивались до безобразія, такъ что почтенные старцы-архимандриты перестали ѣздить на княжескіе обѣды, а вскорѣ потомъ и самыя обѣды прекратились. Сестра князя Сергія, княжна Варвара, моя тетушка и ровесница, была, напротивъ, дѣвица очень умная, хотя имѣла нѣкоторыя странности, зависѣвшія отъ недостатка воспитанія и хорошаго общества. Она дѣлала много добра, особенно бѣднымъ роднымъ. Мать ея скончалась въ концѣ Февраля 1861 года, такъ что отпѣваніе ея происходило въ тотъ самый день, когда въ Московскихъ церквахъ былъ читанъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Княжна Варвара прожила еще нѣсколько лѣтъ, имѣя постоянно брата подъ своимъ наблюденіемъ. Вспоминаю съ благодарностью, что она была постоянно ласкова къ намъ и дѣтямъ нашимъ, и въ особенности любила нашу Пашеньку. По кончинѣ ея, наслѣдники тотчасъ же озаботились взять идіота въ опеку. Когда онъ умеръ, потомкамъ четырехъ сестеръ отца его досталось значительное наслѣдство: около 6-ти тысячъ невыкупленныхъ крестьянскихъ надѣловъ, капиталъ, зѣмли, лѣса и большое мѣсто въ центрѣ Москвы, на Воздвиженкѣ. Чет-

---

<sup>1)</sup> Семейство Разумовскихъ II, 20, 7, 466. Елисавету Алексѣевну Курбатову авторъ этой книги ошибочно называетъ Прасковьею.

вертая часть этого наслѣдства досталась моему искреннему другу и двоюродному брату Сергѣю Петровичу Сумарокову, который хотѣлъ дать мнѣ часть капитала, но не успѣлъ исполнить этого намѣренія за смертію.

О семействѣ Сумароковыхъ я упоминалъ нѣсколько разъ, какъ о самыхъ близкихъ и дорогихъ мнѣ родныхъ. Послѣ ранней кончины Николая Сумарокова и сестры его кн. В. П. Черкасской, единственнымъ представителемъ этой благородной и добрѣйшей семьи остался младшій сынъ покойнаго дяди Петра Николаевича, Сергѣй Петровичъ. Онъ рано женился, имѣлъ много дѣтей, но къ сожалѣнію прожилъ недолго; жизнь его прекратилась отъ апоплексическаго удара въ началѣ 1878 года.

Кузина моя А. Г. Колошина должна была прожить нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ со слѣпымъ своимъ мужемъ, которому запрещенъ былъ вѣздъ въ столицы по предполагаемому участию его въ дѣлѣ декабристовъ. Но позднѣе они переѣхали въ Москву сначала подъ предлогомъ лѣченія, а потомъ П. И. Колошину уже разрѣшено было пребываніе въ Москвѣ. У нихъ былъ собственный домъ подъ Новинскимъ. Въ 1862 году она овдовѣла, а два года спустя умеръ старшій сынъ ея Сергѣй, литераторъ, издававшій журналъ «Зритель». Другой сынъ Дмитрій служилъ по дипломатической части, потомъ былъ въ Лондонѣ секретаремъ Е. И. В. Герцогини Эдинбургской Маріи Александровны; онъ умеръ, если не ошибаюсь, въ 1877 году. Третій сынъ Валентинъ убитъ во время осады Севастополя въ 1854 году. Старшая дочь Александра умерла 1858 году отъ холеры; отъ всей семьи осталась одна только дочь, дѣвица Софія Павловна. Мать ихъ не долго пережила мужа, котораго страстно любила; она скончалась въ помѣшателствѣ. А. Г. и П. И. Колошины погребены въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

По какой-то странной разсѣянности, я перепуталъ имена и написалъ, что кузина моя, красавица Варенька Толстая, старшая дочь дяди графа Александра Степановича, вышла будто бы замужъ за Нарышкина, между тѣмъ какъ мужъ ея былъ А. Я. Потемкинъ. Младшая сестра ея, Марья Александровна, была также красавицею въ свое время, и трудно рѣшить, которая изъ двухъ сестеръ была красивѣе. Вступивъ въ бракъ съ А. И. Колеминымъ, человекомъ очень богатымъ, милая кузина моя М. А. жила въ Москвѣ, въ прекрасномъ домѣ на Никитской, купленнымъ ею у князя Черкасскаго. Этотъ домъ остался мнѣ навсегда памятнымъ,—такъ много провелъ я въ немъ пріятныхъ вечеровъ. У Колеминыхъ были дѣти: Николай, скончавшійся въ молодости, Александръ, служащій при посольствѣ въ Стокгольмѣ и женатый на графинѣ Чапской, и Борисъ, съ которымъ я часто видаюсь въ

Москвѣ. Сестра ихъ Ашинька (какъ прозвала она сама себя въ дѣтствѣ), прелестное созданіе, была замужемъ за княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и, скоро овдовѣвъ, вступила во второй бракъ съ флигель-адъютантомъ, полковникомъ С. В. Оливъ.

Не хочу пройти молчаніемъ мимо личности, весьма полезной для всей моей семьи. Это былъ крѣпостной дворовый человѣкъ моей матери Прохоръ Ивановъ, по прозванію Долбиловъ. Онъ служилъ честно и усердно въ теченіе 60 лѣтъ въ разныхъ должностяхъ; наконецъ, ему ввѣрено было въ полное распоряженіе имѣніе мое въ Малоархангельскомъ уѣздѣ. Заслуги его подробно изложены въ слѣдующемъ письмѣ моемъ, написанномъ, когда минуло полвѣка его службы.

«Прохоръ Ивановичъ! Въ нынѣшнемъ Юлѣ исполняется пятидесятилѣтіе твоей усердной, честной и полезной службы моему семейству. Будучи взятъ изъ крестьянъ Ярославской губерніи Мышкинскаго уѣзда въ 1818 году, ты нѣсколько времени состоялъ камердинеромъ при покойномъ родителѣ моемъ, а послѣ того исполнялъ всякаго рода порученія, требующія честности и вѣрности: обозрѣвалъ имѣнія, собиралъ оброки и недоимки съ крестьянъ. Съ 1848 года поручено тебѣ покойною родительницею моею управленіе подмосковными ея имѣніями, селомъ Каменками и деревнею Сихневою, и въ то же время ты ежегодно отправлялся на зиму въ мое имѣніе Орловской губерніи Малоархангельскаго уѣзда, сельцо Кузнечики, для продажи хлѣба и присылки оттуда денегъ, а иногда ревизовалъ въ Калужской губерніи имѣнія любезнѣйшей супруги моей, графини Елисаветы Петровны. Съ 1860 года и донинѣ ты безвыѣздно управляешь вышесказаннымъ имѣніемъ моимъ въ Орловской губерніи, причемъ оказалъ весьма многіе опыты распорядительности, добросовѣстной и неутомимой дѣятельности: при введеніи въ дѣйствіе Высочайшаго манифеста 19 Февраля 1861 года ты умѣлъ соблюсти порядокъ и спокойствіе во ввѣренномъ тебѣ имѣніи, согласить обоюдныя выгоды помѣщика и крестьянъ, ввести уставную грамоту и разверстаніе угодій и, наконецъ, достигнуть того, чего тщетно въ теченіе многихъ лѣтъ желали родители мои и я — окончить полюбовное размежеваніе съ сосѣдними владѣльцами. Отдавая полную справедливость твоимъ заслугамъ и желая сохранить память о пятидесятилѣтнихъ трудахъ твоихъ, посылаю тебѣ карманные часы, на которыхъ вырѣзано твое имя и годы 1818—1868 и портретъ всѣхъ дѣтей нашихъ въ лабрадоровой оправѣ. Искренно желаемъ, чтобы Господь еще надолго сохранилъ силы твои для продолженія полезной намъ твоей дѣятельности. Писано въ Москвѣ 8 Юля 1868 года. Пребываю тебѣ доброжелательный и благодарный графъ Михаилъ Толстой». Прохоръ Ивановъ умеръ въ глубокой старости, на службѣ, 24 Августа 1876 го-

да. На могилѣ его поставленъ мною памятникъ, съ текстомъ изъ Евангелія: «Рабе благій и вѣрный, вмажь былъ еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю. Вниди въ радость Господа твоего».

Замѣчательна еще одна женщина въ числѣ бывшей крѣпостной нашей прислуги. Авдотья Денисовна, которую мы привыкли звать Дуняшей, съ самой ранней молодости поступила въ должность горничной при женѣ моей, задолго до нашего брака. Съ того времени и до сихъ поръ она, въ теченіи болѣе 40 лѣтъ, служить намъ честно и усердно, завѣдывая всей домашней экономіей и отличаясь искреннею привязанностью къ дѣтямъ нашимъ, выросшимъ на ея глазахъ. Такіе люди, какъ Прохоръ Ивановъ и Дуняша, составляютъ величайшую рѣдкость въ наше время, а въ будущихъ поколѣніяхъ едва ли найдутся подобные имъ. Они заслуживаютъ, чтобы объ нихъ помнили потомки тѣхъ, которымъ они служили цѣлый вѣкъ вѣрою и правдою.

Наконецъ, скажу еще нѣсколько словъ о мальчикѣ, для котораго незабвенный нашъ Володя оказался благодѣтелемъ. По чувствительности сердца, нашъ милый отрокъ никогда не могъ пройти равнодушно мимо страждущаго или скорбящаго. За нѣсколько дней до послѣдней своей болѣзни, онъ встрѣтилъ въ Каменкахъ трехъ мальчиковъ, просящихъ милостыни; старшему изъ нихъ было 8 лѣтъ. Это были дѣти крестьянина, отдавнаго міромъ въ солдаты; мать ихъ въ то время содержалась въ тюрьмѣ за воровство. Володя принялъ сердечное участіе въ несчастныхъ малюткахъ и просилъ мать свою, чтобы имъ давать ежедневно пищу изъ застольной. Когда онъ скончался, мы тотчасъ озаботились призрѣніемъ дѣтей, на которыхъ онъ обращалъ вниманіе предъ концомъ краткой своей жизни. Но двое младшихъ ребятъ вскорѣ умерли отъ холеры; остался одинъ старшій Петруша, который, по мірскому приговору, былъ отданъ мнѣ на воспитаніе и въ память своего благодѣтеля, получилъ отъ меня прозваніе Володина. По милости покойнаго о. намѣстника Лавры Антонія онъ поступилъ въ училище Дома Призрѣнія, а оттуда, выучившись читать и писать, принять въ монастырскую живописную школу. Судя по успѣхамъ и благонравію этого мальчика, можно надѣяться, что Петръ Володинъ будетъ со временемъ порядочнымъ художникомъ и хорошимъ человѣкомъ.

\*

Печатаніе моихъ «Разказовъ изъ исторіи Р. Церкви» начато въ 1865, а не въ 1862 году.

\*

М. Н. Лаврова скончалась въ 1877, а не въ 1879 году.

\*

\*

Говора о С. Н. Корсаковѣ и его семействѣ, я сдѣлалъ важную ошибку: а именно приписалъ матери его то, что случилось не съ нею, а съ госпожею\*\*\* которая лишилась двухъ сыновей въ Бородинскомъ сраженіи. А у Анны Семеновны былъ одинъ только сынъ—Семенъ Николаевичъ. Когда вышелъ манифестъ объ ополченіи 1812 года, С. Н. принесъ его для прочтенія матери, она, по влеченію любви къ Отечеству, свойственному ея отцу и брату, знаменитому графу Н. С. Мордвинову, немедленно благословила своего единственнаго сына на военные подвиги. Когда онъ сражался въ рядахъ Петербургскаго ополченія, подъ начальствомъ Витгенштейна, мать его оставалась въ деревнѣ близъ Петербурга.

### ОТВѢТЫ НА ВОЗРАЖЕНІЯ.

Нѣкоторыя черты моихъ Воспоминаній вызвали возраженія со стороны А. А. Стаховича и неизвѣстнаго, скрывшаго свое имя подъ литерою N. На оба эти возраженія, напечатанныя въ Русскомъ Архивѣ (1881 г. кн. II, стр. 505—508), считаю себя обязаннымъ отвѣчать.

Съ удовольствіемъ увидѣлъ я подпись А. А. Стаховича, котораго я зналъ еще ребенкомъ въ домѣ почтенныхъ его родителей. Отвѣчать ему мнѣ вовсе не затруднительно. Если А. А. самъ признаётъ, что ходили слухи о предстоящемъ взятіи въ опеку имѣнія А. В. Перваго, то мудрено ли, что эти толки дошли до меня, и я могъ повѣрить имъ; тѣмъ болѣе, что я слышалъ о томъ отъ Орловскаго губернскаго предводителя дворянства В. М. Тютчева и гостей моихъ, помѣщиковъ Малоархангельскаго уѣзда?

Что же касается до природной скупости покойнаго А. В. Перваго, то я снова увѣряю, что онъ многимъ изъ друзей своихъ повторялъ приведенныя мною слова: „Мнѣ также трудно оторвать отъ себя десять рублей, какъ и тысячу“. Эти слова я и многіе другіе, находящіеся до сихъ норъ въ живыхъ, слышали отъ С. А. Маслова, который никогда не лгалъ. Думаю, что внуку почтеннаго Перваго не можетъ быть непріятнымъ такой отзывъ о дѣдѣ его, который усиленно боролся съ природнымъ своимъ недостаткомъ и успѣлъ переработать себя, сдѣлавшись изъ скупца щедрымъ и примѣрно-благотворительнымъ человекомъ. Такая побѣда надъ самимъ собою служить, конечно, не къ безчестию, а къ славѣ его имени.

\*

Не мало удивлялся я, читая замѣтку г-на N. который упрекаетъ меня въ томъ, что я будто бы обозвалъ деистами Московскихъ масоновъ, и старается доказать, что между ними было немало людей искренно-вѣрующихъ. Но я никогда и не думалъ назвать деистомъ кого-либо изъ братьевъ-каменщиковъ ложн „Ищущихъ Манны“. Я сказалъ только, что иные изъ нихъ оставались равнодушными къ догматамъ и святынямъ Православной Церкви; сказалъ я также, что вступленіе въ масонство дозволено вѣтмъ, вѣрующимъ въ Еди-

наго Бога, слѣдовательно не только Христіанамъ всѣхъ вѣроисповѣданій, но и Евреямъ, Магометанамъ и деистамъ. Можно ли заключить изъ этихъ словъ, что я считаю Московскихъ масоновъ за деистовъ, или за Евреевъ и Магометанъ?

Правда, что я не справлялся со статьями Лонгинова и другихъ, да и не имѣлъ пужды въ подобныхъ справкахъ, говоря о лицахъ лично мнѣ знакомыхъ. О митрополитахъ Платонѣ и Михаилѣ, о Новиковѣ и Гамалей я не могъ упоминать, какъ желаетъ того г-нъ N.; потому что не зналъ ихъ и не былъ ихъ современникомъ, а „теозофское“ \*) направленіе мнѣ вовсе неизвѣстно.

Замѣчательно, что г-нъ N., не упоминая о двухъ Поздѣвыхъ, Головинѣ, Фонвизинѣ, какъ главныхъ вождахъ современнаго намъ масонства въ Москвѣ, говоритъ исключительно о В. Д. Камынинѣ и С. Н. Арсеньевѣ, не игравшихъ никогда важной роли между своими собратьями, и выставляетъ ихъ на видъ какъ „истинныхъ чадъ Православной Церкви“. Имена этихъ лицъ привели меня къ догадкѣ о близкихъ родственныхъ отношеніяхъ къ нимъ автора замѣтки, въ которомъ узналъ я весьма уважаемую мною личность. Не будетъ ли мнѣ дозволено обратиться къ г-ну N. собственныя его слова: „Пора всему дать свое мѣсто, не увлекаясь никакими личными побужденіями“?

Графъ М. Толстой.

---

\*) „Теозофское или по-русски богомучническое направленіе не имѣетъ смысла. Не можетъ быть ничего общаго между превѣчнымъ свѣтомъ—Богомъ и мракомъ (по-гречески зѳѳосъ). Вѣроятно, упомянутый критикъ хотѣлъ назвать извѣстное ему направленіе теософскимъ, т.-е. богомудрымъ. Впрочемъ, выраженіе „теозофскій“ встрѣчается не рѣдко въ масонскихъ книгахъ.